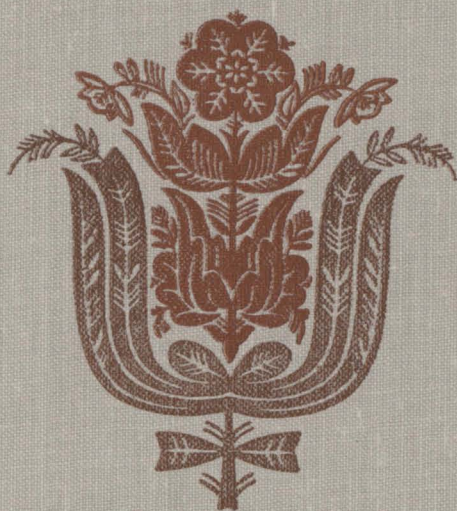

СТАРИННЫЕ
ЭСТОНСКИЕ НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

ФРИДРИХ РЕЙНГОЛЬД
КРЕЙЦВАЛЬД

СТАРИННЫЕ
ЭСТОНСКИЕ НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

ФРИДРИХ РЕЙНГОЛЬД
КРЕЙЦВАЛЬД

СТАРИННЫЕ
ЭСТОНСКИЕ НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

СОБРАЛ И ОБРАБОТАЛ
ФРИДРИХ РЕЙНГОЛЬД
КРЕЙЦВАЛЬД

ИЛЛЮСТРАЦИИ Г. РЕЙНДОРФА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

« ЭЭСТИ РААМАТ »

ТАЛЛИН 1980

Печатается по изданию
СТАРИННЫЕ ЭСТОНСКИЕ НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

Собрал и обработал
Ф. Крейцвальд
Таллин, изд-во «Ээсти раамат», 1969

Перевод с эстонского

ПРЕДИСЛОВИЕ*

Древние сказания подобны бездомным странникам: место их рождения порой бывает неизвестно, но живут они в любой стране, среди любого народа; сперва они появляются здесь как чужие, потом понемногу, соответственно нравам и обычаям народа, к которому они попали, приобретают такой облик, словно тут и родились, и росли с малых лет. В наше время, когда во многих странах старинные сказания собирают и записывают, ученые люди могут засвидетельствовать, что ростки многих сказаний, ныне широко рассыпанных по свету, пошли от одного и того же корня, позже были перенесены в разные страны и там стали такими, какими взрастили их солнышко, дождь и ветер, или, говоря без иносказаний, — какими сделало их соприкосновение с разумом, духовным развитием и образом жизни того или иного народа.

В старинных эстонских народных сказках мы тоже находим много ростков, доставшихся нам от немецкого, шведского и других народов; но рука садовника, растившего этот привой, гнула и крутила их уже на эстонском стволе, пока они не получили такой вид, будто были посеяны на полях Хярья, Ярва, Ляэне и Виру. А наряду с этим, многие другие сказки мы можем полностью считать детьми нашей родины.

Наш народ имеет немалый запас старинных сказок; их, пожалуй, хватило бы на несколько книг, будь нам известно все, что сейчас еще в скрытом виде живет среди народа и из-чего порой удастся какую-то долю найти и сделать общим достоянием. А сколько их у нас в последнее время было уничтожено, с одной стороны — из-за ложного мнения, будто эти сказки недостойны внимания образованных людей, и, с другой стороны, из-за столь вздорных суждений, исходящих от умов ограниченных, которые называют старинные сказания греховными. Но для сведения более разумных людей скажем здесь несколько слов в пояснение старинных сказок.

Старинные народные сказки — это истории, созданные силой воображения, где перед нами проходят дела и события, которые чудесным образом ставят жизнь человека, полностью или частично, под власть волшебных сил, так что мир духов соединяется с жизнью людей. Вера в чудеса заложена в наших сердцах самой природой, поэтому слушать такие истории доставляет нам радость, особенно в детстве, когда разум еще незрел и порой еще не умеет объяснить тех или иных явлений. В древних сказаниях раскрывается детство человека и детство народов, когда трезвый рассудок еще не поставил препон на путях фантазии, когда мы еще верим в чудеса и не спрашиваем о том, могли ли такие события произойти естественным путем или не могли.

Наряду с детьми мы видим и взрослых людей с детской душой, которые, хотя и знают, что сказка не может быть правдой, все же с радостью читают старинные сказания и вспоминают при этом счастливую пору — весну своей жизни, когда выдумка казалась им чистой правдой и в мыслях еще не было сомнений. Знаменитый немец-

* Предисловие Ф. Р. Крейцвальда к первому изданию «Старинных эстонских народных сказок».

кий поэт также считает счастливыми тех, кто «не приобрел сокровищницу знаний ценою сердца своего».

Чем больше в сказке, наряду с чудесами, описываются обычные человеческие дела, показывающие нам действительную жизнь, тем полноценнее повествование. Но и в виде старинной сказки можно преподнести поучительную истину, причем иногда лучше, чем любым другим способом. Даже из числа напечатанных в этой книге эстонских сказок многие настолько хороши и складны, что каждый прочтет их с удовольствием; в других кроются зерна поучения, которые могут со временем принести плоды, и, наконец, многие посредством шутки бичуют человеческую глупость.

Какой человек, наделенный живым умом, не признает с радостью, что в детстве старинные сказки были для него любимейшим развлечением? Кто не вспомнит с улыбкой, как он разинув рот глядел на рассказчика, словно хотел проглотить каждое его слово, чтобы ни малейшая частица не пропала? Когда семья сумерничала, не зажигая огня, или когда мать и девушки вечером садились за прялки, наступало лучшее время для сказок. О, как быстро пролетали долгие зимние вечера и как огорчались мы, когда матушка посылала нас спать! Волшебные светлые сны продолжали сказку и влетали в нее новые чудеса. Имеем ли мы хоть малейшее право лишать наших детей того, что нам самим в детстве доставляло столько радости? Только люди с каменным сердцем могут быть так безжалостны к своим детям.

Живое внимание, с которым ребенок слушает сказку, приносит ему пользу: спустя несколько лет, когда начинается обучение в школе, перед детьми как бы открывается дорожка, на которой первые шаги учебы даются легче. Ум ребенка уже пробужден, он не спит, как у других, которым не выпало на долю такое счастье. Всякий учитель знает, как отличается ребенок, вовремя разбуженный духовно, от другого, его сверстника, но росшего дома, как в мешке. Ребенок, который с малых лет слушал старинные сказки и умел их пересказать другим детям, развил свои умственные способности, он сможет усвоить и то, чему будет его обучать школьный учитель, и сохранить эти знания, насколько позволят ему границы его ума. Поэтому лучшее, что можно пожелать умелому учителю, — это чтобы его первые уроки не превышали уровня детского понимания и с каждым следующим шагом совпадали бы с границами маленького разума. По мере того, как развивается ум ребенка, должен расти и груз знаний. Подобно тому, как мы беспрестанным движением и упражнением укрепляем силу нашего тела, надо изо дня в день растить силы нашего ума, пока он со временем не достигнет полной зрелости.

Если старинные сказки, почерпнутые из уст эстонского народа и собранные в настоящей книге, предлагаются для чтения детям и молодежи, то делается это, во-первых, для того, чтобы наследие отцов снова стало ведомо людям нашего поколения, а во-вторых, — чтобы чтение их, в свою очередь, подготовило путь для пробуждения души и ума к восприятию более серьезных знаний.

Заканчивая предисловие, мы должны принести глубокую благодарность Финскому литературному обществу в Хельсинки, взявшему на себя расходы по печатанию книги. Если бы не эта помощь, книга никогда не увидела бы света, ибо в наших краях не найти таких обществ или лиц, которые могли бы взять на себя такие крупные издержки, да еще при столь малой надежде со временем вернуть свои затраты.

Гор. Выру, в Яанов день 1866 года.

ЗЛАТОПРЯХИ

хочу рассказать вам хорошую сказку о тех далеких временах, когда на земле еще понимали язык четвероногих и пернатых и прислушивались к их мудрому слову.

Жила в ту пору в темном дремучем лесу, в одинокой избушке, хромая старуха с тремя красавицами-дочерьми. Дочки подле старухи цвели, точно яркие цветочки вокруг сухого пня; особенно пригожей и милой была младшая сестра. Но в лесной глуши красотой девушек могли любоваться только солнце днем да месяц и звезды ночью.

Словно юноша влюбленный,
Солнышко на них глядело,
То играло в пестрых лентах,
То румянило узоры.

Старуха не давала дочерям лентяйничать и терять время попусту — они должны были работать с утра до вечера. Девушки весь день проводили за прялками — они пряли пряжу из золотого льна. Ни в будний день, ни в субботу вечером не было у бедняжек времени, чтобы запасти себе приданое. Если в сумерки или ночью, когда всходила луна, им не удавалось тайком взяться за спицы, то к приданому ничего и не прибавлялось. Спряденную кудель старуха тотчас заменяла новой и к тому же требовала, чтобы нить, которую пряли девушки, была одинаково ровной, в меру крученой и тонкой. Готовую пряжу она держала под замком, в тайнике, куда девушки не смели и ногой ступить.

Откуда появлялся в доме золотой лен и на какую ткань шла спряденная нитка, пряжи не знали; старуха никогда им об этом не говорила. Каждое лето она два или три раза куда-то уходила и пропадала иногда больше недели, домой же всегда возвращалась ночью, и сестры никогда не видели, что она приносила с собой. Перед уходом старуха оставляла дочерям прядева на столько дней, сколько думала пробыть в отлучке.

Вот и сейчас старуха снова стала собираться в путь. Разделив между дочками прядево на шесть дней, она по обыкновению начала поучать их:

— Дочки, работайте усердно, не зевайте по сторонам, чтоб нитка на веретене не оборвалась, не то золотая пряжа потускнеет, и тогда конец вашей счастливой жизни!

Но девушки только посмеялись над наставлением старухи, и не успела она отойти от дому и на десять шагов, как сестры наперебой стали издеваться над ней.

— Ни к чему нам эти глупые поучения, — сказала младшая. — Золотую нитку рви сколько хочешь — она не порвется, и уж когда прядешь, тем более.

— Да и золото потускнеть не может, — добавила вторая сестра.

Так смеялись девушки по своему легкомыслию, пока смех их в конце концов не обернулся слезами.

На третий день после ухода старухи нежданно случилось событие, принесшее сестрам сперва испуг и слезы, а в конце концов — счастье и благополучие.

Королевич из рода Калева, охотясь с друзьями на диких зверей, заблудился в густом лесу. Он заехал так далеко, что уже не слышал ни лая собак, ни звуков охотничьего рога, которые помогли бы ему выбраться из чащи. То ли лесные духи ловили голоса звавших его людей, то ли звуки тонули в густых зарослях, не долетая до королевича. Выбившись из сил, юноша слез с коня и прилег отдохнуть в тени кустов, а лошадь пустил пастись на траве.

Когда королевич проснулся, солнце уже клонилось к закату. Он стал искать дорогу и наконец набрел на маленькую тропинку, которая вела к избушке хромой старухи.

Девушки очень испугались, увидев незнакомого юношу, — им до сей поры не приходилось видеть чужих людей. Но уже вечером, закончив работу, положенную им на день, сестры так подружились с пришельцем, что забыли и об отдыхе. Когда наконец старшие сестры пошли спать, младшая осталась с юношей. Они сидели на пороге избушки, и ни тому, ни другому в эту ночь спать не хотелось.

Пока они при свете луны и звезд нашептывают друг другу сладкие речи, посмотрим, что делают охотники, потерявшие в лесу своего старшего. Они без усталости искали юношу, ездили по лесу и вдоль и поперек, пока совсем не стемнело. Отчаявшись, они отправили к королю двух гонцов с печальной вестью, а сами улеглись на ночь под ветвистой елью, решив на другое утро вновь начать поиски.

Король тотчас же приказал на следующее утро, не дожидаясь рассвета, выслать отряд конных и пеших воинов на розыски пропавшего

сына. Но лес был такой большой, что людям лишь на третий день к полудню удалось напасть на след, который вел к избушке.

Королевич не скучал в обществе сестер и не вспоминал о доме. Уезжая, он тайно поклялся младшей сестре скоро вернуться и либо добром, либо силой увезти ее с собой. И хотя старшие сестры даже не подозревали об этом сговоре, тайна вскоре неожиданно-негаданно открылась.

Не на шутку испугалась младшая из сестер, когда, сев после отъезда королевича за прялку, заметила, что золотая нить на веретене порвана. Девушка проворно связала концы нити узелком и стала быстро вертеть колесо прялки, чтобы наверстать время, которое потеряла, милуясь со своим суженым. Но вдруг сердце у девушки сжалось: она заметила, что золотая пряжа утратила свой блеск. Не помогли ни вздохи, ни слезы — дело не шло на лад.

Пришла беда — отворяй ворота, говорит старая пословица. Так случилось и теперь.

Ночью старуха вернулась домой. Войдя в горницу, она мигом почувствовала — что-то здесь неладно. Гнев закипел в ее сердце. Она подозвала к себе дочерей и потребовала от них ответа. Как девушки ни таились, как ни оправдывались — ничто не помогло: ложь на глиняных ногах ходит. Хитрая старуха сразу же поняла, какие песни напевал ее младшей дочери залетный петушок. Она разразилась страшными проклятиями, осыпая ими небо и землю. В конце концов пригрозила свернуть юноше голову и бросить его на съедение диким зверям, если он вздумает вернуться.

Младшая дочь, красная, как вареный рак, весь день не находила себе покоя и ночью не сомкнула глаз. Особенно мучила ее мысль о том, что королевичу, если он вернется, не миновать смерти. Рано утром, когда старуха и сестры еще крепко спали, девушка потихоньку вышла из избы во двор, надеясь, что утренняя прохлада развеет ее тяжкие думы.

К счастью, она еще в детстве научилась у старухи понимать язык птиц, и теперь это ей пригодилось. На верхушке ели сидел ворон и приглаживал клювом перья. Увидев его, девушка воскликнула:

— Милый ворон, мудрейшая из птиц! Можешь ли ты помочь мне?

— Какая помощь тебе нужна? — спросил ворон.

— Полети над лесами и равнинами, лети до тех пор, пока не увидишь прекрасный город, где живет король, — ответила девушка. — Разуищи там королевича и поведай ему про мою беду.

И она рассказала ворону о том, как порвалась у нее золотая нить и какие страшные угрозы сыпались из уст старухи. Девушка попросила передать королевичу, чтобы он больше не возвращался. Ворон пообещал выполнить ее просьбу, если найдется в городе кто-нибудь, кто знает язык птиц, и тотчас же отправился в путь.

Старуха теперь не позволяла младшей дочери садиться за прялку, а заставляла ее наматывать готовую пряжу. Для девушки эта работа, пожалуй, была бы и легче, но старуха не давала бедняжке ни минуты покоя, с утра до ночи осыпая ее проклятиями и бранью. Если девушка пыталась оправдываться, старуха бесновалась еще пуще. Злая баба уж если начнет браниться — ее никакой силой не остановишь.

Под вечер с верхушки ели послышалось карканье ворона: «Кра, кра!» — и измученная девушка выбежала во двор послушать, какие вести принесла ей птица. Ворону посчастливилось встретить в королевском саду сына некоего мудреца, повелевавшего ветрами. Юноша этот хорошо знал язык птиц. Ворон передал ему слова девушки и попросил все рассказать королевичу. Узнав о случившемся, королевский сын сильно опечалился и стал втайне советоваться со своими друзьями, как спасти девушку.

— Скажи ворону, — наказывал королевич сыну мудреца, — чтобы он поскорее летел к девушке и передал ей вот что: «На девятую ночь будь наготове — придет избавитель и вырвет голубку из когтей ястреба».

Ворону, чтобы вознаградить его за хлопоты и подкрепить его силы, дали кусок мяса и отправили посланца в обратный путь.

Девушка поблагодарила мудрую птицу за добрые вести и все услышанное сохранила в тайне, так что ни сестры, ни старуха ни о чем не догадались. Но чем ближе подходил девятый день, тем тяжелее становилось на сердце у девушки: она боялась, как бы нежданная беда не испортила все дело.

На девятую ночь, когда старуха и сестры пошли спать, девушка на цыпочках вышла из избы и села под деревом на траву поджидать суженого. Страх и надежда переполняли ее сердце. Уже и вторые петухи пропели, а в лесу не слышно было ни голосов, ни шагов. Между вторым и третьим пением петухов до нее донесся отдаленный топот конских копыт. Чтобы топот и голоса приближающихся людей не разбудили сестер и старуху, девушка побежала в ту сторону, откуда слышался шум, и вскоре увидела отряд воинов. Впереди ехал королевич: уезжая отсюда в прошлый раз, он сделал на стволах деревьев отметки, которые теперь помогли ему найти дорогу. Увидев девушку, юноша соскочил с коня, помог ей сесть в седло, потом сел сам, и они помчались. Месяц, выглядывая из-за деревьев, освещал им путь.

Едва занялась заря, как лес наполнился птичьими голосами. Если бы девушка прислушалась к ним и последовала советам птиц, это избавило бы ее и королевича от многих бед. Но юноша нашептывал ей на ухо сладкие речи, и девушка не слышала и не видела никого, кроме своего суженого, а тот просил ее отбросить всякий страх и смело положиться

на защиту воинов. Когда отряд достиг равнины, солнце стояло уже высоко.

Старуха, встав поутру, не сразу хватилась дочери. Лишь немного погодя, увидев, что за мотовилом никого нет, она спросила у дочек, где их младшая сестра. Но те не знали. По некоторым приметам старуха поняла, что дочь убежала, и задумала наказать беглянку, послав за ней погоню. Старуха принесла с чердака горсть девяти волшебных трав, высушенных и перемешанных, прибавила к ним колдовской соли, завязала все в тряпочку, обмотала шерстяной ниткой и, бормоча заклинания, послала волшебный клубок с попутным ветром вдогонку дочери, приговаривая:

Мать ветров, махни полою,
Пусть расправят крылья вихри!
Пусть клубочек мой помчится,
Словно ветер, словно птица,
Пусть несется, смертоносный,
И заставит пасть беглянку!

К полудню королевич со своим отрядом достиг берега широкой реки. Через нее был переброшен мостик, такой узенький, что проехать по нему можно было только поодиночке. Когда королевич достиг середины моста, посланец ветра — волшебный клубочек на лету слегка коснулся коня. Испуганный конь с храпом взвился на дыбы, и не успели люди броситься на помощь, как девушка соскользнула с луки седла в реку. Королевич хотел было прыгнуть вслед за ней, но воины удержали его: река была такой глубокой, что ни один смертный не мог бы помочь беде.

От ужаса и горя королевич чуть не лишился рассудка. Воины силой отвезли его в замок, где он провел много недель в уединенной комнате, оплакивая свою невесту. В первые дни юноша не принимал ни пищи, ни питья. Опечаленный король велел созвать всех мудрецов своей страны, но никто не мог сказать, чем болен королевич, и никто не знал, как его вылечить. Тогда сын волшебника, служивший у короля садовником, дал ему такой совет:

— Пошлите гонцов в страну финнов, к старому мудрецу, он знает дело лучше, чем здешние мудрецы.

Король поспешил послать гонцов к финскому мудрецу, и спустя неделю старик прилетел в королевство на крыльях ветра.

— Добрый король! — сказал мудрец. — Этот недуг на королевича наслал ветер. Злой волшебный клубок поразил юношу в сердце, поэтому он и грустит. Тут не помогут ни уговоры, ни лекарства — только время залечит рану. Пусть он почаще бывает на ветру, чтобы ветер развеял его тоску.

И правда — королевич стал поправляться, начал есть и спать. В конце концов он рассказал родителям о своем горе.

Старый король желал бы, чтобы сын нашел себе новую невесту и поскорее привел в дом молодую жену, но королевич и слышать об этом не хотел.

Так в скорби и печали прошел почти год. И вот однажды юноша случайно оказался у реки, где погибла его любимая. Вспомнив об этом, он горько заплакал. Вдруг ему послышался нежный, красивый голос, хотя никого поблизости не было. Голосок пел:

По заклятью злой старухи
Взяли волны слабенькую,
Скрыли волны беденькую,
Обнял Аhti* миленькую.

Соскочив с коня, королевич осмотрелся вокруг, заглянул под мост, не спрятались ли там кто-нибудь. Но насколько хватал глаз, нигде таинственной певуньи не было видно. На поверхности воды, меж широких листьев, тихо покачивался цветок кувшинки. Это было единственное, что бросилось в глаза юноше. Но цветок не мог петь, тут, конечно, крылось какое-то волшебство. Королевич привязал коня к пню у берега, уселся на мосту и стал ждать, не послышится ли голос снова. Долго все кругом было тихо, потом голосок снова запел:

По заклятью злой старухи
Взяли волны слабенькую,
Скрыли волны беденькую,
Обнял Аhti миленькую.

Иной раз хорошая мысль осеняет человека совсем случайно. Так было и на этот раз. «Если я сейчас поеду в лесную избушку, — подумал королевич, — кто знает, может быть, златопряхи помогут мне разгадать эту тайну». С этой мыслью юноша вскочил на коня и поехал по направлению к лесу. Он надеялся найти дорогу по знакам, которые оставил на стволах деревьев, но лес разросся, и королевич проплутал больше суток, прежде чем отыскал тропинку. Он остановился в лесу поодаль от избушки и стал подстерегать, не покажется ли кто из девушек.

Рано утром старшая дочь вышла к ручью умыться. Подойдя к ней, юноша рассказал о своем несчастье и о таинственной песне, которую он услышал у моста. Старухи, к счастью, не было дома, и девушка позвала юношу в горницу. Из рассказа королевича сестры сразу поняли, что

* * Аhti — водяной. (Прим. перев.)

виной несчастья был старухин волшебный клубок и что сестра их не умерла, а только опутана нитями колдовства.

— Не заметили ли вы в речных волнах чего-нибудь такого, что могло бы петь? — спросила старшая сестра.

— Нет, — ответил королевич. — Насколько хватал глаз, на воде не было ничего, кроме желтого цветка кувшинки с широкими листьями. Но ведь ни цветок, ни листья не могли петь.

Девушки сразу же решили, что кувшинка и была их сестра, утонувшая в реке и превращенная силой волшебства в цветок. Они знали, что заколдованный клубок, который старуха послала вдогонку их сестре, мог превратить ее во что угодно, но отнять у нее жизнь он не мог. Однако королевичу сестры ничего не сказали; они не хотели внушать ему напрасные надежды, пока не придумают, как спасти сестру. Старуха должна была вернуться только через несколько дней, поэтому у них было время подумать и посоветоваться.

Вечером старшая сестра принесла с чердака горсть волшебных трав, мелко растерла их, смешала с мукой, замесила тесто, испекла лепешку и угостила ею юношу перед сном. Ночью королевич увидел странный сон, будто живет он в лесу среди птиц и понимает их язык.

Когда он утром рассказал девушкам свой сон, старшая сестра молвила:

— В добрый час пришли вы к нам, в добрый час приснился вам такой сон. Когда вы поедете домой, он сбудется. В лепешку, которую я вчера испекла для вас, были подмешаны волшебные травы мудрости. Они помогут вам понять все, о чем говорят между собой птицы. Этим маленьким крылатым существам известна мудрость, неведомая людям; поэтому внимательно прислушивайтесь к щебетанью пернатых. А когда наступят для вас счастливые дни, вспомните и нас, бедных сироток, которые, точно узницы, вечно сидят за прялкой.

Королевич поблагодарил девушек за добрые советы и поклялся выволить их из рабства, хоть ценой выкупа, хоть силой, затем попрощался и пустился в путь. Велика была радость девушек, когда они увидели, что нить на веретене не порвалась и блеск золота не потускнел: старуха, вернувшись домой, ни в чем не сможет их заподозрить.

А королевич тем временем ехал по лесу, и ему казалось, будто он окружен множеством людей: пение птиц, их крик и щебет отдавались у него в ушах, как внятная и разумная речь. Юноша дивился тому, сколько мудрости остается неведомой человеку из-за того, что он не знает языка пернатых. Правда, вначале путник не понимал многого из щебетания птиц, хотя они и говорили о людях. Но эти люди и их тайные дела были королевичу неизвестны. Вдруг на верхушке высокой сосны он уви-

дел сороку и пестрого дрозда. Они вели между собой беседу, которая, как показалось королевичу, касалась его.

— Люди ужасно глупы! — сказал дрозд. — В самом пустячном деле — и то не умеют правильно поступить. Там в реке, около моста, уже целый год томится дочка хромой старухи, превращенная в кувшинку. Она поет, жалуясь прохожим на свое горе, но никто и не подумает ее спасти. Вот только несколько дней тому назад проезжал через мост ее бывший женишок, слышал жалобы девушки, но и он оказался не умнее других.

— А ведь бедняжка по его вине несет на себе проклятие старухи, — ответила сорока. — Если он не наберется иной мудрости, кроме человеческой, то девушка так и останется цветком на веки вечные.

— Спасти ее было бы нетрудно, — сказал дрозд, — если б рассказать все старому финскому мудрецу. Он легко освободил бы пленницу из водной темницы.

Этот разговор заставил юношу задуматься. Едучи дальше, он размышлял о том, кого бы послать гонцом в страну финнов.

Вдруг он услышал, как одна ласточка прощепетала другой:

— Давай полетим в страну финнов, там есть получше места для гнезд, чем здесь.

— Пойдите, друзья! — закричал королевич на языке птиц. — Передайте от меня привет старому финскому мудрецу и спросите у него совета — как вернуть человеческий облик девушке, превращенной в кувшинку!

Ласточки пообещали выполнить его просьбу и полетели своей дорогой.

Добравшись до берега реки, юноша пустил коня пастись, а сам остался на мосту, прислушиваясь, не зазвучит ли снова песня. Но ничего не было слышно, только волны шумели да ветер свистел над рекой. Опечаленный, сел королевич на коня и поехал домой. О том, что случилось с ним во время поездки, он никому не сказал ни слова.

Прошло несколько дней. Однажды королевич сидел в саду и размышлял о том, что ласточки, улетевшие в страну финнов, наверное, забыли о его просьбе. Вдруг он увидел большого орла, кружившего высоко в воздухе над его головой. Орел опускался все ниже и ниже и наконец уселся на ветку липы, поблизости от королевича.

— Старый финский мудрец шлет тебе привет, — сказал орел, — и просит не сердиться, что он задержался с ответом: трудно было найти кого-либо, кто направлялся бы в вашу страну. Чтобы вызволить девушку из плена и вернуть ей облик человека, ты должен сделать вот что: пойдти к реке, сбрось с себя одежду и вымажь все тело грязью, чтобы нигде не

осталось ни единого белого пятнышка. Потом зажми нос двумя пальцами и крикни: «Пусть на месте юноши черный рак появится!». И в тот же миг ты превратишься в рака. Смело ныряй на дно реки, не бойся утонуть. Заберись под корни кувшинки, высвободи их из песка и ила, потом зацепись клешней за кончик корня, и вода сама поднимет тебя вместе с цветком на поверхность. Плывайте вниз по течению, пока на левом берегу не покажется раскидистая рябина. Поодаль от нее будет стоять камень вышиной с маленькую избушку. Поравнявшись с ним, ты должен крикнуть: «Кувшинка стань девушкой, рак превратись в юношу!». И твое желание тотчас же сбудется.

Сказав это, орел поднялся в воздух и полетел своей дорогой. Юноша долго смотрел ему вслед, не зная, что и думать.

Больше недели размышлял королевич: у него не хватало решимости поступить так, как велел мудрец. Но однажды юноша услышал голос ворона, говорившего ему:

— Что же ты медлишь? Финский мудрец никогда не давал неправильных советов, да и язык птицы никогда еще никого не обманывал. Поспеш к реке, спаси девушку и осуши ее слезы.

Слова ворона придали юноше смелости. «Пусть я погибну, — подумал он, — но лучше смерть, чем вечная печаль».

Сев на коня, он поскакал знакомой дорогой к берегу реки. Подъехав к мосту, королевич снова услышал песню:

По заклятью злой старухи
В полусне я здесь качаюсь.
У речной волны в объятьях
Цвет весенний увядает,
В глубине холодной, темной
Скрыта милая твоя.

Королевич стреножил коня, чтобы тот не мог далеко уйти, потом сбросил с себя одежду, вымазал тело грязью, не оставив нигде ни одного белого пятнышка, зажал себе нос и, воскликнув: «Пусть на месте юноши черный рак появится!» — бросился в реку. Вода с шумом взметнулась кверху, и снова все стихло.

Юноша, превратившийся в рака, стал освобождать от песка и ила корни цветка, глубоко ушедшие в речное дно. Эта работа отняла у него много времени. Корни крепко вросли в землю, и раку пришлось трудиться целых семь дней, пока он наконец не справился с делом. Распутав корни, он зацепился клешнями за один из них, и вода подняла его вместе с цветком на поверхность. Волны несли их все дальше и дальше, и хотя

по берегам росло много кустов и деревьев, однако рябины и большого камня все еще не было видно.

Наконец на левом берегу они увидели ветвистую рябину, покрытую гроздьями красных ягод, а чуть поодаль стоял камень величиной с избушку. Поравнявшись с ним, пловец воскликнул: «Кувшинка стань девушкой, рак превратись в юношу!» — и тотчас же на поверхности воды показались две головы — юноши и девушки. Волна прибила пловцов к берегу, но выйти они не могли, так как оба были нагие.

— Милый юноша, у меня нет никакой одежды, поэтому я не решаюсь выйти из воды, — смущенно сказала девушка.

— Я закрою глаза, а ты выйди на берег и спрячься под рябиной, — ответил юноша. — Я побегу к мосту, где оставил коня и одежду перед тем, как броситься в реку.

Когда девушка укрылась под рябиной, королевич поспешил к тому месту, где оставил коня и одежду, но не нашел ни того, ни другого. Юноша не знал, что пробыл в облике рака семь дней, ему казалось, что он провел на дне реки каких-нибудь несколько часов.

Вдруг к берегу подъехала великолепная карета, запряженная шестеркой лошадей. В карете королевич нашел одежду для себя и спасенной им девушки. Вместе с каретой прибыли также слуга и служанка. Оставив слугу подле себя, юноша послал карету со служанкой и с одеждой туда, где пряталась под рябиной его любимая.

Через час с лишним девушка, наряженная в красивое свадебное платье, приехала к королевичу, поджидавшему ее у реки. Юноша, тоже одетый в богатый свадебный наряд, сел в карету рядом с невестой, и они поехали в город, прямо к церкви.

В это время король и королева в траурных одеждах сидели в церкви, оплакивая своего любимого сына. Все считали, что он утонул, так как его конь и платье были найдены на берегу реки. Велика же была радость родителей, когда сын предстал перед ними живой и невредимый, и с ним рядом — милая девушка, оба в ослепительных одеждах. Король сам повел жениха и невесту к алтарю, где их и обвенчали. Затем начались пышные и шумные свадебные празднества, длившиеся шесть недель.

Время движется, не зная ни остановок, ни отдыха, и все же дни радости летят как будто быстрее, чем часы скорби. Вскоре после свадьбы наступила осень, потом пришла зима с морозами и снегом, и у наших молодых не было охоты даже за порог ступить.

Но когда снова пришла весна во всей своей красе, королевич с молодой женой вышли погулять в сад. Тут сорока, сидевшая на верхушке дерева, закричала ему:

— Ох ты, неблагодарное создание! Как только для тебя наступили

счастливые времена, ты и забыл о тех, кто помогал тебе в беде! По-твоему, несчастные девушки до конца дней своих должны прясть золотую пряжу? Хромая старуха не мать им, а колдунья! Она украла их в дальней стороне, когда они были еще малыми детьми. Много грехов у старухи, она не заслуживает пощады. Надо бы сварить ядовитый корень и угостить им колдунью, не то она снова будет преследовать девушек своим волшебным клубком.

Тут королевич вспомнил, как он ходил в лесную избушку просить у сестер совета, как научился понимать язык птиц, как поклялся девушкам выволить их из неволи. Обо всем этом он рассказал жене, и она, обливаясь слезами, стала умолять мужа поспешить на помощь ее сестрам.

На другое утро, проснувшись, она сказала королевичу:

— Мне снился вещий сон, будто старуха ушла из дому и сестры остались одни. Сейчас самое время отправиться к ним на помощь.

Не медля ни минуты, королевич велел снарядить большой отряд воинов и вместе с ними двинулся в путь. На другой день они достигли лесной избушки. Девушки, как и предвещал сон, оказались одни и с радостным криком бросились навстречу своему избавителю. Королевич тотчас же приказал одному из воинов набрать ядовитых корней и приготовить старухе такое блюдо, чтоб ей, когда она вернется домой и поест, уже никогда больше есть не захотелось.

Переночевав в избушке, королевич и воины ранним утром пустились в обратный путь, взяв с собой обеих девушек, и к вечеру прибыли в город. Велика была радость сестер, когда они свиделись после двух лет разлуки.

А старуха вернулась домой в ту же ночь. Она быстро проглотила кушанье, оставленное на столе, и легла спать, да так больше и не встала. Ядовитый корень сделал свое дело.

Когда королевич спустя неделю послал своего военачальника посмотреть, что делается в лесной избушке, тот нашел старуху мертвой. В тайнике же оказалось пятьдесят возов золотой пряжи, которую потом разделили между тремя сестрами. После того, как добро было увезено, королевский военачальник велел пустить под крышу избушки красного петуха. Пламя, точно огненный петуший гребень, уже вырывалось из слухового окна, как вдруг по стене скользнула на землю большая кошка с горящими глазами. Воины стали гоняться за кошкой и в конце концов поймали ее. В это время птичка, сидевшая на дереве, прощebetала: «Зажмите кошке хвост капканом, и все тайны откроются!» Так воины и сделали.

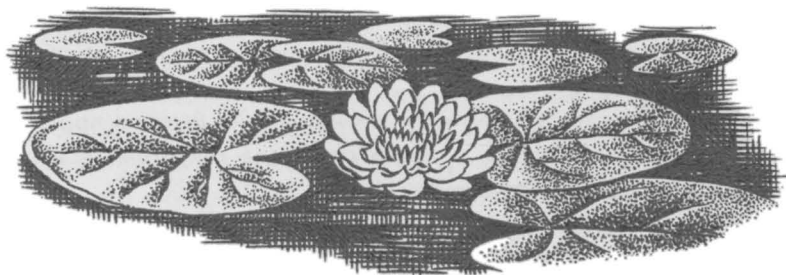
— Смилуйтесь надо мной, люди! — сказала кошка. — Я такой же человек, как и вы, хотя силой волшебства превращена в кошку. Это кара

за мое злодейство. Я жила в дальней стране, в замке короля, владевшего несметными богатствами, и вела там хозяйство, а колдунья была первой служанкой у королевы. Нас одолела алчность, и мы тайно сговорились со старухой похитить у короля трех его дочерей и множество сокровищ, а потом бежать. Мы постепенно вынесли из замка всю драгоценную утварь, которую старуха превращала в золотой лен, а затем унесли и девочек. Старшей из них было три года, а младшей — пять месяцев. Старуха боялась, как бы я, раскаявшись, не выдала ее, и превратила меня в кошку. Как только колдунья умерла, я снова обрела дар речи, но человеческий облик так ко мне и не вернулся.

Когда кошка кончила свой рассказ, королевский военачальник молвил:

— Отправляйся и ты вслед за колдуньей, лучшей смерти ты не заслужила! — и велел бросить ее в огонь.

А королевские дочери, как и их младшая сестра, вышли впоследствии замуж за королевичей. Золотая пряжа, найденная в лесной избушке, составила им богатое приданое. Откуда девушки были родом и кто их родители так и осталось неизвестным. Говорят, будто еще много возов золотого льна старуха зарыла в землю, но где его искать — никто сказать не может.

СКАЗКА О БЫСТРОНОГОМ, ЛОВКОРУКОМ И ЗОРКОГЛАЗОМ

ил в деревне домовитый хозяин со своей хозяйкой. Ни в чем они не нуждались, всем щедро благословил их бог. В народе они слыли богатыми и счастливыми. Но все же для полного счастья у них не хватало того, чего и богатство дать не может, — не было у них ни одного ребеночка, хотя они и прожили вместе более десяти лет.

Как-то вечером, когда муж был в отъезде, а жена сидела дома одна-одинешенька, напала на нее тоска.

«Соседки куда счастливее меня, — думалось ей, — у всех у них полный дом детей, и если мужья иной раз уезжают, женам не приходится коротать время в одиночестве. У меня же дом пустой, и сама я — словно сухой пень без ветвей и побегов».

От горьких дум глаза ее наполнились слезами, и кто знает — долго ли она так просидела в печали, не заметив даже, что в комнату вошел кто-то посторонний. Вдруг ей показалось, будто у ее ног трется кошка. Однако, опустив глаза, она увидела на полу славную куколку.

— Ах! — в испуге вскрикнула хозяйка и хотела было вскочить и убежать, но руки куколки держали ее крепко, словно железные клещи, так что и с места не сдвинуться было.

— Не бойся, молодушка, незваной гостьи! — приветливо сказала куколка. — Я пришла развеять твою грусть-тоску. Ты одна, а человеку скучно одному коротать длинный вечер. Муж твой в отъезде и вернется только через несколько дней. Милая моя молодушка . . .

— Не смейся надо мной! — в сердцах ответила хозяйка. — Мой свадебный наряд поди уже заплесневел — больше десяти лет лежит в сундуке и, как вдовушка, горько оплакивает лучшие времена.

— Не беда! — возразила куколка. — Поверь мне, пока у женщины еще нет ребят и она так свежа и красива, как ты, не грех ее и молодуш-

кой назвать. А детей у тебя еще не было, значит, и состариться ты не успела.

— Так-то так, — ответила хозяйка, — а только как мне не печалиться и не горевать. Давно опостылела я мужу, смотрит он на меня, как на высохший пень, который никогда не даст молодых побегов.

— Не горюй, — сказала куколка, утешая ее. — До заката дней твоих еще далеко. Не пройдет и года, как от ствола, который ты считаешь высохшим, поднимутся три молодые ветви и расцветут родителям на радость. Но ты должна сделать так, как я тебе велю. Когда вернется муж, свари три яйца от черных кур и подай ему на ужин. А пойдет он спать, задержись во дворе, будто хлопчешь по хозяйству, и побудь там подольше, прежде чем лечь в постель рядом с мужем. Придет время — слова мои сбудутся и я снова навещу тебя. А до тех пор пусть никто не знает, что я сегодня приходила. Прощай, моя молодушка! Когда вернусь, буду уже называть тебя молодой матерью.

Тут куколка исчезла, словно сквозь землю провалилась. А хозяйка, или молодушка, как ее называли, долго терла глаза, словно хотела понять — наяву или во сне это с ней приключилось.

Если чего жаждешь всем сердцем, то и веришь, что желание твое сбудется. Так было и с нашей хозяйкой. Слова куколки не выходили у нее из головы. И когда через несколько дней возвратился хозяин, жена сварила три яйца от черных кур, подала их мужу на ужин и выполнила все, чему учила ее гостья.

Через несколько недель предсказание куколки начало сбываться. Муж и жена радовались и никак не могли дождаться дня, когда их желание наконец исполнится. Пришел срок, и женщина родила троих близнецов, трех красивых и крепких мальчиков.

Однажды, когда роженица стала уже поправляться и муж отправился звать кумовьев и гостей на крестины, снова явилась куколка, принесшая в дом счастье.

— Здравствуй, голубушка! — воскликнула она, входя в комнату. — Вот видишь, бог и выполнил твое сокровенное желание. Ты стала матерью троих сыновей. Теперь ты убедилась, что я в прошлый раз не пустые разговоры вела, и поверишь тому, что я скажу тебе сегодня. Много радости доставят тебе твои сыновья, и слава о них пойдет по всему свету. Позволь мне взглянуть на твоих малюток.

Сказав это, куколка ловко, как кошка, взобралась на край колыбели и вынула из кармана клубочек красных ниток. Одному мальчику она перевязала ниточкой икры обеих ног, другому — запястья рук, а третьему завязала нитку над бровями, вокруг головы.

— Этих ниточек, — поучала куколка хозяйку, — не развязывай до тех

пор, пока младенцев не повезут крестить. Как только мальчиков унесут из дому, нитки сожги, пепел собери на ложечку и смешай с грудным молоком. Когда мальчиков принесут домой, влей каждому на язычок по две капли этого снадобья, а потом дай им грудь. И появится у них такая сила — у одного в ногах, у второго в руках, у третьего в глазах, — что на всем свете не найдется равных твоим сыновьям. Каждому его счастливый дар принесет славу и богатство; а если братья возьмутся за какое-нибудь дело сообща и единодушно, то совершат такие подвиги, что и представить себе невозможно, пока не увидишь своими глазами. Больше мы с тобой не увидимся, но ты не раз вспомнишь обо мне с благодарностью, когда твои сыновья вырастут тебе на радость. А теперь прощай, голубушка!

Промолвив это, гостья исчезла так же внезапно, как и в прошлый раз. Молодая мать исполнила все, чему научила ее куколка: в день крестин сожгла красные ниточки, а когда детей принесли из церкви, смешала пепел с грудным молоком и перед тем, как дать ребенку грудь, влила каждому по две капельки этого живительного снадобья на язычок. Ни мужу, никому другому хозяйка и словом не обмолвилась о своей чудесной советнице.

Дети росли все трое здоровыми и крепкими, и когда научились ходить, казались одинаково ловкими и бойкими. Но уже с малых лет у каждого из них особенно крепили те части тела, которые были когда-то перевязаны красной ниточкой: у одного ноги, у другого руки, у третьего глаза. Поэтому родители и называли первого Быстроногим, второго Ловкоруким, а третьего Зоркоглазым.

Прошли годы, и братья стали уже взрослыми юношами. Посоветовавшись с родителями, они решили отправиться в чужие страны, где надеялись благодаря своей силе и умению найти для себя подходящую работу. Каждый из братьев хотел идти искать счастья своим путем: один предполагал отправиться на восток, другой — на юг, а третий — на запад. Все трое обещали вернуться домой через три года и рассказать родителям о своих странствиях и о том, как им жилось на чужой стороне.

Быстроногий отправился на восток. О нем мы прежде всего и расскажем. Что он намного опередил своих братьев — это каждому понятно, потому что если версты летят у человека под ногами, ничуть его не утомляя, то идти ему вовсе не трудно. Но постепенно юноша понял, что хотя быстрые ноги и могут вынести человека из любой беды, все же заработать ими на хлеб — дело не легкое, ибо во всякой работе руки нужнее ног.

Наконец, после долгих поисков, Быстроногий нашел себе службу в восточном королевстве. У короля были большие табуны лошадей, и

среди них — много легконогих и норовистых коней, которых никому еще не удавалось поймать, даже верхом на другом коне. Но Быстроногого не могла обогнать ни одна лошадь, так как он бегал гораздо быстрее любого скакуна. То, с чем раньше не могли справиться пятьдесят табунщиков, Быстроногий теперь делал один, и ни разу не случалось, чтобы конь отбилсЯ от табуна. Поэтому король охотно платил ему такое жалованье, какое обычно получали пятьдесят пастухов, да еще дарил кое-что в придачу.

Шаг у Быстроногого был легкий и быстрый, как ветер, и хотя ему приходилось бегать без отдыха всю ночь с вечера до утра, или с утра до вечера, ноги у него никогда не уставали; он мог на другой и на третий день опять носиться с такой же скоростью. Не раз случалось, что кони в жару разбегались от укусов оводов на много верст в разные стороны, однако к вечеру весь табун бывал собран.

Однажды в королевском дворце было большое празднество, на которое съехались знатные вельможи и правители из многих стран. Во время пиршеств король рассказал гостям о своем быстроногом пастухе, и те захотели собственными глазами увидеть этого необыкновенного человека. Кое-кто из гостей говорил: что же тут удивительного, если кони, которые привыкли ходить в табуне и знают своего пастуха, дают ему поймать себя; самый норовистый конь повинуется хозяину и идет на его зов. А вот дайте табунщику лошадь, выращенную в чужой конюшне, тогда и посмотрим, сможет ли человек потягаться с конем в беге.

Тут чужеземные властители велели привести самых горячих и сильных коней, выращенных в их конюшнях, и выпустить в поле: пусть Быстроногий их ловит. Но для юноши это оказалось пустячным делом, ибо разве может застоявшийся и откормленный конь тягаться с бегуном, который привык носиться день и ночь, как вольная птица. Гости похвалили Быстроногого, одарили его золотом и серебром и пообещали рассказать о нем у себя дома, чтобы повсюду люди знали, где можно найти такого бегуна.

Вскоре молва о юноше разнеслась по всем восточным землям, и если какому-нибудь королю нужен был гонец, он нанимал Быстроногого, щедро награждал его и осыпал дарами, чтобы тот и в другой раз не отказался услужить ему.

Через три года, когда Быстроногий возвращался домой, у него было столько денег и всякого добра, что их едва смогли увезти двадцать лошадей, подаренных ему королем вдобавок к щедрой оплате.

Второй брат, Ловкорукий, направился на юг. Куда бы он ни приходил, всюду для него находилось дело; каждый ремесленник старался заполучить его себе в подмастерья, потому что никто не умел так быстро и искусно работать, как он. Хотя он у себя дома и не учился никакому ремес-

G. Reindorff 1945

лу, как другие мастера, однако в его руках спорилась любая работа. Он был и портным, и сапожником, и столяром, и токарем, и кузнецом, и золотых дел мастером, мог искусно выполнить и любую другую работу. Не было на свете мастера, к которому Ловкорукий не мог бы пойти в помощники. Он работал то сдельно у портного, где шил за день двадцать пар штанов, то у сапожника, где тачал столько же пар сапог. И каждая работа была сделана так искусно, что всякий, кто ее видел, не хотел уже идти к другим мастерам и подмастерьям.

Ловкорукому любое ремесло могло бы принести богатство, останься он подольше на каком-нибудь одном месте; но он хотел повидать белый свет и поэтому странствовал из одной страны в другую.

Однажды юноша пришел в столицу некоего королевства, где царил великое смятение. Король начал собирать большое войско в поход на врага, но оказалось, что для воинов не хватает ни одежды, ни обуви, ни шлемов, ни оружия. И хотя по всей стране мастера со множеством подмастерьев работали не покладая рук с раннего утра до полуночи, не зная ни отдыха, ни праздников, они все же не могли за короткий срок изготовить всего столько, сколько нужно было королю. Отовсюду — из дальних и ближних мест приглашали подмастерьев, но сколько они ни трудились, все было мало.

Узнав об этом, Ловкорукий отправился в королевский замок и попросил разрешения явиться к королю.

— **Высокочитимый король!** — сказал юноша. — Я слышал, что у вас есть очень спешная работа. Я — мастер, приехал из дальних стран и могу взять на себя эту работу, если мы сговоримся об оплате и вы мне назовете срок, когда заказ должен быть готов.

Когда король назвал срок, Ловкорукий сказал:

— **Созовите всех мастеров вашего города и спросите, смогут ли они к назначенному дню справиться с этой работой. Если нет, то я беру все на себя, но тогда уж вам придется платить мне одному.**

— **Все это было бы хорошо,** — возразил король, — **будь у вас достаточно подмастерьев. Но в том-то и беда наших мастеров, что им не хватает подручных.**

— **Об этом я уж сам позабочусь,** — ответил Ловкорукий.

На другое утро всех мастеров города пригласили в королевский замок, и король спросил каждого, в какой срок он надеется управиться с работой. Одни отвечали, что им понадобится четыре-пять месяцев, а другие назначали еще более долгие сроки.

— **Ну,** — сказал Ловкорукий, — **если вы мне пообещаете двойную плату за три месяца, то я за этот срок выполню работу, на которую другим понадобится чуть ли не полгода.**

Это показалось королю таким удивительным и невероятным, что он стал сомневаться — нет ли тут обмана или насмешки. Поэтому он сказал:

— Что ты даешь мне в залог того, что выполнишь свое обещание?

Ловкорукий ответил:

— У меня нет таких денег или имущества, которыми я мог бы покрыть ваши убытки. Но если вы захотите взять в заклад мою жизнь, то мы быстро столкнемся. А поскольку kota в мешке покупать не следует, то я вам завтра же принесу образцы своей работы.

Король согласился. А подмастерья подумали про себя: «Если Ловкорукий получит двойную плату, то он должен и нам заплатить больше, иначе мы не пойдем к нему в подручные».

Увидев на следующий день образцы работы Ловкорукого, король остался очень доволен, и хотя все остальные мастера готовы были лопнуть от зависти, ни один из них не смог найти в работе никаких изъянов.

Юноша усердно принялся за дело. Работа всегда горела у него в руках, но быстрота, с какой он работал сейчас, была поистине чудом из чудес. Он едва успевал поесть, а ночью немного подремать, как птица на ветке. За две недели до условленного срока все снаряжение для войска было готово и передано королю. Король заплатил Ловкорукому двойное жалованье за три месяца и еще почти столько же прибавил в подарок. Затем он сказал:

— Мудрый мастер! Мне жаль с тобою расставаться. Не хочешь ли пойти на войну вместе с моим войском? Кто так искусен в любой работе, тот, без сомнения, будет и отличным воином.

— Может быть, вы и правы, высокочтимый король, — ответил Ловкорукий, — но, по правде говоря, я еще никогда в жизни не пробовал воевать и всегда работал вдалеке от тех мест, где льется кровь. Кроме того, мне пришлось вернуться домой, меня ждут отец и мать. Поэтому не гневайтесь, если я на этот раз поступлю вопреки вашей воле.

И юноша покинул королевскую столицу, где он за короткое время стал богатым человеком. Оставалось еще полгода до срока, когда он должен был вернуться домой, поэтому он кочевал с места на место, иногда отдыхал, иногда помаленьку работал то тут, то там, чтобы добыть себе денег на дорогу. Накопленное добро он хотел привезти домой в полной сохранности.

Третий брат, Зоркоглазый, направился на запад. Он скитался долго, но нигде не мог найти постоянной службы, которая давала бы ему хлеб и хороший заработок. Как меткий стрелок, он, конечно, всегда мог заработать охотничьим промыслом себе на пропитание, но с чем бы он вернулся домой?

Однажды пришел он в большой город. Здесь все только и говорили,

что о несчастье, которое вот уже в третий раз обрушивается на их короля и которое никто не может объяснить или предотвратить.

А дело было вот как. В королевском саду росло очень редкое, похуже на яблоню дерево, приносившее золотые плоды. Многие из них были величиной с добрый клубок шерсти и стоили по несколько тысяч рублей. Всякому понятно, что плоды эти были на счету, и стража днем и ночью охраняла дерево, чтобы к нему не пробрался вор.

А теперь вот уже третьи сутки подряд кто-то ночью похищал по одному из самых крупных яблок, стоивших каждое около пяти тысяч рублей. Королевская стража ни самого вора, ни его следов обнаружить нигде не смогла. Зоркоглазый сразу же подумал: а не кроются ли за всем этим чьи-то хитрые проделки, которые только он один мог бы распознать своим острым глазом.

«Если только вор не приблизится к дереву как бесплотный и невидимый дух, — размышлял юноша, — то я увижу его». Он попросил у короля позволения пойти в сад и тайно от стражи следить за всем, что там будет происходить.

Получив разрешение, Зоркоглазый устроил себе на вершине высокого дерева, подальше от золотой яблони, тайное убежище среди густой листвы; он был укрыт от посторонних взглядов, но его острый глаз мог наблюдать за всем, что творится вокруг. На тот случай, если стеречь придется долго, он взял с собой котомку с едой и флягу воды, чтобы не пришлось вылезать из засады. Золотая яблоня все время была у него на виду.

Королевская стража тройным кольцом окружала дерево так плотно, что и мышонок не прошмыгнул бы незамеченным. Вору, если он только не имел крыльев, к яблоне было не пробраться.

Целый день просидел юноша в своем укрытии, но никаких признаков вора не увидел.

На закате к дереву подлетела маленькая желтая бабочка, долго кружилась вокруг него и наконец опустилась на ветку, где висело красивое яблоко. Каждому ясно, что бабочка не могла унести с дерева золотое яблоко. Это понимал и Зоркоглазый, но так как ничто больше не привлекало его внимания, он не спускал с нее глаз.

Солнце уже давно зашло, постепенно погасла и вечерняя заря, но вокруг дерева зажгли фонари и стало светло, как днем. Желтая бабочка неподвижно сидела все на той же ветке.

Около полуночи юношу стало клонить ко сну, и веки его сомкнулись. Ему казалось, что сон его продолжался недолго, однако когда он очнулся и взглянул на яблоню, то увидел: желтая бабочка исчезла. Но вот что больше всего перепугало юношу: прекрасное золотое яблоко тоже ис-

чезло. Воровство было налицо, но если бы Зоркоглазый рассказал об этом людям, те подумали бы: наверное, бедняга не в своем уме — ведь и малому ребенку ясно, что маленькой бабочке не унести золотого яблока.

Утром, как только стало известно, что на дереве опять не хватает одного яблока и никто из стражи не обнаружил следов похитителя, народ снова заволновался. Тогда Зоркоглазый во второй раз явился к королю и сказал:

— Ни мне, ни вашей страже в прошлую ночь не удалось увидеть вора. Но если в вашем городе или в окрестностях найдется какой-нибудь хитроумный мудрец, то велите провести меня к нему; с его помощью я надеюсь сегодня ночью поймать похитителя.

Узнав, где живет мудрец, юноша, не теряя времени, отправился к нему, и они стали держать совет, как бы им получше довести дело до конца.

— Вот что я придумал! — воскликнул Зоркоглазый после долгого раздумья. — Можешь ли ты своим волшебством придать обыкновенной паутине такую прочность, чтобы из ее сетей не вырваться было даже самому сильному зверю? Тогда мы опутаем ею вора, и он от нас уже не уйдет.

Мудрец ответил, что может это сделать. Он тотчас же взял трех больших пауков-крестовиков и наделил их с помощью волшебства такой силой, чтобы из сотканных ими сетей не мог вырваться ни один зверь. Затем он положил пауков в коробочку и передал ее Зоркоглазому, сказав:

— Посади крестовиков куда надо, укажи им пальцем, где они должны протянуть свою сеть, и вор окажется в такой клетке, из которой его сможет выволить разве только самый могущественный волшебник. А если тебе понадобится моя помощь, я тут же явлюсь.

Зоркоглазый положил коробочку с пауками за пазуху, снова взобрался на дерево и стал сторожить.

В тот же час, что и вчера, прилетела желтая бабочка и начала кружиться вокруг золотой яблони. Но сегодня она кружилась гораздо дольше вчерашнего, пока наконец не уселась на ветку, на которой висело большое золотое яблоко. Юноша тотчас же спустился с дерева, подошел к яблоне, велел приставить к ней лестницу, потихоньку, чтобы не спугнуть бабочку; взобрался наверх, посадил маленьких ткачей на ветки, одного чуть повыше, другого справа, третьего слева, и обвел пальцем вокруг бабочки. Бабочка сидела неподвижно, подняв крылышки.

Когда солнце стало садиться, Зоркоглазый уже был в своем укрытии на вершине дерева. Он с радостью увидел, как его помощники плетут

вокруг бабочки такую сеть, из которой ей не вырваться, если только мудрец действительно наделил пауков чудесной силой.

Как юноша ни боролся со сном, глаза его стали слипаться. Долго ли он дремал, Зоркоглазый и сам не знал, но его разбудил сильный шум. Взглянув вниз, юноша увидел, что королевские солдаты с криком бегают вокруг золотой яблони, а на дереве в сетях из железных цепей сидит карлик с длинной седой бородой и держит в руках золотое яблоко. Зоркоглазый быстро спрыгнул с дерева, но не успел он подбежать к яблоне, как в сад явился и сам король: разбуженный криками солдат, он встал с постели и пришел посмотреть, что случилось.

Вор был пойман и сидел в железной клетке.

— Высокоцитимый король, — сказал юноша, — теперь вы можете спокойно лечь спать и отдыхать до самого утра, вор больше не ускользнет из наших рук. Как бы он ни был силен, ему все равно не разбить волшебных цепей.

Король поблагодарил юношу и отпустил большую часть стражи, оставив возле дерева лишь несколько слуг. Зоркоглазый, стороживший в саду двое суток, тоже отправился отдыхать.

Наутро юноша вместе с мудрецом явились в королевский дворец. Мудрец очень обрадовался, когда увидел, что вор сидит в клетке, и так и не выпустил его оттуда, заставив мужичка предстать перед всеми в своем подлинном обличье. Чтобы этого добиться, мудрец отрезал карлику полбороды и, приказав принести огня, стал подпаливать вору щетину на подбородке.

Ох, и натерпелся узник в своей железной клетке! Он кричал и кувыркался от боли, но мудрец продолжал его пытать и жечь, чтоб хорошенько поджарился.

— Признавайся, кто ты? — приказал мудрец.

Карлик ответил:

— Я слуга колдуна из Пийрисилла. Мой хозяин посылал меня красть яблоки.

Мудрец снова принялся палить ему бороду.

— Ой, ой! — завопил карлик. — Подожди, я во всем признаюсь! Я не слуга, я сын колдуна.

Мудрец снова подбавил жару, и тут вор завыл:

— Я сам колдун из Пийрисилла!

— Покажись нам в своем подлинном обличье, не то я снова буду тебя жечь, — сказал всесильный мудрец.

Тогда карлик начал расти и раздуваться в своей клетке и вскоре стал ростом со взрослого человека. Когда колдун перед всеми признался в воровстве, его вместе с клеткой спустили с дерева и спросили, где он

прячет драгоценные плоды. Колдун сам хотел указать тайник, но Зоркоглазый попросил короля не выпускать вора из клетки, иначе он мог снова превратиться в бабочку и ускользнуть из их рук.

Колдуна пришлось еще несколько раз поджаривать, пока он наконец не признался, куда спрятал яблоки. Когда все плоды были найдены, коварного вора сожгли в клетке и прах его развеяли по ветру.

Король, получивший обратно свои сокровища, щедро вознаградил Зоркоглазого, так что юноша стал, пожалуй, еще богаче, чем его братья. Король охотно оставил бы Зоркоглазого у себя на службе, но тот сказал:

— Я сейчас еще не могу у вас остаться, я должен вернуться домой, к родителям.

Тогда король подарил ему лошадей и несколько повозок и дал слуг, которые и отвезли богатства Зоркоглазого домой.

Когда все трое братьев собрались в родном доме, у них оказалось столько золота, что они могли бы купить добрую половину королевства. Тут мать вспомнила о куколке, которая принесла в дом счастье, но и теперь никому не рассказала о своей чудесной гостье. Имущества и денег у них набралось уже столько, что сыновьям теперь не было нужды искать работу. Но разве найдешь на свете богача, который был бы доволен тем, что имеет, и не желал большего?

Однажды братья узнали, что самый могущественный король северной земли решил отдать свою дочь замуж лишь за того, кто выполнит три необычайно трудных работы, с которыми до сих пор никто не мог справиться. Посоветовавшись, братья решили попытаться счастья.

Со всего белого света приезжали в то королевство юноши, добивавшиеся руки королевны, но ни один из них не выдержал испытания, потому что работа оказывалась им не под силу, да и вообще не могла быть выполнена одним человеком.

Обсудив, что и как, братья двинулись в путь. Чтобы скорее достигнуть цели, Быстроногий время от времени нес братьев на плечах.

Так как все три работы должен был выполнить один и тот же человек, юноши не могли предстать перед королем все вместе. Поэтому Быстроногого послали вперед, чтобы он все хорошенько разузнал.

Работы, которые надлежало выполнить будущему зятю короля, были вот какие: во-первых, надо было целый день пасти самку северного оленя, следить, чтобы легконогая не убежала, а с заходом солнца отвести ее в хлев. Во-вторых, предстояло вечером закрыть на засов ворота королевского замка. А третье испытание было самое трудное: попасть стрелой из самострела в яблоко и рассечь его надвое, да так, чтобы не причинить никакого вреда человеку, который будет стоять на высокой горе и держать яблоко зубами за черенок.

Хотя два первых испытания и не казались трудными, все же до сих пор никому еще не удавалось с ними справиться; а все потому, что тут, видимо, не обошлось без чудес. Самка северного оленя была такой быстроногой, что могла за один день от восхода солнца до заката обегать весь свет. Разве мог человек за ней угнаться? Второе испытание было связано с волшебными силами. Какой-то злой колдун превратился в железный засов, и когда человек, взобравшись на приставную лестницу, клал на него руку, засов стискивал ее так, что никакая сила не могла ее высвободить, пока колдун сам не отпускал несчастного. Но дело было не только в этом — как только рука попадала в тиски, ворота начинали ходить взад-вперед, будто их сотрясала буря. Поэтому пойманный должен был до утра болтаться на воротах, точно язык у колокола, а когда наконец колдун освобождал его, бедняга больше походил на мертвого, чем на живого. К тому же, король и весь народ еще и потешались над его жалким видом, и он с позором уходил восвояси. Жилы на его руках были так растянуты, что из него уже никогда не мог выйти настоящий работник.

Третье испытание было под силу лишь меткому стрелку с острым глазом и твердой рукой.

Когда Быстроногий своими глазами увидел все это, он не пошел к королю, а поспешил к братьям, которые поджидали его на дороге. Посоветовавшись, юноши уговорились, как повести дело, чтобы втроем выполнить все работы. Но больше всего заботило их, как сделать так, чтобы король посчитал всех троих одним и тем же человеком; ведь иначе им не получить обещанной награды.

Братья подстриглись все на один манер, чтобы борода и усы у одного не были длиннее, чем у другого. А так как они были дети одной матери, к тому же близнецы, походившие друг на друга и внешностью, и обхождением, то чужой глаз и не мог обнаружить обмана. Они велели сшить себе из шелка и дорогого бархата нарядную одежду и украсить ее золотом и блестящими драгоценными камнями; все это сияло и сверкало как звездное небо в ясную зимнюю ночь.

Перед тем как отправиться на испытания, братья поклялись друг другу в случае удачи бросить жребий, который и решит, кому быть мужем королевны.

Когда добрые молодцы закончили все приготовления и обо всем условились, чтобы потом между ними не случилось никаких раздоров, они нарядили Быстроногого в пышные одежды и отправили в королевский замок. Отсюда он должен был идти пасти оленю самку. Если, как надеялись братья, дело закончится успешно, то с их пути будет убран пер-

вый большой камень, который до сей поры преграждал женихам путь в брачные покои.

Быстроногий держался перед королем с таким достоинством, будто и сам был королевского рода. Он учтиво поклонился и попросил позволения на следующее утро приступить к испытаниям. Король разрешил, но при этом сказал:

— Лучше бы вам надеть одежду попроще: наша олениха поскачет по болотам и трясинам, не разбирая дороги, и вы испортите свое дорогое платье.

— Кто хочет получить в жены вашу дочь, тот не дорожит одеждой, — ответил Быстроногий и пошел отдыхать, чтобы на следующий день быть бодрым и сильным.

Королевская дочь, тайком следившая за прекрасным юношей через замочную скважину, сказала со вздохом:

— Если б я могла надеть путы на ноги оленьей самки, я бы сделала это, только бы стать женой этого человека.

Рано утром, едва занялся день, Быстроногий накинул оленьей самке на шею повод, а другой его конец взял в руку, чтобы животное не могло убежать от него. Как только отворили двери хлева, олениха вихрем сорвалась с места и помчалась. Юноша, крепко держа повод, не отставал от нее ни на шаг. Король и горожане, глядевшие на испытание, дивились необычайному проворству юноши, ибо до сих пор еще никому не удавалось пробежать рядом с самкой северного оленя и двухсот шагов.

А Быстроногий, хоть и не боялся, что устанет, решил все же, когда его никто не будет видеть, сесть на олениху верхом. Отбежав подальше, юноша, не выпуская повода, вскочил ей на хребет, и та понеслась вместе с седоком вперед.

К полудню олениха, видя, что ей не освободиться от пастуха, замедлила шаг и стала пастись на лугу. Быстроногий спрыгнул на землю и лег под кустом отдохнуть, но повода из рук не выпускал, чтобы животное не убежало. Когда солнце начало припекать, олениха улеглась в траву подле юноши и стала пережевывать жвачку.

После обеда олениха снова попыталась вырваться из рук Быстроногого, но тот мигом вскочил ей на спину, и таким образом пастуху не пришлось утруждать свои ноги.

Велико было удивление короля и всего народа, когда на склоне дня они увидели, как норовистая оленья самка, точно кроткая овечка, покорно возвращается домой со своим пастухом. Быстроногий отвел животное в хлев, запер дверь и, получив приглашение, отправился ужинать за королевским столом.

После ужина юноша попрощался, сказав, что хочет вовремя лечь от-

дохнуть после дневных трудов, однако отдыхать не пошел, а поспешил к братьям, которые ждали его в лесу.

На следующий день второй брат, Ловкорукий, надев пышные одежды, отправился в королевский замок, где ему предстояло пройти второе испытание. Король, не заметив обмана, похвалил юношу за вчерашнюю работу. А королевская дочь, глядя в замочную скважину на прекрасного юношу, снова сказала со вздохом:

— Будь это в моих силах, я бы сняла злой засов с ворот, только бы не случилось беды с этим милым юношей и он смог стать моим суженым!

Ловкорукий знал о колдовском засове на воротах, поэтому, выйдя из королевского дворца, сразу же отправился к кузнецу и велел отковать для себя крепкую железную руку. Дождавшись вечера, когда все обитатели замка улеглись спать, юноша развел огонь и накалил железную лапу докрасна. Затем приставил к воротам лестницу, так как иначе ему было не дотянуться до засова, взобрался наверх и приложил железную лапу к засову. Колдун, думая, что к нему прикоснулись человеческие пальцы, мгновенно жжал раскаленную железную руку. Почувствовав ожог, колдун заревел от боли, да так, что затряслись стены королевского замка и многие проснулись от этого шума. А Ловкорукий, едва лишь железная лапа освободилась от тисков, тотчас же задвинул засов, и теперь ворота были заперты. Все же юноша оставался здесь до утра, пока король не встал и не пришел взглянуть собственными глазами, чем кончилось дело. Ворота, как запер их с вечера Ловкорукий, так и стояли на запоре.

Король похвалил юношу, выдержавшего два трудных испытания, и пригласил его к обеду. Ловкорукий досыта поел за королевским столом, ведя при этом оживленную и учтивую беседу, а затем попросил позволения пойти отдохнуть: он, мол, всю ночь не спал и, кроме того, должен подготовиться к испытанию, которое назначено на следующий день.

Вечером Ловкорукий пошел в лес к братьям. Они уже давно поджидали его, чтобы узнать, как прошло испытание. Так как юноши не питали никакой зависти друг к другу и никто из них не мог предугадать, кому суждено стать зятем короля, то они искренне обрадовались успеху Ловкорукого.

На следующее утро в пышное платье нарядили Зоркоглазого и отправили его совершать третий подвиг.

С таким же достоинством, как и братья, предстал он перед королем и попросил позволения приступить к третьему испытанию. Король ответил:

— Я очень рад, что вы справились с двумя испытаниями, это еще

никому не удавалось, хотя желающих было хоть отбавляй. Но все же я боюсь, что третье испытание окажется вам не под силу, потому что предмет, который вы должны поразить стрелой, очень мал и находится на большом расстоянии.

— Кто хочет получить руку королевны, — ответил Зоркоглазый, — тому не страшны никакие трудности, ибо такое великое счастье и во сне не приснится.

Тогда король дал позволение на другое утро приступить к следующему испытанию. А королевская дочь, опять наблюдавшая за прекрасным юношей через замочную скважину, со слезами на глазах сказала:

— О, если бы я могла чем-нибудь помочь этому юноше, чтобы он победил и в третий раз! Я бы отдала все свои сокровища, только бы стать его супругой!

Если уже в первые два дня испытаний огромные толпы народа стекались отовсюду поглядеть на чудо, то на третий день людей собралось столько, что и не счесть. На вершине высокой горы стоял человек, снизу он казался не больше вороны. Во рту он держал яблоко, его-то Зоркоглазый и должен был рассечь стрелой пополам.

Все считали, что это невозможно. Но человек, стоявший на горе и державший яблоко во рту, боялся, как бы стрелок все же не попал в цель, и из зависти решил сделать его задачу еще труднее. Он не стал брать яблоко зубами за черенок, как было условлено, а наполовину засунул его в рот, думая: «Чем меньше цель, тем труднее стрелку в нее попасть».

Однако Зоркоглазому было все равно — что половина яблока, что целое, — такой у него был острый взгляд. Прицелившись, юноша пустил стрелу, и — о чудо! — яблоко оказалось рассеченным надвое, как по мерке! А завистливый человек, засунувший в рот яблоко, понес заслуженное наказание за свое коварство: так как Зоркоглазый целился в середину яблока, а человек держал больше половины яблока во рту, то острая стрела рассекла ему рот с обеих сторон и вырвала куски щек.

Когда рассеченное яблоко принесли королю, как доказательство, в многотысячной толпе раздались ликующие крики. Такого чуда еще свет не видывал. Королевская дочь снова заплакала, но теперь уже от счастья: сбылось ее заветное желание. Король пригласил Зоркоглазого в замок, чтобы отпраздновать обручение, но юноша попросил отпустить его, сказав:

— Позвольте мне сегодня отдохнуть после моих трудов. А завтра повеселимся вволю!

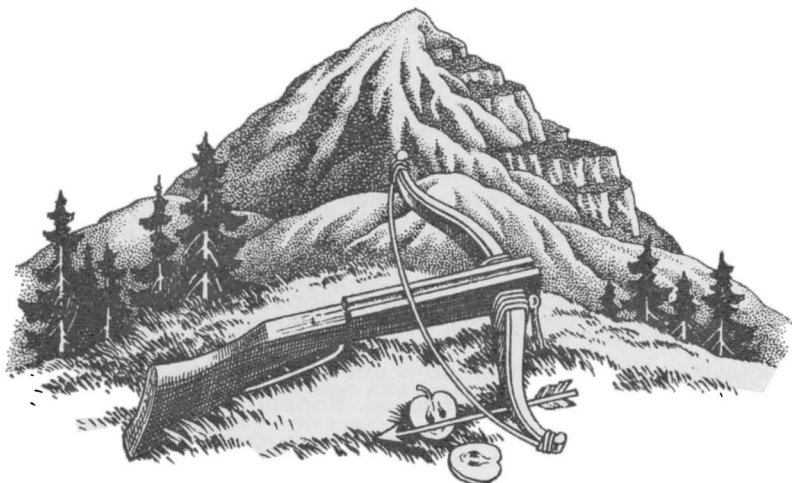
Он не хотел обманывать братьев, которые, как и он, совершили каждый свой подвиг. Жребий должен был решить, кому достанется награда.

Вернувшись к братьям, Зоркоглазый рассказал о своей удаче. Они долго радовались, как дети, а потом стали бросать жребий. Жребий, по воле божьей, пал на Зоркоглазого, и он должен был теперь стать зятем короля. Братья провели вместе последнюю ночь, а когда настало утро и пришел горький час расставания, Зоркоглазый направился в королевский замок, а Быстроногий и Ловкурокий — домой, к родителям.

Вернувшись на родину, братья купили себе обширные земли и поместья, так что их владения походили теперь на маленькие королевства. Зоркоглазый же отдал все свое прежнее имущество родителям и братьям: ему, как зятю короля, эти богатства были теперь не нужны.

Отец и мать не могли нарадоваться счастью сыновей, но материнское сердце часто грустило о том, что третий сын живет на дальней, чужой стороне и нет надежды повидать его. Когда родители умерли, Быстроногую и Ловкурокому не захотелось дольше оставаться на родине, они сдали свои поместья в аренду и снова пошли странствовать по белу свету, надеясь своим искусством нажить новые богатства.

Далеко ли, близко ли лежал их путь, какие дела они совершили и вернулись ли опять в родные места — об этом я ничего не знаю. А потомки Зоркоглазого, говорят, и поныне живут в той стране, где их прадеду в давние времена посчастливилось жениться на королевне.

СИРОТКИН ЖЕРНОВ

едная девочка, у которой умерли родители, осталась одна на целом свете, словно беззащитный ягненок. Отдали ее на воспитание злым, бессердечным людям. Здесь единственным ее другом был хозяйский пес Кранц, с которым девочка иногда делилась корочкой хлеба. С утра до вечера приходилось сиротке вертеть тяжелый жернов, размалывая муку для хозяйки. Стоило девочке хоть на минуту

остановить жернов, чтобы перевести дух, как хозяйка оказывалась тут как тут со своей дубинкой. К вечеру руки у бедняжки были точно деревянные, но никому до этого не было никакого дела. За тот кусочек хлеба, что дают сиротам из милости, они должны платить хозяевам потом и кровью. Один бог на небесах слышит жалобы сирот и считает слезы, которые катятся у них по щекам.

Однажды, когда девочка по обыкновению вертела тяжелый жернов, плача от обиды на злую хозяйку, которая оставила ее утром без еды, к дому подошел хромой, одноглазый нищий в рваной одежде. Но на самом деле это был вовсе не нищий, а знаменитый финский мудрец, который оделся нищим, чтобы никто его не узнал. Присел он на порог, пристально поглядел на девочку, вертевшую жернов, затем достал из своей котомки кусочек хлеба и, протягивая его ребенку, сказал:

— Обед еще не скоро, возьми кусочек хлеба, он подкрепит тебя.

Сиротка принялась грызть сухую корку, которая показалась ей слаще булки, и сразу же почувствовала силу в руках.

— У тебя, бедняжки, поди, руки устают все время вертеть тяжелый камень? — спросил нищий.

Девочка недоверчиво взглянула на старика, словно хотела узнать, всерьез ли он спрашивает или насмехается. Но лицо у нищего было ласковое и серьезное, поэтому девочка ответила:

— Кто сироту пожалует! Из-под ногтей у меня вечно течет кровь, а

хозяйка еще и бьет меня, если я не успеваю намолоть столько муки, сколько она хочет.

Нищий велел девочке рассказать ему о своем житье-бытье. Когда сирота кончила свой печальный рассказ, старик вынул из котомки старый платок, дал его девочке и сказал:

— Как будешь ложиться спать, повяжи этот платок вокруг головы и скажи от всего сердца: «Сладкий сон, унеси меня далеко-далеко и помоги найти такой жернов, который сам муку мелет».

Девочка поблагодарила старика и спрятала платок за пазуху. А нищий отправился своей дорогой. Вечером, ложась спать, сиротка сделала все так, как научил ее старик: обвязала голову платком и со слезами произнесла заветные слова, хотя и не надеялась, что они сбудутся. Зато в этот вечер девочка заснула с легким сердцем. Едва она закрыла глаза, как к ней явился удивительный сон. Он унес сиротку в дальние края, где с нею приключилось немало чудес. В конце концов она очутилась в глубоком подземелье. Может быть, это была и преисподняя — так здесь все было жутко и странно. Ворота, ведущие в подземелье, были открыты настежь, а вокруг — ни единого живого существа. Девочка пошла дальше и вдруг слышит шум, точно где-то работает огромный жернов. Робкими шагами направилась она в ту сторону и вскоре увидела амбар, а в нем большой ларь, из которого слышался гул камней. Ларь был так тяжел, что девочке не под силу было ни поднять его, ни сдвинуть с места. Пройдя еще чуть-чуть, она увидела конюшню, там у кормушки стоял белый конь. Внезапно девочке пришла в голову хорошая мысль: вывести лошадь из конюшни, впрячь ее в сундук и увезти его. Девочка так и сделала — привязала лошадь веревками к ларю, сама уселась на крышку и, погоняя коня длинной хворостиной, понеслась к дому.

Проснувшись на другое утро, девочка вспомнила чудесный сон. Ей казалось, что все это произошло с ней наяву и что она и впрямь приехала домой на крышке ларя. Огляделась она вокруг и вдруг видит — ларь подле кровати стоит. Вскочила девочка с постели, взяла мешочек ячменя, который не успела вечером смолоть, высыпала зерна в отверстие на крышке ларя, и — вот чудо! — камни тотчас же пришли в движение. Вскоре в мешке оказалась готовая мука.

Для сиротки настали счастливые времена. Волшебный жернов в ларе перемалывал все, сколько ему ни дай, и у девочки только и было работы, что сыпать зерно да выбирать из ларя готовую муку. Крышку ящика она никогда не открывала — старый нищий строго-настрого запретил это делать, сказав: «За это ты заплатишься жизнью».

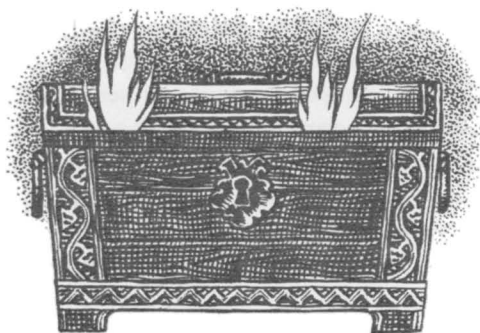
Вскоре хозяйка догадалась, что молоть зерно сиротке помогает волшебный жернов, и стала думать, как бы выгнать девочку из дому, а

вместо нее заставить работать ларь, — ведь его не надо было ни кормить ни поить. Но сперва хозяйке хотелось разузнать, что лежит в ящике и где скрывается чудесный мельник. Любопытство не давало женщине покоя ни днем ни ночью, ей хотелось во что бы то ни стало разгадать тайну ларя.

Однажды воскресным утром хитрая женщина велела сиротке собираться в церковь, сказав, что сама управится по хозяйству. Девочка удивилась — так ласково хозяйка с ней никогда еще не разговаривала, — однако с радостью надела чистую сорочку, лучшее из своих стареньких платьев и побежала.

Хозяйка стояла на пороге и смотрела вслед девочке, пока та не скрылась из виду, потом принесла из амбара мешочек зерна и высыпала его на крышку ларя, думая, что ларь сразу начнет молоть. А ларь и не думал молоть. Лишь когда горсть зерна попала в отверстие в крышке, камни завертелись. С превеликим трудом женщине удалось приподнять тяжелую крышку. Наконец щель расширилась настолько, что женщина смогла заглянуть внутрь. Да вот несчастье! — из ларя вдруг вырвался сноп огня, и хозяйка запылала, словно клоч пакли. Осталась от нее вскоре лишь горсть пепла.

Когда через несколько лет овдовевший хозяин захотел снова жениться, он подумал о том, что сиротка стала уже взрослой девушкой, и за невестой далеко ходить не надо. Свадьбу сыграли скромно и тихо, соседи вечером разъехались по домам, отправились спать и молодые. На другое утро, войдя в амбар, молодая хозяйка увидела, что ящик с жерновом исчез и никаких следов вора нигде не осталось. Сколько ни искали ящик, сколько ни расспрашивали, не попадался ли он кому на глаза, — так по сей день ничего и не узнали. Сон принес из-под земли волшебный ларь с жерновом, сон его, видимо, чудесным образом и обратно унес.

ДВЕНАДЦАТЬ СЕСТЕР

бедного бобыля было двенадцать дочерей, среди них — две пары двойняшек. Все девочки были здоровые, румяные, красивые и отличались скромностью и обходительностью.

Соседи, глядя на скудное житье бобыля, дивились — как это ему удается прокормить и одеть такую большую семью. Девочки были всегда умыты, причесаны и одеты в чистые белые сорочки,

словно господские дети. Одни думали, что у бобыля есть тайные помощники, другие считали его колдуном, третьи же — мудрецом, повелителем ветров, которому вихри на своих крыльях приносят всякое добро. А на самом деле все обстояло совсем иначе.

У жены бобыля была тайная покровительница, которая кормила, одевала и обучала детей. Когда бобылиха была еще молодой девушкой и работала на чужом хуторе, ей как-то три ночи сряду являлась во сне прекрасная женщина и приказывала в Иванову ночь прийти на берег ручья. Девушка, возможно, и забыла бы об этом сне, если б в Иванову ночь у костра не услышала голосок, тихо, будто комариный писк, звеневший у нее в ушах:

— Иди к ручью, иди к ручью, там тебя ждет счастье!

Услышав тайный зов, девушка немного испугалась, но потом набралась храбрости и, оставив подруг, веселившихся у костра и качелей, направилась к ручью. Чем ближе подходила она к ручью, тем сильнее сжимал ее сердце страх. Девушка, наверное, повернула бы обратно, но комариный голосок, звеневший в ушах, заставлял ее идти вперед.

У ручья она увидела женщину в белой одежде, сидевшую на прибрежном камне. Заметив испуг девушки, женщина поднялась, подошла к ней, протянула руку и сказала:

— Не бойся, милое дитя, я не причиню тебе зла. Слушай меня внимательно и запоминай все, что я тебе скажу. Нынче осенью станет к тебе свататься юноша, такой же бедный, как и ты. Но ты все же прими его сватовство. Вы оба хорошие люди, поэтому я решила сделать вас счастливыми и буду помогать вам и впредь. Но работу не бросайте, не то счастье ваше будет недолговечно. Вот тебе мешочек, возьми его и спрячь в карман. Там нет ничего, кроме нескольких камешков. Как родится у тебя первый ребенок, брось один камешек в колодец, и я приду навестить тебя; а станут крестить ребенка — буду ему крестной матерью. О сегодняшней же нашей встрече никому не говори ни слова. А теперь — прощай!

И странная гостя исчезла, будто сквозь землю провалилась. Девушка могла бы, пожалуй, посчитать все это сном, не останься у нее в руках мешочек. В нем она нашла двенадцать камешков.

Все, что предсказала гостя в Иванову ночь, сбылось той же осенью: к девушке посватался бедный батрак, и она вышла за него замуж. Через год молодуха родила первую дочку. Вспомнив, что приключилось с ней в Иванову ночь в дни ее девичества, она потихоньку встала с постели, пошла к колодцу и бросила в него камешек. И в ту же минуту перед ней появилась женщина в белом платье.

— Спасибо, что ты вспомнила обо мне, — сказала она приветливо. — Назначь крестины на воскресенье, через две недели. Я тоже приду в церковь и буду крестной матерью твоей дочери.

Когда в назначенный день ребенка принесли в церковь, туда пришла незнакомая молодая женщина, взяла девочку на руки и держала ее, пока совершался обряд. После крестин женщина завернула в пеленки серебряный рубль и отправила ребенка к матери.

С тех пор крестная мать являлась всякий раз, когда у жены бобыля рождался ребенок, и дарила каждой крестнице серебряный рубль.

Когда в семье родилась двенадцатая дочь, гостя сказала матери:

— Отныне ты больше не сможешь видеть меня, хотя я по-прежнему всегда буду с тобой и твоими детьми. Пусть твои дочери пьют колодезную воду, она даст им больше сил и здоровья, чем самые дорогие кушанья. А настанет время выдавать дочерей замуж, положи каждой в сундук тот рубль, что я подарила им в день крестин. Пусть и в будни, и в праздник девочки будут одеты в чистые сорочки и платки. Никакой роскоши они в детстве не должны знать.

Девочки росли и крепили — любо было смотреть на них. Хлеба в доме бобыля почти всегда было вдоволь, а иной раз и еще что-нибудь перепадало. И все же казалось, что больше всего сил дает детям и родителям простая колодезная вода.

Старшая дочь вышла замуж за богатого хозяйского сына. Хотя приданое у девушки было небольшое, родители сделали ей сундук и положили туда одежду и серебряный рубль, подаренный крестной. Стали поднимать сундук на телегу, да едва подняли — такой он оказался тяжелый. Видно, наложили туда камней, решили люди, ведь другого приданого бобыль дочке дать не мог.

Велико же было удивление молодой, когда, приехав в мужнин дом, она открыла сундук! Он был доверху наполнен тонким полотном, а на дне в кожаном мешочке оказалось сто серебряных рублевых монет.

Так случалось всякий раз, когда какая-нибудь из дочерей бобыля выходила замуж. А красавицы долго не засиживались в девушках с тех пор, как в народе прошел слух об их богатом приданом.

Но один из зятьев бобыля оказался очень жадным. Ему было мало того, что принесла с собой невеста. «Если родители дают за каждой дочерью такое богатое приданое, — думал он, — значит, у них еще немало добра припрятано».

Как-то пришел он к тестю в гости и стал клянчить, чтобы тот поделился с ним своим богатством. А бобыль и говорит ему:

— Нет у меня за душой ни гроша. Дал я своим дочкам в приданое по одному сундуку — больше не смог. А уж что каждая из них потом в своем сундуке нашла, так это не мною нажито, а крестной матерью подарено. В день крестин она дарила своим крестницам по серебряному рублю, а после этот дар в сундуке превращался в приданое.

Жадный зять не поверил тестю и стал грозить, что пожалуется на него в суд: старик, мол, волшебник, колдун, обманом скопил большие богатства. Но бобыль не чувствовал за собой никакого греха и поэтому не испугался угрозы зятя. А тот все-таки выполнил свою угрозу — подал жалобу. Судья вызвал и остальных зятьев бобыля и спросил, какое каждый из них получил приданое. Те подтвердили, что каждому достался сундук, полный тканей, и по сто рублей серебром. Судьям это показалось очень странным. Весь окрестный народ знал, что бобыль беден и что не было у него никакого богатства, кроме двенадцати красавиц-дочерей. Правда, сестры сызмала ходили в чистых белых сорочках, но никто из соседей никогда не видел у них ни брошей на груди, ни пряжек, ни пестрого платка на шее.

Посоветовавшись, судьи решили подробнее расследовать это странное дело: а что если старый бобыль и впрямь колдун.

И вот однажды судьи с множеством слуг выехали из города. Они решили расставить вокруг избышки бобыля стражу, чтобы никто не мог убежать оттуда или тайком вынести добро. Жадного зятя взяли с собой в проводники.

Достигнув опушки леса, где стояла хибарка бобыля, судьи всюду расставили стражу, чтобы ни единое живое существо не могло скрыться, пока все не выяснится. Лошадей судьи тоже оставили здесь и пошли пешком по тропинке прямо к домику. Зять бобыля велел всем ступать потише и не разговаривать, не то колдун может улететь на крыльях ветра. Вскоре они приблизились к избушке, и тут вдруг между деревьями увидели странное сияние: чуть поодаль возвышалось величественное здание, все из стекла. Здесь горели сотни свечей, хотя день стоял солнечный и света во дворе и в доме было достаточно. Два воина, с головы до ног закованные в железные доспехи, с длинными обнаженными мечами в руках, охраняли вход во дворец. Судьи не могли прийти в себя от изумления, ибо все это скорее напоминало сон, чем явь.

Тут из дворца вышел красивый юноша в шелковых одеждах и сказал: — Королева приказала просить старшего судью к себе.

Судья, хоть и побаивался немножко, все же пошел вслед за юношей.

Кто смог бы описать роскошь и блеск, открывшиеся его глазам: в великолепной комнате, величиной с церковь, на троне восседала женщина, одетая в шелк, бархат и золото. На голове ее блистала золотая корона. А немного пониже на золотых стульях сидели двенадцать прекрасных девушек, наряженных так же пышно, как и королева, только без корон на голове. По обеим сторонам комнаты стояли слуги в белых шелковых одеждах, с золотыми цепочками на шее.

Когда старший судья, поклонившись, приблизился к трону, королева спросила его:

— Зачем вы выехали сегодня из города со множеством слуг, точно в погоню за преступниками?

Судья хотел ответить, но страх сковал ему язык и он не смог вымолвить ни слова.

— Мне известно о зловном и лживом наговоре, — продолжала королева, — ибо от моих глаз ничто не может укрыться. Приведите ко мне коварного клеветника, но сперва наденьте ему на руки и на ноги железные кандалы — я сама буду вершить над ним суд. Пусть остальные судьи и их слуги тоже войдут и пусть видят все; потом они смогут подтвердить, что здесь не было совершено несправедливости.

Один из слуг королевы поспешно вышел, чтобы передать приказ. Вскоре в зал ввели клеветника. Его руки и ноги были закованы в кандалы, и шестеро воинов в железных доспехах окружали его. За ними следовали судьи и их слуги. Когда все вошли, королева сказала:

— Прежде, чем свершится суд и виновный будет по заслугам наказан, я должна раскрыть вам тайну. Я верховная повелительница вод. Мне подвластны все подземные ключи и все истоки рек. Мой муж — старший

сын короля ветров, но мы должны были держать наш брак в тайне, пока был жив король-отец, не разрешавший сыну жениться. Я не могла воспитывать детей дома, и поэтому, когда у жены бобыля рождалась дочь, я уносила ребенка, заменяя его своим, а дочери бобыля воспитывались в семье моей тетки.

Каждый раз, когда одна из дочерей бобыля собиралась замуж, я снова совершала обмен: в ночь перед свадьбой я уводила свою дочь, а вместо нее приводила дочь бобыля. Старый король ветров давно уже хворал и не вставал с постели, а потому и не замечал нашего обмана.

В день крестин каждый ребенок получал от меня серебряный рубль, который потом превращался в приданое для невесты. Все зятья были довольны своими молодыми женами и их приданным, но этот алчный человек, которого вы видите здесь перед собой закованным в кандалы, решил оклеветать своего тестя, надеясь таким путем получить побольше добра.

Две недели тому назад старый король умер, и мой супруг стал повелителем ветров. Теперь нам уже не надо держать наш брак в тайне и скрывать детей. Здесь перед вами сидят мои двенадцать дочерей. Об их приемных родителях, бобыле и его жене, я позаботилась. Они останутся у меня до самой смерти.

— А ты, жалкий клеветник, которого я приказала заковать в кандалы, — сказала королева, обращаясь к зятю бобыля, — должен немедленно понести заслуженную кару. Я велю приковать тебя цепями к золотой горе, чтобы твои жадные глаза всегда видели золото, но ни одна пылинка его не попала тебе в руки. Семьсот лет будешь ты терпеть эти мучения, пока смерти не будет позволено унести тебя на покой. Таков мой приговор.

Едва королева произнесла эти слова, как раздался страшный грохот, словно разразилась гроза. Земля задрожала, и судьи со слугами упали в беспмятстве. Очнувшись, они увидели, что находятся в лесу, на том самом месте, куда привел их зять бобыля. Но там, где только что стоял стеклянный дворец во всей своей пышности и великолепии, теперь из-под земли пробивался холодный прозрачный ручеек.

О бобыле, его жене и жадном зяте в народе ничего больше не слышали. А овдовевшая дочь бобыля осенью снова вышла замуж и прожила счастливо до самой смерти.

КАК СИРОТА НАШЕЛ СВОЕ СЧАСТЬЕ

ил однажды на свете бедный поденщик. Работали они с женой не покладая рук, и все же заработка их едва хватало на пропитание. Из троих детей, родившихся у бедняков, в живых остался лишь младший сын.

Когда мальчику было девять лет, родители его умерли один за другим, и сироте ничего другого не оставалось, как пойти по домам просить милостыню у добрых людей.

Год спустя мальчик как-то забрел на хутор к зажиточному хозяину, которому как раз в то время нужен был подпасок. Хозяин был не злой человек, но плясал под дудку жены. А жена его, управлявшая всем домом, оказалась сущей ведьмой. Нетрудно себе представить, как здесь жилось сироте. Каждый день он терпел побои, которых с избытком хватило бы на троих, а хлеба никогда не получал столько, чтобы поесть досыта. Но на лучшую долю сироте нечего было надеяться, поэтому он все терпеливо сносил.

Однажды случилось несчастье — из хозяйского стада пропала корова. До самого вечера бегал мальчик по лесу, но коровы так и не нашел. Хоть и знал сирота, что его ждут побои, все же пришлось ему вечером гнать стадо домой. Солнце не успело еще закатиться, как до пастушка донесся голос хозяйки:

— Ах ты, ленивый пес! Ты куда это запропастился со стадом?

Делать нечего, надо было спешить домой, где его ждала хозяйская палка.

Когда стадо подошло к воротам хутора, были уже сумерки, однако острый глаз хозяйки сразу заметил, что одной коровы не хватает. Не говоря ни слова, злая женщина выдернула из изгороди жердь и стала так колотить мальчика, словно хотела его всего измолотить. В гневе она за-

секла бы беднягу до смерти или изуродовала на всю жизнь, да, к счастью, хозяин, услышав плач и крик пастушка, пожалел его и пришел на помощь. Он хорошо знал злой нрав своей жены, поэтому решил прямо в дело не вмешиваться, а действовать обиняком.

— Ты ему ноги не ломай, — просительно сказал он жене, — чтоб он мог пойти поискать корову. Это нам выгоднее, чем отправить его на тот свет.

— Верно, — ответила хозяйка. — С мертвого взятки гладки. — И, наградив мальчика еще парой затрещин, она послала его в лес разыскивать корову.

— Без коровы не возвращайся — заколочу до смерти! — пригрозила она ему.

Плача и вздыхая, мальчик вышел из ворот и поплелся в лес, где днем пас стадо. Он бродил по лесу всю ночь напролет, но не нашел и следов пропажи. Наутро, когда выглянуло солнышко, у сироты уже было готово решение. «Будь что будет, — сказал он себе, — но домой я больше не вернусь!» — и побежал куда глаза глядят. Хутор остался позади, и с каждым шагом мальчик все больше отдалялся от дома. Долго ли он бежал и далеко ли зашел, сирота и сам не знал. Но когда силы его иссякли и он, как мертвый, упал на траву, солнце стояло уже высоко и время близилось к полудню.

Очнувшись от тяжелого сна, мальчик почувствовал на своих губах влагу. Он открыл глаза и увидел подле себя маленького старичка с длинной седой бородой. Старичок как раз закрывал затычкой флягу.

— Дай мне еще попить, — попросил сирота.

— На сегодня достаточно, — ответил старичок. — Если бы я по пути случайно не забрел сюда, ты бы так и уснул навеки. Ведь ты едва дышал, когда я подошел к тебе.

Потом старик расспросил мальчика, кто он и куда идет. Сирота рассказал ему всю свою жизнь, с того времени, как себя помнил, и кончая вчерашними боями. Молча, в глубоком раздумье, слушал старик рассказ сироты и, когда тот кончил, произнес серьезно:

— Милое дитя! Тебе жилось не хуже и не лучше, чем многим другим детям, чьи родители уже покоятся в могиле: некому позаботиться о сироте, некому осушить его слезы. Возвращаться к хозяину тебе нельзя. Раз уж ты убежал, ищи себе счастья на свете. У меня у самого нет ни дома, ни земли, ни жены, ни детей, поэтому я не могу о тебе заботиться. Но я хочу дать тебе хороший совет. Спокойно проспай здесь эту ночь. Утром, когда взойдет солнце, хорошенько приметь то место, где оно встало, туда и иди. Следи, чтобы по утрам солнце светило тебе в глаза, а по вечерам — в затылок. Путь твой далек, но ты не пугайся — с каждым

днем силы твои будут крепнуть. Через семь лет ты увидишь перед собой огромную гору, высотой до самых облаков. Там ждет тебя счастье.

Вот тебе мешок и фляга. В них ты всегда найдешь пищу и питье, как раз столько, сколько тебе понадобится. Только смотри, ни кусочка хлеба, ни капли питья не расходуй зря, не то легко может случиться, что их источник иссякнет. Если увидишь голодную птицу или зверя, которого мучит жажда, поделись с ними — это тебе разрешается. На дне мешка ты найдешь свернутый лист лопуха. Храни его бережно. Если встретится на твоём пути река или озеро, опусти лопух в воду, и он тотчас же превратится в лодку и перевезет тебя на другой берег. Потом снова сложи листочек и спрячь в мешок.

Старик передал мальчику мешок и флягу и, промолвив: «Прощай!» — исчез.

Мальчику могло бы все это показаться сном, но мешок и фляга в его руках подтверждали, что старичок приходил наяву. Сирота заглянул в мешок и нашел там половину каравая, две коробочки — одну с солевой салакой, другую с маслом — и порядочный кусок поджаренного свиного сала. Таких яств он давно уже не пробовал. В фляге же было питье, имевшее вкус свежего молока с медом. Мальчик утолил голод и лег спать, положив под голову мешок и флягу, чтобы никакой вор не стащил их.

Наутро сирота встал вместе с солнышком, подкрепил свои силы и двинулся в путь. К своему удивлению, он, хоть и много прошел, совсем не чувствовал усталости, и только голод напомнил ему о том, что наступило время обеда. Тогда он раскрыл свой мешок, наелся досыта, немного поспал и отправился дальше. С пути он не сбился: заходящее солнце светило ему прямо в затылок.

Так он шел уже не один день, направляясь прямо на восток, пока не увидел перед собой небольшое озеро. Теперь можно было испытать чудесную силу лопуха. Все произошло так, как и предсказывал старик: вместо лопуха на поверхности воды качалась маленькая лодочка. Мальчик сел в нее, взмахнул веслами и вскоре очутился на другом берегу. Здесь лодочка снова превратилась в лист лопуха, и сирота спрятал его в мешок.

Он странствовал так уже много лет, но запасы пищи и питья в его мешке и фляге никогда не уменьшались. С того дня, как сирота двинулся в путь, прошло, наверное, лет семь, потому что мальчик успел уже превратиться в сильного юношу. Однажды он увидел вдали высокую гору, которая, казалось, упиралась вершиной в самые тучи; но прошло больше недели, прежде чем сирота достиг подножия горы. Здесь он присел

отдохнуть. «Увидим, — подумал он, — сбудутся ли предсказания старика».

Вдруг до его слуха донеслось странное шипение, и вскоре показалась большая змея, длиной по меньшей мере сажен в двадцать. Она ползла, извиваясь, недалеко от того места, где сидел юноша. Он хотел убежать, но страх сковал его тело. Змея быстро проползла мимо.

Некоторое время вокруг было тихо. Потом до юноши донесся такой звук, словно какое-то большое животное приближалось тяжелыми прыжками — гоп-гоп! Это была огромная жаба, ростом с двухлетнего жеребенка. Отвратительное существо также проскакало мимо юноши, не заметив его.

Наконец шум послышался высоко в небе, точно надвигалась буря. Юноша взглянул вверх и увидел в воздухе большого орла. Он летел в ту же сторону, куда скрылись змея и жаба.

«Эти чудеса принесут мне счастье!» — подумал юноша. И вдруг он увидел, как прямо на него скачет всадник на вороном коне. Конь летел как ветер, точно вместо ног у него были крылья.

Всадник, увидев у подножия горы юношу, остановил коня и спросил:

— Проходил тут кто-нибудь?

— Здесь проползла змея длиной, наверно, сажен в двадцать, — ответил юноша. — Потом проскакала большая жаба величиной с двухлетнего жеребенка и, наконец, пролетел орел. Велик ли он был, я судить не мог, но шум его крыльев напоминал раскаты грома.

— Ты все правильно заметил, — сказал всадник. — Это мои заклятые враги, я сейчас гонюсь за ними. Я бы охотно взял тебя к себе на службу, если у тебя на примете нет ничего лучшего. Поднимись на вершину горы и на другом ее склоне увидишь мой дом. Я поспею туда к твоему приходу, если не раньше.

Юноша согласился, и всадник быстрее ветра помчался дальше.

Идти в гору было нелегко. Три дня пришлось потратить нашему путнику, чтобы взобраться на вершину горы, а затем еще два дня, чтобы спуститься по другому склону. Хозяин был уже дома. Он рассказал, что догнал и убил змею и жабу, но орла ему так и не удалось поймать. Потом хозяин спросил юношу, не согласится ли тот наняться к нему на год в батраки.

— В сытной пище недостатка у тебя не будет, ешь сколько душе угодно. И на жалованье я не поскуплюсь, если будешь преданно служить мне.

После того, как договор был заключен, хозяин повел нового работника по своим владениям, объясняя, какую работу он должен выполнять.

Юноша увидел пещеру в скале, вход в которую был закрыт тройной железной дверью.

— В пещере прикованы цепями злые псы, — сказал хозяин. — Ты должен следить, чтобы они не прорыли лапами яму под дверью. Знай, если хоть один их псов вырвется на волю, удержать остальных будет уже невозможно: они пойдут за своим вожакom и уничтожат все живое на земле. Как только последний пес убежит из пещеры, наступит конец света и солнце взойдет в последний раз.

Потом хозяин подвел работника к горе, которую не бог создал, а сложили человеческие руки из обломков скал, нагроможденных один на другой.

— Эти камни снесены сюда для того, — сказал хозяин, — чтобы можно было сразу подкатить один из них к двери, если псы пророют под нею яму. Быки, которые возят камни, стоят в хлеву. Я покажу их тебе и объясню, что ты должен делать.

В хлеву юноша увидел около ста огромных черных быков; у каждого на голове было по семь рогов.

— Шесть пар этих быков, запряженные в телегу, без труда увезут камень, — сказал хозяин. — Вот тебе железный лом. Как только ты дотронешься до камня, он тотчас же сам скатится в телегу. Видишь, труд твой не сложен, но ты должен быть все время начеку. Чтобы не случилось беды, проверяй двери по три раза в день, а ночью — один раз. Не то урон может оказаться настолько велик, что тебе со мной и не рассчитывать будет.

Наш славный юноша быстро освоился с новой работой, и она пришлась ему по душе: каждый день ешь и пей чего только душа не пожелает! Через два-три месяца юноша заметил, что псы прорыли под дверью дыру, сквозь которую уже могли просунуть нос; тут к двери сразу же привалили камень, и псам пришлось начинать все сызнова.

Так прошло несколько лет. За это время юноша скопил порядочно денег из своего жалованья. Но вдруг он затосковал и ему захотелось снова вернуться к людям: ведь в течение долгих лет он никого не видел, кроме своего хозяина. Тот, правда, обращался с юношей хорошо, но время здесь тянулось очень медленно и скучно, особенно когда на хозяина нападал беспробудный сон; он тогда спал по семь недель подряд.

Как-то раз, когда на хозяина опять напал сон, прилетел большой орел и, усевшись на скалу, повел такую речь:

— Ну и глуп же ты, что отдаешь драгоценную жизнь за вкусную еду и питье. От денег, которые ты скопил, тебе все равно никакого проку, ведь здесь нет людей, которым они понадобились бы. Лучше сделай вот

что: возьми из конюшни хозяйского быстрогого коня, привяжи ему на спину мешок с деньгами, сам садись на мешок и поезжай туда, где заходит солнце. Через несколько недель ты приедешь к людям. Но коня ты должен держать на железной цепи, чтобы не убежал. Не то он возвратится к прежнему хозяину, и тот сможет прискакать за тобой. А пока у него коня нет, он бессилен.

— Но кто же будет стеречь псов, если я уйду? Ведь хозяин спит, — сказал работник.

— Глупец ты, глупцом и останешься! — ответил орел. — Неужели ты до сих пор не понял, что милосердный творец для того и создал твоего хозяина, чтобы он стерек адских псов. Но он большой лентяй, потому и спит по семь недель. А не будет у него батрака — небось отвыкнет подолгу спать и сам примется за работу.

Этот совет пришелся работнику по душе. Он поступил так, как велел орел: взял коня, привязал ему на спину мешок с деньгами, сам сел на мешок и поскакал. Не успел он спуститься с горы, как услышал, что хозяин кричит ему вдогонку:

— Стой! Остановись! Ради бога, забирай ты свои деньги, только оставь мне коня!

Но работник не послушал его, а спокойно продолжал свой путь и через несколько недель снова очутился среди людей. Вскоре он построил хороший дом, взял себе молодую жену и зажил богато и счастливо. Если он еще не умер, то живет и по сей день; но его быстрогого коня уже давно нет на свете.

ЧУРБАН И БЕРЕСТА

одного скупого хозяина вечно бывали в доме ссоры и раздоры, потому что ни один батрак, ни одна служанка не могли у него ужиться. Хотя хозяин и не требовал с них работы больше, чем другие, но кормил слуг так скудно, что им никогда не удавалось наесться досыта. Пять-шесть месяцев такой собачьей жизни еще можно было вытерпеть, а потом голод снова гнал людей куда глаза глядят. И когда в

конце концов по всей округе узнали, почему слуги бросают скупого хозяина, никто больше не стал наниматься к нему в работники.

В ту пору далеко в Алутага* жил знаменитый мудрец, и хозяин решил сходить к нему за советом. Принес он ему в подарок мешок денег и другое добро и спросил — нельзя ли где сыскать таких батрака и батрачку, которые бы хорошо работали, а хозяина своего не объедали.

— Сыскать, конечно, можно, — ответил мудрец. — Только мне это не под силу. Придется тебе пойти к старому хозяину** — он один может тебе помочь.

Затем мудрец стал поучать скрягу: пусть три четверга подряд, незадолго до полуночи, выходит на перекресток, взяв с собой черного зайца в мешке, и там свистит, вызывая старого хозяина.

— А уж сторговаться с ним ты и сам сумеешь, — добавил мудрец. — Больше я тебе ничем помочь не могу. Только смотри, не давай себя обмануть.

Скряга спросил, где же ему достать черного зайца, и тогда мудрец посоветовал взять черную кошку.

Когда наступил первый четверг, хозяин, сунув в мешок кошку, отправился на перекресток, хотя и страшновато ему было. Он свистнул и стал

* Алутага — местность в Эстонии, прилегающая к Чудскому озеру с севера.

** «Старый хозяин» — одно из наименований черта в эстонских народных сказках.

ждать, но никто не появлялся. Тогда хозяин свистнул еще раз, подумав при этом: «Если он и теперь не явится, значит, я зря приходил».

Тут в воздухе послышался шум, словно кто-то раздувал кузнечные мехи. Потом над головой у хозяина пронеслось что-то черное, и чей-то голос спросил:

— Чего тебе, братец, надо?

— Продаю черного зайца, — ответил хозяин.

— Приходи в четверг на той неделе, мне сегодня недосуг торговаться с тобой, — ответил голос, и черная тень тотчас же исчезла.

Человеку стало досадно, что он потратил время зря, но пришлось смириться: когда имеешь дело с самим стариком, надо запастись терпением.

Через неделю хозяин снова пришел на перекресток. На этот раз не успел он свистнуть, как появился маленький старичок с сумой за плечами и спросил:

— Чего тебе, братец, надо?

— Продаю черного зайца, — снова ответил хозяин.

— Сколько ты за него хочешь?

— Дорого не спрошу, — сказал крестьянин. — Дай мне батрака и батрачку, которые бы хорошо работали и меня не объедали.

— На сколько лет думаешь договариваться? — спросил старик.

— Да по мне хоть до конца жизни, — ответил хозяин.

Но старичок сказал, что не может заключить сделку сроком больше, чем на семь или на четырнадцать лет, на что крестьянин и согласился.

— Приходи в четверг на той неделе и захвати с собой своего черного зайца, — сказал старик. — А я приведу тебе батрака и батрачку, которые никогда не спросят у тебя ни есть ни пить. Но в засуху ты должен класть их на ночь в воду, иначе они не смогут больше работать.

В третий четверг вечером хозяин снова пришел на перекресток. Только он свистнул, как старик появился, но один, без батрака и батрачки.

— Ты должен дать мне три капли своей крови из указательного пальца в залог того, что не отступишься от сделки, — потребовал старик.

— А где же батрак и батрачка? — удивился хозяин.

— В мешке, — ответил старик.

Но мешок был так мал, что крестьянин не поверил. Старик, как будто прочитав его мысли, промолвил:

— Не бойся, я тебя не обману.

Он пошарил в мешке, вытащил оттуда узелок величиной с клок кудели и сказал:

— Вот твой батрак!

И тотчас же рядом со стариком стал высокий, широкоплечий парень. Потом старик вытащил из мешка второй узелок, из которого вышла девушка.

— Вот твои батраки. Кормить их не надо, — сказал старик. — Теперь дай мне в залог три капли крови и черного зайца и ступай домой.

Хозяин сделал все, что полагалось по уговору, а затем спросил, как зовут его новых работников.

— Батрака зовут Чурбан, а батрачку — Береста, — ответил старик и, засунув мнимого зайца в мешок, пошел своей дорогой. А хозяин с новыми домочадцами отправился домой.

Батрак и батрачка работали на хозяина от зари до зари, но есть никогда не просили, чем скряга был очень доволен. И если иной раз в знойный летний день работники казались усталыми, их клали на ночь в воду, и оба к утру становились такими же свежими и сильными, как и раньше. А скаредный хозяин, которому не надо было кормить батраков и платить им жалованье, богател с каждым годом.

Так прошло семь лет, потом еще без малого семь. Хозяин забеспокоился, что ему скоро придется лишиться своих работников, и стал думать, как бы продлить срок сделки.

Как-то утром, проснувшись, хозяин увидел, что батрак и батрачка еще не принимались за работу. Думая, что они заспались на сеновале, он приставил лестницу к стене и полез наверх. Но на сеновале было пусто, только на постелях батраков лежали гнилой чурбан и кучка бересты. Тут хозяин понял, что означали имена его работников, — по-видимому, батрак и батрачка были колдовским способом сделаны из дерева и бересты.

Хозяин только собрался было спуститься вниз, как вдруг чья-то рука схватила его за горло и тут же задушила. Когда жена стала искать мужа, она не нашла на сеновале ничего, кроме трех капель крови. Войдя в амбар, хозяйка увидела, что закрома пусты, а сундук, где хранились деньги, набит пожелтевшими березовыми листьями.

Вмиг пропало все накопленное ими добро. Вскоре умерла от горя и вдова хозяина; ей, правда, так и не довелось узнать, что ее мужа задушил старый черт, которому скряга из алчности продал свою душу.

Так был наказан скупой хозяин, накопивший богатство несправедливым путем.

КОРОЛЬ ТУМАННОЙ ГОРЫ

Отправились как-то раз деревенские ребята в лес в ночное. Погода стояла холодная, туманная, и даже у костра никак не отогреть было закоченевшие руки. Вдруг одна девочка, побойчее других, сказала:

— Пойду-ка я побегаю, согреюсь лучше, чем у огня сидя.

С этими словами она пустилась бежать. Остальные засмеялись ей вслед:

— Небось скоро вернется!

Однако маленькая беглянка не возвратилась.

Утром, едва рассвело, они принялись аукать, звать пропавшую подружку — никто не откликался. Дети подумали: она, верно, ушла в деревню. Но и придя домой, нигде не нашли беглянки. Родители ее отправились в лес искать дочку, ходили весь день, но тоже никаких следов не нашли. И стало им страшно — не загрызли ли девочку хищные звери. Озабоченные и печальные вернулись отец с матерью вечером домой.

А с девочкой случилось вот что. Отбежав довольно далеко от других детей, она увидела впереди холм, на котором горел огонь; больше ничего не разглядеть было в густом тумане. Девочка подумала, что там сидят у костра люди, тоже пришедшие в ночное; но, взобравшись на холм, увидела одноглазого старика с седой бородой — он лежал на боку у огня и подгребал головешки своей железной палкой.

Девочка испугалась, хотела убежать, но старик уже заметил ее и крикнул громким голосом:

— Стой на месте, не то я запущу в тебя железной палкой! У меня хоть и один глаз, да зоркий, и рука твердая, мимо цели никогда не бью.

Девочка дрожая остановилась. Старик велел ей подойти поближе, но она не решалась. Тогда старик встал, взял девочку за руку и промолвил:

— Иди сюда, погрейся!

Как ни боязно было девочке, а пришлось пойти. Старик вынул из

своей котомки булку, дал девочке и приказал есть. Потом стукнул палкой по траве, и возле костра вдруг оказались две прехорошенькие девочки, точно из-под земли выросли. Вскоре дети освоились друг с другом, стали играть и резвиться у огня. А старик закрыл глаз, как будто заснул.

Когда стало светать, появилась какая-то старушка и сказала деревенской девочке:

— Сегодня ты останешься в гостях у наших детей и переночуешь здесь. Потом я отведу тебя домой.

Девочка, хотя и была вначале очень напугана, скоро так подружилась с детьми, что уже не боялась и не думала о доме. День прошел в играх, а вечером всех детей вместе увели спать. Однако на другое утро явилась какая-то молодая женщина и сказала девочке:

— Сегодня ты должна будешь вернуться домой, так как твои родители очень горюют по тебе: они думают, что ты умерла.

С этими словами она взяла девочку за руку и вывела ее из лесу. Затем женщина проговорила:

— Дома никому не рассказывай о том, что ты видела и слышала минувшей ночью. Скажи просто, что заблудилась в лесу. — И, протянув девочке круглую брошь, добавила: — Если тебе когда-нибудь захочется навестить нас, подуй на эту брошь и ты сейчас же найдешь к нам дорогу!

Девочка спрятала брошь в карман и по пути в деревню все время спрашивала себя — что подумают обо всем этом ее родители. Ведь сказать им правду она не могла.

В деревне ей повстречались двое мужчин, которых она не знала. Когда она подошла к воротам отцовского двора, ей все здесь показалось совсем чужим: там, где раньше было пустое место, теперь росли яблони, увешанные прекрасными плодами. И дом казался незнакомым. Из двери вышел какой-то неизвестный ей человек, удивленно покачал головой и произнес так, что девочка услышала:

— У нас на дворе какая-то чужая девушка.

Девочке показалось, будто это сон. Все же она прошла еще несколько шагов и приблизилась к порогу избы. Заглянув в дверь, она увидела своего отца, сидящего на лежанке у печи, а рядом с ним незнакомую женщину и какого-то юношу. У отца борода и волосы были совсем седые.

— С добрым утром, отец! — промолвила дочь. — А где матушка?

— Матушка? — с испугом повторила чужая женщина. — Господи помилуй! Кто ты — дух нашей пропавшей Тийу или живой человек, как и мы? Неужели наше дорогое дитя, умершее семь лет назад, могло снова воскреснуть!

Тийу ничего не поняла из этих речей. Тут незнакомая женщина встала со скамьи, завернула у Тийу рукав рубашки, под которым на руке оказался маленький шрам от ожога, и бросилась на шею молодой девушке.

— Наша Тийу, наше дитя! — воскликнула она. — Семь лет назад ты пропала в лесу, и мы оплакивали тебя как умершую.

— Этого быть не может, — ответила Тийу. — Я не была дома только сутки или же один день и две ночи.

Удивлению родителей и самой Тийу не было конца. Тийу поняла, что отсутствовала дольше, чем ей самой казалось: она теперь была выше своей матери, отец и мать уже успели состариться. Ей очень хотелось рассказать родителям о своем приключении, да нельзя было. Наконец она проговорила.

— Я заблудилась и попала к чужим людям.

Радость родителей, снова нашедших свою дочь, была так велика, что они и не стали расспрашивать, где она пропадала.

Но на другой день вечером, когда отец и мать легли спать, Тийу не вытерпела — вынула из кармана брошь и подула на нее, чтобы узнать наконец, что за чудеса с ней приключились. И в тот же миг она оказалась на холме у костра; одноглазый старик сидел там же, где и раньше.

— Милый дедушка! — попросила его Тийу. — Объясни мне, что со мной было?

Но старик ответил с улыбкой:

— Болтовня — это дело женское!

Он стукнул палкой о землю, и перед Тийу появилась та молодая женщина, которая провожала ее домой и подарила ей брошь. Она взяла Тийу за руку и отвела на несколько шагов от костра. Тут она промолвила:

— Ты дома ни о чем не проговорила, поэтому я открою тебе тайну. Старик, сидящий у костра, — это король Туманной горы, старушка, которую ты видела в первый вечер, — Лесная волшебница, а мы — ее дочери. Теперь я подарю тебе красивую брошь из витого серебра; домашним скажи, что ты ее нашла. Когда захочешь нас видеть, подуй на брошь. Сегодня я не могу больше с тобой говорить. Но если будешь и впредь молчать, узнаешь о нас еще многое. А теперь иди домой, пока родители не проснулись.

Встав поутру, Тийу подумала: наверное, все, что произошло ночью, ей попросту приснилось. Только брошь, блестящая у нее на груди, подтверждала, что это было наяву.

Но теперь все в деревне стало ей таким чуждым, что по вечерам, когда родители засыпали, она часто дула на свою брошь, стремясь снова

попасть на Туманную гору. Днем она почти всегда бывала грустна, тосковала по веселым ночным праздникам и нигде не находила себе покоя.

Осенью сватались к Тийу несколько женихов, но она всем отказывалась. Наконец перед рождеством она обручилась с тем юношей, которого увидела в отцовской избе в день своего возвращения. Зять переселился в дом тестя, так как родители Тийу были уже стары.

Через год у Тийу родилась славная дочурка. Но и это не принесло успокоения молодой матери, она все время тосковала по Туманной горе и с радостью отправилась бы туда, если б могла оставить ребенка.

Когда девочке исполнилось семь лет, Тийу однажды ночью не смогла побороть свою тоску, подула на брошь и сразу очутилась на Туманной горе. Дочери Лесной волшебницы с криками радости выбежали ей навстречу.

— Почему ты так долго не приходила? — спросили они.

Тийу со слезами рассказала, почему она никак не могла прийти, хотя всей душой стремилась сюда.

— Король Туманной горы нам поможет, — воскликнули девушки. Они попросили Тийу прийти ровно через две недели и взять с собой свою маленькую дочку. Тийу обещала, если будет возможно, выполнить это.

Но когда подошло время уходить из дому, девочка так спокойно спала рядом с отцом, что у Тийу духу не хватило унести ее с собой. Поэтому она снова отправилась в путь одна. Старый король Туманной горы опять лежал у костра. Завидев Тийу, он сказал:

— В недобрый час пришла ты сегодня сюда без своего ребенка. Это принесет тебе большое несчастье. Но этой ночью ты сможешь в последний раз насладиться радостью, пока еще не начались твои страдания.

Сказав это, он стукнул палкой о землю. В тот же миг явились дочери Лесной волшебницы и увели Тийу на чудесный праздник.

Тем временем дома проснулся муж. Увидев, что жены нет в постели, он встал и пошел ее разыскивать, но нигде — ни в доме, ни во дворе — не нашел и следа. Тут в сердце его вспыхнул гнев: он решил, что жена пошла по дурной дороге. Поэтому он не лег снова спать, а тотчас же отправился к деревенскому знахарю, чтобы рассказать ему обо всем и спросить совета. Знахарь сперва отхлебнул вина, чтобы лучше уяснить себе суть дела, потом промолвил:

— С твоей женой дело неладно, она по ночам бегаёт обратным, и, как видно, это длится уже давно, только ты до сих пор не замечал. Когда она вернется, ты должен сразу же передать ее в руки суда.

Вернувшись домой, муж нашел жену спокойно спящей в постели рядом с ребенком, но не стал ее будить и спрашивать о ночной отлучке, а отправился к судье, как велел ему знахарь.

Жену вызвали в суд. Она не захотела рассказать, где была минувшей ночью, не захотела также признаться, где скрывалась семь лет, еще будучи ребенком. Она промолвила только:

— На моей душе нет греха, больше мне поведать нечего.

А так как она и позже не открыла своей тайны, то суд в конце концов вынес приговор: эта женщина преступница, она — колдунья, оборотень и должна быть сожжена.

Сложили большой костер, привязали несчастную к бревнам и подожгли их снизу. Но как только огонь стал разгораться, на землю пал такой густой туман, что и в двух шагах ничего не было видно. Когда наконец солнечные лучи побороли туман, оказалось, что костер не загорелся, а женщина исчезла, словно растаяла в тумане. Король Туманной горы спас ее.

Как ни хорошо жилось Тийу на Туманной горе, сердце ее не знало покоя, она тосковала по оставленному ребенку.

— Будь моя доченька здесь, — вздыхала она часто, — жила бы я счастливо. А сейчас одна половина души моей всегда с нею в деревне, а другая вечно скорбит.

Король Туманной горы знал ее сокровенные помыслы и однажды ночью велел принести девочку матери. Теперь счастье их было полным. Ни мать, ни дочь ни о чем больше не тосковали.

Все жители деревни, да и сам муж, решили, что женщина, ставшая оборотнем, ночью унесла ребенка. Муж высватал себе новую жену. Но ни ему, ни его односельчанам не было отныне удачи: каждое лето засуха причиняла им большой урон, хлеба и травы погибали, потому что по ночам не опускался над ними освежающий туман. Король Туманной горы гневался на людей, которые хотели предать смерти его питомицу.

ЛЕГКОНОГАЯ ПРИНЦЕССА

некоем королевстве жила прекрасная принцесса. Слава о ней шла далеко по белому свету. Со всех сторон, с юга и с севера, с востока и с запада, съезжались женихи просить ее руки, и в воротах королевского замка то и дело появлялись знатные всадники на своих лучших скакунах. Но сватовство это было для юношей не таким простым делом, как в наши дни, когда иной жених, обойдя за утро семь домов, все же остается цел и невредим. Те, кто добивались руки прекрасной принцессы, должны были обладать большой смелостью, и вот почему. У королевской дочери были очень быстрые и легкие ноги, и она поклялась отцу, что не выйдет замуж до тех пор, пока не найдется жених с такими же быстрыми ногами, который мог бы не только догнать ее, но и обогнать. Беда была бы невелика, не будь в этом состязании еще одного условия: жениха, не сумевшего обогнать девушку, тотчас же казнили.

Как это ни удивительно, но все еще находились знатные юноши, которые шли на это опасное испытание, хотя все они получали одну награду — их тела оказывались на голову короче. Отрубленные головы палач насаживал на колья и выставлял перед королевским замком, словно на посмешище или для устрашения других смельчаков.

Иной рассудительный человек мог бы сказать, что в этих головах, торчащих на кольях, пожалуй, мозгов было маловато, разве иначе незадачливые женихи продали бы свою жизнь так глупо и за такую дешевую цену. Но, говоря так, эти умники забывают, что у юноши в жилах кипит горячая кровь и толкает его иной раз на безрассудство.

В конце концов головы, насаженные на колья, сделали свое дело: наплыв женихов стал уменьшаться, а если кто и заезжал на королевский двор, то не задерживался и, так и не попытав счастья, поворачивал

назад. А если и случалось какому-нибудь глупцу посвататься к принцессе, то домой он уже больше не возвращался, а оставлял свою голову на съедение воронам.

Давно не слышно было стука конских копыт на дороге, и народ уже стал надеяться, что эти пустые попытки сватовства кончились, как вдруг явился некий королевский сын из дальней страны, которому честолюбие не давало покоя. Жених этот отличался большой хитростью: прежде чем отправиться просить руки принцессы, он несколько лет подряд ежедневно упражнялся в беге. Теперь он бежал так быстро, что в королевстве, которым правил его отец, ни один человек, будь то мужчина или женщина, не мог обогнать королевского сына.

Однако свататься королевич поехал в карете; он хотел, во-первых, похвастаться перед народом своим богатством, а во-вторых, дать отдохнуть ногам перед тяжелым испытанием. На дорогу юноша взял полпуда золота, привязав его, точно мешок с овсом, позади кареты.

Не успел королевич проехать и нескольких верст, как вдруг увидел вдали в открытом поле человека, летящего ему навстречу, словно на крыльях. Через несколько мгновений быстроногий бегун, как ветер, пронесся мимо кареты.

— Стой, стой! — что было силы закричал королевич. Быстроногий сразу же остановился и прислушался, кто и зачем его зовет. Подъехав поближе, королевич увидел, что у человека к обеим ногам привязано по жернову, и это заставило его еще выше оценить силы бегуна.

— Зачем у тебя к ногам привязаны жернова? — спросил королевич.

— Иначе при быстром беге мои ноги не касались бы земли, — ответил человек. — Если б моим ногам пришлось нести только груз моего тела, меня унесло бы бог знает куда.

Королевич тут же подумал: «Такого человека неплохо взять к себе на службу. Кто знает, как обернется дело? Может быть, я смогу послать вместо себя на испытание другого, если увижу, что мне самому не справиться».

— Не хочешь ли поступить ко мне на службу? — спросил он бегуна.

— Я не прочь, если сговоримся. А какую плату вы мне положите?

— Пить и есть будешь каждый день сколько душе угодно, хорошую летнюю и зимнюю одежду тоже дам и жалованья буду платить штоф золота в год, — ответил королевич.

Быстроногий согласился, и королевич велел ему сесть на мешок с золотом, привязанный позади кареты.

— Зачем мне садиться? — удивился человек. — Неужели вы думаете, что у ваших коней ноги быстрее и сильнее моих? Не беспокойтесь, уж их-то я обгону.

Так они и отправились дальше.

Вскоре королевич увидел человека, сидящего у обочины дороги; он прицеливался из ружья, словно хотел подстрелить птицу. Но сколько ни вглядывались королевич и его слуги, они нигде — ни на земле, ни в воздухе — не заметили ничего, что могло бы служить охотнику мишенью.

— Что ты тут делаешь? — спросил королевич. Охотник вместо ответа махнул рукой, словно хотел сказать: не шумите, спугнете дичь!

— Что ты тут делаешь? — повторил свой вопрос королевич, но так как ответа опять не последовало, спросил и в третий раз.

— Помолчите, пока я сам не отвечу, — тихо произнес охотник. — Я должен сперва подстрелить дичь.

Вскоре раздался выстрел. Охотник сразу же встал и молвил:

— Готово! Теперь я могу вам ответить. В городе Вавилоне вокруг башни давно уже кружился комар, пытаюсь сесть на самый кончик шпилья. Я не мог допустить этого: в комаре более пяти пудов весу и он мог бы сломать тонкий шпиль. Поэтому я и подстрелил его.

— Неужели ты видишь так далеко? — удивленно спросил королевич.

— Да разве это далеко? — засмеялся человек. — Мои глаза видят и гораздо дальше.

— Погодите! — вскричал Быстроногий. — Я сейчас сбегая, посмотрю, солгал он или сказал правду.

Сказав так, он вихрем сорвался с места и вмиг исчез из виду.

«Этот стрелок тоже мог бы мне когда-нибудь пригодиться», — подумал королевич и решил с ним столкнуться.

— Не хочешь ли поступить ко мне на службу? — спросил он Зоркоглазого.

— Я не прочь, если сговоримся, — ответил тот. — А какую плату вы мне положите?

— Пить и есть будешь каждый день сколько захочешь, хорошую летнюю и зимнюю одежду тоже дам и жалованья буду платить штоф золота в год, — ответил королевич.

Стрелок согласился. В это время подоспел и Быстроногий. Он уже побывал в Вавилоне и без труда нес на спине огромного убитого комара. Затем меткий стрелок уселся на мешок с золотом позади кареты, и все двинулись дальше.

Проехав немного, королевич, который, как и все хитрые люди, ко всему зорко приглядывался, заметил на обочине дороги странного человека: он лежал на боку и, приложив ухо к земле, словно к чему-то прислушивался. Ухо его напоминало огромную трехсаженную трубу.

— Что ты тут делаешь? — спросил королевич.

— В город Рим съехались пять королей, и сейчас у них идет тайное военное совещание. Я хотел узнать, не затронет ли война и нас, — ответил человек.

— Неужели ты слышишь на таком далеком расстоянии? — удивился королевич.

— Разве это далеко? Мое ухо слышит и намного дальше, — ответил человек. — Я мог бы знать все, о чем говорится в мире, будь у меня охота слушать всякую пустую бабью болтовню.

Королевич сразу же подумал, что помощь такого человека может когда-нибудь пригодиться, и спросил:

— Не хочешь ли поступить ко мне на службу?

— Я не прочь, если сговоримся, — ответил Длинноухий. — А какую плату вы мне положите?

— Пить и есть сможешь каждый день сколько захочешь, хорошую одежду тоже дам и жалованья буду платить штоф золота в год, — молвил королевич.

Длинноухий охотно согласился, и они ударили по рукам. Затем он свернул свое длинное, похожее на трубу, ухо, чтоб оно не касалось земли, уселся рядом с Зоркоглазым на мешок с золотом, и они двинулись дальше.

Проехав немного, путники увидели большой лес. Еще издали королевич заметил, что верхушки некоторых деревьев время от времени приподнимаются на несколько саженей над другими и затем быстро исчезают. Юноша спросил слуг, не знают ли они, отчего это происходит, но никто не смог ему ответить. Если б кто-нибудь рубил дерево — тогда понятно: падая, оно могло исчезнуть из глаз; но каким образом деревья, прежде чем упасть, приподнимались на несколько саженей вверх, — этого человеческий разум объяснить не мог.

Наконец наши путники достигли леса, и тут-то им все и открылось. Не успели они еще углубиться в лес, как сразу поняли, почему деревья приподнимались кверху: человека, который их поднимал, путешественники застали за работой. Вот он, выбрав на взгляд подходящее дерево, тотчас же подошел, ухватился обеими руками за ствол и вытащил его вместе с корнями из земли, словно это была капуста или брюква.

Увидев, что карета остановилась, человек бросил работу и приблизился к путникам. Он подумал, что господин, сидящий в богатой карете, — владелец этого леса и что он хочет запретить ему корчевать деревья. Поэтому человек смиренно произнес:

— Добрый господин! Не гневайтесь, что я без разрешения свалил в вашем лесу несколько тощих деревьев; больших я не трогал. Моя старуха задумала варить кашу и велела мне принести охапку дров, чтоб

сунуть под котел. Я как раз хотел взять еще парочку бревен да и отправиться домой, а вы тут и подъехали.

Королевич был поражен огромной силой человека. «Представлюсь шутки ради владельцем этих лесов и посмотрю, действительно ли этот дуболом так силен», — подумал он.

— Я не запрещаю тебе брать деревья, — молвил королевич. — Возьми, если хочешь, еще одно, потолще.

Человек обрадовался, выбрал толстое дерево, которое едва мог обхватить руками, и разом выдернул его из земли.

— Не хочешь ли поступить ко мне на службу? — спросил королевич.

— Я не прочь, если сговоримся, — ответил человек. — А какую плату вы мне положите?

— Пить и есть будешь сколько захочешь, хорошую одежду тоже дам, а жалованье — штоф золота в год, — молвил королевич.

Человек почесал в затылке, словно сомневался — соглашаться ли на такую плату, потом сказал:

— Позвольте мне ненадолго отлучиться — снесу домой охапку дров и скажу старухе, куда я иду, чтоб зря меня не дожидалась. Я мигом вернусь.

Получив разрешение, человек взял в охапку деревья и быстрым шагом пошел домой. Вскоре он вернулся. Королевич был очень доволен, что заполучил еще одного слугу, который может ему при случае помочь.

Лес остался позади, и путники долго ехали по широкой равнине. Наконец они увидели вдалеке город, а чуть поближе — семь ветряных мельниц, стоящих в ряд по одну сторону дороги. Королевич, который внимательно ко всему приглядывался, заметил, что крылья у всех мельниц вертятся, хотя погода стояла тихая: ни травинка на земле, ни пушинка в воздухе не шевелились. Проехав немного, юноша почувствовал вдруг порыв ветра, какой проникает иногда в комнату через трубу или щель в стене; но уже чуть дальше ветер стих, как будто его и не бывало. Юноша огляделся по сторонам, но так и не увидел, откуда бы мог дуть ветер.

Не доезжая городских ворот, он вдруг заметил на обочине дороги высокого человека. Уперев ноги в большой камень и немного откинувшись назад, он, казалось, выполнял какую-то необычную работу.

Остановив лошадей, королевич спросил:

— Что ты тут делаешь, братец?

— Что мне, бедняку, остается делать? Получше работы, которая бы меня кормила, я не нашел, вот и нанялся в тихую погоду, когда нет

ветра, дуть на городские мельницы, чтоб они вертелись. А много ли заработаешь на таком пустом деле? Только чтоб с голоду не помереть.

— А разве для тебя это такая уж легкая работа — вертеть городские мельницы? — спросил королевич.

— Ну, — ответил человек, — в этом вы можете убедиться сами. Рот у меня все время закрыт, а кроме того я зажимаю пальцем одну ноздрю, чтоб не поднимать слишком сильного ветра, а то и крылья мельниц, и сами они взлетят на воздух.

— Не хочешь ли поступить ко мне на службу? — спросил королевич.

— Я не прочь, если сговоримся и если вы положите мне такое жалованье, чтоб я больше не голодал, — ответил человек.

— Ты будешь получать то же, что и остальные слуги, — молвил королевич. — Еды и питья сколько угодно, хорошую одежду и штоф золота в год.

— На это я, пожалуй, согласен, пока не подвернется что-нибудь получше, — обрадованно ответил Ветроуд. — Значит, по рукам! Быка бери за рога, человека лови на слове, говорит пословица.

Королевич взял с собой нового слугу и с пятью могучими работниками направился в королевскую столицу — искать своего счастья или своей беды. Станет ли он мужем молодой красавицы или же голова его окажется на шесте?

Приехав в город, юноша приказал приготовить для себя и своих спутников жилье в самой лучшей харчевне и велел трактирщику отпускать его слугам кушанья и напитки, каких они только пожелают. Бросив горсть золотых монет на стол, королевич сказал хозяину:

— Возьми пока эту малость в задаток. Перед тем как уезжать, я заплачу тебе остальное.

Затем он приказал созвать со всего города портных и сапожников, чтобы они сшили его слугам богатую одежду, ибо его новые работники, хотя и были очень искусны каждый в своем деле, платьем похвалиться не могли. Про них можно было сказать словами поговорки: «Девять должностей, десятая — голод» или «Не у всякой певчей пташки красивое оперенье»

Отец легконогой девушки, старый король, услышал молву о богатстве нового жениха еще до того, как юноша сам явился к нему. А явился он лишь на третий день после приезда: нарядная одежда и обувь для слуг не были раньше готовы.

Увидев красивого, цветущего юношу, старый король сказал ему с отеческой лаской:

— Откажитесь, дорогой друг, от этого испытания. Даже если ваши

ноги легче легкого, вам не обогнать мою дочь: у нее ноги точно крылья. Жаль мне вашей молодой жизни, загубите вы ее понапрасну!

— Добрый король! — ответил юноша. — В народе говорят, будто тот, кто сам не хочет состязаться в беге с вашей дочерью, может послать своего слугу.

— Это правда, — ответил король. — Но какой вам толк от такого помощника? Если он отстанет — а это непременно случится, — все равно отвечать придется вам. Не его голова, а ваша будет отсечена и насажена на кол.

Немного подумав, королевич твердо сказал:

— Я решил так: пусть попытает счастья один из моих слуг, а я отвечаю своей жизнью. Для этого я и приехал в вашу столицу и скорее соглашусь сложить здесь голову, чем отказаться от испытания и стать посмешищем для людей. Пусть уж лучше смеются над мертвой головой на шесте, чем над живым человеком.

Старый король еще долго изо всех сил уговаривал юношу отказаться от опасной затеи, но все было напрасно, и ему пришлось в конце концов уступить. Состязание в беге назначили на следующий день. Как только королевич удалился, отец велел позвать к себе дочь. Их разговор услышал из харчевни Длинноухий и передал его королевичу.

— Дорогое дитя, — сказал король дочке. — Многих юношей ты погубила на своем веку, и это не раз печалило мое сердце. Но ни один из казенных женихов не был мне так по душе, как этот молодой королевич, который хочет завтра состязаться с тобой в беге. Он красив и умен. Прошу тебя, ради любви ко мне, умерь завтра быстроту своих ног и позволь жениху или его слуге обогнать тебя. Тогда у меня наконец будет зять, который после моей смерти наследует королевство, — ведь сыновей у меня нет.

— Что? — заносчиво вскричала принцесса, и лицо ее запылало от злости. — Чтоб я стала из-за какого-то юнца скрывать быстроту своих ног, лишь бы выйти замуж? Никогда! Лучше навек остаться старой девой. И кто ему велел сюда ехать? Я его не звала, сам явился, непрощенный, как и прежние. Ну что ж, в наших лесах жердей хватит и для его безмозглой головы, и для других таких же. Вот как насадят их на колья, тогда уж ветер из них блажь выдует. Если вам жаль этого жениха, отошлите его сейчас же домой, а от меня ему пощады не ждите. Кто не слушает доброго совета — пусть пеняет на себя!

Король, зная крутой нрав дочери, не стал с нею спорить. Только успел Длинноухий передать королевичу услышанный разговор, как в комнату вошел Быстроногий и сказал:

— Мне стыдно у всех на виду бежать с жерновами на ногах. Прика-

жите купить шесть бычьих кож, сшить из них мешок и нагрузить его железом так, чтобы вес его был равен весу моих жерновов. Тогда все будет в порядке: народ сочтет меня бродячим подмастерьем.

Королевич тотчас же выполнил просьбу своего слуги. Купили нужное количество кож и железа, и на следующее утро мешок был готов. Взвалив его на спину, слуга отправился к месту испытаний. Ноги его сперва не могли приспособиться к непривычному грузу, но потом постепенно привыкли.

Народ толпами валил смотреть на состязание. Многие смеялись над бегуном, нагружившим на себя такую тяжесть, иные говорили:

— Умный человек, собираясь бежать, снимает с себя лишнюю одежду, а этот даже мешок не догадается сбросить.

Длинноухий тут же передал все эти разговоры королевичу, но Быстроногий не обратил на них никакого внимания. Местом испытаний была дорога в милю длиной; по обеим сторонам ее росли деревья, защищавшие бегунов от жаркого солнца. В конце дороги из-под земли пробивался ручеек. Бегуны должны были взять с собой пустые бутылки, добежать до родника, наполнить их водой и возвратиться обратно. Тот, кто прибежит первым, обогнав другого хотя бы на шаг или два, будет считаться победителем.

Как только был подан знак, принцесса и быстроногий слуга королевича одновременно пустились бежать. Не прошло и нескольких минут, как слуга с мешком на спине, словно ветер, пронесся мимо девушки, добежал до ручья, наполнил бутылку и помчался обратно. На полпути ему повстречалась королевская дочь, еще только бежавшая к ручью.

— Остановись на минуту, братец! — попросила принцесса. — Я слегка вывихнула ногу в лодыжке. Дай мне из твоей бутылки несколько капель воды помочить ногу, отдохни, а потом побежим дальше.

— Что ж, мне спешить некуда, — ответил слуга. — Если хотите, я посижу тут, пока вы сбегаете к ручью, а обратно побежим вместе.

Когда Быстроногий, не подозревая обмана, присел на землю, принцесса мигом сунула ему под нос снотворное зелье, и он тотчас же уснул. А девушка, взяв у него наполненную бутылку, побежала обратно. Все ее проделки видел Зоркоглазый. Он взял свое ружье и так ловко сшиб сучок с дерева, что тот упал прямо на нос Быстроногому и разбудил его. Увидев около себя пустую бутылку, а вдалеке — бегущую к дому девушку, слуга испугался и помчался снова к роднику, да так, что только пятки засверкали. Тут он наполнил бутылку и вихрем понесся обратно. В конце пути он все же обогнал принцессу и на несколько мгновений раньше ее достиг цели.

Итак, победителем вышел королевич, и голова его осталась цела.

Принцесса же вернулась домой вне себя от злости. Она никогда не поверила бы, что найдется на свете человек, у которого ноги окажутся быстрее, чем у нее.

Королевич возвратился со своими слугами в харчевню и приказал устроить для них богатый пир. Бегуна юноша щедро одарил, так же как и стрелка, который вовремя разбудил Быстроногого. Однако шум пиршества не помешал Длинноухому услышать, о чем говорят между собой в замке король и его дочь.

— Теперь, дорогое дитя, — молвил король, — ты должна будешь выйти замуж. Ничего не поделаешь, нашлись ноги побыстрее твоих. И это меня очень радует, так как, во-первых, не будут больше погибать люди, а, во-вторых, у меня будет зять, который мне пришелся по душе.

Король хотел было продолжать, но тут у дочки наконец развязался язык, до этой минуты скованный злобой, и из ее милого ротика слова полились, точно вода на мельничное колесо. Королю не удалось больше ничего сказать. А так как речь принцессы никто не мог бы повторить слово в слово, то я коротко перескажу ее.

Принцесса твердо заявила, что если отец задумал насильно выдать ее замуж, то лучше ей тогда расстаться с жизнью. Никакая сила в мире не принудит ее стать женой человека, который случайно одержал над ней победу с помощью слуги.

Под конец, когда язычок у дочки начал уставать и королю удалось вставить несколько слов, он попытался действовать и угрозой, и лаской, но все было напрасно.

— По мне отдайте ему хоть полкоролевства, лишь бы от него откупиться! — вскричала принцесса. — Но в жены он меня никогда не получит.

Королевич сильно опечалился, когда Длинноухий передал ему этот разговор. Но тут вдруг вмешался Дуболом.

— Не горюйте, — сказал он. — Свет не клином сошелся, как думает эта принцесса. Найдутся девушки и покрасивее и пообходительнее ее! Король же пусть заплатит вам неустойку: попросите разрешения взять из его казны столько золота, сколько человек может снести в мешке. А дочка пускай себе сохнет! Скоро на нее никто и смотреть не захочет, не то что к ней свататься.

Королевичу этот совет пришелся по душе. Отправившись на другое утро к королю и услышав от него то же, что вчера узнал от Длинноухого, юноша сказал:

— Ну что ж, я отказываюсь от сватовства, но за это обещайте мне из своей казны столько золота, сколько под силу унести в мешке одному человеку.

Король не стал спорить и даже обрадовался, что так дешево отделался: потребуй жених в уплату полкоролевства, король вынужден был бы отдать его, а тут дело обошлось мешочком золота. «Я думал, юноша этот похитрее, — размышлял король. — Ему и невдомек, какое золото тяжелое, самому сильному человеку много его не унести».

На том они и расстались, оба довольные уговором.

В харчевне Дуболом сказал королевичу:

— Пошлите слуг в город и прикажите им скупить всю парусину, какая найдется в лавках. Потом позовите пятьдесят портных и велите им сшить из этой парусины, сложенной вшестеро, мешок такой длины и ширины, как позволит ткань. В этом мешке я и унесу королевскую неустойку.

Королевич так и сделал. Он пообещал портным, если те к утру сошьют мешок, большую награду. Говорят, стоит только хозяйке начать жарить мясо в печи, как игла в руках у портного так и запляшет; а уж как подгоняла мастеров обещанная награда — и говорить нечего. Портные всю ночь напролет сидели за шитьем, и у каждого была лишь одна забота — как бы уберечь свои глаза от иглы соседа, чтоб тот их в спешке не выколочил.

Утром портные закончили работу, прошив почти все швы мешка по два раза. Мастера получили обещанную плату и наградные в придачу, так что, проработав одну ночь, могли теперь пировать в трактире три дня подряд. Дуболом вскинул пустой мешок на спину и отправился к хранителю королевской кладовой за золотом.

Королевский казначей, увидев огромный мешок, сказал с насмешкой:

— Ты, братец, не туда попал: собрался, видно, за мякиной. Для денег такой мешок не годится.

— Ничего, в большом мешке целее будет, а возьму я столько, сколько смогу унести, — ответил Дуболом.

Разговаривая таким образом, они дошли до кладовой. Когда двери были отперты и стало видно бочки с золотом, казначей спросил в шутку:

— Как ты полагаешь, хватит тут золота, чтобы наполнить твой мешок?

— Увидим, — ответил Дуболом. — Разве можно что-нибудь сказать заранее? Мой хозяин, едучи сюда, думал вернуться домой с молодой женой, а оказывается, ему только и награды будет, что мешочек золота. Ну что ж, деньги иной раз лучше злой жены.

В ответ на это казначей насмешливо сказал:

— Жаль, что ты не взял с собой лопаты, дело пошло бы быстрее. А наполнять мешок, да еще такой большой, горстями — это очень скучно.

— Мой покойный отец говаривал в шутку: «Коли нет кружки, пей прямо из кадушки», — ответил Дуболом.

Сказав так, он поднял первую бочку с золотом, словно это была кор-

G. Reindoff 1945

зиночка с легчайшим пухом, и, попросив подержать мешок, высыпал в него звенящие монеты. На казначея напал страх, а когда то же самое случилось со второй и с третьей бочкой золота, он побледнел, как стена. Вскоре все бочки были опорожнены, а мешок не наполнился и до половины.

— Разве у вашего короля нет больше золота? — спросил Дуболом.

— Золото есть еще в ящиках, но оно в слитках, — ответил казначей.

— Тащите-ка их сюда, — молвил Дуболом и опорожнил ящики так же, как и бочки. Когда все углы и закоулки были очищены, слуга взвалил мешок на спину и отправился к харчевне.

Казначею больше незачем было запирасть замки и засовы, и он пустился бежать, словно ему саранча забралась в штаны, — так он спешил рассказать королю о несчастье. Старый король тоже испугался и велел тотчас же позвать к себе дочь.

— Видишь, какая беда случилась из-за твоего упрямства! — вскричал он. — Вся казна моя пропала, королевич разорил меня, я беден как церковная мышь! Какой я теперь король? Правитель без денег — как без рук. Даже с врагом теперь не повуюешь! Воины, как услышат, что мне нечем платить им жалованье, мигом разбегутся в разные стороны.

— Это так оставлять нельзя! Золото надо вернуть во что бы то ни стало, хоть хитростью, хоть силой, — сказала принцесса.

Но прежде чем они успели придумать какую-либо хитрость, пришло известие, что королевич покинул город.

— Теперь мы должны действовать силой, — молвила принцесса. — Велите тотчас же созвать все войско и направьте его по следам обманщика. Вряд ли он успел со своим тяжелым грузом уйти далеко.

Приказ короля был исполнен без промедления. На другой день войско выступило в погоню за королевичем — впереди конница, за ней пеший строй. Позади ехали в карете король и его дочь. Чтобы подбодрить воинов, король обещал им в награду третью часть золота, которое будет отобрано у коварного пришельца.

Королевич за это время успел проделать уже изрядную часть пути, так как огромный мешок с золотом ничуть не мешал Дуболому шагать; а иным способом такую тяжесть и не переправить было. Лошадей-то можно за хорошие деньги раздобыть, чтоб свезли такой груз. Но где взять телегу, у которой оси выдержат тяжесть золота?

Когда Дуболом перебрался через высокую гору и присел отдохнуть под кустом у ее подножия, Длинноухий стал рассказывать своим спутникам о том, что произошло за это время в королевской столице и какое тайное решение там приняли. А Зоркоглазый уже видел с вершины

горы войско, посланное им вдогонку. Королевич немного испугался. Но Ветродуй сказал:

— Мы должны чуть отойти от горы, чтобы мне удобнее было дуть на войско, когда оно достигнет вершины.

Путники отправились дальше и вскоре нашли удобное место. Как только Зоркоглазый объявил, что первый отряд конницы достиг вершины горы, Ветродуй принялся дуть. И вот диво! Как пыль и мусор, поднятые вихрем, взвились к облакам люди и кони. Падая, они разбивались вдребезги. Такая же участь постигла и пешее войско. В конце концов на горе осталась лишь карета, в которой сидели король с легконогой принцессой.

— Взметнуть их тоже в воздух? — спросил Ветродуй. Но королевич запретил ему это, сказав:

— Попробуем еще раз поладить с ними по-хорошему.

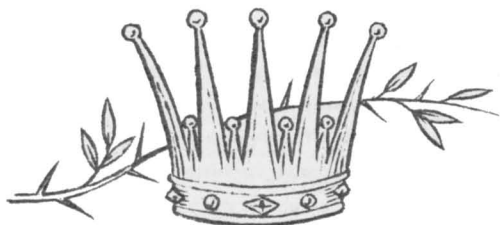
Затем он поехал в карете навстречу королю, учтиво поклонился ему и сказал:

— Вы сразу потеряли все — у вас нет ни денег, ни войска. Как вы теперь будете править королевством? Обещайте отдать мне в жены вашу дочь, и тогда наступит конец всем вашим несчастьям.

Старый король и своенравная легконогая принцесса не смогли больше противиться и согласились.

— Не тревожьтесь, — сказал тогда королевич будущему тестю. — Золото я велю тотчас же доставить обратно. При мудром и заботливом управлении страной в королевстве вырастут новые люди взамен тех, что сегодня были развеяны по ветру. А пока не подрастут новые воины, покой государства будут охранять мои могучие слуги. Один из них обладает такими зоркими глазами, что видит самую мелкую мошку, второй слышит, если мышь чихнет под землей на глубине ста сажений, третий может унести на спине все золото и серебро королевской казны, а четвертый — развеять в прах целое войско.

Затем все они вернулись в королевскую столицу, и вскоре была отпразднована пышная свадьба, длившаяся четыре недели. Молодой зять поселился у короля, а после его смерти стал править королевством.

ЛОПИ И ЛАПИ

еподалеку от деревни, в убогой лачужке, жил бедный бобыль со своей женой. Мужа звали Лопи, а жену Лапи. Им словно на роду было написано жить в нищете: за какое бы дело они ни взялись, все у них шло прахом.

В молодые годы дал им бог и деток, но все они умерли, и не осталось у родителей опоры в старости. Словно два высохших пня, сидели муж и жена каждый вечер на лежанке; порой из-за пустяков закипала у них в сердце досада, и они принимались ссориться и браниться. А ведь каждый знает, что, затеяв ссору, человек часто пытается свалить вину на другого или обвинить его в том, в чем тот ни сном, ни духом не виноват. Поэтому во время перебранок можно было слышать от Лопи такие слова:

— Посчастливилось бы мне найти жену получше — худо ли было бы жить на свете? Я, может, богатым человеком стал бы . . .

Но Лапи была куда бойчее на язык, чем муж: скажет он одно слово, а она ему в ответ десять, а то и двадцать. Поэтому если муж заводил такую речь, как мы только что пересказали, то дальше первых слов ему двинуться и не удавалось. Лапи сразу же начинала кричать:

— Ах ты, оборванец несчастный! Если я по своей девичьей глупости не сумела выбрать себе мужа получше, в том, конечно, и моя вина есть. Но, по правде говоря, я часто думаю, уж не колдовством ли ты меня заманил к себе? Кто тебя знает, какое зелье ты мне тайком подмешивал в еду и питье, пока не приворожил меня? Женихов у меня было хоть отбавляй, и не повстречайся я, себе на беду, с тобой, голодранцем, сидела бы сегодня барыней за богатым столом. А теперь должна из-за тебя, черадивого, терпеть голод и нищету, пока смерть не избавит меня от мученья. И что наши дети поумирали — тоже твоя вина, не умел ты ни о жене, ни о детях заботиться!

И так лились ее речи без конца, точно вода в ручье, пока муж иной раз не затыкал ей рот кулаком.

Сидели однажды вечером муж и жена на лежанке у печки и по обыкновению ссорились, как вдруг в комнату вошла женщина в роскошном наряде. Увидев ее, Лапи сразу умолкла, а Лопи опустил занесенную было руку. Гостья ласково поздоровалась с хозяевами и сказала:

— Вы люди бедные и немало горя видели на своем веку. Но через три дня вашим невзгодам придет конец. Поэтому не ссорьтесь, а лучше подумайте, чего бы вам пожелать, чтобы стать счастливыми. Хотя я и кажусь вам обыкновенным человеком, но я — более могущественное существо и способна при помощи божественной силы исполнять желания людей. Три дня дается вам на размышление, и три желания вам разрешено назвать. Скажите вслух, какие блага вы хотели бы получить, и тайная сила тотчас же все выполнит. Но будьте благоразумны и не высказывайте пустых желаний.

Сказав это, женщина попрощалась с хозяевами и быстро выскользнула из комнаты.

Лопи и Лапи, забыв о своей ссоре, молча смотрели на дверь, в которую вошло это чудо, а затем скрылось. Наконец муж сказал:

— Пойдем-ка спать. У нас еще три дня впереди. Надо их потратить с толком и придумать такие желания, чтоб сразу зажить припеваючи.

Но хотя у стариков было в запасе целых три дня, они полночи не спали и все думали, какие бы желания им назвать.

О, какой мир и тишина царили в избушке все эти дни! Лопи и Лапи словно переродились: они разговаривали между собой ласково, каждый заглядывал в глаза другому, стараясь угадать, чего тому хочется, и исполнить его желание. Однако большую часть дня муж и жена молча сидели в углу, раздумывая, чего бы пожелать.

На третий день после полудня Лопи отправился в деревню, где в то утро закололи свинью и сейчас, наверное, уже варили колбасу. Лопи захватил с собой из дому котелок с крышкой и хотел попросить у соседки немного навара от колбасы, чтобы сварить в нем вечером капусту. Лопи полагал, что если человек хорошо поест, то и мысли ему в голову придут хорошие. Вернувшись домой, он поставил на огонь котел с капустой, чтобы ужин поспел вовремя.

Вечером, когда настал час назвать желания вслух, муж и жена сели за стол, на котором дымилась миска с капустной похлебкой. Отведав ложку-другую вкусного кушанья, Лапи сказала с довольным видом:

— Благодаренье богу за отменную похлебку, ею и правда наешься досыта. Вот бы колбасы в придачу — еще вкусней была бы похлебка!

И вдруг — бац! — с потолка на стол упала длинная колбаса. Муж и

жена были так напуганы этим подарком, что им и в голову не пришло сразу приняться за колбасу. Лопи понял, что первое желание уже исполнено, и это его так раздосадовало, что он закричал во все горло:

— Эх ты! Да пусть она у тебя на носу повиснет, если . . .

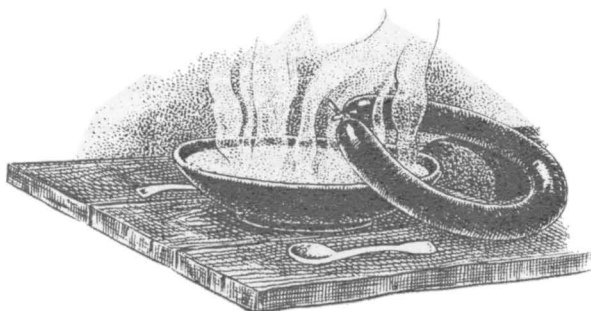
Но бедный мужичок не смог от испуга договорить: колбаса уже висела у Лапи на носу, да так, будто росла от одного корня с носом.

Что теперь делать? Два желания пропали зря. И, кроме того, у Лапи был теперь такой диковинный нос, что она не решилась бы показаться людям на глаза. У мужа и жены, правда, оставалось в запасе еще одно желание, и если бы толком подумать, можно было бы все устроить по-хорошему. Но у бедной Лапи в эту минуту не было иного желания, как избавиться от колбасы, поэтому старуха и высказала его вслух. И в тот же миг колбаса исчезла.

Теперь все три желания были названы, но Лопи и Лапи по-прежнему остались бедняками, и пришлось им, как и раньше, жить в убогой лачуге.

Долго ждали они, не появится ли еще раз чудесная гостья, да так и не дождались.

Кто не умеет вовремя поймать неожиданное счастье и удержать его, тот теряет его навсегда.

ЗЕМЛЯНИЧКА

ошла однажды молодая хозяйка в лес по ягоды. Набрал полный туесок, она хотела уже идти домой, как вдруг заметила на земле меж деревьев что-то походившее издали на человека. Подойдя поближе, она увидела, что под кустом лежит без чувств молодая девушка, бледная, с окровавленным ртом. Женщина побежала к ручью, который протекал неподалеку, встрясла в передник землянику, наполнила туесок холодной водой и, вернувшись, смочила девушке виски и обмыла лицо. Та очнулась, открыла глаза и удивленно осмотрелась вокруг.

Увидев незнакомую женщину, девушка сперва испугалась, но потом страх ее прошел, и, взяв молодую за руку, она ласково сказала:

— Твоя доброта спасла мне сегодня жизнь. Кто знает, что случилось бы со мной, если бы ты не пожалела меня. Лютый враг нашего рода — старый леший встретился мне сегодня на пути и избил меня до полусмерти. Я упала замертво и, наверное, погибла бы здесь, если бы не ты. Сегодня мне нечего дать тебе в награду, кроме вот этого кольца, которое я сейчас надену тебе на палец. Теперь мы с тобой связаны на всю жизнь. Когда появится на свет ребенок, которого ты носишь под сердцем, позови меня в крестные. Я приду на крестины вместе с двумя младшими сестрами. Только смотри, никому не рассказывай о сегодняшней нашей встрече: если тебя спросят, откуда это кольцо, скажи, что нашла в лесу.

Сказав так, девушка сняла с пальца золотое кольцо и надела его на палец женщине. Та угостила ее земляникой, и девушка, поблагодарив, съела больше половины ягод.

— Ты привела меня в чувство, накормила и напоила, — сказала она, — за это я отплачу добром твоей дочери, когда ей будет столько лет, сколько мне сейчас, и ей пора будет выходить замуж.

Дружески разговаривая, они дошли до опушки леса. Здесь девушка

попрощалась и пошла обратно в лес. Женщина хотела было еще пособирать ягод, чтоб наполнить туесок, но солнце уже клонилось к закату. Высыпав оставшиеся в переднике ягоды в туесок, молодушка увидела, что он с верхом наполнился земляникой. Это показалось женщине странным, так как она своими глазами видела, что девушка съела больше половины ягод. Но, придя домой, молодушка удивилась еще больше, когда, пересыпав ягоды на тарелку, увидела, что нижняя половина туеска заполнена серебряными монетами. Что это могло значить? Девушка запретила рассказывать о кольце, поэтому молодая женщина решила, что лучше промолчать и о деньгах, и спрятала их про черный день на дне сундука, между свертками ткани.

Спустя полгода у молодушки родилась дочь.

Когда подошел день крестин и девочку собрались везти в церковь, молодая мать загрустила: тогда в лесу она не спросила у девушки, где та живет, и теперь не знала, куда послать ей весточку. Сани гостей, отправлявшихся в церковь, уже стояли у дверей, оглоблями к воротам, все было готово к отъезду. Молодая мать со слезами смотрела на женщину, державшую на руках ребенка, и жалела, что не пришлось позвать в крестные добрую девушку. И вдруг — гляди-ка! — послышался звон колокольчиков, и в ворота въехали красивые барские сани с пароконной упряжкой, а в санях сидели три молодые девушки, закутанные в шубы.

— Вы уже готовы, — молвила одна из девушек. — Так не теряйте времени. Наш кучер сейчас повернет лошадей, и мы поедem в церковь все вместе, а на обратном пути заедem поздравить молодую мать.

Хотя молодая женщина и не слышала этих слов, однако сразу же поняла, что три нарядные девушки в санях — те самые крестные, которых она не смогла пригласить. Сердце ее, еще недавно полное печали, теперь готово было разорваться от радости! Она жалела лишь о том, что девушки уехали в церковь не поев и не попив, и все не могла дожидаться их возвращения, чтобы попотчевать дорогих гостей.

К счастью, хозяйка ничего не знала о том споре, который возник в церкви из-за имени девочки. Когда пастор спросил, как решили назвать ребенка, одна из девушек ответила:

— Маазикас*.

— Как вы сказали? — переспросил пастор. — Мари, Мадли или Марет?

— Маазикас, — снова прозвучал ответ.

Отец ребенка и гости в удивлении переглянулись, не зная что и думать. А пастор сказал строго:

* Maasikas (эст.) — земляника.

J. Deindorff

— Прошу вас, не шутите и скажите серьезно, какое имя **будет** дано девочке, иначе я окрещу ее, не спрашивая вас, и нареку именем, подobaющим христианину.

Покраснев от гнева, девушка смело и с достоинством ответила ему:

— Бог создал людей, животных и растения, но имен им не дал, это сделали люди. Кто может мне запретить назвать крестницу именем, которое я выбрала?

— Вы хотите насильно навязать мне свою волю? — спросил пастор, тоже рассердившись. — Если вы думаете, что так легко заставите меня подчиниться, то я должен, во-первых, напомнить вам, кто я, а во-вторых, спросить у вас, кто вы такая и могу ли я по закону разрешить вам быть крестной матерью ребенка?

Не говоря ни слова, девушка вынула из кармана какую-то бумагу и протянула пастору. Прочитав ее, он побледнел как смерть и испуганно пробормотал:

— Простите, простите, высокочтимая и благородная . . .

Но девушка, угрожающе подняв палец, сказала:

— Довольно! Крестите ребенка. Нам не о чем больше разговаривать.

Пастор окрестил девочку, назвав ее Маазикас. Все же, когда он совершал обряд, руки у него дрожали. Знатная девушка держала ребенка на руках во время крещения, затем дала пастору золотую монету, а кистеру серебряный рубль. Это гости видели своими глазами. Потом все приглашенные поехали обратно на хутор. По дороге деревенские кумушки гадали, какой же подарок сделают матери ребенка и крестнице богатые крестные, если они смогли так дорого заплатить за крестины.

Приехав в усадьбу, знатная гостья сразу же пошла поздравить молодую мать. Она обняла ее, погладила по лицу и сказала, указывая на своих спутниц:

— Это мои младшие сестры, которых я обещала привезти на крестины. Если случится так, что господь отзовет тебя из этого мира, мы обещаем втроем заботиться о твоей доченьке, пока она не подрастет.

Затем каждая из девушек дала матери ребенка по золотой коробочке, молвив:

— В коробочках — подарки крестнице от крестных. Не показывай их никому, но сама, если хочешь, можешь взглянуть. Только смотри, не теряй этих драгоценных вещей.

Как ни упрасивали хозяева дорогих гостей сесть за стол и подкрепиться с дороги, те не захотели ни пить ни есть и, ласково попрощавшись с матерью девочки, уехали со двора в своих великолепных санях.

Гостям не терпелось узнать, кто эти нарядные гости и что спрятано

в золотых коробочках. Однако это им так и не удалось. Отец ребенка тоже был рассержен, когда после отъезда гостей так и не смог добиться от жены ответа. Он не поверил ее уверениям, что необычные гости ей так же незнакомы, как и всем остальным. Через несколько дней муж тайком пробрался к сундуку, чтобы посмотреть на золотые коробочки и узнать, какие сокровища в них таятся. Но ничего не нашел, кроме трех простых камешков в каждой. Он подивился такой находке, однако никому о ней и словом не обмолвился.

Когда маленькой Маазикас исполнилось семь лет, мать ее тяжело заболела, и через несколько дней не осталось уже никакой надежды, что больная выживет. Перед смертью она пожелала причаститься, и к ней позвали пастора. Больная рассказала ему о своей встрече с неизвестной девушкой в лесу перед рождением дочери. Пастор сказал ей в утешение:

— Не тревожься! Эта встреча не может лечь бременем на твою душу или нанести ей вред. Закрой глаза с миром, не беспокойся о дочери, крестные позаботятся о ней.

Приняв причастие, женщина благословила дочь, попрощалась и уснула навеки.

На другой день после похорон в усадьбу пришла крестная мать и хотела увести с собой крестницу. Но отцу жаль было расставаться с девочкой, он упросил оставить ее дома, себе на радость и утешение. Девушка исполнила его просьбу, но прощаясь сказала:

— Одна из нас будет каждый день навещать маленькую Маазикас.

Так с тех пор и повелось: сестры по очереди навещали сиротку, каждый день приносили ей чистую одежду, вкусные пирожки и разные красивые игрушки.

Через год вдовец решил снова жениться. За два дня до свадьбы пришла старшая из знатных девушек и сказала ему:

— Маазикас не должна больше оставаться у тебя, сегодня я уведу ее с собой. У тебя будет другая жена, со временем ты снова станешь отцом, но Маазикас не найдет для себя второй матери. Все, что мы до сих пор дарили крестнице, пусть останется тебе и твоей молодой жене, но три золотые коробочки, подаренные нами Маазикас в день крестин, я должна взять с собой.

Отец пытался противиться этому решению как мог, но ничто не помогало. Маленькая Маазикас плача просилась к крестным.

В конце концов отцу пришлось уступить. Он долго шел тайком за девушкой, чтобы посмотреть, как пройти к их дому; а жили они, видно, недалеко, так как навещали девочку каждый день. Знатная девушка, ведя девочку за руку, направилась к тому лесу, где когда-то молодуха собирала ягоды и где впервые встретилась с незнакомкой. Подойдя к боль-

шому камню на полянке близ лесной опушки, девушка и ребенок вдруг исчезли, словно в воду канули. Отец поспешил туда, много раз обошел вокруг камня, искал следов, потопал ногами о землю — не обнаружится ли где пустое место. Но все было напрасно. Ни девочки, ни ее крестной он нигде не нашел. Впоследствии, живя счастливо с молодой женой, отец позабыл о дочке от первого брака.

А теперь расскажем о том, как жилось маленькой Маазикас.

Недалеко от камня, на глубине трех пядей под землей лежала известняковая плита шириной в сажень и длиной в полторы сажени. Как только на плиту ступала нога хозяина, камень приподымался, точно люк в погреб, впускал пришедшего и тотчас же снова опускался.

Это происходило с такой удивительной быстротой, что смотрящий издали ничего не мог понять и ему казалось, будто человек не то провалился сквозь землю, не то поднялся невидимкой в воздух. При этом на траве не оставалось ни единого следа, дерн был словно из одного куска.

Под плитой в глубь подземелья вела широкая, высеченная из дорожного камня лестница. Спустившись по лестнице, маленькая Маазикас вместе с крестной вошла в просторный двор, где возвышался стеклянный дом. Это было жилище девушек, называвшееся Подземным помещьем. В доме было много служанок — искусных рукодельниц. Постепенно научили рукоделию и маленькую Маазикас, хотя ее не считали служанкой и воспитывали как изнеженное барское дитя, которое ни в чем не знает недостатка. Крестные заботились о Маазикас и любили ее, как родную дочь. Так росла она до шестнадцати лет и стала красивой, цветущей девушкой.

Как-то старшая крестная мать сказала ей:

— Дорогая Маазикас! Пришло тебе время покинуть нас. Но мы надеемся, что, по милости божьей, наша разлука продлится недолго. Если все будет хорошо, мы снова встретимся, и тогда только смерть разлучит нас. Ты возьмешь с собой двух верных слуг и свои три золотые коробочки. В них ты найдешь все, что тебе понадобится в долгом пути.

Дав девушке еще несколько наставлений, крестная мать сказала, что отправляться ей придется через три дня. Велика была печаль Маазикас, но не меньше горевали в час расставания и крестные матери. Обливаясь слезами, они обнимали крестницу и целовали ее бесчисленное множество раз. Кликнув двух слуг, пожилых людей, которых Маазикас никогда не видела, крестные велели им оберегать девушку в пути. Так Маазикас со своими слугами отправилась в дорогу, держа в руках маленькую корзинку с золотыми коробочками.

Долго шли они по лесу, и слезы разлуки уже высохли на щеках у девушки, когда один из слуг сказал:

— Мы не сможем пройти такой длинный путь пешком.

— Но где же мы возьмем лошадей? — спросила Маазикас.

— Лошади и все, что нам может понадобиться в дороге, находятся в вашей корзинке в золотых коробочках, — ответил слуга.

Маазикас с сомнением посмотрела ему в глаза, словно спрашивая, что означает эта насмешка. Но слуга сказал серьезно:

— Выньте из коробки один камешек, и у нас сейчас же появятся лошади и карета.

Девушка, хотя и не поверила слуге, все же последовала его совету. Взяв первый попавшийся ей в руку камешек, она передала его слуге. Тот, трижды подув на него, молвил:

— Явись, карета и упряжка четверней!

Тотчас же появилась карета, в которую были запряжены две пары лошадей. В нее усадили Маазикас, один слуга сел на козлы за кучера, второй встал на запятки, как лакей, и они быстро поехали дальше. Когда солнце поднялось высоко и время уже шло к полудню, кучер спросил Маазикас, не проголодалась ли она.

— Но у нас нет с собой никаких припасов, — ответила она.

— Зато есть камешки, — отозвался лакей с запяток. — Дайте мне один из них.

Маазикас передала камешек слуге, и тот, подув на него, крикнул:

— Столик с кушаньями, явись!

В тот же миг перед ними появился стол, уставленный дорогими яствами. Маазикас утолила голод и пригласила к столу слуг, чтобы и они поели досыта. После обеда слуга дунул на столик, тот сразу же исчез, а камешек опять оказался в руках у Маазикас. Вечером они снова превратили один из камешков в стол, а из второго камешка сделали кровать с подушками, на которой девушка смогла отдохнуть с дороги.

Так потом повелось каждый день, и путники ни в чем не знали нужды.

Но вскоре Маазикас заскучала, время в дороге тянулось медленно, и девушке захотелось иметь спутницу. Скорее для забавы, чем всерьез, она взяла один из камешков, дунула на него, как это делали слуги, и крикнула:

— Служанка, явись!

В ту же секунду подле нее оказалась миловидная и приветливая девушка. Теперь Маазикас весело было ехать в красивой карете, она могла с утра до вечера болтать сколько угодно.

Однажды утром, отправляясь после ночлега в путь, кучер сказал Маазикас:

— Сегодня мы приедем к жилищу знаменитого мудреца; вы должны будете войти в дом и внимательно выслушать все, что скажет вам старый мудрец. Его приказание надо выполнить в точности, иначе все у нас пойдет прахом. Чтобы старик хорошо нас принял и дал мудрый совет, вы должны подарить ему один камешек.

К вечеру наши путники добрались до жилища мудреца. Слуги принесли ему полученный из камешка тяжелый мешок, полный серебряных и золотых монет. Посмотрев на руку Маазакас, мудрец сказал:

— Завтра ваш путь будет лежать через темный, густой лес. Там встретятся вам три зверя — сперва самка северного оленя, затем старый волк и, наконец, медведь. Постарайтесь ласково поманить зверей, чтобы они подпустили вас к себе, и повяжите каждому из них метку, по которой вы могли бы узнать их при следующей встрече. Оленю сделайте шелковый ошейник, а волку — кожаный, медведю же наденьте на лапу кольцо, доставшееся вам в наследство от матери. Спустя три дня вам повстречается злой и коварный змей. От него вы сможете спастись только так: превратите один из камешков в северного орла и сядьте ему на спину вместе со слугами. Он с быстротой ветра поднимет вас к облакам, и там змей вам будет не страшен. Правда, он проглотит карету и лошадей, но вы от этого не пострадаете. Эта добыча будет для него последней: через семь дней змей издохнет, и кони с каретой выйдут из его пасти. Что случится потом, я вам не скажу, но и вас, и ваших крестных ждет счастье.

На другой день путники и в самом деле попали в густой, темный лес. Все случилось так, как предсказал мудрец. Сначала из лесу вышла самка северного оленя, затем старый волк и, наконец, медведь. Маазикас поманила зверей к себе одного за другим и каждому из них надела метку: оленю повязала на шею синюю шелковую ленту, волку — кожаный ремешок, а медведю надела на лапу золотое кольцо, доставшееся ей от матери. Медведь, словно в благодарность, лизнул девушке руку и с радостным урчанием побегал обратно в лес.

Но спустя три дня с путниками приключилось нечто более страшное. До их слуха донесся такой шум и хруст, словно кто-то волочил по земле тяжелый стог сена. Вскоре вдали показалась голова короля змей, увенчанная золотой короной. Но Маазикас в тот же миг превратила один из камешков в орла и уселась ему на спину вместе со своими слугами. Орел тотчас же взвился высоко к облакам. Сверху они видели, как огромный змей проглотил карету с лошадьми, точно маленьких мышат. Семь дней летал под небесами северный орел со своей ношей, а по ночам отдыхал на краю облака. Люди же, сидевшие на его спине, ни в чем не

терпели нужды, чудесные камешки, лежавшие в золотых коробочках, давали им все необходимое.

На седьмой день утром северный орел опустился на землю, как раз в ту минуту, когда лошади с каретой вышли из пасти издохшего короля змей. Наши путники стояли и дивились этому чуду, как вдруг увидели, что к ним приближаются пожилые мужчина и женщина, одетые в роскошное королевское платье. У мужчины на шее был кожаный ремешок, а у женщины — синяя шелковая лента. Маазикас тотчас же узнала те самые метки, которые она повязала оленю и волку. Вскоре к ним подошел прекрасный юноша, у которого на руке блестело кольцо, отданное девушкой медведю.

Старик молвил:

— Спасибо тебе, Маазикас, дорогое дитя! Ты освободила нас от долгой неволи. Семьсот лет тому назад я был королем в полуденной стране. Это моя супруга, а юноша — мой сын. Три наших дочери погибли. Коварный король змей из северной страны захватил мое королевство и проглотил всех моих подданных. Меня же он превратил в волка, мою жену — в северного оленя, а нашего сына — в медведя. Где находятся мои дочери, я не знаю, может быть, змей и их проглотил.

Маазикас тотчас же подумала, что ее крестные матери — это и есть дочери короля, но решила ничего не говорить, пока это не подтвердится, — тогда радость родителей будет еще больше. Превратив один из камешков во вторую карету с шестеркой лошадей, она предложила ее королю с женой и сыном. Затем все двинулись домой. На третий день утром они увидели крестных Маазикас, вышедших им навстречу. Кто может описать радость родителей и дочерей, нежданно-негаданно встретившихся после семи веков разлуки!

Вскоре королевич женился на Маазикас и стал править королевством отца, который был уже стар и не хотел больше сам управлять страной. Дочери его также впоследствии вышли замуж. Но как достались им золотые коробочки с камешками и куда они потом исчезли, королевны никогда никому не рассказывали.

ХИТРОУМНЫЙ

о времена Калевипоэга жил в стране Кунгла* очень богатый король. Каждые семь лет в середине лета он устраивал для своих подданных большой пир, длившийся обычно две-три недели кряду.

Вот и снова наступил год пиршеств, и до начала их оставалось всего несколько месяцев. Однако надежды и чаяния народа могли и не сбыться, ибо уже дважды — четырнадцать и семь лет назад —

долгожданные торжества приходилось отменять, и вот почему.

Хотя по приказу короля изготовлялось тогда множество всяких яств, никому не удавалось их даже отведать. Каким бы диковинным и невероятным ни казалось это происшествие, многие видели его своими глазами и могли подтвердить, что это правда.

Оба раза, когда приготовленное угощение уже ожидало гостей, рассказывали они, к главному повару являлся какой-то неизвестный человек и просил разрешения попробовать кушанья и напитки. Но стоило ему опустить поварешку в котел с супом, а ко рту поднести кружку с пивом, как некая колдовская сила вмиг опустошала все амбары, кладовые и подвалы, и нигде не оставалось ни крошки съестного, ни капли питья.

Все повара и поварята клялись, что сами видели это; но возмущение народа, которому не удавалось повеселиться на празднике, было так велико, что королю пришлось семь лет тому назад повесить главного повара, позволившего незнакомцу отведать яств.

Чтобы и на этот раз не случилось такой беды, устройтелю пира была обещана большая награда. А когда и на нее никто не польстился и не захотел быть в ответе за это дело, король пообещал свою младшую дочь в жены тому, кто возьмет на себя устройство праздника; если же и он потерпит неудачу, то поплатится жизнью.

* Кунгла — страна счастья и изобилия в эстонской мифологии. (Прим. перев.)

На самой границе страны, далеко от королевской столицы, жил смекалистый крестьянин с тремя сыновьями. Младший с детства отличался острым умом, потому что его воспитывала Лесная волшебница и иногда тайком кормила его грудью. Отец звал младшего сына Хитроумным и не раз говаривал своим сыновьям:

— Вам, старшим братьям, придется зарабатывать себе на хлеб трудом своих рук. А ты, хитроумный малыш, одной сметкой пробьешься в жизни и когда-нибудь, пожалуй, и братьев обгонишь.

Перед смертью отец разделил свои поля и луга между старшим и средним сыном, а младшему дал денег на дорогу, чтобы тот мог постранствовать по белому свету, поискать свою удачу.

Тело отца не успело еще и остынуть, как старшие братья отобрали у младшего все до последней копейки, вытолкали его из дому и крикнули ему вслед с насмешкой:

— Ты, хитрец, одним умом проживешь, да еще и нас обгонишь. Деньги тебе — только лишняя обуза!

Младший брат, не помня зла, беззаботно отправился в путь. «Бог пошлет мне счастье!» — с этими словами, которые должны были служить ему утешением, он покинул отцовский дом и зашагал, посвистывая, чтобы развеять грустные мысли. Как раз когда Хитроумный почувствовал, что проголодался, ему повстречались два странствующих подмастерья. Обходительность Хитроумного и его веселый нрав пришлись им по душе. Остановившись на отдых, они развязали свою котомку и предложили юноше закусить. Так благополучно прожил Хитроумный первый день своих скитаний. Расставшись вечером с парнями, он бодро отправился дальше. Он был сыт и поэтому не тревожился о завтрашнем дне. О ночлеге тоже не надо было заботиться: зеленая трава служила ему постелью, синее небо — крышей, а камень под головой — мягкой подушкой.

На другой день к полудню Хитроумный пришел на хутор, стоявший вдалеке от другого жилья. У дверей дома сидела молодая женщина и горько плакала.

Хитроумный спросил, чем она так опечалена, и услышал в ответ:

— Муж у меня злой, сумасбродный, он каждый день бьет меня, если я не выполняю его вздорных желаний. Сегодня велел сварить ему на ужин рыбу, которая живет в воде, да не рыба, есть у нее глаза, да не на голове. Где же мне сыскать такого зверя?

— Не плачь, молодушка! — ответил Хитроумный, утешая ее. — Твоему мужу захотелось раков: рак хоть и живет в воде, да не рыба, есть у него глаза, да не на голове.

Женщина поблагодарила юношу за добрый совет, накормила его и

дала на дорогу мешок с припасами, которых могло хватить на несколько дней. Получив неожиданно-негаданно эту помощь, юноша тотчас же решил отправиться в королевскую столицу, где, как он полагал, ум ценится больше всего. Там Хитроумный надеялся найти свое счастье.

Куда бы ни заходил он по пути, всюду только и разговору было, что о летних королевских пиршествах. Юноша, услышав, какая награда обещана тому, кто устроит праздник, призадумался. «А не взяться ли мне за эту работу? — размышлял он. — Обойдется все удачно — значит, мое счастье. Чего мне бояться? В самом худшем случае поплачусь жизнью, умирать-то все равно придется, рано или поздно. Но если повести дело с толком, почему бы ему не выйти? Вдруг мне больше посчастливится, чем другим? А не согласится король отдать мне свою дочку в жены — деньги все равно должен будет заплатить. Вот я и стану богатым человеком».

Размышляя так, напевая и насвистывая, как жаворонок, шел юноша дальше, отдыхал иногда от дневной жары и тени кустов, ночевал под деревом или на поляне, а к вечеру того дня, когда в мешке кончились все запасы, благополучно добрался до столицы.

На другой день он попросил позволения явиться к королю. Король сразу заметил острый ум и смелость юноши, и они быстро сговорились.

— Как тебя зовут? — спросил король.

— Крещен я Никодимусом, но дома меня всегда звали Хитроумным, а это означает, что у меня есть голова на плечах, — ответил юноша.

— Я тоже буду звать тебя Хитроумным, — сказал король. — Но помни: если случится беда, ты ответишь мне головой, сколько бы в ней ни было ума.

Хитроумный попросил у короля семьсот человек себе в помощники и, не медля ни минуты, начал приготовления к пиру. По его приказанию на большой поляне построили двадцать больших овинов, поставленных четырехугольником и напоминавших мызные хлева. Между постройками оставался просторный двор, в который вели одни-единственные большие ворота. В овинах Хитроумный велел сложить огромные печи и вмуровать в них котлы, а в печах-каменках устроить железные противни, чтобы жарить мясо и колбасу и печь кровяной хлеб. В других помещениях стояли котлы и чаны для варки пива — котлы в кухнях, а чаны под навесами. В помещениях без печей были кладовые для холодных кушаний: в одной хранился хлеб, во второй — сепик*, в третьей — булки и все прочее. Все нужные припасы — мука, крупа, соль, сало, масло — были разложены кучами на дворе. У ворот поставили пятьдесят человек стражи, чтобы вор ни к чему не мог прикоснуться.

* Хлеб из непросеянной пшеничной муки

Король каждый день приходил смотреть на приготовления и хвалил юношу за его ум и сноровку. Хитроумный велел также построить на поляне несколько десятков печей для выпечки хлеба и у каждой печи поставил охрану. К пиршествам закололи тысячу откормленных быков, две тысячи телят, пять тысяч свиней, десять тысяч баранов и множество другого скота, согнанного со всех краев. По рекам сновали лодки и ладьи, по дорогам тянулись повозки, груженные всевозможными припасами. Такие обозы двигались уже несколько недель. Одного только пива было наварено семь тысяч бочек.

Хотя семьсот человек с утра до ночи работали не покладая рук, а иногда приходилось нанимать еще и поденщиков, все-таки больше всего доставалось Хитроумному: ему приходилось за всем следить и всем распорядиться. Поварам, пекарям и пивоварам он дал строгий наказ — не пускать к котлам никого чужого и не давать пробовать ни еду, ни питье. Того, кто нарушит приказ, ждала виселица. А неизвестного лакомку, если появится, велено было тотчас же доставить к устройтелю пира.

В первый же день пиршеств утром Хитроумному доложили, что на одной из кухонь появился незнакомый старичок и стал упрашивать повара разрешить ему отведать праздничных кушаний, но повар ему отказал. Хитроумный велел привести незнакомца к себе. Вскоре к нему привели маленького старичка с седой бородой. Он робко попросил разрешения отведать праздничных яств, и юноша, пообещав выполнить его просьбу, приказал старику пройти вместе с ним в одну из кухонь. По дороге он зорко присматривался, нет ли у старика при себе какой-нибудь необыкновенной вещи, и вдруг увидел у него на безымянном пальце левой руки блестящий золотой перстень. Войдя в кухню, Хитроумный спросил:

— Чем ты можешь поручиться, что не произойдет никакого несчастья, если я дам тебе попробовать кушанья?

— Милостивый господин, мне нечего оставить тебе в залог, — ответил старик.

Но Хитроумный, указав на красивый перстень, велел его отдать в залог. Старик уперся и стал уверять, что перстень дорог ему как память о покойной жене и что он поклялся никогда не снимать его, иначе случится беда.

— Тогда я не смогу выполнить твою просьбу, — сказал Хитроумный. — Без залога никому не разрешается отведывать пищу или питье.

Но старику так хотелось вкусного кушанья, что он в конце концов отдал юноше перстень. Пришелец только собрался опустить ложку в котел, как Хитроумный ударил его сзади обухом по голове с такой силой,

что и бык свалился бы замертво. Но старичок не упал, а только слегка покачнулся.

Хитроумный схватил его обеими руками за бороду и велел принести крепкую веревку; старика связали по рукам и по ногам и подвесили за ноги к потолку.

— Потерпи, пока не кончится пир, — крикнул юноша с насмешкой, — а после мы с тобой поговорим. Твое волшебное кольцо останется у меня в залог.

Пришлось старику с этим примириться: он ведь не мог шевельнуть ни рукой ни ногой.

Началось празднество, на которое съехались тысячи людей со всех концов страны. И хотя пиршества длились три недели, недостатка ни в кушаньях, ни в напитках не было, напротив — много всякой еды еще осталось. Народ благодарил и хвалил короля и Хитроумного, устроивших такой пышный праздник. Когда король предложил юноше обещанную награду, тот сказал:

— Прежде чем брать плату, мне необходимо еще кое с кем свести счеты.

Взяв с собой семь дюжих молодцов, юноша велел им запастись крепкими палками и отправился на кухню, где три недели назад оставил старика, подвешенного на балке.

— Эй, люди! — крикнул он молодцам. — Возьмитесь-ка покрепче за дубинки и задайте старичку такую баню, чтоб он на всю жизнь запомнил наше пиршество.

Все семеро принялись колотить старика с такой силой, что, казалось, он вот-вот испустит дух. Но от их ударов веревка развязалась, старик упал на пол и вмиг провалился сквозь землю. На том месте, где он исчез, осталась глубокая яма.

— Залог в моих руках, с ним я и отправлюсь вдогонку за стариком, — сказал Хитроумный. — Поклонитесь от меня королю и скажите: если не вернусь, пусть раздаст деньги нищим.

С этими словами юноша спустился в яму и исчез под землей. Подземный ход, по которому он шел, был вначале очень узким, но на глубине в несколько сажень стены его раздвинулись, и Хитроумный теперь мог свободно продвигаться вперед. Вниз вели ступени, так что юноша не боялся поскользнуться в темноте. Он спускался довольно долго, пока не очутился перед какой-то дверью. Заглянув в щелочку, он увидел в комнате трех молодых девушек. Подле одной из них, положив голову ей на колени, сидел знакомый нам старик.

— Еще разок-другой приложу лезвие ножа к шишке, опухоль спадет, да и боль утихнет, — говорила девушка.

«Наверное, шишка эта — от удара обухом, которым я наградил старика три недели назад», — подумал Хитроумный. Он решил подождать за дверью, пока хозяева не лягут спать и не погасят свет.

— Проводите меня в комнату и уложите в постель, — попросил старик. — Все тело ноет, не могу шевельнуть ни рукой ни ногой.

Девушки отвели его в спальню и уложили. В сумерки, когда в комнате никого не было, Хитроумный потихоньку пробрался туда и спрятался за бочкой с квасом.

Вскоре девушки вернулись и стали разговаривать вполголоса, чтобы не разбудить старика.

— Шишка — это пустяки, — сказала одна из них. — Да и от побоев старик быстро оправится. А вот волшебное кольцо ему никак не вернуть; потеря эта очень велика и мучает его, видно, сильнее, чем боль.

Поздно вечером, когда старик храпел в спальне, Хитроумный вышел из своего убежища и познакомился с девушками. Те сперва испугались, но хитрый юноша сумел рассеять их страх, и они в конце концов разрешили ему остаться на ночь в подzemелье. От девушек Хитроумный узнал, что у старика есть две редкостные вещи — меч и рябиновый прутик, и решил, уходя, захватить их с собой. Прутик, если им прикоснуться к морским волнам, мог построить мост через море, а мечом можно было уничтожить целое войско.

На другой день к вечеру Хитроумный раздобыл меч и прутик, а утром до восхода солнца с помощью младшей девушки покинул жилище старика. Однако, выйдя за дверь, он не нашел прежнего подземного хода: перед ним был просторный двор, а дальше, за лугом, волновалось море.

После ухода юноши девушки принялись так громко спорить, что разбудили старика. Из их слов он понял, что в доме побывал кто-то чужой. Рассердившись, старик вскочил и увидел, что меч и прутик украдены.

— У меня похитили самое дорогое сокровище! — закричал он и, забыв про боль, бросился вон из дверей.

В это время Хитроумный сидел на берегу моря и размышлял, испытать ли ему чудесную силу прутика или же поискать сухого пути. Вдруг он услышал у себя за спиной сильный шум, словно надвигалась буря. Обернувшись, юноша увидел старика — тот что было духу бежал к нему. Хитроумный вскочил и, едва успев хлестнуть прутиком по волнам, воскликнул: «Мост впереди, вода позади!» Только он вымолвил это, как очутился на мосту, далеко от берега.

Старик, пыхтя и отдуваясь, прибежал на берег и, увидев вора на мосту, переброшенном через море, остановился.

— Никодимус, сынок, куда ты идешь? — громко закричал он.

— Домой, папаша! — прозвучало в ответ.

— Никодимус, сынок! Не ты ли ударил меня обухом по голове и подвесил меня за ноги к потолку?

— Я, папаша!

— Никодимус, сынок! Не ты ли велел семи молодцам избить меня и взял мое золотое кольцо?

— Я, папаша!

— Никодимус, сынок! Не ты ли подружился с моими дочерьми?

— Я, папаша!

— Никодимус, сынок! Не ты ли украл у меня меч и прутик?

— Я, папаша!

— Никодимус, сынок! Вернешься ли ты обратно?

— Вернусь, папаша! — ответил Хитроумный.

Отвечая, юноша все время шел вперед, удаляясь от берега, и вскоре перестал слышать старика.

Перебравшись через море, Хитроумный разузнал, как пройти в королевскую столицу самым ближним путем, и поспешил за обещанной наградой.

Однако дело обернулось иначе, чем он надеялся. Оказалось, что его братья поступили на службу к королю — один кучером, другой камердинером. Оба жили в полном достатке. Когда Хитроумный явился к королю за обещанным вознаграждением, тот сказал:

— Я ждал тебя целый год, но о тебе не было ни слуху ни духу. Поэтому я решил, что ты умер, и хотел было раздать твоё жалованье бедным, как ты велел. Но тут объявились твои старшие братья и сказали, что они твои наследники. Когда они передали дело в суд, твоё жалованье по закону присудили им: все думали, что тебя уже нет в живых. А потом я взял твоих братьев к себе на службу, они и сейчас здесь.

Подивился Хитроумный рассказу короля: он думал, что провел в подземелье у старика всего две ночи да на обратный путь потратил несколько дней. А теперь выходило, что каждая ночь равнялась году. Юноша не захотел судиться с братьями, оставил им все деньги, поблагодарил бога за то, что вернулся цел и невредим, и хотел было отправиться искать себе новую службу.

Но тут королевский повар взял Хитроумного себе в подручные. Юноша теперь целыми днями крутил вертел, на котором жарилось мясо. Старшие братья презирали младшего за его низкую должность и не хотели с ним знаться, но Хитроумный все же любил их. Однажды вечером он рассказал братьям, что в подземном царстве, где он побывал, гуси и утки покрыты золотыми и серебряными перьями. Братья передали это королю и посоветовали ему послать Хитроумного за редкими птицами.

Король позвал к себе юношу и велел ему наутро собираться в путь, в ту страну, где живут златоперые птицы.

С тяжелым сердцем отправился Хитроумный в дорогу, взяв с собой волшебное кольцо, прутик и меч, которые он втайне хранил у себя. Через несколько дней юноша добрался до берега моря, где он уже однажды был, и увидел, что на камне сидит какой-то старик с длинной седой бородой. Когда Хитроумный подошел поближе, старик спросил его:

— Чем ты опечален, братец?

Юноша рассказал о своем горе. Старик посоветовал ему не вешать голову и ничего не бояться.

— Пока волшебное кольцо в твоих руках, — сказал он, — ничего плохого с тобой не случится.

Он дал Хитроумному раковину и велел построить с помощью волшебного прутика мост до середины моря. А там пусть юноша ступит левой ногой в раковину и тогда сразу же очутится в подземном царстве; хозяева в это время будут спать. Затем, продолжал старик, Хитроумный должен сшить мешок из паутины, сунуть в него птиц с золотыми и серебряными перьями и немедленно возвращаться домой.

Поблагодарив за добрый совет, Хитроумный отправился в путь. Все случилось так, как предсказывал старик. Но едва лишь Хитроумный успел добраться со своей добычей до берега моря, как вслед за ним, пыхтя и отдуваясь, прибежал старый черт. Идя по мосту, Хитроумный услышал те же вопросы, что и в прошлый раз: «Никодимус, сынок! Ты ли ударил меня обухом по голове и подвесил меня за ноги?» — и так далее. Не забыл старик упомянуть и о краже златоперых птиц. Хитроумный, ответив на все вопросы «да», поспешил прочь. Как и предсказывал добрый старик, Хитроумный со своей драгоценной добычей к вечеру добрался до королевской столицы. Мешок из паутины был так крепок, что ни одна птица не смогла вырваться. Король наградил юношу и велел ему наутро снова собираться в путь: он слышал от братьев Хитроумного, что у хозяина подземного царства много золотой и серебряной утвари, и королю хотелось заполучить ее.

Хитроумный не осмелился перечить королю; но в путь он отправился с тяжелым сердцем, так как не мог предугадать, что его ждет. На берегу моря его снова встретил седой старичок и ласково спросил, чем он опечален. Дав Хитроумному раковину и горсть камешков, старик стал поучать его:

— Если доберешься до подземного царства после обеда, хозяин как раз будет храпеть в своей постели, девушки усядутся прясть, а старуха на кухне начнет начищать золотую и серебряную утварь. Взберись потихоньку на трубу, кинь завязанные в тряпицу камешки старухе на голову,

сам поскорее спустись, сунь драгоценную утварь в мешок из паутины и беги со всех ног.

Хитроумный поблагодарил старика и во всем последовал его совету. Но узелок с камешками, как только выскользнул у него из рук, сразу же превратился в шестипудовый мешок, набитый булыжниками, который, упав на старуху, раздавил ее. Хитроумный мигом сунул всю золотую и серебряную утварь в мешок из паутины и пустился в обратный путь.

Старый черт, услышав грохот падающих камней, подумал, что свалилась труба, но не удосужился пойти взглянуть. Потом он несколько раз окликнул старуху, а когда никто не отозвался, пошел на кухню посмотреть, не случилось ли чего. Увидев, что стряслась беда, старик погнался за вором, который едва ли успел уйти далеко. Хитроумный был уже на мосту, когда черт, пыхтя и отдуваясь, прибежал на берег.

— Никодимус, сынок! — вскричал старик и повторил все свои вопросы от начала до конца, не забыв прибавить и последний: — Никодимус, сынок! Не ты ли украл у меня золотую и серебряную утварь?

— Я, папаша! — ответил юноша.

— Никодимус, сынок! Придешь ли ты ко мне еще раз?

— Нет, папаша! — молвил Хитроумный и отправился своей дорогой. Как ни бранился старый черт, как ни проклинал вора, но задержать его не мог, так как все вещи, обладавшие волшебной силой, были у юноши.

На другом берегу моря Хитроумный опять встретил седобородого старичка, сбросил с плеч тяжелый мешок, который ему без волшебного кольца никогда бы не донести, и присел отдохнуть. Старичок сказал ему:

— Братья ненавидят тебя и постараются во что бы то ни стало с тобой разделаться, если ты вовремя не раскроешь их коварные замыслы. Они уговорят короля послать тебя на такую работу, где тебя ждет верная смерть. Сегодня, когда ты явишься к королю с богатой добычей, он встретит тебя приветливо. Попроси его оказать тебе одну милость: пусть он вечером пошлет свою дочь подслушать у двери, о чем будут говорить между собой твои братья.

Когда Хитроумный явился к королю и передал ему сокровища, которые едва могли увезти десять лошадей, тот приветливо встретил его и был к нему очень ласков. Юноша поступил так, как советовал ему седобородый старик. Король, обрадовавшись, что Хитроумный не потребовал иного вознаграждения, велел дочери пойти вечером к дверям и тайком подслушать, о чем будут говорить кучер и камердинер.

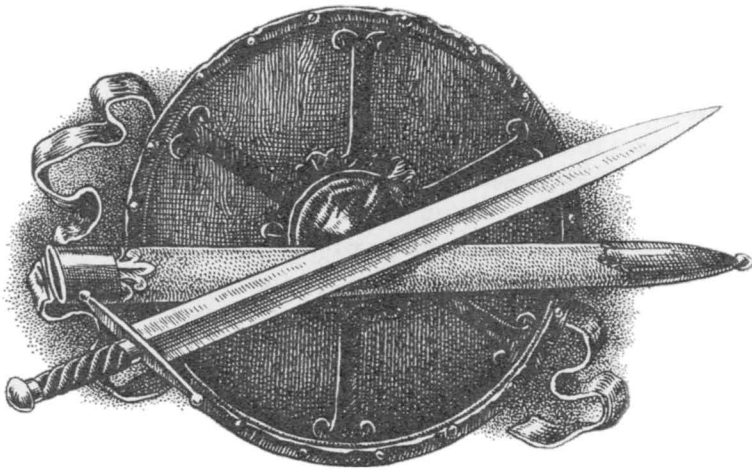
Братья, избалованные беззаботной жизнью, стали хвастать друг перед другом своим счастьем и, что было еще глупее, — клеветать на королевскую дочь.

— Она несколько раз приходила ко мне по ночам, — заявил кучер.

— Это потому, — со смехом отвечал камердинер, — что я больше ее знать не хотел и захлопнул перед ней дверь; раньше она каждую ночь являлась ко мне.

Вся красная от стыда и гнева, принцесса прибежала к отцу, со слезами на глазах передала ему бесстыдную клевету, которую слышала собственными ушами, и попросила наказать виновных. Король велел немедленно заточить лжецов в тюрьму, а на другой день, когда они признали свою вину перед судом, приказал их казнить. А Хитроумный сделался советником короля.

Через несколько лет какой-то иноземный властитель с большим войском напал на королевство, и Хитроумный отправился воевать с врагом. Тут он впервые вытащил из ножен меч, добытый в подземном царстве, и стал косить им вражеские войска. Вскоре на поле брани не осталось ни одного чужеземца. А король был так обрадован этой победой, что отдал свою дочь замуж за Хитроумного.

ЗОЛУШКА

огда-то давным-давно жил на свете богатый человек со своей женой и единственной дочерью. Родители нежно любили дочь, берегли как зеницу ока и заботливо растили. Добрая девочка была достойна их любви.

Однажды матери приснился сон, предвещавший, как ей казалось, большое несчастье. Женщина готова была щедро вознаградить того, кто сумеет разгадать ее сон.

Но, не успев разыскать такого мудреца, она тяжело захворала и уже на второй день болезни почувствовала приближение смерти. В ту пору мужа не оказалось дома — он отправился за лекарем. Мать велела позвать к себе дочку, погладила ее по головке и с грустью сказала:

— Господь отзывает меня из этого мира на вечный покой, я должна уйти и оставить тебя, бедняжку, сиротою. И твой отец, и всемогущий отец небесный позаботятся о тебе, а мое материнское око будет всегда следить за тобой из другого мира. Если ты будешь доброй и кроткой девочкой, наши сердца всегда будут вместе, ибо узы любви между матерью и ребенком не может порвать даже смерть. Посади на моей могиле рябину. Осенью птицы найдут там ягоды и отплатят тебе за это добром. Появится у тебя какое-нибудь желание — потряси рябину, и я тогда буду знать, чего тебе хочется. А станет горько на душе — приди на мою могилу и сядь под рябиной, она, как мать, утешит тебя и развеет твою печаль.

Вскоре, еще до того, как муж вернулся от лекаря, женщина закрыла глаза навеки. Девочка горько плакала, ни днем ни ночью не отходила от матери, пока покойницу не положили в гроб и не опустили в могилу.

Сиротка посадила на могильном холмике рябину, засыпала ее корни землей и оросила своими слезами. А потом, когда еще и тучка добавила влаги из своего лона, деревцо стало расти так хорошо, что любо-дорого

было смотреть. Девочка часто приходила посидеть в тени рябины: для нее это стало теперь самым любимым местом на свете.

На следующую осень отец поехал свататься и через несколько недель привел в дом новую хозяйку. Но ему и в голову не пришло подумать, сможет ли вторая жена заменить его дочери мать. Богатому вдовцу нетрудно найти себе жену, но чтобы мачеха заменила сироте мать — это случается редко.

У мачехи было две дочери от первого мужа. Она привезла их с собой, а так как кровь всегда гуще воды, то понятно, что сироте нечего было надеяться на хорошую жизнь. Мачеха считала своих детей сущим золотом, а неродную дочь и в грош не ставила. Дочки, заметив, как мать обходится с падчерицей, сразу поняли: мы тут госпожи, а она — наша раба.

Как говорится, новая метла хорошо метет: в первые дни после свадьбы мачеха была с падчерицей приветлива, притворялись ласковыми и обе дочери, но доброта их шла не от сердца. Сердца их были черствы, полны заносчивости, злобы и других пороков, разросшихся, словно сорная трава, так что росточкам любви негде было и пробиться.

Жизнь сиротки день ото дня становилась все тяжелее, но отец не замечал этого, и сердце его не отзывалось на ее горести.

— И что эта дармоедка все время в комнатах вертится! — сказала однажды мачеха. — Что ей, на кухне места мало? А ну-ка, живо — коромысло на плечи, да к колодцу, воду таскать! Потом в хлев, потом хлеб месить, белье стирать! Хочешь есть — заработай сперва свой кусок!

Дочки тотчас же с ней согласились.

— Да, пусть будет нашей служанкой!

У сиротки отобрали все ее хорошие платья, а из сундука, оставленного покойной матерью, вынули все украшения; их поделили между собой мачехины дочери. На сиротку же надели старую рваную юбку. Бедняжка должна была с утра до вечера в золе и пыли выполнять все работы по дому, а за то, что она не могла быть все время опрятной и чистенькой, мачеха и сестры прозвали ее Золушкой.

Они не давали девочке житья, всячески ее изводили и тайком наговаривали на нее отцу, так что и у него Золушка не находила защиты, если иной раз жаловалась ему на свое горе. Долгое время Золушка молча сносила все обиды, плакала и молилась, но не шла на могилу матери рассказать о своих горестях рябине.

Однажды она полоскала в ручье белье и вдруг услышала, как сорока кричит ей с верхушки дерева:

— Неразумное дитя! Почему ты не расскажешь рябине о своем горе и не спросишь у нее совета, как облегчить свою тяжелую долю?

Тут Золушка вспомнила, что наказывала ей мать перед смертью, и

решила, как только улучит минутку, пойти к рябине. Днем Золушке было некогда, а ночью, когда все уснули, она потихоньку встала с постели. оделась, пошла на могилу и, сев на холмик, стала трясти рябину.

Вдруг девочка услышала чей-то голос:

— Скажи мне, — спросил голосок, — такое ли у тебя чистое и кроткое сердце, как и прежде, или ты стала другой?

— Один бог видит и знает помыслы людей. Но мне кажется, я осталась такой же, как была, — ответила Золушка.

Вдруг она почувствовала, будто чьи-то невидимые руки гладят ее по голове и лицу. А голос произнес:

— Если жизнь твоя станет чересчур тяжелой и ты не в силах будешь справиться с работой, позови на помощь петушка и курочку.

Девочка сперва никак не могла понять, в чем ей могут помочь петушок и курочка. Но по дороге домой она вспомнила, что сестры часто из озорства смешивают чечевицу и горох с золой, и она должна по зернышку выбирать их, прежде чем опустить в котел вариться. И Золушка решила как-нибудь шутки ради позвать птиц и посмотреть, не смогут ли они облегчить ей эту кропотливую работу.

В те дни в королевском дворце готовились к пышным празднествам. Во все концы страны были разосланы глашатаи, которым надлежало объявить всюду на площадях и дорогах приказ короля: все красивые девушки, не моложе пятнадцати и не старше двадцати лет, должны собраться в королевский замок на праздник, который будет длиться три дня; за это время единственный сын короля выберет себе в жены самую разумную и обходительную из девушек, которая ему больше всех придется по душе.

О боже, какое поднялось всюду волнение и суета! К счастью, не было приказа брать с собой во дворец свидетельство о крещении, поэтому могли попытаться счастья и те, чьи ножки уже чуть-чуть переступили границу двадцатилетия.

Сестры Золушки, любимые мачехины дочки, тоже собирались на королевский праздник. Теперь у сиротки работы было по горло. Она с утра до ночи стирала и гладила, шила сестрам наряды, продолжая делать и всю остальную домашнюю работу. Но, видимо, решив, что всего этого еще мало, старшая сестра вытрясла в золу полную миску чечевицы и крикнула сиротке:

— Собери и поставь вариться!

Тут Золушка вспомнила совет, услышанный на могиле матери, и потихоньку позвала:

— Петушок, курочка! Идите сюда, помогите собрать чечевицу.

Маленькие помощники тотчас же явились и принялись за дело: они

быстро выбрали из золы все зернышки чечевицы и клювиками положили их в миску.

Когда, наконец, наступил первый день празднеств, Золушку заставили наряжать сестер. Она умыла и причесала их, надела на них роскошные платья, а сестры в благодарность изругали ее и наградили пощечинами, так что у бедняжки из глаз посыпались искры и в ушах зазвенело. Золушка кротко перенесла эту обиду, только вздохнула несколько раз. Но когда сестры отправились во дворец и Золушка осталась одна с мачехой дома, ей стало так тяжело и тоскливо, что слезы навернулись на глаза. Она тоже с радостью пошла бы на бал, если б ей позволили и если б у нее было платье, в котором не стыдно показаться среди нарядных гостей.

Наплакавшись вдоволь и утолив слезами свою печаль, она взяла спицы и села на скамеечку у очага; постепенно у нее немного отлегло от сердца. Она думала о покойной матери и просила бога, чтобы он и ее взял к себе. Но если ей суждено еще жить, она клянется все кротко и терпеливо сносить, пока не придет час отдохнуть в ином, лучшем мире, в объятиях матери.

Вдруг она услышала, что ее окликают по имени, но, подняв глаза, никого не увидела. Через несколько минут чей-то голос произнес:

— Пойди потряси рябину.

Золушка поспешила выполнить это повеление. Не успела она два встряхнуть рябину, как тьма рассеялась, а на верхушке рябины оказалась маленькая, с аршин ростом, женщина в золотой одежде. В одной руке она держала маленькую корзинку, в другой золотую палочку. Гостья стала расспрашивать Золушку о ее житье-бытье и, услышав рассказ девушки, спустилась вниз. Она погладила сиротку по лицу и ласково сказала:

— Утешься, жизнь твоя скоро переменится. А сегодня ты должна пойти на королевский праздник.

Золушка недоверчиво посмотрела на незнакомку и подумала, что слова ее — просто насмешка.

Тогда маленькая женщина вынула из корзинки куриное яйцо, дотронулась до него золотой палочкой, и тотчас же перед Золушкой появилась прекрасная карета. Потом незнакомка достала из коробочки шесть мышат и превратила их в красивых золотистых коней, которые тут же были впряжены в карету. Из черного жука сделала кучера, а из двух пестрых бабочек — слуг. Они пригласили Золушку сесть в карету и отправиться на празднество в королевский замок. Но как сиротка могла поехать на бал в замаранном платье? Тогда маленькая волшебница — или кто бы она там ни была — дотронулась золотой палочкой до Золуш-

G. Reindorff 1946

киной головы, и в один миг сиротка превратилась в знатную барышню. Вместо жалкого старого платья на ней оказались нарядные одежды из шелка и бархата, расшитые золотом и серебром, но самым красивым был золотой венец, украшенный драгоценными камнями; сиявшими, словно звезды в небе.

— Теперь поезжай на праздник и повеселись вместе с остальными гостями, — сказала волшебница. — Пусть исчезнут из твоей памяти воспоминания о горьких днях и пусть в твоём сердце расцветет радость. Но ровно в полночь, как только петух пропоет в третий раз, ты, не медля ни минуты, покинешь королевский замок и побежишь домой так быстро, словно у тебя в кармане горячие уголья. Не то пропадет вся сила волшебства, исчезнут карета, лошади, кучер, слуги, да и сама ты станешь такой же, какой была прежде. Помни мое наставление, иначе тебя ждет позор и ты потеряешь свое счастье.

Золушка обещала внимательно следить за временем, уселась в карету, и кони помчали ее на королевское празднество. Как только она ступила на порог зала, всем показалось, будто взошло солнце, — остальные барышни и девицы померкли перед ней, как меркнут луна и звезды в лучах утренней зари.

Сестры не узнали Золушку в роскошном наряде, но сердце у них чуть не лопнуло от зависти. А королевич никого, кроме Золушки, больше не видел и не слышал, не отходил от нее ни на шаг, нашептывал ей сладкие речи, шутил и танцевал только с ней, словно в зале и не было других девушек. Старый король и королева также старались оказывать всякие почести прекрасной девушке, которая, как они надеялись, станет их невесткой.

Золушке казалось, будто она на небесах; ей было так радостно и весело, что она ни о чем не думала и только наслаждалась счастьем этих минут. Она, наверное, и не вспомнила бы о наставлениях маленькой волшебницы, если бы в полночь пение петуха не заставило ее поспешить домой.

Когда Золушка вышла из зала, снова послышался крик петуха, и прежде чем она успела сесть в карету, петух пропел в третий раз. В тот же миг карета, лошади и слуги исчезли, словно сквозь землю провалились. Золушка, увидев на себе старое, замаранное платье, что было духу побежала домой; в голове у нее шумело, по щекам градом катился пот. Дома она тотчас же легла на свою постель у очага, но долго не могла уснуть, думая о том великолепии, какое увидела в королевском замке. В конце концов Золушка заснула и спокойно проспала до утра, хотя сновидения снова уносили ее на праздник, где было так красиво и весело.

Сестры, уставшие после бала, проснулись лишь к обеду. Встав, они велели Золушке умыться, одеть и причесать их. При этом они только и говорили, что о вчерашнем празднестве в королевском дворце и о неизвестной девушке, которая своей красотой, любезным обхождением и роскошью наряда затмила всех остальных. Королевич, говорили сестры, с той минуты, как девушка переступила порог, не сводил с нее глаз. Если она — обыкновенный человек, а не какое-нибудь волшебное существо, то уж наверное это дочь могущественного короля из страны Кунгла. После отъезда прекрасной гостьи королевич загрустил, не танцевал и ни с кем не разговаривал.

Когда Золушка услышала это, ее сердце забилося от радости; она одевала сестер втрое дольше обычного, не обращая внимания на брань и колотушки, — все ей было как с гуся вода. Хлопоча у очага, девушка весь день только и думала о пышном празднике да о королевиче, которому она так приглянулась.

Вечером сестры опять поехали на бал, а Золушка со спокойным сердцем осталась дома и не пошла больше к рябине, предоставив все воле божьей. Сестры вернулись задолго до полуночи и рассказали, что королевич был понурым и печальным, ни с кем не танцевал и не разговаривал, а все время смотрел на дверь — не появится ли снова прекрасная девушка. Потом король объявил, что сын его захворал и третьего праздника не будет.

Однако мы не рассказали еще вот о чем: убегая из королевского замка, Золушка обронила на пороге золотую туфельку. На другое утро королевич случайно нашел потерянный башмачок и решил, что он поможет ему отыскать девушку. Печаль не давала юноше покоя ни днем ни ночью. Он готов был скорее умереть, чем отказаться от прекрасной девушки. Но как разыскать ее?

Через несколько дней королевич приказал объявить повсюду в городах и селах, что он твердо решил взять в жены девушку, которой придется впору оброненный золотой башмачок. Услышав это, все молодые девушки поспешили в замок попытать счастья: каждой не терпелось узнать, не поможет ли ей ее ножка стать женой королевича.

Красивый золотой башмачок стоял на шелковой подушке в самой роскошной комнате королевского замка. Одна за другой входили сюда девушки и из знатных семей, и из простого люда — всем было дозволено примерять башмачок. Но одной он оказывался длинен, другой слишком короток, третьей слишком узок и никто из девушек не смог обуть его. Немало тут пострадало и пальцев и пяток, но ничто не помогало.

Пришли попытать счастья и сестры Золушки. Они считали, что их ножки так малы, что даже цветок «кукушкин башмачок» был бы им

впору. Стараясь втиснуть ногу в золотой башмачок, они и дергали ее, и давили, и толкали так, что кровь выступила под ногтями. Но все их усилия были тщетны. Тогда младшая сестра, поморщившись, сказала:

— Этот дурацкий башмак сделан нарочно, чтобы поиздеваться над нами. Его никто не сможет надеть.

Но уже через минуту стало ясно, что это не так.

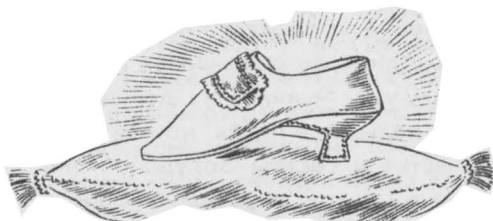
Велико было удивление и испуг сестер, когда отворилась дверь и в зал вошла Золушка в своем будничном, замаранном платье, в котором она обычно хлопотала у очага. Рассердившись, сестры велели вытолкать замарашку из королевских покоев, но слуги еще не успели выполнить их приказание, как Золушка сунула ногу в золотой башмачок и он пришелся ей впору, словно был сделан для нее по заказу! Окружающие еле оправились от изумления, но тут произошло нечто еще более удивительное. Комната вдруг наполнилась таким густым облаком тумана, что и на расстоянии шага ничего нельзя было различить. Потом в тумане блеснул свет и показалась фигурка маленькой волшебницы. Золотой палочкой она дотронулась до Золушки, и в одно мгновение прежней Золушки как не бывало. Перед ними стояла прекрасная девушка в роскошном наряде, которая в первый вечер праздника так приглянулась королевичу. Юноша, ликуя, бросился ей на шею и воскликнул:

— Эту девушку сам бог посылает мне в жены.

Маленькая волшебница — или кто бы она там ни была — подарила Золушке такое богатое приданое, что понадобилось несколько возов, чтобы перевезти его в город. Потом начались свадебные празднества, длившиеся целый месяц.

Так всеми презираемая сиротка стала женой королевича. Сестры от зависти чуть не лопнули, увидев, что Золушка, которую они считали хуже дворовой собаки, окружена теперь таким почетом. Но кроткое сердце Золушки не помнило обид, она не хотела платить злом за зло; она простила сестер, а став после смерти тестя королевой, щедро их одарила.

Золушки давно уже нет на свете, но память о ней до сих пор живет в народе. Ее считают самой доброй и прекрасной королевой, какая когда-либо жила на земле.

ГРОМОВАЯ ВОЛЫНКА

Однажды хитрый купец уговорился с чертом, что тот будет семь лет служить у него батраком и беспрекословно выполнять все его приказания. В награду за верную службу купец обещал нечистому свою душу. Черт выполнял все, чего требовал от него хозяин, не гнушался самой тяжелой работы и никогда не жаловался

на скудную еду, зная, какое вознаграждение по праву получит через семь лет.

Так прошло шесть лет, наступил уже седьмой год, но у купца не было никакой охоты так дешево продавать нечистому свою душу; он надеялся хитростью вырваться из когтей врага. Еще заключая сделку, хитрец обманул черта — дал ему петушиной крови вместо своей собственной, а тот сослепу и не заметил обмана. Эта уловка разрушала крепкие узы, которые связывали человеческую душу так, что она не могла вырваться.

Срок расплаты с каждым днем приближался, а купец все еще не придумал, как ему разделаться с нечистым.

Однажды в жаркий летний день с юга поднялась черная туча, предвещавшая сильную грозу. Черт сразу же укрылся под землей, в пещере, которую уже раньше для этого вырыл под камнем.

— Иди, братец, побудь со мной, пока не пройдет гроза! — попросил черт хозяина сладким голоском.

— А что ты мне дашь в награду, если я тебя послушаю? — спросил купец.

Черт обещал договориться об этом под землей: наверху, мол, торговаться уже некогда, гроза может вот-вот разразиться.

Купец подумал: «Нечистый совсем ошалел от страха, может быть, станет сговорчивее. Вдруг мне удастся от него отделаться!» Размышляя так, он полез вслед за чертом в пещеру.

Гроза продолжалась долго. Тяжкие раскаты грома грохотали один

за другим, земля сотрясалась, и рушились скалы. При каждом ударе черт дрожа зажимал уши кулаками и зажмуривал глаза, тело его покрывалось холодным потом, от страха он и слова не мог вымолвить.

Под вечер, когда гроза прошла, черт сказал хозяину:

— Пусть бы старый дед не поднимал там такой шум и гром, я бы с ним ладил и жил в мире: ведь под землей его стрелы меня не достанут. Но этот грохот так меня пугает, что я совсем шалею и сам не знаю, что делаю. Большую награду дал бы я тому, кто избавит меня от этой напасти.

Купец ответил:

— Тут лучший совет — тайком украсть у деда громовую волынку.

— Я и украл бы, — промолвил черт, — будь это возможно. Но старый Кыу* всегда настороже, он ни днем ни ночью не спускает глаз со своей громовой волынки. Как тут ее украдешь?

Купец стал объяснять, как это можно проделать.

— Да, кабы ты мне помог, — воскликнул черт, — может, наше дело и удалось бы. А одному мне не справиться.

Купец согласился помочь черту, но в награду потребовал, чтобы тот отказался от его души.

— Да по мне бери хоть три души, только избавь меня от этого страха! — радостно воскликнул черт.

Тогда купец растолковал ему, как он думает украсть волынку. Но для этого, добавил он, надо им двоим действовать сообща и дружно.

— Однако, — сказал он напоследок, — нам придется ждать такого дня, когда дед снова сильно утомится и крепко уснет. А то ведь он спит, как заяц, с открытыми глазами.

Вскоре снова разразилась сильная гроза и черт опять залез в пещеру вместе с купцом. От страха у нечистого уши заложило, и он не слышал ни слова из того, что говорил хозяин. Вечером оба взобрались на вершину высокой горы. Тут черт поднял купца к себе на плечи и стал при помощи колдовства вытягиваться и расти в высоту, сам при этом напевая:

— Тянись, тянись, братец, растите, мои косточки! — пока не дорос до самых облаков.

Заглянув через край тучи, купец увидел деда Кыу. Тот спал безмятежным сном, положив голову на груды облаков, а правая рука его покоилась на громовой волынке.

Украсть волынку было невозможно: стоило прикоснуться к руке

* Кыу — бог грозы в эстонской мифологии. (Прим. перев.)

спящего — и тот проснулся бы. Купец перелез с плеча черта на облако и подкрался к деду. Тут он прибегнул к хитрости: поймал у себя за ухом вошь и посадил ее деду Кыу на кончик носа, чтобы тому стало щекотно. Дед сразу начал чесать рукой нос. Купец мигом схватил громовую волынку, прыгнул с тучи черту на спину, и тот пустился бежать с горы так, что только пятки засверкали. Ни разу не оглянувшись, добежал черт до преисподней. Там он запер добычу в железную кладовую на семь замков, поблагодарил купца за помощь и отпустил его вместе с его душой на волю.

Но тут стряслась над всем миром и над людьми беда, которой купец и предвидеть не мог: тучи теперь не давали земле ни капли дождя и все растения погибали от засухи.

«Если я нечаянно, по глупости, причинил людям такое горе, то я же должен и поправить дело», — сказал себе купец и стал думать, как помочь беде.

Он отправился в северный край, на границу Финляндии, где жил знаменитый мудрец, рассказал ему, как похитил громовую волынку и где она сейчас спрятана.

Мудрец промолвил:

— Нужно сейчас же послать деду Кыу весточку о том, где находится в заточении его волынка. Уж он сам придумает, как вернуть свое пропавшее добро.

Затем он велел северному орлу отнести известие старому повелителю туч. На следующее же утро Кыу явился благодарить мудреца, который навел его на след вора.

После этого Кыу обернулся деревенским пареньком, отправился к рыбаку и нанялся к нему на лето в помощники. Он знал, что черт часто ходит на озеро воровать рыбу, и надеялся там с ним встретиться. Хотя паренек Гром и следил за сетями днем и ночью, ему не так-то скоро удалось застигнуть своего врага.

Рыбак уже давно заметил, что иногда сеть, заброшенную в озеро на ночь, утром вытягивают совсем пустой, но почему так бывает, он не знал. Мальчик-то хорошо знал, кто ворует рыбу, но решил молчать, пока не сможет указать вора.

Однажды в лунную ночь они вместе с хозяином отправились на озеро осматривать сети и как раз застали вора за работой. Перегнувшись через край лодки и всмотревшись в воду, они увидели, как черт вытаскивает из сетей рыбу и запикивает к себе в мешок.

На другой день рыбак пошел за помощью к знаменитому мудрецу и попросил его так заколдовать вора, чтобы тот запутался в сетях и сам не смог из них выбраться. Все так и было: когда на следующее

утро рыбаки стали тянуть сети, то вместе с ними вытащили на берег и черта.

Ох и задали же ему взбучку рыбак и его подручный! Без помощи мудреца черт не мог выпутаться из сетей, и пришлось ему терпеть побои рыбаков; а те колотили его куда попало и обломали о его спину целый воз дубин. Голова у черта была вся окровавлена и распухла как колода, глаза вылезли на лоб, так что страшно было смотреть. Но рыбак и мальчонка не щадили нечистого, по временам переводили дух и снова принимались его избивать.

Видя, что мольбы не помогают, черт стал предлагать большой выкуп. Он обещал отдать рыбаку половину своих сокровищ, а то и больше, если его освободят из сетей. Но рыбак так рассвирепел, что не стал с ним договариваться, пока совсем не выбился из сил и дубинка не выпала из рук. Сторговавшись с чертом, рыбаки с помощью мудреца освободили его из сетей. Черт позвал рыбака и паренька сходить с ним вместе в преисподнюю за выкупом. Кто знает, быть может, он еще надеялся как-нибудь их перехитрить.

В преисподней для гостей устроили пышный пир, продолжавшийся больше недели. Нечистый показал гостям свои сокровища и всевозможные орудия колдовства, а музыкантам велел развлекать рыбака сладкой музыкой.

Однажды утром мальчик Гром потихоньку сказал рыбаку:

— Когда тебе сегодня опять станут показывать всякие диковинки, попроси вынести волынку, которая лежит в железной клетки за семью замками.

За праздничным столом, когда и черт и гости уже слегка охмелели, рыбак попросил показать ему волынку. Черт исполнил его просьбу, принес волынку и стал на ней играть. Но как он ни дул в нее, как ни перебирал пальцами по трубке, волынка только визжала, как кошка, которой прищемили хвост, или поросенок, попавший волку в пасть.

Рыбак сказал смеясь:

— Не тратьте силы понапрасну! Я вижу, музыканта из вас все равно не выйдет. Мой пастушонок — и тот играет на дудке куда искуснее.

— Ого! — воскликнул черт. — Уж не думаете ли вы, что волынка и ивовая дудка — это одно и то же? Играть на волынке — это, брат, не шутка! Иди-ка, попробуй, и если тебе или твоему подручному удастся из нее выдуть хоть один звук, не быть мне больше хозяином преисподней! На, попробуй! — крикнул он, передавая волынку пареньку.

Мальчик Гром взял волынку. И едва он приложил ее к губам и дунул — затряслись стены ада, черт и все его домочадцы повалились наземь, оглушенные, а вместо паренька рядом с рыбаком вдруг по-

явился сам старый дед-громовержец. Он поблагодарил рыбака за помощь и сказал:

— Отныне всякий раз, как загремит в тучах моя волынка, твои сети наполнятся богатым уловом.

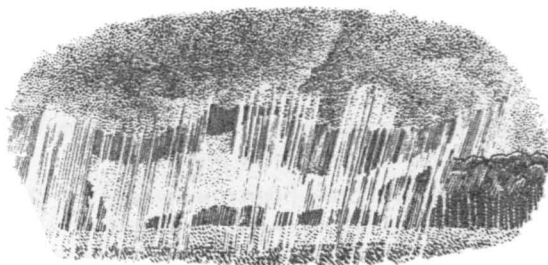
И дед Кыу поспешил домой.

По дороге его встретил купец, упал на колени, покаялся в своей вине и смиренно попросил прощения.

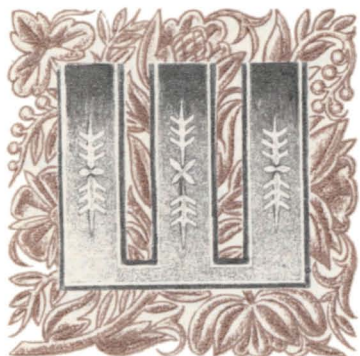
Дед Кыу сказал:

— Люди часто по своему легкомыслию грешат против небесной премудрости. И ты, сынок, благодари судьбу и радуйся, что я могу исправить зло, которое ты по своей глупости причинил людям.

Сказав это, он сел на камень и заиграл на волынке. Загремел гром, пошел проливной дождь и напоил землю влагой. Купца старый Кыу взял себе в работники, там он, говорят, живет и до сих пор.

ССОРА ГНОМОВ

ел однажды по лесу путник. Выйдя на небольшую полянку, он увидел там трех гномов, которые отчаянно дрались между собой. Они били друг друга, толкали, кусали, топтали ногами и таскали за волосы, так что страшно было смотреть. Человек, подойдя поближе, спросил, из-за чего они поссорились.

— Хорошо, что ты пришел! — закричали гномы. — Ты будешь судьей в нашем деле и поможешь разрешить наш спор.

— Сперва расскажите, из-за чего у вас вышла ссора, иначе я не смогу рассудить вас, — ответил прохожий. — Только не орите все сразу, а говорите поодиночке и толково, чтобы я вас понял.

— Хорошо, — сказал один из гномов. — Я расскажу тебе, с чего у нас начался спор. Видишь ли, вчера у нас умер отец, и мы, трое братьев, стали делить наследство. Вот тут и вышла у нас ссора.

— А какое наследство оставил вам отец? — спросил прохожий.

— Вот здесь лежит все оставшееся после него имущество, — ответил гном и показал на старую шляпу, пару лаптей и крепкую дубинку.

— Будьте же благоразумны! — ответил путник. — Неужели из-за таких пустяков стоит ссориться? Умнее было бы выбросить этот хлам в навозную кучу! А если не хотите это делать — разделите между собой имущество поровну. Вас трое, и от отца осталось три вещи, поэтому пусть один из вас возьмет шляпу, другой — лапти, а третий — дубинку, и спору конец!

— Нет, так не выйдет! — закричали гномы. — Эти вещи нельзя делить, иначе пропадет их волшебная сила. Они должны оставаться вместе.

Когда путник стал расспрашивать, почему этот старый хлам нельзя делить, один из гномов ответил:

— Эта старая безобразная шляпа — величайшее сокровище. Стоит ее надеть — и ты будешь видеть все, что происходит на свете, будь то

далеко или близко, доступно или недоступно глазу человека; да, да, хозяин шапки может даже читать мысли людей. А если обуешься в лапти и скажешь: «Хочу перенестись в Курляндию или в Польшу», то стоит тебе только поднять ногу, и ты сразу очутишься там, где пожелаешь. Если же возьмешь в руку дубинку и взмахнешь ею в воздухе, в тот же миг все перед тобой превратится в воду, будь то друзья или враги. Даже скалы, горы и злые духи — все от взмаха этой дубинки тает, растекается водой. Дубинка эта гораздо сильнее молнии. Теперь ты понимаешь, что эти три вещи неотделимы одна от другой, и мы должны пользоваться ими по очереди: сегодня один, завтра другой, послезавтра третий.

— Странная история, — заметил прохожий, которому в это время пришла в голову забавная мысль. — Но чтобы решить ваш спор, я должен сперва сам проверить, так ли обстоит дело, как вы говорите.

— Что ж, проверяй! — закричали гномы в один голос. — Но только торопись. Сегодня в Курляндии справляют богатую свадьбу, на которую собрались все наши друзья и родственники. Нам тоже хочется попасть на праздник.

— И попадете, если эти вещи и в самом деле обладают волшебной силой, — ответил путник. Взяв в руки старую шляпу, он заметил, что она сделана не из войлока, а из кусочков человеческих ногтей. А когда человек надел шляпу, то увидел пышную свадьбу в Курляндии и многое другое, что совершалось на белом свете.

— Дайте-ка мне теперь лапти и палку, — сказал он гномам, — а сами станьте в ряд, спиной ко мне, лицом к востоку, и не оборачивайтесь, пока я не скажу, как вам поделить наследство, чтобы не нарушить волю отца.

Глупые гномы послушно выполнили приказ своего судьи, встали к нему спиной, а лицом к востоку. Путник, нахлобучив шляпу и обувшись в лапти, взмахнул несколько раз дубинкой и с силой обрушил ее на спины гномов. В то же мгновение они исчезли без следа, только на том месте, где они стояли, на листьях лопуха заблестели три водяных капельки.

Видя, что первый опыт так хорошо удался, путник решил отправиться в Курляндию. Он поднял ногу и закричал:

— В Курляндию, на свадьбу! — и в этот же миг очутился на празднике. Здесь собралось много гостей — и знатных, и простого люда, — так как свадьбу справлял богатый и именитый хозяин. Обладатель волшебной шляпы, взору которого было открыто все, и зримое и незримое, взглянув вверх, увидел под потолком и на балках множество маленьких духов; их было гораздо больше, чем званых гостей. Но никто, кроме него, не мог их видеть.

А духи вели между собой разговор.

— Смотрите! — крикнул один из них. — Старый дядюшка тоже пожаловал на свадьбу!

— Неправда! — возразили другие. — На нем дядюшкина шляпа, лапти, а в руках дубинка, но все же это не дядюшка.

Между тем на стол подали различные яства на блюдах под крышками. И тут наш путник увидел то, чего никто другой не мог бы заметить: хорошие кушанья с удивительной быстротой исчезали и заменялись другими, похуже. То же происходило и с напитками в бутылках и кувшинах.

Пришелец, узнав, где находится хозяин дома, подошел к нему, вежливо поздоровался и сказал:

— Не сердитесь, что я незваным пришел на ваш праздник.

— Добро пожаловать! — ответил хозяин. — Еды и питья у нас вдоволь, поэтому один или два лишних гостя нас не обременят.

— Я тоже полагаю, что несколько лишних гостей вам не помешают, — ответил пришелец. — Но если незваных гостей больше, чем званых, то это может нанести ущерб самому богатому хозяину.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — сказал хозяин.

Тогда гость снял шляпу и, передав ее хозяину, молвил:

— Наденьте мою шляпу и взгляните на потолок, тогда увидите.

Хозяин надел шляпу и посмотрел на потолок. Увидев проделки маленьких духов, он побледнел как мертвец и сказал испуганно:

— Ой, братец! Я и не подозревал, что здесь есть такие гости. Когда я снимаю шляпу, они становятся невидимыми. Как же мне от них избавиться?

— Я мигом выпровожу непрошенных гостей из вашего дома, — ответил пришелец, — если вы попросите всех приглашенных ненадолго выйти из комнаты, хорошенько закроете двери и окна и позаботитесь о том, чтобы в стенах не осталось ни единой щели или дырки от сучка.

Хозяин, хотя и не очень-то верил в эту затею, все же выполнил все наставления своего гостя и попросил его выгнать маленьких расхитителей.

Через несколько минут званые гости покинули комнату, двери, окна и щели были тщательно закрыты, и пришелец, оставшись один на один с маленькими духами, стал так размахивать своей дубинкой под потолком и по углам, что любо-дорого было смотреть! Через несколько минут все духи были уничтожены, а на полу комнаты оказалось столько водяных капель, будто прошел сильный ливень. Какая-то щелочка в стене случайно оказалась незаткнутой, и одному из духов удалось через

нее выбраться из комнаты; но и ему, когда он удирал, крепко досталось от волшебной дубинки. На дворе он долго охал:

— Ай, ай, как больно! Я не раз попадал под стрелы старика Грома, но эта дубинка бьет куда сильнее!

Хозяин же, надев волшебную шапку и увидев, что комната очищена от духов, попросил гостей снова войти. Сидя за свадебным столом, пришелец прочел тайные мысли приглашенных и узнал многое, чего не знал никто другой. Жених думал больше о том, чтобы завладеть богатством тестя, чем о своей молодой жене, а невеста, у которой в девичестве случился грех с управляющим мызой, надеялась, что замужество скроет ее позор.

Жаль, что в наши дни такой шапки нигде не достать.

ХИТРЫЙ АНТС

еревенский пастор давно уже искал себе такого батрака, который, помимо другой работы, взялся бы каждую полночь звонить в церковный колокол. У пастора пребывало уже несколько хороших работников, но стоило батраку ночью отправиться на колокольню отзванивать полночь, как он вдруг бесследно исчезал, словно провалившись сквозь землю, — ни колокола не было слышно, ни звоня

больше никто не видел. Хотя пастор и держал все это в тайне, однако со временем люди стали замечать, как у пастора один за другим внезапно исчезают работники. Поэтому уже никто не хотел идти к нему в услужение.

Чем больше распространялись эти слухи, тем чаще люди задумывались, покачивая головой. Находились даже злые языки, уверявшие, будто пастор сам и приканчивает своих батраков.

Поп обещал втрое увеличить жалованье работнику и каждый день хорошо кормить его. Несколько месяцев подряд, каждое воскресенье после проповеди, он взывал с церковной кафедры:

— Мне нужен хороший батрак, обещаю ему сытную еду и щедрую плату! — и так далее. Но все было напрасно.

Тут-то и пришел наниматься к попу хитрый Антс. Он незадолго до этого работал у скупого хозяина и порядком у него изголодался, вот и соблазнили парня обещанные пастором хорошие харчи. Антс заявил, что хочет сразу же взяться за работу.

— Хорошо, сын мой, — сказал пастор, — если у тебя достаточно смелости и веры в бога, то отправляйся сегодня же ночью звонить в колокол. А завтра сговоримся окончательно.

Антс согласился и пошел в людскую. Предстоящее испытание его нисколько не тревожило.

Пастор был большой скряга. Все ему казалось, что его объедают.

В часы, когда работники садились за стол, он частенько заходил в людскую, надеясь, что в его присутствии батраки побоятся много есть. Он уговаривал их почаще пить во время еды, думая так: если у кого в животе много жидкости, то меньше места останется для хлеба и всего прочего. Но Антс оказался хитрее своего хозяина; опорожнив единым духом ковш, он сказал:

— Вот и для еды вдвое больше места стало!

Пастор поверил и с того дня перестал уговаривать людей побольше пить. Антс же посмеивался исподтишка, довольный тем, что проделка его удалась.

Примерно за час до полуночи новый батрак пошел в церковь. Там горел свет. Войдя внутрь, Антс очень удивился: он увидел перед собой множество людей, которые, как видно, пришли сюда не затем, чтобы помолиться. Люди сидели за длинным столом и играли в карты. Антс страха не чувствовал, а если по временам и замирало у него сердце, он поступал разумно — и виду не подавал, что робеет. Он смело подошел к столу и подсел к игрокам. Один из них заметил его и спросил:

— Тебе, братец, чего здесь надо?

Антс в упор посмотрел на него, а потом, усмехнувшись, сказал:

— Эх ты, умник, лучше помалкивал бы! Уж если кто и имеет право здесь задавать вопросы, так это я. А раз я своим правом не пользуюсь, то и вам лучше держать язык за зубами.

Затем, взяв карты, он стал играть с незнакомцами, как будто это были его лучшие друзья. Ему везло — сколько бы он ни ставил, все возвращалось к нему вдвойне, так что у некоторых игроков карманы совсем опустели.

Но вот пропели петухи, наступила полночь. Тут вдруг свечи погасли, а игроки мгновенно пропали вместе со столом и скамейками. Антсу пришлось в темноте ощупью искать себе дорогу, пока он, наконец, не нашел лестницу, ведущую на колокольню.

Поднявшись по первой лестнице, он увидел маленького безголового человечка, сидящего на верхней ступеньке.

— Эй, малыш! Тебе чего здесь надо? — спросил Антс и, не дождавшись ответа, дал ему сильный пинок ногой, так что безголовый скатился вниз по лестнице. На втором, третьем и четвертом пролете лестницы он повстречал таких же безмолвных стражей. Он всех их спустил вниз, друг за дружкой, так что у них только кости затрещали.

Наконец Антс беспрепятственно добрался до колокола. Взглянув вверх, чтобы проверить, все ли в порядке, он увидел еще одного безголового человечка, который, сгорбившись, сидел в колоколе. Человек отвязал от колокола язык и, видно, ждал той минуты, когда Антс

возьмется за веревку и можно будет сбросить ему на голову тяжелый язык, который наверняка убил бы звонаря.

— Стой, дружок! — воскликнул Антс. — Такого уговора у нас с тобой не было. Ты, наверное, уже видел, как я спускал с лестницы твоих маленьких соседей, чтобы они не утруждали своих ножек? Скоро и ты полетишь туда же. Но так как ты сидишь выше всех, то я и отправлю тебя с большим почетом. Я выброшу тебя из окна, чтобы у тебя не было больше охоты возвращаться обратно.

Сказав это, он приставил лестницу, чтобы, взобравшись на нее, вытащить из колокола маленького человечка и осуществить свою угрозу.

Человечек, видя, что ему несдобровать, стал просить:

— Братец! Смилуйся надо мной! За это я тебе обещаю, что ни я, ни мои товарищи никогда не будем тебе мешать звонить по ночам. Я, правда, мал и уродлив, но кто знает, может быть, мне когда-нибудь удастся отплатить тебе за твое благодеяние.

— Ах ты, пигалица! — засмеялся Антс. — Твоей благодарности и комар на хвосте не почувствует. Ну, счастье твое, что я сегодня в хорошем настроении. Так и быть — живи! Однако берегись попадаться мне на глаза, в другой раз я с тобой шутить не стану.

Безголовый смиренно поблагодарил Антса, спустился, как белка, вниз по веревке и побежал по лестнице так, что только пятки засверкали.

А парень стал на радостях названивать в колокол.

Услышав в полночь звон колокола, пастор очень удивился и обрадовался, что наконец нашел батрака, которому посчастливилось выдержать испытание.

Выполнив работу, Антс отправился на сеновал и улегся спать.

У попа была привычка вставать рано утром, чтобы проверить, все ли батраки взялись за работу. Все были на своих местах, только Антса нигде не было видно. Прошло утро, время уже приближалось к полудню, а Антс все еще не появлялся. Пастор испугался — не случилось ли со звонарем такой же беды, как и с прежними батраками. Но когда стали бить в колотушку, созывая людей на обед, явился и Антс.

— Где ты был до сих пор? — спросил поп.

— Спал, — ответил зевая Антс.

— Спал! — воскликнул удивленно поп. — Уж не думаешь ли ты каждый день спать до полудня?

— Конечно, думаю, — ответил Антс. — Ведь ясно как день, что один человек не может сразу служить двум хозяевам. Тот, кто днем работает, должен спать ночью, а тот, кто трудится ночью, — отдыхает днем. Освободи меня от ночной службы, тогда я буду работать от зари

до зари. А если ты велишь мне звонить ночью на колокольне, тогда уж давай мне отсыпаться до обеда.

После долгих споров наконец уговорились, что Антс по ночам звонить не будет. Зато он должен работать от зари до зари, может отдыхать полчаса после завтрака, целый час после обеда, а в воскресные дни будет совсем свободен.

— Но, — сказал поп, — иной раз может случиться, особенно зимой, когда дни короткие, что поработать придется и дольше.

— Нет, я не согласен, — воскликнул Антс, — ведь летние дни куда длиннее. Я не буду больше работать, чем мне полагается, — по будням от зари до зари.

Вскоре пастора пригласили в город крестить ребенка в какой-то богатой семье. И хотя от церковной усадьбы до города было всего несколько часов езды, Антс взял с собой из дому мешок с едой.

— Зачем ты берешь с собой еду? — спросил пастор. — Ведь к вечеру мы будем в городе.

Антс ответил:

— Кто может все знать наперед! Вдруг в дороге что-нибудь случится и наша поездка затянется. А ведь по нашему уговору я должен вам служить только до захода солнца. Если же солнце зайдет раньше, чем мы доберемся до города, то придется вам ехать дальше одному, без меня.

Поп принял эти слова за шутку, ничего не ответил Антсу, и они тронулись в путь.

Недавно выпал снег, ветром намело сугробы, и дорога местами была так занесена, что нельзя было ехать быстро. Невдалеке от города путники должны были проезжать густым лесом. Когда они добрались до его опушки, солнце уже склонялось к закату. В глубоком снегу кони плелись шаг за шагом, а Антс то и дело оборачивался и поглядывал на солнце.

— Что ты так часто оглядываешься назад? — спросил пастор.

— У меня ведь на затылке глаз нет, чтобы следить за солнцем, — ответил Антс.

— Оставь свои глупые шутки, — сказал поп, — постарайся лучше, чтоб мы засветло поспели в город.

Антс ничего не ответил, но продолжал время от времени оглядываться на солнце.

Когда они добрались до середины леса, солнце зашло. Антс остановил лошадей, взял свой мешок с едой и вылез из саней.

— Ты что, с ума сошел, Антс? Что ты хочешь делать? — спросил поп.

На это Антс спокойно ответил:

— Хочу устроиться здесь на ночлег — солнце зашло и моя работа кончена.

Хозяин и уговаривал, и просил, даже угрожал, но, увидев, что все это не помогает, пообещал Антсу хорошие чаевые и прибавку к жалованью.

— Как вам не стыдно, господин пастор! — сказал Антс. — Неужели вы хотите быть искусителем и свести меня с пути истинного, чтобы я отступился от нашего уговора? Уговор дороже денег, поэтому все сокровища мира не могут меня прельстить. Хотите сегодня вечером попасть в город — езжайте с богом сами, а я не могу и не должен дальше с вами ехать. На сегодня работа закончена.

— Антс, милый ты мой, золотой мой! — сказал поп. — Я не вправе оставлять тебя одного. Оглянись кругом, сам увидишь, какое опасное место ты себе выбрал для ночлега. Вон там поблизости — место казней и виселица, на ней и сейчас еще болтаются два разбойника, а души их горят в аду. Неужели ты хочешь ночевать рядом с такими соседями?

— А почему бы и не заночевать? — спросил Антс. — Мошенники висят наверху, я же хочу устроиться внизу, на земле; таким образом мы не будем мешать друг другу.

Сказав это, он повернулся к хозяину спиной и, взяв мешок с едой, пошел своей дорогой.

Чтобы не лишиться платы, полагающейся за крестины, поп вынужден был ехать в город один. Там немало удивились, увидев, что пастор приехал без кучера. А когда он рассказал, что с ним приключилось, люди так и не смогли решить, кто глупее — хозяин или слуга.

Антсу же и дела не было до того, что говорят или думают о нем люди. Утолив голод едой, захваченной с собой из дому, от закурил трубку, приготовил себе местечко под ветвистой елью, закутался в теплую шубу и вскоре заснул.

Через несколько часов его вдруг разбудил какой-то крик. Ночь была лунная. Невдалеке, под сенью ели, стояли два безголовых человечка и сердито перебранивались между собой. Антс поднял голову, чтобы получше разглядеть их, но человечки в тот же миг закричали:

— Это он и есть, это он!

Один из них подошел к Антсу и сказал:

— А, старый знакомый! Счастливый случай опять свел нас. Мои кости все еще побаливают после того, как ты нас спустил с церковной колокольни. А может быть, ты уже об этом позабыл? Теперь настал и наш черед проучить тебя так, чтобы ты еще несколько недель вспоми-

нал нашу встречу. Эй, братцы! Возьмитесь-ка за дубинки и принимайтесь за дело.

Словно огромная туча комаров, налетели отовсюду безголовые человечки. Каждый держал в руке крепкую дубинку, больше его самого. Столь великое множество маленьких врагов грозило серьезной опасностью: их удары сыпались с такой силой, что и самый могучий человек не смог бы бить крепче. Антс решил, что ему пришел конец; с этой тучей врагов он не мог справиться.

Однако, на его счастье, в самый разгар драки появился еще один человечек.

— Стойте, братцы, стойте! — закричал он своим сородичам. — Этот человек однажды сделал мне добро, и я остался у него в долгу. Он даровал мне жизнь, я был в его власти. Хоть он и сбросил кое-кого из вас с лестницы, но, к счастью, никто не покалечился. А ушибленные места вы уже давно распарили в бане. Поэтому простите его и идите домой.

Безголовые человечки быстро согласились и спокойно пошли своей дорогой. Тут Антс узнал своего избавителя: это был тот ночной дух, что сидел тогда в колоколе.

Человечек подсел к Антсу под ель и сказал:

— Ты тогда посмеялся над моими словами. А ведь я говорил тебе, что, может быть, наступит время, когда и я тебе пригожусь. Вот и пришел такой день. И пусть впредь это будет тебе наукой: не следует гнушаться даже самым маленьким существом на свете.

— Сердечное тебе спасибо, — сказал Антс. — Твои сородичи только начали меня колотить, и то у меня все кости затрещали. А не подоспей ты вовремя, я мог бы и жизни лишиться.

Тут снова заговорил безголовый человечек:

— Теперь мы с тобой квиты, но я хочу сверх того вознаградить тебя за побои, понесенные тобой сегодня. Не надо тебе больше маяться в батраках у жадного пастора. Завтра, как придешь домой, иди сразу к северному углу церкви. В стене найдешь замурованный камень, который не побелен известью, как все другие. Послезавтра ночью у нас полнолуние. В полночь выверни ломом из стены этот камень. Под ним ты найдешь несметные сокровища. Там находится золотая и серебряная церковная утварь, собранная несколькими поколениями, а также деньги, спрятанные во время войны. Люди, спрятавшие это добро, умерли уже более ста лет назад, и сейчас ни одна живая душа не знает об этом кладе. Одну треть денег ты должен раздать бедным, остальное по праву принадлежит тебе, и ты можешь с ним делать что хочешь.

В эту минуту далеко в деревне пропел петух. Безголового человечка

как будто ветром сдуло; не осталось от него и следа. У Антса все тело ломило, он долго не мог заснуть и думал о спрятанных богатствах. И только под утро он задремал.

Солнце стояло уже высоко, когда хозяин, возвращаясь из города, подъехал к Антсу.

— Ты, Антс, вчера сделал большую глупость, что не поехал со мной, — сказал поп. — Я и поел и попил всласть, да и денежки в кармане звенят! — Сказав это, он побренчал монетами, чтобы Антсу еще досаднее стало.

Антс спокойно ответил:

— Вам, господин пастор, из-за этих грошей пришлось всю ночь не спать, а я выспался и заработал во сто раз больше.

— Покажи мне, что ты заработал, — сказал пастор.

На это Антс ему ответил:

— Глупец и копейкой хвалится, а умный свой рубль прячет.

Приехав домой, Антс быстро справился со своей работой — распряг лошадей, задал им корма. Потом направился к церкви, обошел вокруг нее и увидел в указанном месте небеленый камень.

В ночь полнолуния, когда все спали, он тайком вышел из дому, взял лом и с большим трудом выворотил из стены тяжелый камень. За ним он действительно нашел клад, о котором говорил безголовый человечек. В следующее воскресенье Антс роздал третью часть денег бедным в церкви и отказался от работы у пастора. И так как он не потребовал за это короткое время жалованья, то хозяин охотно отпустил его.

После этого Антс переехал в другие места, купил себе хорошую усадьбу, женился и жил счастливо и спокойно еще много лет.

В те годы, когда мой дедушка был пастушонком, в нашей деревне еще жило много старых людей, которые знали Антса и могли бы подтвердить все рассказанное нами.

СПЯЩАЯ КОРОЛЕВНА

некоего могущественного короля внезапно умерла дочь. Глубокая скорбь объяла всю страну, повсюду раздавались рыдания.

Но в тот самый день, когда умершую должны были положить в гроб, из дальних стран в королевскую столицу прибыл мудрец. Увидев скорбные лица горожан, он понял, что здесь произошло что-то необычайное, и стал расспрашивать людей, какое горе их угнетает. Когда ему рассказали, что случилось, он немедленно направился к королевскому дворцу, назвал опытным врачом и попросил разрешения явиться к королю. Едва переступив порог, он воскликнул:

— Эта девушка не умерла, она просто устала. Дайте ей отдохнуть!

Услышав это, король приказал незнакомцу приблизиться. Мудрец молвил королю:

— Вашу дочь нельзя хоронить, как хоронят мертвых. Я изготовлю стеклянный гроб, в который мы ее и уложим; пусть она спокойно поспит, пока не наступит время пробуждения.

Король был очень обрадован этими словами и пообещал щедро наградить мудреца, если предсказание его сбудется.

Мудрец сделал большой гроб из стекла, устлал его внутри шелковыми подушками и уложил на них королевну. Закрыв гроб стеклянной крышкой, он приказал отнести его в просторную комнату, а у дверей поставил стражу, чтобы никто не нарушал покоя спящей.

Когда все это было сделано, мудрец сказал королю:

— Разошлите своих людей по всем странам и прикажите скупить все запасы стекла, какие там найдутся. Я сложу огромную печь, величиной с вашу столицу, и в этой печи мы сплавим стекло в одну глыбу. Когда же минует шесть лет и пение жаворонков возвестит о наступлении седьмого лета, пошлите по всему свету гонцов и прикажите объ-

вить, что каждому юноше разрешается свататься к вашей дочери. Тот, кто сумеет взобраться на вершину стеклянной горы верхом или пешком, тот пусть и будет вашим зятем. Когда явится этот избранник — а это должно случиться ровно через семь лет и семь дней, — ваша дочь проснется и даст ему со своей руки золотое кольцо. Обладателю колечка, пусть это будет даже беднейший из ваших подданных, даже сын какого-нибудь бобыля, вы должны отдать свою дочь в жены, иначе она погрузится в вечный сон.

Король обещал в точности выполнить все указания мудреца и тотчас же велел скупать стекло во всех ближайших странах. Когда шестой год подходил к концу, груда стекла уже тянулась в длину на целую милю, а в высоту достигала семи сажен.

Тем временем мудрец закончил кладку печи для плавки. Печь была так высока, что верхушка ее достигала облаков. В помощь мудрецу король отрядил две тысячи работников. Когда же печь наполнили и начали плавить стекло, вокруг распространилась такая жара, что болота, реки и мелкие озера высохли до дна, а в родниках и глубоких колодцах вода заметно убыла.

А теперь, пока мудрец изготавливает свою стеклянную гору, мы с вами пойдем в деревенскую лачугу, стоящую невдалеке от королевской столицы. Здесь жил старик-крестьянин со своими тремя сыновьями. Два старших сына были толковые и умелые работники, младший же слыл чуть придурковатым. Когда отец заболел и почувствовал приближение смерти, он велел сыновьям подойти к его постели и сказал им:

— Я чувствую, что скоро вас покину, поэтому хочу объявить вам свою последнюю волю. Вы, мои любимые старшие сыновья, будете совместно владеть домом и землей, если только не вздумаете оба жениться и власть двух хозяек не внесет в семью раздор. Ведь недаром исстари говорят в народе: «Где семь холостых братьев уживаются мирно, там двум хозяйкам бывает так тесно, что они друг другу в волосы вцепляются». Если это случится и у вас, вам придется, конечно, разделить дом и пашню. А младший брат ваш не годится ни в хозяева, ни в работники, поэтому он должен до конца дней своих жить под вашим кровом. За это я вам обоим оставляю в наследство сундучок с деньгами. Младший брат ваш, правда, умом недалек, но сердце у него доброе; он всегда был мне послушным сыном, будет и вам во всем повиноваться.

Не проронив ни слезинки, но на слова не скупясь, старшие сыновья пообещали выполнить последнюю волю отца. Младший же сын не сказал ни слова, только горько заплакал.

— Еще об одном прошу я вас, — сказал отец. — Когда я умру и вы меня похороните, прошу, окажите мне последний знак любви: пусть каждый из вас по очереди проведет одну ночь на моей могиле!

И, опять не проронив ни единой слезы, но не скупясь на слова, старшие братья обещали выполнить и это желание отца. Младший же и теперь не сказал ни слова, только плакал горькими слезами. Вскоре после этой беседы отец закрыл глаза навеки.

Старшие братья приготовили богатый поминальный обед и пригласили на похороны много чужих людей, чтобы предать отца земле со всеми почестями. Сами они были веселы, пили и ели, точно на свадьбе, младший же потихоньку плакал, сидя у гроба отца. И когда гроб унесли и опустили в могилу, младшему сыну показалось, что для него нет больше радостей на свете, словно их погребли вместе с отцом.

Поздно вечером, когда ушли последние гости, младший брат спросил, кто пойдет в первую ночь на могилу отца. Старшие ответили:

— Мы очень устали, готовясь к похоронам, и не можем сегодня ночью бодрствовать. А тебе все равно делать нечего, отправляйся-ка ты на могилу!

Не сказав ни слова в ответ, младший сын пошел на могилу отца. Там было тихо-тихо, только где-то стрекотал кузнечик. Чтобы не заснуть, юноша стал тихо бродить вокруг могилы. Около полуночи из-под земли послышался жалобный голос:

Кто шагает надо мною,
Над моею головою,
Мне в глаза песок роняет?

Сын понял и промолвил в ответ:

Младший твой сынок шагает,
Мальчик ходит над тобою,
На тебя песок роняет
Вместе с черною землею.

Тогда голос спросил, почему старшие братья не пришли первыми на могилу. На это младший брат ответил, что они устали на похоронах и не смогли сегодня прийти.

Снова раздался голос отца:

— Каждому по заслугам! Получишь и ты заслуженную награду. Скоро наступит время, когда тебе потребуется хорошая одежда, чтобы появиться среди знатных людей. Тогда приди на мою могилу, топни три раза левой ногой и скажи: «Дорогой отец, прошу вознаграждения за первую ночь!» Ты получишь и одежду, и коня. Но братьям ничего не говори об этом!

С восходом солнца младший брат отправился домой, поел немного и лег спать.

Вечером, когда подошло время идти на могилу отца, он спросил братьев, кто из них думает в эту ночь там бодрствовать. Братья насмешливо ответили:

— Нашего отца никто красть из могилы не собирается. Если тебе так уж хочется, можешь и сегодня туда отправляться. Но своими беднями ты все равно отца не воскресишь.

Эти жестокие слова еще более опечалили младшего брата, и он со слезами на глазах вышел из дому.

На могиле отца было по-прежнему тихо-тихо, только кузнечик стрекотал в траве. Чтобы не задремать, юноша стал медленно ходить взад и вперед. Около полуночи — петухи пропели уже два раза — из могилы раздался жалобный голос:

Кто шагает надо мною,
Над моею головою,
Мне в глаза песок роняет?

Сын понял и молвил в ответ:

Младший твой сынок шагает,
Мальчик ходит над тобою,
На тебя песок роняет
Вместе с черною землею.

Голос спросил, почему не пришли старшие сыновья. Младший брат сказал в их оправдание, что они устали от дневных трудов и не смогли ночью пойти бодрствовать на могиле.

Но голос отца произнес:

— Каждому по заслугам! Я и тебе не могу отказать в награде, которой ты заслуживаешь. Вскоре придет время, когда тебе понадобится еще более нарядное платье, чем то, которое я тебе обещал вчера. Тогда смело приходи сюда, топни левой ногой три раза и скажи: «Дорогой отец, прошу вознаграждения за в т о р у ю ночь». И тотчас же получишь такое роскошное платье и такого прекрасного коня, что люди не в силах будут оторвать от тебя глаз. Но ничего не говори об этом братьям!

С восходом солнца младший брат вернулся домой, увидел, что старшие братья еще спят, поел немного, улегся на лежанку у печки и проспал далеко за полночь.

Вечером, когда подошло время идти на кладбище, он спросил братьев, кто из них хочет в эту ночь бодрствовать на могиле отца. Братья засмеялись и ответили с издевкой:

— Кто две ночи подряд делал никчемную работу, пускай и на третью ночь продолжает! Отец сам из могилы не убежит, красть его тоже никто не станет. Будь он в здравом уме, он бы не потребовал этих ночных бдений на могиле.

Младший брат, опечаленный их бессердечием, опять ушел со слезами на глазах.

На могиле отца было тихо-тихо, как и в первые вечера, только кузнечик стрекотал в траве да ночная птица вскрикивала высоко в небе. Чтобы не заснуть, младший брат стал медленно ходить взад и вперед. Около полуночи — петухи пропели уже два раза — из могилы снова раздался жалобный голос:

Кто шагает надо мною,
Над моею головою,
Мне в глаза песок роняет?

Сын понял и молвил в ответ:

Младший твой сынок шагает,
Мальчик ходит над тобою,
На тебя песок роняет
Вместе с черною землею.

Голос спросил снова, почему не пришли старшие братья, и получил тот же ответ, что и вчера.

Тогда голос отца произнес:

— Каждому по заслугам! И я не могу отказать тебе в награде, которую ты заслужил. Скоро придет время, когда ты по себе узнаешь, что чем больше человек имеет, тем большего желает. Но желания доброго сына, который хранит любовь к отцу и после его смерти, должны быть выполнены. Сначала я хотел разделить свои тайные сокровища между всеми вами, но теперь моим единственным наследником будешь ты. Если тебе больше не понравятся та одежда и лошадь, которые я обещал в первую и вторую ночь, смело приходи на мою могилу, топни левой ногой три раза и скажи: «Дорогой отец, прошу вознаграждения за третью ночь», — и тотчас же получишь самое красивое платье и самого дорогого коня. Весь свет будет с восхищением смотреть на тебя, твои братья будут тебе завидовать, а могущественный король отдаст тебе в жены свою дочь. Но братьям ничего не говори об этом!

С восходом солнца младший брат отправился домой, думая про себя: «Таких дней я, бедняк, никогда не дождусь». Закусив, он прилег на лежанку, заснул и проснулся лишь к вечеру, когда солнце уже склонялось к лесу.

Пока он спал, старшие братья так рассуждали между собой:

— Этот увалень только и делает, что по ночам сторожит могилу, а днем спит. Нам никогда от него пользы не будет, так зачем же нам его кормить? Лучше кормить свинью, ту хоть к рождеству заколоть можно.

Старший из братьев сказал:

— Давай прогоним его из дому, пускай кормится под чужими окнами!

Но второй брат считал, что этого делать не следует, так как о них самих может пойти дурная молва: люди зажиточные, а родного брата послали попрошайничать.

— Лучше будем отдавать ему объедки с нашего стола, — сказал второй брат. — Досыта не наестся, но и с голоду не помрет.

Тем временем мудрец уже выплавил стеклянную гору, и король велел повсюду оповестить народ, что каждому юноше разрешается свататься к королевской дочери. Но выйдет она замуж лишь за того, кто верхом на коне или пешком сумеет взобраться на вершину стеклянной горы.

Король устроил большой пир. Всем желающим разрешалось там пить и есть, сколько кому хотелось. Пир длился три дня, и каждый день для угощения резали по сто быков и по семьсот свиней и варили по пятьсот бочек пива. Вешала с колбасами стояли сплошными стенами, хлеба из пшеничной муки и сладкие пироги были нагромождены, словно стога сена.

Спящую королевну отнесли в гробу на самую вершину стеклянной горы. Со всех концов съезжались гости, одни — чтобы пройти испытание, другие — чтобы развлечься редким зрелищем. Блестящая гора сияла, словно второе солнышко, и ее было видно за много верст.

Наши старые знакомые — старшие братья заказали себе красивую праздничную одежду и отправились на пир. Младшему пришлось остаться дома, чтобы не срамить братьев своим нищенским видом. Но едва старшие братья скрылись из виду, как младший пошел на могилу отца, проделал все так, как ему было велело, и проговорил:

— Дорогой отец, прошу вознаграждения за первую ночь!

И в тот же миг, как он произнес свою просьбу, перед ним появилась медная лошадь с медной уздечкой, а на седле лежала сверкающая медная одежда, начиная с головного убора и кончая обувью, и все оказалось юноше как раз впору, словно было сделано по мерке.

Около полудня медный всадник на медном коне прискакал к стеклянной горе, где толпились уже сотни и тысячи людей. Пока никому еще не удалось подняться хотя бы на несколько шагов по скользкой

горе. Медный всадник промчался сквозь толпу и поднялся по стеклянной горе на одну треть ее высоты, словно под ним была обыкновенная земля. Спустившись, он поклонился королю и мгновенно скрылся из виду. Но многие утверждали, будто спящая королева шевельнула рукой, когда медный всадник поднимался на гору.

Вернувшись домой, старшие братья только и говорили, что о подвиге медного всадника и силе его медного коня. Младший брат молча прислушивался к их беседе, но ничем не выдал, что он и был тот самый всадник.

На другое утро братья ушли с восходом солнца, чтобы не опоздать на празднества. Около полудня младший брат отправился на могилу отца. Он проделал все, что было велело, и сказал:

— Дорогой отец, прошу вознаграждения за вторую ночь!

Не успел он высказать свою просьбу, как перед ним очутился серебряный конь с серебряной уздечкой и таким же седлом. На седле лежала красивейшая, блестящая серебряная одежда, головной убор и обувь, причем все было юноше как раз впору, точно сшито по мерке.

В полдень серебряный всадник на серебряном коне прискакал к стеклянной горе, где толпились сотни и тысячи людей. Пока никому еще не удалось подняться по скользкой горе хотя бы на несколько шагов. Серебряный всадник промчался сквозь толпу, поднялся по склону горы почти до половины ее высоты, точно под копытами его коня была простая земля, затем повернул обратно, приветствовал короля и быстро скрылся. На этот раз люди видели ясно, как спящая королева при приближении серебряного всадника шевельнула головой.

Братья прибыли домой к вечеру. У них только и речи было, что о дивном подвиге серебряного всадника и силе его коня. В конце концов братья решили, что чудесный всадник, наверное, не простой смертный и что все это — только видение, созданное колдовством. Младший брат молча прислушивался к их словам, но ничем не показал, что он и был тот самый всадник.

Утром старшие братья снова ушли с восходом солнца. В этот день народу собралось еще больше, потому что именно сегодня истекал назначенный мудрецом срок — семь лет и семь дней, и королева, по его предсказанию, должна была проснуться.

Около полудня младший брат пошел на могилу отца. Он проделал все, как ему было велело, и сказал:

— Дорогой отец, прошу вознаграждения за третью ночь!

Тотчас же, как только он произнес эти слова, перед ним появился золотой конь с золотой уздечкой и золотым седлом, а на седле лежала великолепная золотая одежда, начиная с головного убора и кончая

обувью. Все пришлось юноше как раз впору, точно было сшито по мерке.

В полдень золотой всадник на золотом коне прискакал к стеклянной горе. Здесь толпились сотни и тысячи людей, но никто из них не в силах был подняться на гору хотя бы на несколько шагов. Ни медный, ни серебряный всадник не оставили на горе ни малейшего следа, и она была такой же скользкой, как и раньше. Золотой всадник промчался сквозь толпу, поднялся по стеклянной горе до самой вершины с такой легкостью, точно под копытами его коня была обыкновенная земля.

Когда он достиг вершины, крышка гроба сама открылась, спящая королева приподнялась, села, сняла с пальца золотое колечко и дала его золотому всаднику. Юноша поднял девицу, усадил ее на своего золотого коня и медленно спустился с горы. Он передал королеву в объятия отца, учтиво попрощался и вмиг исчез, точно сквозь землю провалился.

Вы можете вообразить, какова была радость короля. По совету мудреца, он велел на следующий день объявить повсюду, что юноша, который принесет золотое колечко королевы, станет ее мужем. Народ всю ночь не расходил, всем хотелось посмотреть, чем кончится дело. И наши старые знакомые, старшие братья, тоже оставались на месте и вкушали праздничные яства. Велико же было их изумление, когда они вдруг увидели, что к королю приблизился какой-то бедно одетый человек, очень похожий на их отверженного брата. И в руке этот нищий держал золотое колечко королевы! Король уже пожалел было о своем обещании: он не мог предвидеть, что дело так обернется.

Но мудрец сказал королю:

— Этот юноша, которого вы по одежде принимаете за нищего, — сын могущественного короля дальней страны. Когда ему было три дня от роду, злая колдунья украла его, а взамен положила в колыбель ребенка крестьянина. Этот младенец вскоре умер, а похищенный королевич вырос в крестьянском доме и во всем повиновался человеку, которого считал своим отцом.

Король был этим очень доволен, велел устроить пышный свадебный пир, который длился четыре недели, и впоследствии завещал зятю свое королевство. А зять его, как только сбросил крестьянскую одежду, перестал быть дурачком и превратился в разумного благородного юношу, достойного своего нового положения; глупость его была не врожденная, ее наслала на него злая колдунья. В праздник он предстал перед народом в золотой одежде и на золотом коне.

А его мнимые братья вскоре умерли от зависти и злобы.

БЛАГОДАРНЫЙ КОРОЛЕВИЧ

ороль из страны Кунгла однажды заблудился в дремучем лесу. Долго бродил он, разыскивая дорогу, но все было напрасно.

Вдруг перед ним появился какой-то старик и спросил:

— Чего ты, братец, ищешь в этом темном лесу, где живут лишь дикие звери?

Король ответил:

— Я заблудился и ищу дорогу к своему дому.

— Я укажу тебе дорогу, — сказал старик, — если ты пообещаешь отдать мне то, что первое встретишь в своем дворе.

Король, постояв в глубоком раздумье, ответил:

— Зачем мне терять мою лучшую охотничью собаку? Рано ли, поздно ли я и сам выберусь отсюда!

Старик выслушал его и, не сказав ни слова, скрылся. А король блуждал по лесу еще три дня и три ночи; взятые из дому припасы у него кончились, но дороги он так и не нашел.

На четвертый день тот же старик снова подошел к нему и сказал:

— Обещай отдать мне то, что первое встретишь дома во дворе.

Но король был упрям. Он и на этот раз отказал старику.

Печальный и раздосадованный, бродил он снова по лесу и наконец, выбившись из сил, опустился на землю под деревом, думая, что наступил его смертный час.

Тут старик — а это был не кто иной, как сам нечистый, — в третий раз подошел к нему и сказал:

— Не будь же глупцом! Неужели ты так дорожишь собакой, что не хочешь пожертвовать ею даже ради спасения своей жизни? Пообещай отдать мне в награду то, что я прошу, и ты выйдешь целым и невредимым из беды.

— Моя жизнь дороже тысячи собак! — воскликнул король. — У меня ведь целое королевство на плечах. Так и быть, я выполню твоё требование. Веди меня домой!

Едва он успел произнести последнее слово, как очутился на опушке леса, откуда виден был королевский дворец. Он зашагал к дому, и первым, кого он увидел, был его маленький сынок: сидя на руках у няньки, мальчик радостно протягивал к отцу ручонки. Король испугался, накричал на няньку и велел ей поскорее унести ребенка. Тут прибежала и его верная собака, радостно виляя хвостом. Однако в награду за свою преданность она получила только пинок ногой; так нередко ни в чем не повинные слуги расплачиваются за опрометчивость и ошибки хозяина.

Когда гнев короля немного улегся, он приказал своего ребенка, очень красивого мальчика, обменять на дочку бедного бобыля. И с тех пор королевич рос в убогой крестьянской лачуге, а дочь бобыля спала на шелках в королевской колыбели.

Через год старый холостяк* явился за обещанным. Он унес с собой девочку, которую считал королевской дочерью, так как про обмен детей ничего не знал.

Король был очень обрадован тем, что хитрость его удалась. Он устроил веселый пир и щедро одарил родителей украденной девочки, чтобы его собственный ребенок, живя у них, ни в чем не нуждался. Но своего сына король пока не решался взять домой, опасаясь, что тогда обман может обнаружиться. Крестьяне же были очень довольны сделкой; у них одним едоком стало меньше, а хлеба и денег прибавилось.

Время шло, королевич вырос, возвратился в родительский дом и стал жить в роскоши и почете. Однако жизнь эта его не радовала. Когда королевич узнал, как он был спасен, его опечалило, что ни в чем не повинная девушка должна вместо него расплачиваться за ошибку его отца. Он твердо решил либо спасти бедняжку, либо погибнуть вместе с ней. Стать королем, принеся в жертву девушку, — эта мысль угнетала его душу.

Однажды он тайком нарядился деревенским парнем, взвалил себе на плечи полувакковый** мешок с горохом и отправился в тот самый лес, где восемнадцать лет тому назад заблудился его отец.

В лесу он начал во весь голос причитать:

— Ох я, несчастный! Куда я забрел, кто выведет меня из этой чащи! Здесь нет ни единой человеческой души!

Вдруг перед ним появился незнакомый старик с длинной седой боро-

* Старый холостяк — одно из наименований черта в эстонских народных сказках. (Прим. перев.)

** Вакк (пура) — старинная мера зерна в Прибалтийском крае. В Эстляндии пура равнялась приблизительно трем пудам. (Прим. перев.)

дой и кожаной сумкой у пояса — настоящий тартуский житель! Старик приветливо поздоровался и проговорил:

— Я эти места знаю, и если ты пообещаешь мне хорошую плату, выведу тебя из лесу, куда ты захочешь.

— Что я, бедный мужичок, могу вам обещать! — воскликнул хитрый королевич. — У меня нет ни гроша за душой. Даже кафтан на мне хозяйский — я нанялся в батраки за харчи и одежду.

Незнакомец взглянул на мешок с горохом и произнес:

— Ну, не такой уж ты бедный! Вон какой мешок у тебя на спине, видно, не легкий.

— Да в мешке-то один горох! — ответил королевич. — Прошлой ночью умерла моя старая тетка и не оставила после себя ничего, в доме не нашлось даже гороха. А ведь, по деревенскому обычаю, людям, которые сидят ночью около покойника, дают пареный горох, чтобы их ко сну не клонило. Вот я и выпросил у хозяина христа ради полмешка гороха, да и собрался туда. Чтобы сократить путь, пошел напрямик лесом, по тропинке, а она меня завела в чащобу.

— Значит, ты сирота, как я вижу из твоих слов, — сказал незнакомец, скаля зубы. — Не хочешь ли наняться ко мне на хутор? Я как раз подыскиваю работающего батрака для моего маленького хозяйства, а ты мне пришелся по душе.

— Я не прочь, если сговоримся, — ответил королевич. — Родился я батраком, чужой хлеб повсюду одинаково горек, а какому хозяину служить, мне все равно. Какое жалованье вы будете мне платить в год?

— Каждый день свежие харчи, — сказал старик, — а два раза в неделю — мясо. Если же тебе придется отправиться на работу куда-нибудь подальше, получишь к хлебу еще масла или салаки. Отпущу тебе также летнюю и зимнюю одежду и, сверх всего, отведу кусочек пашни на четыре мешка зерна.

— Я согласен! — ответил хитрый королевич. — Тетку похоронят и без меня, а я пойду с вами.

Старик остался, видимо, очень доволен выгодной сделкой. Он завертелся на одной пятке как колесо и пустил такую веселую трель, что по всему лесу пошло эхо.

Немного погодя старик со своим новым работником тронулся в путь, стараясь скоротать время сладкими речами и не замечая, что его спутник через каждые десять-пятнадцать шагов бросает на землю горшину из своего мешка.

Переночевали наши путники под густой елью, а утром двинулись дальше. К вечеру, когда солнце уже склонялось к верхушкам деревьев, они подошли к большому камню. Старик остановился, внимательно

осмотрелся, свистнул и три раза ударил о землю пяткой левой ноги. Под камнем тотчас же открылись потайные ворота, через которые виднелся вход в подземелье, похожий на зев пещеры. Старик схватил королевича за руку и крикнул:

— Иди за мной!

Их обступила кромешная тьма, и королевичу показалось, что дорога опускается все глубже и глубже. Вскоре забрезжил свет, который совсем не походил на сияние солнца или луны. Королевич испуганно взглянул вверх, но не увидел над собой ни солнца, ни неба. Блестящее туманное облако двигалось над каким-то новым миром, в котором все было странно и незнакомо. Земля и вода, деревья и травы, животные и птицы — все имело совсем иной вид, чем на земле. Но больше всего поразила королевича царившая вокруг мертвая тишина: не слышно было ни шума, ни голосов, всюду было тихо, как в могиле. Юноша не слышал даже звука собственных шагов. Кое-где на деревьях сидели птицы; они вытягивали шейки и выпячивали грудки, будто пели, но до ушей королевича их пение не доходило. Собаки раскрывали пасти, будто лаяли, быки поднимали головы, словно мычали, но ни лая, ни мычанья не было слышно. Вода переливалась по каменистому дну ручейка, ветер сгибал вершины лесных деревьев, но ни единый звук не нарушал тишину. Мухи и жуки также летали бесшумно. Старик не произносил ни слова, а когда его спутник попробовал было заговорить, то сейчас же заметил, что голос замер у него в горле.

Долго шли они в этом страшном царстве молчания. У королевича сердце замирало от ужаса, волосы вставали дыбом, а по телу пробегала холодная дрожь. Наконец — о радость! — до его слуха стали доноситься какие-то звуки, и в этом призрачном мире, казалось, проснулась жизнь. Можно было подумать, что большой табун лошадей где-то поблизости перебирается через трясины.

Тут и старик заговорил. Он сказал, облизываясь:

— У нас дома варится каша. Значит, нас ждут.

Они пошли дальше, и королевичу показалось, что где-то раздается шум лесопилки, на которой работает не менее двух дюжин пил. А его новый хозяин произнес:

— Это старая бабушка легла спать и захрапела.

Вскоре они поднялись на гору, и королевич увидел хозяйский хутор. Тут было так много различных построек, что хутор скорее походил на деревню или поселок, чем на крестьянскую усадьбу.

Наконец они подошли к воротам, возле которых стояла пустая собачья конура.

— Забирайся в будку! — крикнул хозяин. — И сиди там, пока я не

поговорю насчет тебя со старой бабушкой. Она, как почти все старые люди, очень привередлива и терпеть не может чужих в доме.

Весь дрожа, королевич залез в конуру. Он уже раскаивался в своей излишней смелости, из-за которой попал теперь в такую беду.

Вскоре хозяин вернулся, велел королевичу вылезти из конуры и сказал с хмурым, сердитым видом:

— Заруби себе на носу, что здесь ты должен жить по нашему хозяйскому уставу. Если нарушишь его, тебе несдобровать:

День-деньской гляди и слушай —
Есть на то глаза и уши.
Рот закрой, как на замок!
Выполняй мои приказы,
Я спрошу — ответь мне сразу,
А потом — опять молчок!

Войдя в дом, королевич увидел красивую молодую девушку с карими глазами и вьющимися волосами. Он подумал: «Если у старика много таких красавиц, я бы не прочь стать его зятем! Девушка мне очень нравится».

Девушка накрывала на стол. Не сказав ни слова, она подала ужин и скромно отошла к очагу, где села на скамеечку, словно и не замечая чужого человека. Она взяла моток шерсти и спицы и принялась вязать чулок.

Хозяин сел за стол один, не пригласив ни батрака, ни девушку; старой бабушки почему-то не было видно. Старик оказался большим обжорой: в один миг проглотил всю снедь, какая была на столе, а ее хватило бы, по крайней мере, на дюжину едоков. Дав своим челюстям отдохнуть, он сказал девушке:

— А теперь выскреби котлы и чугуны и наедайтесь сами, но кости оставьте собаке.

Королевич поморщился, услышав, что он и эта милая девушка должны делить с собакой какие-то объедки. Вскоре, однако, лицо его прояснилось, когда он увидел, что из остатков ужина получилось довольно вкусное кушанье. За столом он то и дело исподтишка посматривал на девушку. Многое дал бы королевич за то, чтобы ему разрешили перекинуться с ней словечком. Но едва он открывал рот, как девушка устремляла на него умоляющий взгляд, точно просила: молчи, молчи! Поэтому юноше поневоле приходилось говорить только глазами. Он охотно ел кушанья, приготовленные девушкой, думая, что ей приятно видеть, как гость ценит ее труды. Старик растянулся на лежанке возле печки и, объевшись, грохотал так, что стены трещали.

Когда девушка и батрак кончили ужинать, старик сказал королевичу:

— Два дня можешь отдыхать с дороги и присматриваться к хозяйству. Но послезавтра вечером явись ко мне, и я распоряжусь насчет следующего дня: утром, когда я встаю, люди должны уже быть на работе. Девушка тебе покажет, где лечь.

Королевич хотел было о чем-то спросить, но старик вихрем налетел на него и крикнул:

— Молчать, собака! Посмей только нарушить хозяйский устав — я тебя мигом сделаю на голову короче. А теперь проваливай спать!

Девушка поманила королевича пальцем, открыла одну из дверей и показала, что он должен войти в эту комнату. Королевичу почудилось, будто у девушки на глазах выступили слезы, он охотно помедлил бы еще в дверях, если бы не боялся старика.

«Не может быть, чтобы эта милая девушка была его дочерью, — подумал королевич, — видно ведь, что у нее доброе человеческое сердце. Не она ли и есть та самая девочка, которую когда-то отдали нечистому вместо меня и ради которой я отважился прийти сюда?»

Королевич заснул только поздно ночью, но спал он тревожно и видел страшные сны. Ему снилось, что его подстерегают всевозможные опасности; но всякий раз появлялась прекрасная девушка и спешила к нему на помощь.

Утром, проснувшись, он сразу решил выполнять все, что девушка подскажет ему взглядом. Он нашел ее уже за работой и стал помогать ей таскать воду из колодца, колоть дрова, поддерживать огонь под котлами и делать все, что нужно по хозяйству.

После обеда королевич стал осматривать двор и постройки и очень удивился тому, что нигде не видно старой бабушки. В конюшне стояла белая лошадь, а на скотном дворе — черная корова с белоголовым теленком. Из птичников, запертых на замок, доносилось кудахтанье и криканье, там, как видно, были куры, гуси, утки и другая домашняя птица.

Завтрак и обед оказались такими же сытными и вкусными, как и вчерашний ужин, и королевич мог бы легко примириться со своим новым житьем, не будь ему так тягостно запрещение разговаривать с девушкой.

На другой день вечером королевич пошел к хозяину за приказаниями.

Старик сказал:

— На завтра я дам тебе совсем легкую работу. Возьми косу и накоси для белой лошади травы, сколько ей потребуется на день, а потом выгреби навоз из конюшни. Но запомни: если я загляну в

конюшню и увижу, что кормушка пуста, а навоз не убран, тебе несдобровать! Берегись этого!

Королевич обрадовался. «Такую пустяковую работу я выполню наверняка! — подумал он. — Я, правда, ни плуга, ни косы и в руках никогда не держал, но видел не раз, как ловко крестьяне с ними управляют. А силы у меня достаточно».

Он уже собрался было ложиться спать, как вдруг к нему в комнату на цыпочках вошла девушка и шепотом спросила:

— Что тебе велели завтра делать?

— На завтра, — ответил королевич, — мне дали совсем легкую работу: я должен накосить сена для белой лошади и вычистить конюшню, вот и все.

— Ох ты, несчастный! — вздохнула девушка. — Разве ты в силах справиться с такой задачей! Ведь белая лошадь — это и есть старая бабушка хозяина. Это такое прожорливое животное, что для нее и двадцать косарей не смогут накосить на день сена, а чтобы очистить конюшню, надо еще душ десять батраков, которые работали бы с утра до ночи. Как же ты один можешь управиться с этими двумя работами сразу? Послушайся моего совета и проделай все, чему я тебя научу. Завтра, когда дашь лошади охапку или две сена, возьми крепкий ивовый прут и на глазах у лошади согни обруч. Потом возьми полено и принимайся вытесывать из него затычку. Белая лошадь непременно спросит тебя, для чего ты все это делаешь, а ты отвечай так: «Обручем я стяну тебе морду, если ты станешь съедать все сено, а затычка мне пригодится, если будешь выбрасывать на пол слишком много навоза».

Сказав это, девушка тотчас же вышла так же тихонько, на цыпочках, как и пришла; юноша даже не успел ее поблагодарить. Он запомнил ее совет, еще раз повторил его про себя и лег спать.

Рано утром королевич отправился на работу. Он быстро замахал косой и через несколько минут с радостью увидел, что граблями уже можно нагрести несколько больших охапок сена. Бросив лошади в кормушку первую охапку, он побежал за второй и тотчас же вернулся. Каково же было его изумление, когда он увидел, что кормушка пуста, а на полу навалено навоза чуть ли не на полтелеги. Тут королевич понял, как легко он мог бы погибнуть, если бы девушка не дала ему мудрый совет, и решил сейчас же выполнить ее наставления.

Когда он взял ивовый прут и принялся гнуть обруч, белая лошадь повернула голову и удивленно спросила:

— Сынок, что ты с этим обручем собираешься делать?

— Да ничего, — ответил юноша, — обруч я приготовил для того, чтобы стянуть тебе челюсти, если ты вздумаешь слишком много есть.

Белая лошадь глубоко вздохнула и тотчас же перестала жевать. Юноша вычистил конюшню и принялся вытесывать клин.

— Что ты с этим клином хочешь делать? — снова спросила лошадь.

— Да ничего, — ответил королевич. — Он мне пригодится как за-тычка, если я увижу, что корм слишком быстро через тебя проходит.

Лошадь опять взглянула на него, вздохнула и, как видно, поняла его слова: прошло уже полдня, а сено в кормушке оставалось нетронутым и на полу было чисто.

Потом в конюшню явился хозяин и, увидев, что все здесь в полном порядке, спросил удивленно:

— Ты сам такой умный или у тебя есть умные советчики?

На это хитрый королевич быстро ответил:

— Нет у меня никого, только глупая голова на плечах да всемогущий бог на небе.

Старик сердито скривил губы и, ворча что-то, вышел из конюшни. А королевич обрадовался, что все обошлось так благополучно.

Вечером хозяин сказал королевичу:

— На завтра для тебя нет подходящей работы, у девушки же много хлопот по дому, поэтому тебе придется подоить черную корову. Но смотри, чтобы в вымени не осталось молока. Если я потом выжму хоть каплю молока, тебе это может стоить жизни.

Королевич подумал, выходя из комнаты: «С такой работой я легко справлюсь, если тут не кроется опять какой-нибудь подвох. Пальцы у меня, слава богу, сильные, смогу все выдоить начисто».

Он только что собрался укладываться спать, как пришла девушка и спросила:

— Какую работу тебе задали на завтра?

— Завтра у меня свободный день, — ответил королевич, — могу гулять до самого вечера. Только и работы, что подоить черную корову, не оставив в вымени ни капли молока.

— Ох ты, несчастный! Как ты сможешь это выполнить! — со вздохом произнесла девушка. — Знай же, милый юноша, что даже если ты будешь доить черную корову с утра до вечера, все равно не выдоишь; молоко притекает в ее вымя непрерывно, точно из ручья. Я вижу, старик решил тебя погубить. Но ты не тревожься: пока я жива, с тобой ничего не случится. Запомни хорошенько то, что я тебе сейчас скажу, выполни все в точности, тогда спасешься от беды. Когда пойдешь утром в коровник, захвати с собой горшок с горячими углями и кузнечные клещи. Войдя в хлев, положи клещи в горшок и принимайся раздувать угли. Черная корова наверное спросит, для чего ты это делаешь, а ты скажи ей то, что я сейчас шепну тебе на ухо.

Девушка прошептала ему на ухо несколько слов и удалилась на цыпочках, как и пришла.

Утром, как только заря зарумянила небосклон, королевич встал, взял в одну руку подойник, а в другую горшок с углями и клещи и направился в хлев. Там он выполнил все наставления девушки. Черная корова некоторое время поглядывала на него искоса, потом спросила:

— Что ты там делаешь, сынок?

— Да ничего, — последовал ответ. — Хочу только накалить клещи докрасна: некоторые коровы имеют мерзкую привычку после дойки еще задерживать молоко. Против этого я знаю прекрасное средство: выдоив вымя, сдавить раскаленными клещами соски, чтобы молоко в них больше не притекало.

Черная корова глубоко вздохнула и боязливо стала следить за королевичем. Тот подставил подойник и тщательно выдоил ее. Когда он через некоторое время попробовал ее снова подоить, то ни в вымени, ни в сосках не оказалось ни капли молока.

Немного погодя пришел хозяин и стал отжимать соски коровы; не найдя в них ни капли молока, он спросил сердито:

— Ты сам такой умный или у тебя есть умные советчики?

Королевич ответил:

— Нет у меня никого, одна только глупая голова на плечах да всемогущий бог на небе.

Старик ушел, обозленный.

Вечером, когда королевич пошел за приказаниями, хозяин молвил:

— У меня остался еще стожок сена на лугу, его нужно убрать до дождей. Привези его завтра домой, но смотри, чтобы ни былинки не осталось в поле, иначе заплатишься жизнью.

Королевич весело вышел из комнаты и подумал: «Задача немудреная, мне надо будет только нагрузить воз, лошадь сама повезет. А жалеть старую бабушку хозяина я не намерен».

Вечером девушка опять тайком заглянула к королевичу и спросила, какую работу ему дали на завтра. Тот сказал смеясь:

— Здесь я научусь всякому крестьянскому труду. Завтра мне придется перевезти с луга стожок сена, так чтобы ни былинки на месте не осталось. Вот и весь мой дневной урок.

— Ох ты, несчастный! — вздохнула девушка. — Где же тебе с этим управиться! Если бы ты стал возить это сено всей волостью, да возил бы целую неделю, и то не перевез бы. Все, что ты снимешь со стога сверху, тут же нарастет снизу, да еще с излишком. Послушай, что я тебе сейчас скажу: встань завтра до зари, выведи белую лошадь из конюшни и захвати с собой веревку покрепче. Веревку обмотай вокруг стога,

впряги лошадь, сам заберись на стог и начинай громко считать: раз, два, три, четыре, пять, шесть и так далее. Лошадь немедленно спросит — что ты там считаешь? А ты ей ответь то, что я тебе сейчас скажу на ухо.

Прошептав ему что-то на ухо, девушка выскользнула из комнаты. Королевичу ничего другого не оставалось, как улечься спать.

Проснувшись утром, королевич тотчас же припомнил, что девушка ему советовала сделать. Взяв крепкую веревку, он поспешил в конюшню, вывел белую лошадь, вскочил на нее и поскакал в поле. Там он нашел не стожок, а огромный стог сена, по меньшей мере копен в пятьдесят.

Королевич в точности выполнил наставления девушки, и когда он наконец, сидя на стоге, сосчитал от одного до двадцати, белая лошадь с изумлением спросила:

— Что ты, сынок, там считаешь?

— Да так, ничего, — ответил королевич. — Я начал для забавы пересчитывать волков, которые выбежали из лесу целой стаей. Но их так много, что я не успел сосчитать.

Как только белая лошадь услышала о стае волков, она рванулась с места, помчалась с быстротой ветра и через несколько минут оказалась уже дома вместе со стогом сена.

Велико было удивление хозяина, когда он еще до полудня, выйдя во двор, увидел, что работник уже выполнил свой дневной урок.

— Ты сам такой умный или у тебя здесь есть умные советчики? — спросил старик.

Королевич ответил:

— Нет у меня никого, одна глупая голова на плечах да всемогущий бог на небе.

Покачивая головой и ругаясь, старик удалился.

В сумерки королевич отправился узнать, какая работа ему задана на завтра. Хозяин сказал:

— Завтра ты должен будешь пасти белоголового телянка, но гляди, чтобы он не убежал в лес, иначе ты можешь поплатиться жизнью.

Королевич подумал: «Какой-нибудь десятилетний деревенский мальчишка сторожит целое стадо, неужели мне не справиться с одним телянком!»

Он только собрался лечь спать, как девушка опять тайком явилась к нему и спросила, какая работа на этот раз поручена королевичу.

— На завтра я получил совсем пустяковую работу, — ответил он. — Мне придется пасти белоголового телянка.

— Ох ты, несчастный! — вздохнула девушка. — С этим ты ни за что

не справишься. Знай, что этот теленок носится как бешеный и способен за день оббежать три раза вокруг света. Запомни хорошенько то, чему я тебя сейчас научу. Возьми эту шелковую ниточку, привяжи один конец ее к левой задней ноге теленка, а другой — к мизинцу своей левой ноги, и тогда теленок ни на шаг не отойдет от тебя, все равно, будешь ли ты бодрствовать или отдыхать.

Девушка ушла, а королевич лег спать. Но ему было очень досадно, что он опять забыл поблагодарить ее за полезные советы. На другое утро юноша выполнил в точности все, чему научила его добрая девушка. Он вывел теленка на пастбище на привязи из шелковой нитки, и теленок, как верный пес, ни на шаг не отходил от пастуха.

Вечером, на закате солнца, он повел теленка обратно в хлев, и тут ему повстречался хозяин. Злобно вытаращившись, старик спросил:

— Ты сам такой умный или у тебя есть умные советчики?

Королевич ответил:

— Нет у меня никого, одна только глупая голова на плечах да всемогущий бог на небе.

Сердито ворча, старик удалился, а королевич подумал о том, что имя божье каждый раз приводит нечистого в ярость.

Поздно вечером он опять пошел к хозяину, чтобы узнать, какую работу выполнять завтра. Хозяин дал ему мешочек ячменя и сказал:

— Завтра я дам тебе свободный день, можешь спать хоть с утра до вечера. Зато сегодня ночью тебе придется как следует поработать! Посей сейчас же этот ячмень, он быстро взойдет и созреет. Убери его, обмолоти, провеяй, дай зерну прорасти и перемели его. Из этого солода ты должен сварить пиво и рано утром, когда я проснусь, поднести мне кружку свежего пива. Смотри выполни мой приказ в точности, не то поплатишься головой.

С тяжелым сердцем, грустно вышел королевич от старика, остановился за дверью и горько заплакал.

«Эта ночь будет последней в моей жизни, — говорил он себе. — Таковую работу не в силах выполнить ни один смертный. Тут не помогут и мудрые советы доброй девушки. Ох я, несчастный! Зачем я поступил так опрометчиво — покинул королевский дворец и бросился навстречу опасности! Я даже не могу вознести свои жалобы к звездам небесным — тут ведь ни неба, ни звезд не видать. Но бог единый вездесущ».

И вот, когда он с мешочком ячменя в руках стоял у порога, открылась дверь, и к нему подошла добрая девушка. Она спросила, что его печалит, и юноша ответил сквозь слезы:

— Ох, настал мой последний час! Мы должны с тобой расстаться навеки. Выслушай же мое предсмертное признание: я сын могуществен-

ного короля и должен был наследовать обширное королевство. Но теперь конец и надеждам, и счастью!

И юноша, горько плача, рассказал девушке, какую работу хозяин поручил ему на ночь. Но сердце его наполнилось гневом, когда он увидел, что его горе нисколько не трогает девушку. Когда он кончил свой долгий рассказ, она проговорила со смехом:

— Сегодня ночью ты, мой дорогой королевич, можешь спокойно спать, а завтра гулять сколько душе угодно. Выслушай внимательно мой совет и не пренебрегай им, хотя он и исходит из уст девушки простого звания. Возьми этот маленький ключик. Им можно отпереть двери третьего птичника, где содержатся духи, подвластные старику. Брось этот мешочек с ячменем через порог и повтори слово в слово приказание хозяина, а под конец скажи: «Если вы хоть на волосок отступите от моих приказаний, вы все погибнете. Если же вам понадобится помощь, то сегодня ночью двери седьмого амбара, где содержатся самые могущественные духи хозяина, будут стоять открытыми».

Королевич в точности выполнил все указания девушки, а сам лег спать. Утром, проснувшись, он побежал в пивоварню. Пиво уже бродило в чанах, пена через край стекала на землю. Он отведал свежего пива, нацедил его в большую кружку и понес на пробу хозяину, который как раз собирался встать с постели. Но вместо благодарности старик злобно проворчал:

— Это ты не сам придумал! Я вижу, ты нашел себе добрых друзей и советчиков. Ну, погоди, вечером мы еще с тобой поговорим.

Вечером же старик сказал:

— На завтра работы для тебя нет. Но утром, когда я проснусь, подойди к моей кровати и поздоровайся со мной за руку.

Королевич втайне посмеялся над забавной причудой старика и со смехом рассказал о ней девушке. Но та озабоченно нахмурилась и проговорила:

— Теперь берегись! Старик решил тебя завтра сожрать. Одно только может спасти тебя от беды. Накали утром железную лопату в печи докрасна и протяни ее старику вместо руки.

Утром лопату накалили докрасна еще задолго до того, как хозяин проснулся. Наконец королевич услышал сердитый окрик:

— Эй, лентяй, где ты пропадаешь? Иди здороваться!

Но когда королевич вошел в комнату с раскаленной лопатой в руках, старик закричал жалобным голосом:

— Я сегодня очень болен и не в силах пожать тебе руку. Приходи-ка вечером, тогда я объявлю тебе свои приказания.

Целый день королевич прогулял, а вечером пошел к хозяину, чтобы

узнать, какую работу ему велят делать завтра. Старик принял его ласково и сказал улыбаясь:

— Я тобой очень доволен! Приходи завтра рано утром вместе с девушкой. Я знаю, что вы давно любите друг друга, и хочу вас поженить.

Королевич чуть не запрыгал и не закричал от радости, но, к счастью, вовремя вспомнил строгий хозяйский устав и не дал себе воли. Однако когда он перед сном поделился своей радостью с любимой, думая, что и она будет осчастливлена приятной вестью, девушка, к его удивлению, перепугалась и побелела как стена. Через несколько минут, когда язык ее, скованный страхом, снова задвигался, она произнесла:

— Старик догадался, что я давала тебе хорошие советы, и хочет нас обоих погубить. Мы должны сегодня же ночью бежать и попытаться спастись, не то нас ждет смерть. Возьми топор, пойди в коровник и одним ударом отруби голову теленку, а вторым ударом расколи его череп пополам. В мозгу ты найдешь сверкающий красный шарик; принеси его мне, все остальное я сделаю сама.

Королевич подумал: «Лучше убить одного ни в чем не повинного тельца, чем самому умереть и дать погибнуть любимой девушке. Если нам удастся бежать, я вернусь в родной дом. Горох, который я разбросал, наверное, уже взошел и поможет нам найти дорогу».

Юноша пошел в коровник. Теленок лежал возле коровы, и оба спали так крепко, что не слышали, как королевич вошел. Когда он одним ударом топора отрубил теленку голову, корова тяжело застонала, точно видела страшный сон. Вторым ударом королевич расколол череп тельца. И — вот чудо! — в коровнике сразу стало светло как днем: из мозга тельца выкатился красный шарик, сиявший как маленькое солнце. Королевич бережно завернул его в платок и спрятал за пазуху. Корова, к счастью, не проснулась, не то она своим мычанием могла бы разбудить хозяина.

У ворот королевича поджидала девушка с небольшим узелком в руках.

— Где шарик? — спросила она.

— Здесь! — ответил юноша и передал ей волшебный шарик.

— Теперь бежим! — воскликнула девушка. Она отогнула уголок платка, в который был завернут шарик, и луч света, точно свечка в фанаре, осветил им путь в ночной темноте.

Как и думал королевич, горох за это время вырос, поэтому беглецы не боялись сбиться с пути. По дороге девушка поведала королевичу тайну, которую она случайно узнала, подслушав разговор хозяина со старой бабушкой. Старик говорил, что девушка — королевская дочь и

что он хитростью отнял ее у родителей, когда она была еще ребенком. Королевич и сам мог бы кое-что порассказать об этом, но промолчал и лишь порадовался в душе, что ему удалось спасти бедную девушку. До рассвета они успели пройти изрядную часть пути.

Старик проснулся поздно, долго протирал глаза, пока они не раскрылись и сон окончательно не испарился. Он со злорадством подумал о том, как сейчас сожрет молодую пару. Прождав напрасно некоторое время, он пробормотал про себя: «Наверное, все еще наряжаются к свадьбе». Но в конце концов ему надоело дожидаться, и он стал кричать:

— Эй, батрак, девушка! Куда вы запропалились?

С бранью повторил он несколько раз те же слова, но ни батрак, ни служанка не являлись на его зов.

Наконец разъяренный старик слез с постели и отправился разыскивать ленивцев. В доме никого не оказалось; кроме того, он заметил, что постели девушки и батрака нетронуты. Старик побежал в хлев. Увидев убитого теленка и убедившись, что волшебный шарик похищен он понял, что произошло. Старик разразился такой руганью, что все кругом почернело, распахнул двери третьего амбара, в котором содержались духи, и послал своих помощников в погоню за беглецами.

— Притащите их мне такими, какими их найдете, я должен их запелучить! — Так велел старик, и духи умчались как ветер.

Беглецы только вышли на широкую равнину, как вдруг девушка остановилась и сказала:

— Видно, что-то неладно — шарик у меня в руке зашевелился. За нами, наверное, послали погоню.

Оглянувшись, девушка увидела черную тучу, которая быстро приближалась. Девушка три раза повернула шарик на ладони и проговорила:

Слушай, слушай, красный шарик!
Пусть я стану быстрой речкой,
А мой спутник — малой рыбкой!

В тот же миг они оба преобразились. Девушка стала речкой, а королевич — рыбкой, плавающей в волнах. Духи вихрем промчались над ними, но вскоре вернулись и полетели обратно к дому. Речку и рыбку они не тронули. Как только злые преследователи скрылись, речка снова превратилась в девушку, а рыбка — в юношу, и они в человеческом облике продолжали свой путь.

Когда усталые духи возвратились к старику с пустыми руками, он спросил их, не заметили ли они чего-нибудь особенного, когда искали беглецов.

— Нет, ничего! — отвечали они. — На равнине мы видели только речку, а в ней одну-единственную рыбку.

Старик яростно загремел:

— Эх вы, бараньи головы! Так ведь это же они и были! Это же они и были!

Старик распахнул двери пятого амбара, выпустил оттуда духов и приказал им выпить всю речку и рыбку поймать на мели. Духи умчались как ветер.

Тем временем наши путники достигли опушки леса. Девушка остановилась и сказала:

— Видно, что-то неладно: шарик у меня в руке опять зашевелился.

Оглянувшись, она снова увидела на небе тучу, но более темную, чем прежде, с красными краями.

— Погоня! — воскликнула девушка. Она три раза повернула волшебный шарик на ладони и проговорила:

Слушай, слушай, красный шарик!

Преврати-ка нас в шиповник:

Я кустом колючим стану,

Паренек — цветком на ветке.

И в то же мгновенье они преобразились: там, где только что стояла девушка, вырос куст шиповника; не было и юноши, зато на кусте алел цветок. Духи с шумом промчались в высоту, а через несколько минут пролетели обратно. Они не нашли ни речки, ни рыбки, а на куст шиповника не обратили внимания.

Как только преследователи скрылись, куст шиповника и цветок превратились в девушку и королевича. Отдохнув немного, они снова пустились в дорогу.

— Неужели вы их не нашли? — спросил старик, когда его подручные, запыхавшись, прилетели домой.

— Нет, — ответил старший дух, — мы не нашли ни речки, ни рыбки.

— И вы ничего особенного на пути не заметили? — закричал старик.

Старший дух ответил:

— На опушке леса рос куст шиповника, а на нем цвела розочка.

— Эх вы, бараны! — заорал старик. — Это же и были беглецы! Это же они и были!

Старик распахнул двери седьмого амбара и послал в погоню своих самых сильных духов.

— Тащите их сюда, в каком бы виде вы их ни нашли — живыми или мертвыми! Я должен их заполучить. Вырвите шиповник с корнем и забирайте все, что вам по дороге бросится в глаза!

Духи умчались с быстротой вихря.

Беглецы присели в тенистом лесу отдохнуть и поесть. Вдруг девушка воскликнула:

— Что-то опять неладно! Шарик пытается выскочить у меня из-за пазухи. Верно, за нами опять погнались и преследователи уже совсем близко, их только не видно за деревьями.

Она три раза повернула шарик на ладони и сказала:

Слушай, слушай, красный шарик!
Ветерком меня ты сделай,
Друга — мошкой крылатой!

В тот же миг оба преобразились. Девушка превратилась в ветерок, а королевич в образе комарика стал кружиться в воздухе.

Стая самых мощных духов с шумом пролетела над ними и вскоре промчалась обратно, не найдя ни шиповника, ни чего-либо другого, что бросалось бы в глаза.

Не успели духи скрыться, как ветерок превратился в девушку, а комарик в королевича.

— Теперь нам надо бежать изо всех сил! — воскликнула девушка. — Старик может сам погнаться за нами, а он-то узнает нас в любом облике.

Они пустились бежать и бежали до тех пор, пока не попали в темный подземный ход. Тут они стали взбираться наверх, а сияющий шарик освещал им дорогу. Усталые, запыхавшиеся, добрались они до большого камня. Девушка опять три раза повернула шарик на ладони и проговорила:

Слушай, слушай, красный шарик!
Отодвинь с дороги камень,
Пусть ворота распахнутся!

Камень мгновенно отодвинулся, и королевич с девушкой благополучно очутились на земле.

— Слава богу! — воскликнула девушка. — Мы спасены. Здесь мы нечистому не подвластны, а на хитрости его мы не поддадимся. Но теперь, мой друг, нам нужно расстаться. Ты пойдешь к своим родителям, а я отправлюсь разыскивать своих.

— Нет! — возразил королевич. — Я не хочу с тобой разлучаться, ты должна стать моей женой. Ты страдала вместе со мной в дни горестей, поэтому вполне справедливо, если и в дни радости будешь рядом со мной.

Девушка сперва противилась просьбе королевича, но в конце концов согласилась и пошла с ним.

В лесу они встретили дровосека, и он рассказал им, что во дворце

и по всей стране царит величайшая скорбь, так как королевский сын несколько лет назад бесследно исчез, словно в воду канул.

При помощи волшебного шарика девушка раздобыла для королевича его прежние платье, чтобы он мог явиться к отцу в достойном виде, сама же осталась ждать в крестьянской избушке, пока королевич не сговорится обо всем с отцом. Но старый король покинул этот мир раньше, чем королевич возвратился домой: скорбь о единственном сыне раньше времени свела его в могилу. На смертном одре он раскаялся в своем опрометчивом обещании и в том, что, совершив обман, отдал нечистому бедную, ни в чем не повинную девочку; теперь — так думал король — бог в наказание отнял у него сына.

Королевич, как добрый сын, поплакал над телом отца и похоронил его с большими почестями. Три дня предавался он своему горю, ничего не ел и не пил. А на четвертый день явился перед народом как новый властитель, собрал королевских советников и поведал им о своих удивительных приключениях в усадьбе нечистого. Тут же он подробно рассказал и о том, как умная девушка спасла ему жизнь.

Советники воскликнули в один голос:

— Она должна стать вашей супругой и нашей повелительницей!

Когда юный король приехал за своей невестой, он был поражен, встретив ее в пышном королевском наряде. При помощи волшебного шарика она оделась так роскошно, что народ принял ее за дочь неимоверно богатого короля, прибывшую из дальней страны.

Затем начались свадебные празднества, длившиеся четыре недели. И супруги жили мирно и счастливо еще много лет.

МАЧЕХА

олодой вдовец задумал второй раз жениться. Но, отправляясь свататься, он, как говорится, глаза дома забыл, поэтому досталась ему молодуха злая-презлая.

Горше всего пришлось теперь дочери вдовца от первой жены: осталась она сиротой, как беззащитный ягненок, всего двух лет от роду. А когда у мачехи родилась своя дочка, сироте совсем житья не стало. Но она терпеливо пере-

носила все горести и тяготы, никому не жалуясь на свою долю, разве только отцу небесному, видевшему ее слезы.

Хитрая мачеха умела скрывать от людей свой злой нрав и пускалась на всякие уловки, чтобы показать, будто она любит и лелеет сиротку больше, чем свою родную дочь: когда девочки по воскресным дням отправлялись в церковь или в гости, падчерица всегда бывала одета наряднее, чем мачехина родная дочь.

Но по соседству с ними жила старая знахарка, оберегавшая малых детей. От ее глаз ничто не могло укрыться, и она знала, как живет сиротке, когда никого чужого нет в доме. Старушка иногда заходила в их усадьбу и украдкой гладила девочку по головке и по лицу, приговаривая:

— Терпи и надейся! Будет и на твоей улице праздник!

Когда чего-то ждешь, время тянется тоскливо и медленно. Годы шли, а в доме ничего не менялось, поэтому сирота уже стала думать, что старушка-соседка попросту болтала зря.

Обе дочери уже стали взрослыми девушками, и однажды утром в усадьбу приехал жених. Но, к великой досаде мачехи, он посватался не к ее родной дочери, а к падчерице. Мать сказала:

— Наши дочки еще слишком молоды, не пришла им еще пора чепец надевать. Жалко мне так рано выдавать их замуж.

Но жених не захотел долго ждать, и в конце концов они согласились на том, что он через полгода приедет с вином*. Про себя же мать подумала: «Уж я устрою так, чтобы он все-таки женился на моей дочери».

Когда через полгода жених приехал снова, мать велела девушкам обменяться платьями и усадила их обеих за прялки так, что жених, войдя, мог видеть их только в спину, а не в лицо.

Вино было принято, и мать сказала медовым голоском:

— Ну, дорогой женишок! Если старая поговорка не врет, ты и не глядя, сердцем почувешь, где твоя суженая. Скажи-ка мне, которая из двух — твоя невеста?

Жених сразу шагнул к прялке, за которой сидела падчерица, и сказал:

— Хоть скорлупка и чужая, да ядрышко мое!

Волей-неволей пришлось распить с женихом вино. Хоть на сердце у мачехи кипела лютая злоба, она все же умильно улыбалась будущему зятю. Но стоило ему уехать, как побои градом посыпались на бедную сироту: мачеха подумала, что девушка подала жениху тайный знак.

Утром в день свадьбы мать нарядила свою дочь в красивое платье, а голову ей закутала шелковым платком так, что едва виднелся кончик носа. Поэтому ни жених, ни гости не заметили обмана. Сделав из соломы чучело, мачеха напялила на него платье своей дочки и усадила эту куклу перед очагом: пусть гости думают, что дочь ее готовит свадебный обед, пока ее сводная сестра венчается в церкви.

А бедная падчерица сидела в это время на гумне, под опрокинутой старой бочкой. А чтобы мышка не убежала из ловушки, бочку еще и завалили сверху разным хламом.

Но не успел жених выехать из ворот, как на помощь бедняжке пришла старая знахарка. Она помогла девушке выбраться из-под бочки и велела поскорее бежать вслед за санями жениха, чтобы успеть в церковь к венчанию.

По дороге полозья жениховых саней беспрестанно напевали:

Стонет милая под бочкой,
Плачет курочка под крышкой,
Дружно лошади бегут,
Да не ту в санях везут!

* По старинному эстонскому народному обычаю, жених предлагал родителям невесты распить с ним вино, и если родители принимали это вино, считалось, что они дают свое согласие на брак. (*Прим. перев.*)

Жених спрашивает:

— Что это полозья так странно скрипят?

А хитрая теща отвечает:

Сани свадебную пляшут,
А дуга им подпеваает!

Падчерица, выбравшись из-под бочки, со всех ног побежала за санями, но кони неслись куда быстрее ее, и она не смогла нагнать свадебный поезд. Когда она прибежала в церковь, молодые уже обменялись обручальными кольцами. Что теперь делать? Пропала всякая надежда! С плачем вышла обманутая и отвергнутая невеста из церкви и села у дороги, где должен был ехать жених. Когда сани молодых проезжали мимо, она пропела:

Стой-постой, женишок!
Что ты сделал, паренек!
Курочку свою оставил,
Взял немилую с собой!

Жених опять спрашивает:

— Что это за песня такая?

Лукавая теща отвечает:

— Это незваная гостья шуточную песню поет!

Однако жениху было не до шуток. Он остановил лошадей и хотел разузнать, что все это значит. Тут посаженный отец стал бранить его:

— Не выставляй себя на посмешище! Кто же, едучи после венчанья, слушает всякий собачий лай? Твоя молодая у тебя в санях сидит. Поезжай скорей домой, пока пироги да колбасы не остыли.

Но обманутая девушка вскочила к одному из гостей на запятки саней и поехала вместе со всеми.

Когда сани остановились на полпути и дружки, по обычаю, отправились домой привезти пива, девушка прыгнула с запяток, спряталась за можжевелевым кустом и снова запела:

Стой-постой, женишок!
Что ты сделал, паренек!
Курочка в кустах томится,
А в санях сидит волчица.

Рассердился жених и хотел пойти посмотреть, кто там поет. Но теща и посаженный отец снова удержали его:

— Да не слушай ты шутки незваных гостей, — сказали они. — Не смеши людей понапрасну!

Хотя жениху дело показалось подозрительным, он не посмел перечить старым людям.

Приехав на хутор, гости подхватили молодую на руки, понесли ее в дом, посадили за стол, но платок с головы у нее не сняли; жених и теперь не увидел обмана.

Когда все уселись за стол, отвергнутая девушка пропела из-за дверей:

Паренька-то обманули,
На чужой его женили!

Теща со злостью вскочила из-за стола и крикнула:

— Гоните незваных наглецов от дверей! Вытяните их палкой!

Но падчерица убежала на сеновал и стала ждать, пока молодых поведут в спальню. Жениху не хотелось больше ни есть ни пить; странные песни, которые он слышал, не давали ему покоя.

У молодухи не было настоящей женской груди, поэтому мать заснула ей за пазуху под рубашку пучки пакли. Когда и молодые и гости легли спать, знакомый голосок пропел за окном:

Женишок, паренек!
У невесты грудь из пакли.
Пакля детку не накормит.
Не порадует супруга.

Жених не знал, что и подумать, а у самого сердце в груди застыло, как лед. Когда молодая заснула, он поспешил проверить, ложь или правда была в той песенке. И верно — у молодухи вместо груди оказалась пакля.

Тут жених увидел, что его и впрямь обманули, но никому ничего не сказал, а стал втихомолку обдумывать, как бы отплатить за обиду.

На другой день он с молодой женой поехал домой. Проезжая через реку, он увидел во льду прорубь, остановил лошадь, как будто собирался ее напоить, а сам схватил молодую за волосы, поволок ее к проруби и столкнул в воду под лед вниз головой, вверх ногами.

Когда он к вечеру добрался домой, оказалось, что его ждет любимая: соседка-знахарка успела ее тайно переправить сюда. Парень был очень доволен таким обменом, никому ни слова не сказал о том, что случилось с ним на свадьбе, и зажил мирно и счастливо с молодой женой.

Через год с лишним, когда молодуха уже стала молодой матерью и качала своего первенца, мачеха собралась навестить дочку; старуха до сих пор ничего не знала о подмене жен и считала, что ее дочь по-прежнему живет у мужа. А то, что падчерица после свадьбы пропала из дому, мачеха считала понятным: «Девчонка, видно, помнит еще сва-

дебную музыку, — думала она, — знает наперед, что, вернись она домой, у нее по спине дубинка так и заплещет!»

Едучи к зятю, старуха добралась до реки, где позапрошлой зимой муж утопил жену, и вдруг увидела на воде красивую кувшинку. Женщина хотела сорвать ее и свезти внуку для забавы, но, протянув руку, услышала стон. Исходил ли он из воды или долетал откуда-то издалека — старуха понять не могла. Но вот голосок пропел:

Не срывай цветка-кувшинки,
Не ломай цветка-кувшинки!
Вырос он из доченьки,
Из заветной косточки,
Из сердечной жилочки!

Слова эти испугали старуху. Делать нечего — пришлось ей искать колдуна, который мог бы превратить ее дочь из цветка в девушку. Колдун вернул кувшинке человеческий облик, и мать с дочкой поехали домой.

Тут старуха принялась думать, как бы отомстить зятю, утопившему ее дорогое дитя в реке. Думала она долго, но ничего придумать не смогла и снова отправилась за помощью к колдуну.

Колдун обещал превратить дочку в кошку и переправить в дом зятя. Там кошка должна была ночью тайно так расцарапать ребенку горло, чтобы он уж больше не проснулся.

Но старая знахарка, охранявшая малых детей, была такой же хитроумной, как и колдун. Она поспела в усадьбу зятя раньше, чем кошка туда добежала, и сказала молодухе:

— К вечеру к вам в дом проберется чужая кошка, дай ей молока и лаской замани ее к себе на колени. Потом подпали ей на горячих углях когти и лапы и выбрось ее за дверь.

Вечером молодая мать в точности выполнила наставления бабки-знахарки и потом еще долго слышала во дворе жалобный вой кошки. На другой день соседи узнали, что мачехина дочка заболела, да так тяжело, что и с постели не встает. Руки и ноги ее были обмотаны тряпками, но чем она их поранила — никто не знал: ни мать ни дочь никому не рассказывали о своей неудаче.

Однако старуха по-прежнему день и ночь только и думала о том, как бы отомстить зятю и падчерице. Она говорила себе: «Если колдун меня самое превратит в какое-нибудь животное, вот тогда дело пойдет лучше! Уж я-то с лихвой отплачу им за то, что они моей дочке руки и ноги искалечили!»

Колдун превратил ее в собаку. Он тайком убил собаку зятя, содрал

с нее шкуру и натянул на старуху, чтобы люди в доме зятя приняли ее за своего пса.

Но бабка-знахарка и на этот раз оказалась проворнее. Она прибежала к зятю и сказала:

— Ваш дворовый пес взбесился, он носится кругом и пытается кусать людей и животных. Вечером, когда он прибежит домой, поймайте его, свяжите, выбейте ему зубы и обкарняйте оба уха, тогда его нечего будет бояться.

Хозяин так и сделал: камнем раскрошил собаке все зубы, обрезал ей оба уха и выгнал ее со двора. Потом долго еще за воротами слышался жалобный вой.

На другое утро оказалось, что теща тяжело больна и лежит в постели. Рот у нее был весь распухший и окровавленный, уши повязаны платком. Ни у матери, ни у дочки не было охоты в третий раз пытаться счастья, хотя они втайне только и думали о том, как отомстить зятю.

Они посулили колдуну большую награду и третью часть ее дали в задаток, чтобы он сам, без их помощи, наказал врага. Колдун пускался на всякие хитрости и уловки, но добрая знахарка все их разрушала, и он в конце концов благодарил судьбу, что сам остался цел.

А невенчаная жена счастливо прожила с мужем до конца дней своих. Бог дал им пятерых детей, и к тому времени, когда родители покинули этот мир, все пятеро уже крепко стояли на ногах. О мачехе же и ее родной дочери больше никто ничего не слышал.

В ПОДЗЕМНОМ ЦАРСТВЕ

днажды в морозную, вьюжную ночь между рождеством и Новым годом мужичок заблудился в поле. Пробираясь сквозь высокие сугробы, он так выбился из сил, что благодарил судьбу, когда ему наконец удалось укрыться от ветра под густым кустом можжевельника. Здесь он решил переночевать, надеясь, что утром, при дневном свете, легче будет выбраться на дорогу. Он свернулся, как

еж, плотнее укутался в теплую шубу и вскоре заснул.

Сколько он так проспал под кустом — неизвестно, но вдруг во сне почувствовал, что его кто-то трясет. Очнувшись, он услышал незнакомый голос, кричавший ему в самое ухо.

— Эй, земляк! Вставай! Не то буран занесет тебя так, что ты и не выберешься!

Крестьянин высунул голову из-под шубы и открыл глаза. Перед ним стоял высокий, стройный человек, державший в руке вместо палки молодую сосенку, раза в два выше, чем он сам.

— Идем со мной! — сказал незнакомец. — Мы развели в лесу костер, там ты лучше отдохнешь, чем в чистом поле.

От такого радушного приглашения крестьянин не мог отказаться. Он тотчас же встал и пошел за незнакомцем. Метель бушевала так, что в трех шагах ничего не было видно. Но как только незнакомец поднял свою сосновую палку и громко воскликнул: «Ну-ка, матушка вьюга! Освободи нам путь!» — тотчас же перед ними открылась широкая дорога, на которую не попадало ни единой снежинки. И слева, и справа от них, и позади буран завывал с прежней яростью, но путники продвигались без всякого труда. Казалось, с обеих сторон возвышаются невидимые стены, ограждающие их от натиска бури.

Вскоре путники вступили в лес, в глубине которого светился огонек.

— Как тебя зовут? — спросил человек с сосновой палкой.

Крестьянин ответил:

— Я — Ханс, сын Длинного Ханса.

У огня сидели три человека, одетые в белое полотняное платье, точно в летнюю жару. Шагов на тридцать или более вокруг них царило настоящее лето. Землю покрывал сухой мох, на деревьях зеленели листья, в траве копошились муравьи и другие букашки. А с поля в это время доносился вой метели и шелест снега. Еще более поразил Ханса костер: он пылал ярким пламенем, освещая все кругом, и вместе с тем совсем не дымил.

— Как ты думаешь, сын Длинного Ханса, здесь лучше ночевать, чем под можжевелевым кустом в открытом поле? — спросил незнакомец.

Ханс должен был согласиться и еще раз поблагодарил спутника за помощь. Затем он снял шубу, сложил ее, подложил себе под голову вместо подушки и растянулся у огня. Человек с сосновой палкой принес из кустов бочонок и угостил Ханса каким-то напитком. Сладкое питье было очень вкусно и веселило душу.

Человек с сосновой палкой тоже прилег у костра и стал беседовать со своими товарищами на каком-то незнакомом языке. Ханс не понимал ни слова и поэтому вскоре уснул.

Проснувшись, он увидел, что находится один в какой-то незнакомой местности. Кругом не было видно ни огня, ни леса. Ханс усердно протирал глаза, стараясь припомнить, что с ним произошло ночью. Ему казалось, что все это было во сне, но он не мог понять, как попал сюда, в это незнакомое место. Издали доносился мощный гул, и Ханс чувствовал, как почва содрогается у него под ногами. Он прислушался, откуда доносится гул, и направился в ту сторону, надеясь таким образом добраться до людского жилья.

Через некоторое время он увидел скалу, а в ней — пещеру, в которой виднелся отсвет огня и раздавался грохот. Войдя в пещеру, Ханс очутился в огромной кузнице со множеством мехов и наковален; вокруг каждой наковальни стояло по семь работников.

Более потешных кузнецов, пожалуй, свет не видел! Ростом человечки были Хансу по колено, головы у них были непомерно велики для их тщедушных тел, а молоты, которыми они размахивали, — почти вдвое больше самих кузнецов. Своими тяжелыми железными кувалдами человечки наносили по наковальням такие могучие удары, что их силе мог бы позавидовать самый дюжий кузнец. Никакой одежды, кроме длинных кожаных фартуков, на маленьких кузнецах не было. Фартуки прикрывали их только спереди, от шеи до колен, а сзади тело оставалось совсем голым, как бог сотворил.

У стены на высоком чурбане сидел уже знакомый Хансу человек с сосновой палкой и зорко наблюдал за работой маленьких подмастерьев. У ног его стоял высокий кувшин, из которого кузнецы время от времени утоляли жажду. На плечах у хозяина кузницы вместо вчерашней белой одежды был черный, покрытый сажей кафтан, подпоясанный кожаным ремнем с широкой пряжкой. Но длинную сосновую палку он все еще держал в руке и иногда указывал ею подмастерьям, что им делать, так как в грохоте и шуме кузницы слов нельзя было расслышать.

Ханс не знал, заметил ли его кто-нибудь, так как и сам хозяин, и подмастерья продолжали усердно работать, не обращая внимания на чужого человека. Через несколько часов маленьким кузнецам была дана передышка, они остановили мехи и бросили тяжелые молоты на землю.

Когда работники покинули пещеру, хозяин встал и подозвал Ханса к себе.

— Я видел, как ты вошел, — сказал он, — но работа была спешная, и я не мог раньше с тобой поговорить. Сегодня ты останешься у меня в гостях, посмотришь, как я живу, и познакомишься с моим хозяйством. Подожди здесь, пока я сброшу рабочую одежду.

С этими словами он вытащил из кармана ключ, отпер дверь в стене пещеры и предложил Хансу войти в другую комнату.

О, какие несметные богатства, какие сокровища открылись тут его взору! Всюду сверкали груды золотых и серебряных слитков. Шутки ради Ханс принялся считать слитки в одной куче, но как раз когда он досчитал до пятисот семнадцати, возвратился хозяин и воскликнул с улыбкой:

— Брось считать! На это у тебя уйдет слишком много времени! Лучше отбери себе несколько слитков, я хочу их подарить тебе на память.

Каждому понятно, что Ханс не заставил себя дважды просить. Он обеими руками схватил один из слитков, но как ни силился, не мог его даже с места сдвинуть, не то что поднять.

Хозяин засмеялся и сказал:

— Эх ты, заморыш! Даже самого маленького подарка не можешь унести. Придется тебе довольствоваться одним только видом моих сокровищ.

Он повел Ханса в другую кладовую, из той — в третью, четвертую и так далее, пока они не пришли в седьмой подземный зал, величиной с добрую церковь, снизу доверху наполненный, как и все остальные, золотом и серебром.

Ханс был поражен видом неисчислимых сокровищ, на которые можно было бы купить все царства мира и которые здесь, под землей, пропадали зря. Он спросил хозяина:

— Зачем вы накапливаете такие огромные богатства здесь, где ни единая человеческая душа не может ими воспользоваться? Если бы эти драгоценности попали к людям, все разбогатели бы и никому не пришлось бы работать и терпеть лишения.

— Потому-то я и не могу допустить, чтобы эти богатства попали к людям, — ответил хозяин. — Если бы никому не надо было заботиться о хлебе насущном, мир погиб бы от праздности. Человек создан для того, чтобы жить трудом.

Ханс никак не хотел с этим согласиться и стал горячо спорить с хозяином. Наконец он попросил объяснить, почему же это золото и серебро досталось одному-единственному человеку и почему хозяин старается еще больше увеличить свое богатство, хотя и так обладает избытком сокровищ.

Хозяин ответил:

— Я не человек, хотя и принял облик человеческий; я — одно из тех высших существ, которые по воле всевышнего созданы, чтобы властвовать и управлять миром. По велению всемогущего я и мои подмастерья обязаны здесь под землей непрестанно готовить золото и серебро; каждый год малая его доля идет людям — ровно столько, сколько необходимо для их дел. Но нельзя, чтобы люди завладевали этим даром, не затратив труда. Мы обязаны сперва истолочь золото и золотые крупинки смешать с землей, глиной и песком; там их потом находят и с большим трудом добывают. Однако, друг мой, пора прекратить нашу беседу, потому что скоро обед. Если хочешь еще посмотреть на эти сокровища, то оставайся здесь и наслаждайся блеском золота, пока я тебя не позову к столу.

С этими словами хозяин удалился.

Ханс снова стал бродить из одной сокровищницы в другую, то тут, то там пытался сдвинуть с места золотой слиток поменьше, но это по-прежнему оказывалось ему не под силу. Он, правда, и раньше слышал от бывалых людей, что золото очень тяжелое, но никогда не поверил бы тому, в чем сейчас сам убедился. Вскоре вернулся хозяин, но Ханс его в первую минуту даже не узнал: на нем было ярко-красное, как огонь, платье, богато разукрашенное золотым галуном и бахромой; золотой пояс шириной в ладонь охватывал его бедра, на голове сияла великолепная золотая корона, усыпанная драгоценными камнями, сверкавшими как звезды в ясную морозную ночь. Вместо сосенки он держал небольшую тонкой работы золотую палочку, на которой были сде-

ланы и веточки и хвоинки, так что ее можно было бы назвать дочуркой той большой сосновой палки.

Хозяин несметных сокровищ, закрыв золотые кладовые и положив ключи в карман, взял Ханса за руку и повел его через кузницу в другую комнату, где им был подан обед. Столы и стулья здесь были из чистого серебра; посреди комнаты стоял роскошный обеденный стол, по обе стороны его — по серебряному креслу. Вся утварь — чаши, блюда, тарелки, кувшины и кубки — была из чистого золота.

Как только хозяин и гость уселись за стол, слуги подали одно за другим двенадцать различных кушаний. Прислуживали за столом человечки, подобные кузнецам, но не голые, как те, а в чистых белых одеждах.

Ханс поражался их ловкости и проворству. Крыльев у них, по-видимому, не было, но двигались они с такой легкостью, точно летали. Человечки были ростом ниже стола, поэтому каждый раз, подавая какое-нибудь блюдо, принуждены были прыгать с полу на стол, точно блохи! При этом они ухитрялись с такой ловкостью держать в руках полные различных яств большие блюда и чаши, что ни единой капельки не проливали. Маленькие слуги наполняли также кубки медом и превосходным вином и подносили их обедающим. Хозяин ласково беседовал с Хансом и открыл ему не одну тайну. Когда речь зашла об их встрече во время вьюги, хозяин сказал:

— Я нередко брожу по земле между рождеством и Новым годом, чтобы поглядеть, как живут люди, и кое-кого из них узнать поближе. Но то, что я до сих пор видел и слышал, не делает им чести. Большинство людей как будто только и живет для того, чтобы мучить и огорчать других. Каждый осуждает своего ближнего, никто не видит своих собственных грехов и ошибок, всякий обвиняет другого в беде, которую сам на себя навлек.

Ханс пытался спорить, пока мог. Но гостеприимный хозяин то и дело приказывал подливать ему вина, и под конец у гостя стал так заплетаться язык, что он и слова не мог вымолвить; да и речь хозяина он уже перестал понимать. А потом Ханс уснул за столом и не чувствовал, что с ним происходит.

Усталый и одурманенный, он видел причудливый сон, в котором перед ним то и дело появлялись груды золотых слитков. Ему снилось, что он стал намного сильнее, что он взваливает несколько слитков на спину и без труда уносит их, но потом, все же утомленный тяжелой ношей, садится отдохнуть. До его слуха доносятся какие-то забавные голоса, ему кажется, что это поют маленькие кузнецы, а вдали блестит огонь кузницы.

Но, подняв веки, он увидел, что вокруг него зеленеет лес, а сам он лежит на мягкой траве. Вместо огня кузнечных горнов ему в глаза ласково светило солнышко. Очнувшись, он стал с трудом припоминать, что с ним случилось за это время.

Когда же наконец воспоминания его ожили, все окружающее показалось ему настолько странным, что никак не вязалось с естественным порядком вещей. Ему пришло на память, как он зимой, дня через два после рождества, вьюжной ночью сбился с дороги и что произошло потом. Он ночевал в лесу у костра с неизвестными ему людьми, на другой день ходил в гости к человеку с сосновой палкой, обедал у него, много пил, короче говоря, потратил на все два-три дня. И вдруг — лето в полном разгаре! Тут несомненно крылось какое-то волшебство.

Поднявшись с земли, Ханс увидел, что находится вблизи того места, где был разложен костер; теперь там что-то чудесно сверкало под лучами солнца. Присмотревшись, он убедился, что блестит не куча золы, как он сначала подумал, а куча серебряной пыли, а то, что он принимал за головешки, были слитки чистейшего золота!

О, какое счастье! Где только раздобыть мешок, чтобы собрать и унести это богатство? Но чего человек не придумает, если нужда заставит! Ханс сбросил с плеч шубу, сгреб серебряную пыль так тщательно, что и пылинки не осталось на месте, ссыпал ее вместе с золотыми головешками в шубу, а шубу связал поясом в узел, чтоб ничего не выпало. Ноша, правда, была невелика, но так тяжела, что Хансу пришлось изрядно покряхтеть, пока он не нашел место, где смог укрыть свое добро.

Так Хансу неожиданно посчастливилось стать богачом. Поразмыслив, он в конце концов счел за лучшее покинуть свое прежнее жилье и поселиться в дальней местности, где люди его не знали.

Там Ханс купил себе хорошую крестьянскую усадьбу, после чего у него осталось еще порядочно денег, женился и прожил богатым человеком до конца своих дней.

Перед смертью он открыл своим детям тайну — как хозяин подземного царства одарил его богатством. А от детей и внуков Ханса молва об этом постепенно распространилась в народе.

МУДРЫЙ СОВЕТЧИК

ел однажды по дороге бедный юноша, утомился и присел на траву около большого камня отдохнуть и закусить. Насытившись, он растянулся тут же на земле и заснул. И приснился путнику странный сон: будто чей-то пискливый голосок беспрерывно напевает ему что-то на ухо. И, что самое удивительное, этот писк не прекратился и после того, как юноша проснулся. Голосок, казалось, звучал в самом камне или где-то под ним. Путник приложил ухо к камню и теперь ясно услышал, что писк действительно исходит оттуда. Прислушавшись внимательно, юноша постепенно начал разбирать и слова:

— О, добрый путник! Освободи меня из долгого томительного плена! Вот уже семьсот лет по колдовскому заклятию терплю я здесь страшные мученья и все же не умираю. Ты родился на пасху при восходе солнца, поэтому ты один можешь спасти меня из заточения, если будет на то твоя добрая воля.

Юноша ответил нерешительно:

— Не знаю, будет ли в моих силах помочь тебе, как бы я этого ни хотел. Расскажи подробней о своей беде и научи, что я должен сделать, чтобы спасти тебя.

Голосок произнес:

— Срежь на границе трех поместий рябиновую ветку толщиной в палец и длиною в пядь, затем возьми несколько пучков чабреца и цирцеи, сожги все это вместе с рябиновой веткой и дымом окури камень; при этом обойди вокруг него девять раз, двигаясь против солнца, и смотри хорошенько, чтобы ни одна частица камня не осталась неокуренной. Тогда откроются ворота моей темницы и я снова выйду на солнце и воздух. Моя благодарность за спасение будет беспредельна, и с моей помощью ты станешь богат и знатен.

Парень постоял немного в раздумье, затем сказал:

— Помочь ближнему в беде — долг каждого христианина. Хоть я и не знаю еще, добрый ты дух или злой, но все же постараюсь помочь

твоему горю. Однако прежде ты должен поклясться, что, освободившись, ты ни единому крещеному человеку не причинишь вреда.

Узник поклялся выполнить требование юноши и снова повторил прежнее обещание вознаградить его за свое избавление.

Парень пошел в лес, чтобы раздобыть ветку рябины и те травы, какие ему нужны были для окуривания камня. К счастью, он знал неподалеку такое место, где сходились границы трех поместий. И все же поиски трав продлились до полудня следующего дня, так что к камню он вернулся лишь к вечеру.

После захода солнца юноша принялся окуривать камень. Он обошел вокруг него девять раз, двигаясь против солнца и тщательно следя за тем, чтобы ни малейшая частица не осталась неокуренной. Когда он закончил девятый круг, раздался такой страшный грохот, точно раскололась земля. В тот же миг огромный камень сдвинулся с места и поднялся на три сажени в высоту. Из-под камня стремительно выскочил маленький человечек и пустился бежать прочь, так что только пятки засверкали. Не успел он отбежать и пяти шагов, как камень снова рухнул на прежнее место, осыпав и спасенного, и его избавителя пылью и землей.

Вскоре маленький человечек вернулся к своему избавителю и бросился ему на шею, а потом пытался целовать его руки и ноги, но юноша ему не позволил. Потом они опустились возле камня на траву, и человечек принялся рассказывать свою историю:

— Я был когда-то знаменитым знахарем, делал людям много добра и получал за это щедрую плату. Я излечивал от болезней и людей и животных, отводил от людей злые чары ведьм и колдунов. И те боялись меня, так как я всегда оказывался сильнее их. Они много раз собирались вместе и обдумывали, как бы от меня избавиться, но я с помощью моих тайных знаний разрушал все их коварные замыслы, и они не могли причинить мне никакого вреда.

В конце концов колдуны собрали много денег, отправили с ними хитрого гонца в северную страну к могущественному злему волшебнику и позвали его на помощь. Этот плут одолел меня не столько своей силой, сколько коварством. Он выкрал мои орудия волшебства и заточил меня под камень, где я должен был мучиться до тех пор, пока не явится человек, родившийся на пасху при восходе солнца.

Семьсот лет ждал я этого счастливого мгновения; наконец явился ты, великодушно внял моей мольбе и спас меня. Благодарю, тысячу раз благодарю тебя за твое доброе дело! До конца дней своих я не устану тебя благодарить. Я буду служить тебе безвозмездно и направляю всю свою силу и знания на то, чтобы осчастливить тебя и возвысить

так, как только может быть возвышен смертный здесь на земле. Когда я этого добьюсь, я еще раз позову тебя на помощь, чтобы рассчитаться с моими врагами; если только они мне попадутся на глаза. А до тех пор я буду скрываться от людей, чтобы враги не узнали о моем спасении. При помощи волшебства я могу принять любой нужный мне облик. Так, например, я могу превратиться в блоху и поселиться в кармане твоих штанов. И если тебе когда-нибудь потребуется мой совет и помощь, я вылезу из кармана, прыгну к тебе за ухо и буду советовать, что тебе делать. Кормить меня тебе не придется: семьсот лет прожил я под камнем без всякой пищи, плохо ли мне теперь на солнышке да на свежем воздухе! Сейчас давай ляжем спать, а с утра пойдем вместе искать счастья.

Когда этот дух или волшебник, или кто бы он там ни был, кончил свой рассказ, юноша поужинал и лег спать. На другое утро он проснулся, когда солнце стояло уже высоко, но человечка, которого он накануне освободил из-под камня, нигде не было видно. Спросонок юноша даже не мог сообразить, видел ли он его в действительности или все это ему приснилось.

Позавтракав, он собрался было продолжать свой путь, как вдруг на дороге показались три пешехода. Они были одеты как ремесленники, за плечами у них висели на ремнях кожаные сумки. Вдруг юноша почувствовал щекотанье за ухом, и до его слуха донесся тихий, как комариный писк, голосок:

— Предложи путникам отдохнуть и узнай у них, куда она идет.

Тут паренек вспомнил, что вчера маленький человечек обещал поселиться у него в кармане и давать ему хорошие советы. Вчерашнее приключение оказалось не сном, а явью.

Юноша сделал несколько шагов навстречу путникам, поздоровался и приветливо предложил им присесть отдохнуть около камня, а потом, если им окажется по пути, вместе отправиться дальше. Подмастерья рассказали ему о большом несчастье, случившемся несколько дней тому назад в столице: единственная дочь короля утонула, купаясь. И хотя река там была совсем не глубокая, утопленницу никак не могли найти, точно она растворилась в воде.

Юноша опять почувствовал щекотанье, и его тайный советчик пропещал на ухо:

— Ступай с ними, ты можешь там найти свое счастье!

Парень послушался совета и пошел с подмастерьями.

Пройдя довольно большое расстояние, они попали в густой сосновый бор. Здесь в канаве близ дороги валялась старая котомка.

Голос за ухом пропещал:

— Подними старую котомку, она может вам пригодиться в пути.

Юноша, хотя и не поверил этому, все же поднял котомку, повесил себе на спину и сказал со смехом:

— Человек не должен брезговать тем, что попадается ему на дороге. Кто знает, не пригодится ли нам эта старая котомка.

Его спутники ответили с насмешкой:

— Дело твое, если хочешь — бери, пустая котомка плечей не оттянет.

Однако через несколько часов им пришлось убедиться в волшебной силе котомки и поблагодарить юношу за то, что тот подобрал эту казалось, совсем негодную вещь.

Шагая под лучами жаркого полуденного солнца, путники совсем разомлели. Они присели отдохнуть в тени густого дерева и собрались было подкрепиться тем, что у каждого было припасено на дорогу. Но тут добрый советчик, сидевший за ухом у юноши, сказал своему хозяину:

— Прикажи котомке раздобыть вам еду!

Юноша подумал: «Он хочет надо мной подшутить, почему бы и мне не позабавить людей?» Он снял котомку с плеч, положил ее перед собой на траву, постучал по ней палкой и произнес:

— Котомочка, котомочка! Раздобудь нам еду!

И тут произошло нечто невиданное и неслыханное! Шутка мгновенно стала явью. Там, где только что лежала котомка, стоял теперь маленький столик, покрытый белой скатертью и уставленный блюдами с едой, а подле них были приготовлены четыре ложки. А какие вкусные кушанья здесь были! Суп из свежей говядины, свинина, колбасы, пироги из ситной муки, а для утоления жажды — и пиво, и вино, и мед.

Путники не заставили себя просить и принялись за еду. Им казалось, что они угощаются где-нибудь на свадьбе, так как никогда в жизни ничего более вкусного не едали. Когда все наелись досыта и никто не хотел больше ни лакомств, ни питья, столик исчез так же внезапно, как и появился, а на его месте снова оказалась старая котомка.

Если вначале трое подмастерьев посмеивались над хозяином котомки, то теперь все наперебой добивались права нести это сокровище; дело дошло при этом чуть ли не до ссоры. Наконец хозяин чудесной котомки сказал:

— Я подобрал эту рухлядь на дороге, поэтому по праву считаю ее своей собственностью.

Против этого спутники ничего возразить не могли, и им пришлось оставить котомку за ним. Однако нельзя же было допустить, чтобы такая ценная вещь и впредь просто болталась за плечами: один из под-

G. Reindorff 42

мастерьев достал из своей сумки иголку и моток шелковых ниток и сшил из хлебного мешка чехольчик, который осторожно надели на котомку, чтобы она в пути случайно от чего-нибудь не пострадала.

Отдохнув часа два после обеда, юноши пошли дальше. Сытый желудок да сердце, полное надежд, — самые веселые спутники. Это было видно и по нашим путешественникам, шагавшим по дороге с песнями и веселыми шутками. Вечером они устроились на ночлег под кустиком на траве, и котомка накормила и напоила их так же славно, как и в полдень.

Перед тем как лечь спать, они долго думали, как ночью уберечь котомку от воров. Наконец решили, что каждый положит на нее голову, а ноги все четверо протянут в разные стороны, один — на юг, второй — на север, третий — на восток, четвертый — на запад. Хозяин котомки, сверх того, привязал к ней один конец своего пояса, а другой — к левой руке, чтобы чувствовать малейшее движение своего сокровища. Хотя, казалось, лучше и нельзя было хранить его, парней всю ночь беспокоили тревожные сны, они не раз просыпались, и каждый прежде всего хватался за котомку, чтобы удостовериться, на месте ли их бесценное имущество.

Утром, перед тем как они пустились в путь, котомочка по их приказу раздобыла завтрак. И так повторялось каждый день, пока они неделю спустя не прибыли в королевскую столицу. Тут советчик, сидевший за ухом у своего избавителя, шепнул ему, что утонувшую королевну затащил в свою пещеру водяной; мудрый советчик пообещал также показать дорогу туда, где девушку сейчас держат в заточении.

Однако прежде всего он велел, чтобы юноша пошел к королю и объявил о своем желании во что бы то ни стало разыскать утонувшую королевну. А если с ним случится несчастье и он не вернется, пусть король перешлет половину вознаграждения его родителям, а вторую половину раздаст бедным. Король, хоть и не надеялся, что будут найдены следы его давно погибшей дочери, все же с радостью принял предложение юноши и обещал разделить его плату так, как тот желает. Свои поиски юноша должен был начать на следующий день. Когда он покинул королевский дворец, невидимый советчик пропищал у него за ухом:

— Поймай сегодня вечером трех раков, они покажут тебе дорогу. Юноша выполнил и это приказание.

На следующий день горожане валом повалили на берег реки, где пришелец должен был начать поиски пропавшей королевны. Посмотреть на работу отважного юноши прибыл и сам король со своими придворными. Он велел служанкам королевны показать то место, где

девушка погрузилась в воду: служанки тогда сидели на берегу, и несчастье произошло у них на глазах. Люди еще раз убедились в том, что утонуть тут никак нельзя: глубина реки была не больше трех футов, дно ровное, а течение слабое. Правда, шагах в трехстах ниже по течению была глубокая яма; но как королева могла очутиться так далеко? Очевидно, здесь не обошлось без колдовства.

Советчик снова пропищал на ухо юноше:

— Пусти незаметно в воду одного рака и посмотри, куда он поползет.

Юноша тотчас же выполнил это приказание. Сделав вид, что хочет рукой измерить глубину реки, он незаметно выпустил одного рака в воду. Рак прополз шагов двадцать вдоль берега реки, затем резко повернул налево и скрылся под обрывом. И второй, и третий рак проделали в точности то же самое. Тут советчик пропищал:

— Теперь дорога нам известна, туда и мы должны направиться. Топни три раза о берег пяткой левой ноги и прыгай в воду вниз головой, там уж мы найдем дорогу.

Юноша так и сделал: он три раза топнул ногой о берег и прыгнул в реку вниз головой, так что вода, запенившись, взметнулась кверху. Люди молча ждали, что будет дальше.

В воде, под обрывом, юноша увидел отверстие пещеры, в которое человек еле-еле мог протиснуться.

— Забирайся в пещеру! — крикнул советчик.

Юноша с трудом пополз вперед. Но потом стены пещеры раздвинулись, и он смог встать на ноги. Советчик велел ему смело идти вперед, не опасаясь какой-либо беды.

Вскоре в темноте забрезжил слабый свет, и юноша вышел на открытое место. Перед ним лежала широкая равнина, поросшая зеленой травой, а вдаль, в полуверсте, виднелся большой дом из синего камня.

— Запомни хорошенько, — произнес советчик, — все, чему я тебя сейчас научу, и выполни все в точности, иначе ты не сможешь освободить королеву из плена. Она живет в том синем доме, у водяного. Два медведя день и ночь стерегут ворота дома, чтобы ни единое живое существо не могло проникнуть туда или оттуда выбраться. С ними надо поладить. Когда мы туда придем, возьми свою котомку и прикажи ей превратиться в улей с медом. Сунь его медведям, а сам сторонкой проберись в дом. Там я скажу тебе, что делать дальше.

Подходя к воротам, юноша услышал рев медведей и сильно перепугался; а когда он еще посмотрел на страшных зверей в щелочку, у него и вовсе душа ушла в пятки. Но он все же снял с плеч котомку и приказал ей обратиться в улей. В ту же минуту перед ним оказался

улей, такой тяжелый, что юноша даже не в силах был его поднять. Однако медведи уже почуяли запах меда, сами распахнули ворота настежь и кинулись к улью с такой жадностью, что даже не заметили человека. Тот проскользнул за их спиной во двор, а оттуда — напрямик к дверям, которые, к счастью, не были заперты. Советчик произнес:

— В дверях направо торчит золотой ключ, запири им двери, а ключ положи к себе в карман, тогда старый водяной не сможет оттуда выйти. В комнате слева, где ты увидишь в дверях серебряный ключик, томится королевна, и ты должен ее освободить.

Когда юноша повернул в замке ключ, в комнате раздался такой ужасный рев, что стены задрожали! Но он сунул ключ в карман и поспешил к дверям с серебряным ключиком. Открыв двери, он увидел королевну, с грустным видом сидевшую на своем ложе. Появление незнакомца сперва испугало ее, но когда тот объявил, что пришел освободить ее, девушка обрадовалась и весело спрыгнула на пол. Юноша сказал:

— Нам нельзя медлить, мы должны выбраться отсюда, пока медведи не съели весь мед.

Он взял королевну за руку и повел к дверям. Медведи все еще возились с ульем, который вкатили во двор, поэтому не обратили на них внимания. Беглецы на цыпочках бесшумно обошли зверей и выбежали из ворот. Юноша запер ворота снаружи, чтобы медведи не могли вырваться, и поспешил дальше. Советчик пропищал ему на ухо:

— Позови котомку обратно!

Юноша крикнул:

— Котомочка! Котомочка! Вернись ко мне!

И в то же мгновенье котомка очутилась у него за спиной. Когда они вышли на дорогу, ведущую к пещере, юноша сказал королевне:

— Здесь будет темно и тесно, но вы не бойтесь, скоро мы снова выберемся на свет. Как только мы войдем в воду, зажмурьтесь и не открывайте глаз, пока я вас не вынесу на берег.

Проход в пещере оказался теперь много шире, чем прежде, и беглецы свободно пробирались вперед. В реке юноша взял королевну на руки и вынес на берег.

Люди уже не надеялись на его возвращение, поэтому многие разошлись по домам; но король и его приближенные все еще сидели у реки, толкуя о происшедшем несчастье. Вдруг на поверхности воды показались две человеческие головы.

О, какая радость охватила короля и всех окружающих, когда они увидели перед собою не мертвое тело, а живую королевну, здоровую и невредимую! Король обнимал по очереди то дочь, то ее спасителя

и плакал от счастья. Народ плакал вместе с ним. Радостная весть распространилась с быстротой ветра, и горожане тысячами повалили к берегу посмотреть на чудо.

По королевскому приказу юноше, спасшему королевну, отвели место во дворце, а также щедро его вознаградили: ему заплатили в три раза больше, чем было обещано.

Вечером, когда юноша собирался лечь на роскошное ложе, советчик пропищал ему на ухо:

— Теперь ты стал богатым человеком, и у нас нет нужды оставаться здесь больше двух-трех дней. Потом мы должны снова двинуться в путь. Я думаю, со временем король взял бы тебя себе в зятя, но я этого одобрить не могу. Ты еще молод и неучен, и такая честь — не по тебе. Пойдем лучше побродим по белому свету, пока ты не станешь старше и умнее.

Хотя совет этот был парню не по душе, но, к счастью, он вспомнил, что до сих пор все наставления мудрого советчика приносили большую пользу, поэтому решил и на этот раз подчиниться.

Король и королевна упрашивали юношу погостить у них подольше, но тот не посмел выполнить их просьбу, так как советчик, сидевший у него за ухом, дал ему совсем другое наставление. Как человеку богатому, юноше теперь не было нужды странствовать пешком, он мог бы разъезжать и в карете. Но спешить ему было некуда, котомка каждый день добывала ему пищу, поэтому он и продолжал свое путешествие прежним привычным способом — на собственных ногах.

Однажды, остановившись на отдых, он опять почувствовал щекотание за ухом, и тонкий голосок пропищал:

— За тобой гонятся враги, они хотят отобрать у тебя котомку. Твои бывшие спутники проболтались в городе о волшебной кормилице, и теперь многие хотели бы ее присвоить. Возьми крепкую дубовую палку такой длины, чтобы она уместилась в твоём мешке, высверли ее с одного конца и залей расплавленным свинцом. Тогда у тебя будет надежный помощник, который защитит тебя от врагов.

Юноша в тот же день выполнил приказ своего советчика, достал крепкую дубинку и сунул ее в котомку.

На другое утро, когда он шел густым лесом, из чащи внезапно выскочили десять человек и хотели его ограбить. Советчик шепнул ему:

— Вызови дубинку из котомки!

Юноша так и сделал, и — о чудо! — дубинка тотчас же ожила, выскочила из котомки и принялась так колотить врагов, что те вскоре, избитые до крови, пустились наутек. Им пришлось потом несколько дней париться в бане, пока они залечили свои спины.

Однажды погожим летним вечером наш путник прибыл в большую деревню, где молодежь как раз устроила на лужайке веселое гулянье. Одни с песнями качались на качелях, другие, не жалея ног, плясали на траве под звуки волынки. Вдруг юноша, любовавшийся этим зрелищем, услышал за ухом шепот:

— В счастливый час явились мы сюда! Мой враг здесь, на празднике. Если мой замысел удастся и ты сумеешь как следует взяться за дело, враг сегодня же будет в наших руках и я смогу с лихвой рассчитаться с ним. Присмотрись внимательно к танцующим, и ты увидишь среди них девушку, у которой вместо бус на шее красивая пестрая лента шириной с палец. Пригласи эту девушку танцевать; когда вы будете особенно быстро кружиться, ты должен крепко ухватиться за пеструю ленту и дернуть ее так, чтобы она порвалась, даже если ты при этом сдавишь девушке горло. Она живуча как кошка, с ней ничего не делается.

Юноша тотчас же подошел к танцующим, но прошло немало времени, пока он нашел в толпе девушку с лентой на шее. Это была высокая девица с кудрявыми волосами; парни наперебой звали ее плясать. Как только девушка кончила танцевать с другим, юноша пригласил ее на танец. В ту минуту, когда они особенно быстро кружились, он схватился правой рукой за ее ленту и рванул ее так, что та разлетелась на части. Раздался страшный рев, и девушка исчезла!

Люди, испуганные ужасным криком, увидели, что какой-то человек с седой козлиной бородкой со всех ног удирает к лесу, а другой, ростом повыше, бежит за ним по пятам, и бородатому, видно, не улизнуть. К этому времени совсем стемнело, и люди вскоре потеряли бегущих из виду. А молодежь снова стала танцевать, точно ничего особенного и не случилось.

Наш путник долго еще смотрел, как веселится молодежь, потом двинулся дальше, чтобы поискать подходящее место для ночлега. Невдалеке от деревни он услышал за собой быстрые шаги. Оглянувшись, юноша увидел, что его догоняет какой-то человек.

— Обожди, братец! — крикнул тот. — Я пойду с тобой. Разве ты меня не узнаешь? Правда, за это время я успел превратиться в рослого и сильного человека и теперь кажусь тебе незнакомым. А я ведь все еще у тебя в долгу: ты освободил меня из заточения, в котором я томился семьсот лет, а сегодня ты отдал мне в руки моего злейшего врага. Теперь мне не нужно больше скрываться у тебя в кармане.

И волшебник рассказал своему избавителю, как в лесу догнал и связал врага. Тому теперь не уйти: как только была порвана пестрая лента, которая в действительности была живой змеей, вся колдовская сила его пропала. Волшебник собирался еще несколько дней колотить

своего врага дубинкой, пока он не откроет, куда семьсот лет назад спрятал трех королевских дочерей и несметные сокровища.

— Если мы их разыщем и тебе удастся пробудить девушек от колдовского сна, ты станешь богат и счастлив.

Закончив на этом беседу, путники поужинали с помощью котомки и улеглись спать.

На другое утро они отправились в лес посмотреть на захваченного колдуна. Старикашка стоял скрюченный, как еж; руки и ноги у него были связаны крепкими веревками, под коленями пропущена палка, так что он не мог даже шевельнуться. Волшебник крикнул повелительно:

— Дубинка, вон из котомки!

Тут дубинка обрушилась врагу на спину и принялась так его отделять, словно готова была превратить в кашу все его кости. Колдун стал умолять о пощаде и пообещал открыть всю правду. Однако когда мудрец потребовал, чтобы он возвратил похищенных королевен и все сокровища, колдун ответил, что за сотни лет успел забыть, куда их запрятал. Тут дубинка снова получила приказ взяться за работу. У колдуна не осталось уже никакой надежды на спасение, и он открыл наконец, где находится его тайник. Волшебник произнес:

— Пока мы не найдем девушек и их богатства, ты будешь у меня в плену. Однако здесь тебя оставлять нельзя; вдруг сюда кто-нибудь случайно забредет и из жалости освободит тебя.

С этими словами он взвалил колдуна на спину, словно комок пакли, отнес его к глубокому оврагу и сбросил вниз, так что у старикашки только кости затрещали.

— Дождись тут, пока мы не вернемся! — смеясь крикнул волшебник.

Он объяснил своему спутнику, что указанное колдуном место находится очень далеко, что попасть туда они смогут только при помощи волшебства, причем котомка должна их повезти на себе. По его приказу котомка превратилась в небольшое корыто, в котором как раз могли уместиться два человека сидя или лежа. С обеих сторон к корыту было прикреплено по два крыла длиною в сажень. Как только путники уселись, корыто поднялось в воздух до самых облаков и полетело на юг. Еду и питье корыто давало им по приказу волшебника так же исправно, как и котомка, так что они ни в чем не терпели недостатка. Их летучий кораблик день и ночь мчался вперед, не зная усталости.

Так летели наши путешественники к югу больше недели. Наконец волшебник приказал корыту опуститься на землю. Они очутились в необъятной раскаленной пустыне, где среди песков лишь виднелись

кое-где груды развалин. Волшебник снова превратил корыто в котомку, повесил ее на спину своему спутнику и сказал:

— Тебе предстоит еще двухдневный переход к такому месту, куда я не могу сопровождать тебя.

Он стал разгребать песок у стены одной из развалин и вскоре добрался до потайного люка. Путники подняли крышку люка и увидели лестницу. Волшебник поймал большую синюю муху, посадил ее в коробочку и велел своему спутнику спрятать ее за пазуху. Затем он дал юноше такое наставление:

— Когда тебе прикажут назвать ту или другую королеву, выпусти муху из коробочки и проследи, на которую из девушек она сядет. Тогда ты сможешь дать правильный ответ.

После этого юноша решительно двинулся в путь, подумав про себя: будь что будет!

Несколько часов спускался он по темной лестнице и наконец почувствовал усталость и голод. Присев на ступеньку, юноша подкрепился едой, утолил жажду, отдохнул часа два и пошел дальше. Вскоре глаза его уловили впереди бледный луч света, а еще через полчаса путник вышел на поляну, где стоял великолепный дворец. Юноша направился к нему.

В дверях пришельца встретил маленький седой старичок с длинной бородой и сказал:

— Иди, братец, попытай счастья. Если ты правильно ответишь мне — которая из королевен младшая, то возьми ее за руку и спящие тотчас же проснутся. Но если ошибешься, ты сам погрузишься в непробудный сон.

Юноша, войдя в дом, вытащил из-за пазухи свою коробочку и пошел вслед за старичком. В третьей комнате спали на красивом шелковом ложе три прекрасные девушки, настолько похожие друг на друга, что никак нельзя было угадать, которая из них младшая. Пришелец долго с сомнением смотрел на спящих, но, не найдя никакого решения, выпустил муху из коробочки. Муха покружилась по комнате, затем опустилась на лоб девушки, лежавшей посередине. Юноша подошел к ней, взял ее за руку и крикнул:

— Вот младшая сестра!

В тот же миг королевны проснулись, встали с постели, а младшая сестра бросилась на шею своему избавителю и молвила:

— Здравствуй, дорогой мой нареченный! Ты пробудил нас от долгого сна, освободил от колдовских чар. Поспешим же домой!

На обратном пути юноша увидел, что лестницы, по которой он шел раньше, теперь уже нет. Путники некоторое время пробирались ощупью

по темному подземному ходу и вышли наконец на солнечный свет. Вместо песчаной пустыни они увидели красивые луга, покрытые травой и цветами; там, где были развалины, стоял роскошный королевский дворец, а дальше виднелся большой город. Навстречу им вышел волшебник, взял юношу за руку и отошел с ним в сторону, где за кустами скрывался небольшой пруд с чистой, прозрачной водой.

— Погляди-ка на свое отражение в воде! — приказал волшебник.

Посмотревшись в пруд, юноша не поверил своим глазам: лицо у него, правда, было прежнее, но одет он был в роскошное королевское платье из золота, шелка и бархата.

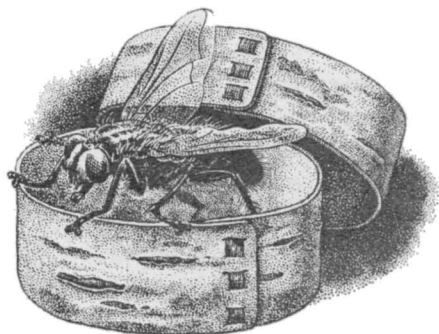
— Кто так одел меня? — спросил он.

Волшебник ответил:

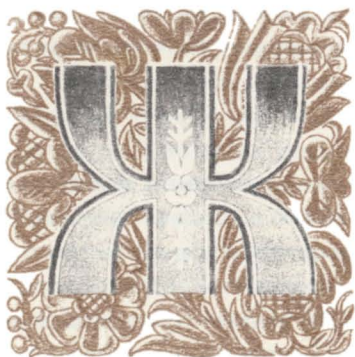
— Это последняя услуга котомки. Впредь ты не будешь нуждаться ни в ее помощи, ни в моей, потому что через несколько дней женишься на королевне, а когда старый король навеки закроет глаза, сам станешь королем. Надеюсь, я теперь уплатил тебе свой долг.

— Больше чем в тысячу крат! — радостно воскликнул юноша, и они, попрощавшись, расстались.

Несколько дней спустя юноша отпраздновал свою свадьбу с королевой. А через год, когда старый король сошел в могилу, зять наследовал его трон и, может быть, правит королевством и посейчас, если смерть еще не унесла его.

СЕВЕРНЫЙ ДРАКОН

ил когда-то, рассказывают старые люди, некий страшный зверь. Появился он с севера, уничтожил на большом пространстве всех людей и животных и, пожалуй, истребил бы все живое на земле, если бы люди не нашли против него защиту.

Туловище у зверя было как у быка, а лапы как у жабы — передние короткие, а задние длинные; сзади волочился змеиный хвост длиной в десять сажен.

Передвигался зверь как лягушка, но при каждом прыжке покрывал расстояние в три версты. К счастью, он оставался на одном месте по два, по три года и не двигался дальше, пока не пожирал все вокруг.

Чешуя, сплошь покрывавшая тело зверя, была крепче камня и железа, ее ничем нельзя было пробить. Его огромные глаза сверкали днем и ночью, как самые яркие свечи, и тот, кому случалось, себе на беду, увидеть их хотя бы издали, словно околдованный, сам шел зверю в пасть. Чудовищу не надо было двигаться с места ни на шаг — животные и люди сами делались его добычей.

Короли окрестных стран обещали наградить неисчислимыми богатствами того, кто уничтожит зверя, с помощью ли колдовства или другим путем. Несколько смельчаков пробовали взяться за это трудное дело, но все их попытки кончались неудачей. Так, однажды был подожжен большой лес, где скрывался страшный зверь; но лес сгорел, а страшное лицо осталось невредимым.

По словам старых людей, одолеть этого зверя можно было только при помощи перстня с печатью царя Соломона; говорили, что на перстне есть тайные знаки, указывающие, каким способом можно убить чудовище. Но никто не знал, где этот перстень сейчас находится и где найти мудреца, способного прочесть тайные письма.

Наконец некий юноша с отважным сердцем и горячей головой от-

правился наугад на поиски перстня, надеясь, что случай сведет его с кем-нибудь, кто поможет ему достигнуть цели. Он направился на восток и года через два встретился со знаменитым восточным мудрецом, у которого и попросил совета — как легче всего разрешить эту задачу. Старик ответил:

— Человеческая мудрость тут бессильна. Но птицы небесные смогут указать тебе путь, если ты захочешь научиться их языку. Оставайся у меня, и я помогу тебе в этом.

Юноша с радостью согласился.

— Сейчас мне нечем отплатить тебе за твое благодеяние, — сказал он, — но если мои дела пойдут удачно, я обещаю щедро вознаградить тебя за труды.

Тогда мудрец сварил чудодейственный напиток из девяти трав, собранных им тайно при лунном свете, и три дня подряд давал его юноше по девять ложек в день, после чего тот стал понимать язык птиц. На прощанье мудрец сказал ему:

— Если тебе посчастливится найти Соломонов перстень и овладеть им, то возвращайся ко мне; я истолкую начертанные на нем тайные знаки. Кроме меня, на земле сейчас нет мудреца, который мог бы понять эти надписи.

Когда юноша расстался с мудрецом и отправился в путь, ему на другой же день показалось, будто весь окружающий мир преобразился. В дороге путник теперь никогда не бывал один, всюду он находил себе товарищей, так как понимал язык птиц. Они открывали ему многое, чему ни одна человеческая душа не смогла бы его научить. Однако о перстне он долгое время ничего не слышал.

Однажды вечером юноша, истомленный долгой дорогой и жарой, сел в лесу под деревом отдохнуть и подкрепиться. Тут он услышал разговор двух красивых пестрых птиц, сидевших высоко на верхушке дерева. Они как раз говорили о нем.

— Я знаю этого неудачника, который сидит там под деревом, — сказала одна из птиц, — он давно уже бродит по белу свету, но цели своей достигнуть не может. Он разыскивает потерянный перстень царя Соломона.

Вторая птица ответила:

— Я думаю, ему следовало бы попросить помощи у девы ада, она, без сомнения, сможет указать ему верный путь. Возможно, перстень находится у нее самой; а если и нет, то она, уж конечно, знает, где искать эту чудесную вещь.

Первая птица прошептала:

— Это было бы хорошо, но где он разыщет деву ада? Она ведь не

живет подолгу на одном месте, сегодня она здесь, завтра там. Попробуй-ка, поймай ветер в поле.

— Я не знаю, где она сейчас, — ответила вторая, — но ровно через три дня она придет к лесному роднику. Каждый месяц в полнолуние дева умывается водой из этого родника, чтобы не увяла ее юная красота и старческие гусиные лапки не стянули кожу около глаз.

Первая птица сказала:

— Этот родник недалеко отсюда. Полетим-ка, посмотрим для потехи на ее проделки.

— Полетим, если хочешь, — ответила вторая.

Юноша тут же решил пойти вслед за птицами на поиски родника. Однако у него было две заботы: он боялся проспать ту минуту, когда птицы будут вылетать, и жалел, что не имеет крыльев, чтобы поспевать за пернатыми. Усталость не позволила ему всю ночь следить за птицами, и он в конце концов уснул. Но сон его был тревожным, он несколько раз просыпался, чтобы не пропустить отлет птиц.

Поэтому велика была его радость, когда он на рассвете, взглянув на вершину дерева, увидел, что его пернатые спутники сидят на прежнем месте, засунув головки под крыло. Юноша позавтракал и стал ждать, когда же наконец птицы тронутся в путь. Но они, по-видимому, в это утро никуда не собирались лететь. Весь день, с утра до вечера, перелетали они с дерева на дерево, не то для забавы, не то в поисках пищи, а вечером уселись там же, где провели минувшую ночь. Так же прошел и следующий день.

Только на третий день поутру одна птица сказала другой:

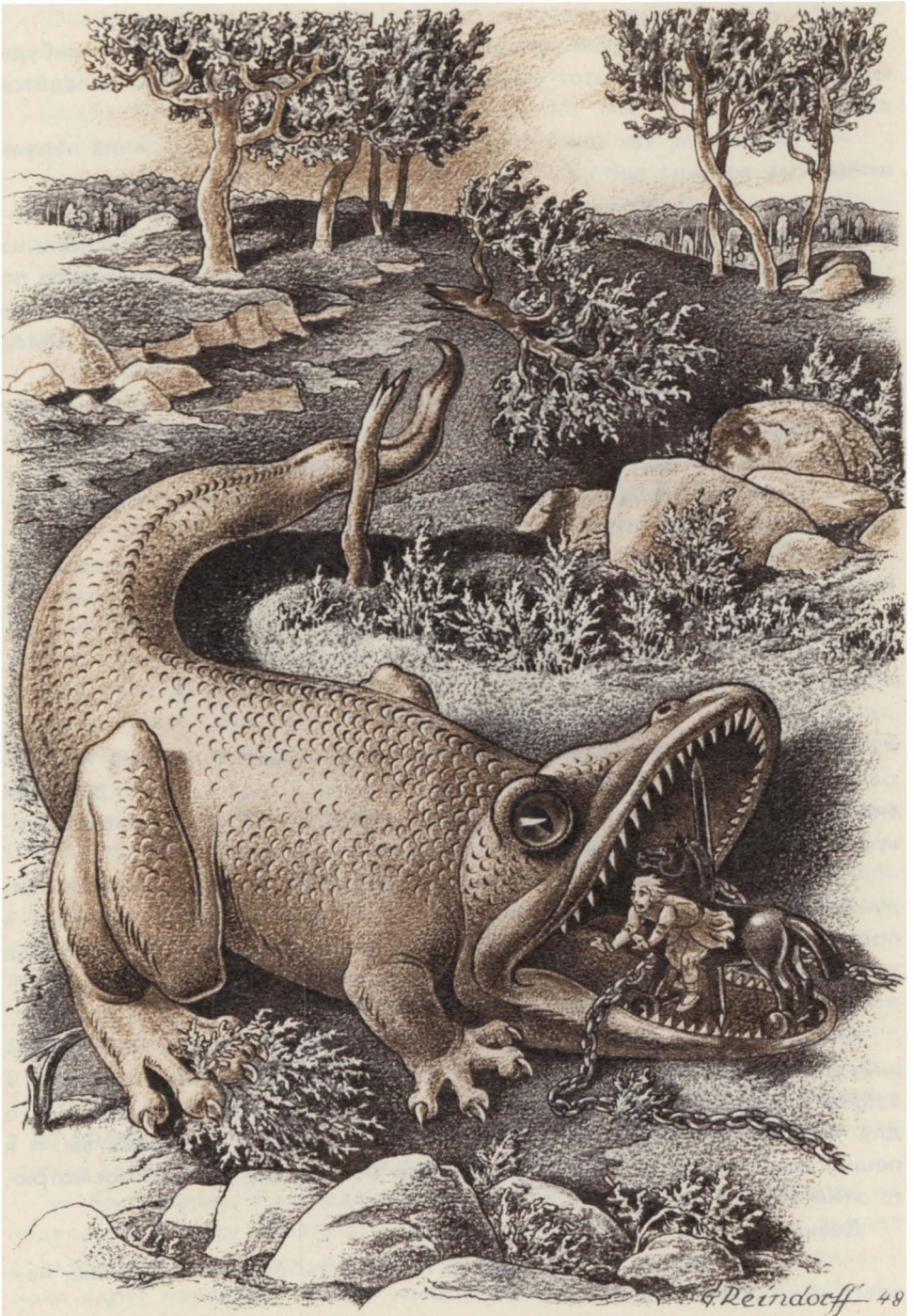
— Сегодня мы полетим к роднику, поглядим, как дева ада будет умываться.

Однако до полудня они оставались на месте. После полудня птицы поднялись в воздух и полетели к югу.

У юноши сердце забилось — он испугался, как бы они не скрылись из виду. Но птицы пролетели немного и сели на вершину дерева. Юноша бежал за ними так, что пот с него катился градом, а в груди дух захватывало. После трех перелетов птицы достигли небольшой лесной полянки и опустились на высокое дерево, стоявшее на краю ее.

Прибежав туда, юноша увидел посреди полянки родник. Сев под тем же деревом, на которое опустились птицы, юноша стал прислушиваться, о чем пернатые говорят между собой.

— Солнце еще не зашло, — сказала одна из птиц, — нам еще довольно долго придется ждать, пока взойдет луна и дева явится к роднику. Посмотрим, заметит ли она юношу, сидящего под деревом?

Вторая птица ответила:

— От ее глаз ничто не укроется, когда дело идет о каком-нибудь юнце. А может быть, этот окажется достаточно хитер и не попадетсЯ в ее сети?

— Посмотрим, как они поладят друг с другом, — добавила первая птица.

Прошло довольно много времени, полная луна поднялась уже высоко над лесом. Вдруг юноша услышал в кустах слабый шорох; вскоре из зарослей показалась девушка и направилась к роднику. Она ступала по траве так легко, будто ноги ее вовсе не касались земли и она летела по воздуху. Юноша должен был признать, что никогда не видел более красивой девушки. Он не мог оторвать от нее глаз.

Девушка, не замечая его, подошла к роднику, подняла глаза к небу и, опустившись на колени, девять раз окунула лицо в воду; после каждого раза она взглядывала на луну и восклицала:

— Такой же сияющей и свежей, как ты, пусть будет моя неувядающая юность!

Затем она обошла вокруг родника девять раз и наконец воскликнула:

Пусть лицо мое не блекнет,
На щеках горит румянец!
Хоть луна пойдет на убыль,
Пусть краса моя и свежесть
Никогда не убывают!

После этого она вытерла лицо своими длинными волосами и собралась уже уйти, как вдруг взгляд ее устремился туда, где под деревом сидел юноша. Он встал, чтобы лучше видеть, что будет дальше. Прекрасная дева тотчас же направилась к нему и сказала:

— Ты заслуживаешь тяжкого наказания за то, что выведал мою лунную тайну; но ты здесь чужой и попал сюда случайно, поэтому я прощаю тебя. И все же ты должен мне сказать всю правду — откуда ты и как забрел в эти места, где еще не ступала нога человеческая?

Юноша вежливо ответил:

— Прошу прощения, любезная дева, если я, сам того не желая, чем-нибудь перед вами провинился. Отправившись в дальнюю дорогу, я забрел сюда случайно и нашел здесь под деревом подходящее место для ночлега. Я только собирался лечь, как вдруг появились вы, и я решил еще посидеть, полагая, что если потихоньку на вас посмотрю, то этим вас не обижу.

Девушка сказала приветливо:

— Пойдем, переночуешь у нас. В постели ты отдохнешь лучше, чем здесь, на сыром мху.

Юноша колебался, не зная, что ему делать — принять ли радушное приглашение или отказаться. Тут на вершине дерева одна птица прошептала другой:

— Он будет большим глупцом, если не послушается ласкового слова.

Девушка, не понимавшая, очевидно, языка птиц, сказала дружески:

— Не бойся, братец! Я зову тебя не со злым умыслом, я от всего сердца желаю тебе добра.

Птицы опять отозвались:

— Иди, куда тебя зовут, но остерегайся одного — не давай ни капли своей крови, чтобы тем самым не продать свою душу.

После этого юноша последовал за девушкой. Они пришли в прекрасный сад, находившийся неподалеку от родника. Там стоял великолепный дом, который так сверкал при лунном свете, словно его крыша и стены были отлиты из чистого золота и серебра. В доме юноша увидел много роскошно убранных комнат, одна лучше другой. Несколько сотен свечей горели в золотых подсвечниках, и всюду было светло, как в солнечный день.

Наконец они вошли в комнату, где стол был весь уставлен дорогими яствами. Два стула стояли возле него — один из серебра, другой из золота. Дева уселась на золотой стул и пригласила юношу сесть на серебряный. Девушки, одетые во все белое, приносили кушанья, потом убрали их со стола, причем ни одна из них не произносила ни слова. Передвигались девушки так бесшумно, будто вместо ног у них были кошачьи лапки.

После ужина юноша, оставшись с девой наедине, вел с ней приятную беседу, пока не явилась женщина, одетая в красное, и не напомнила им, что пора спать. Тогда дева отвела гостя в комнату, где стояла постель с шелковыми покрывалами и пуховыми подушками, велела ему располагаться здесь на отдых и вышла. Юноше показалось, что он живым попал на небеса, ибо на земле такой роскоши быть не могло. Позже он никак не мог понять — действительно ли вокруг его ложа всю ночь раздавалось чудное пение или это был сон? Но несколько слов вселили в него страх: «Не давай ни капли своей крови».

На другое утро девица спросила, не хочет ли он навсегда остаться в ее доме, где вся жизнь проходит как сплошной праздник. А так как юноша на этот вопрос сразу не ответил, дева прибавила:

— Как видишь, я молода, хороша собой и здорова, ничьей воле не подвластна и могу делать все что хочу. До сих пор я еще не думала о замужестве, но с той минуты, как я тебя вчера вечером увидела, у меня вдруг появились другие мысли, потому что ты мне пришелся по

душе. Если твои мысли согласуются с моими, мы могли бы со временем стать мужем и женой. Ты сам видишь на каждом шагу, что богатства мои неисчислимы и я могу жить по-королевски. Я в силах выполнить все, чего бы ты ни пожелал.

Хотя своими сладкими речами прекрасная дева старалась вскружить юноше голову, он, к счастью, помнил, что птицы называли красавицу девой ада и заклинали его не давать ей ни капли своей крови, да и ночью, во сне или наяву, какой-то голос снова предостерегал его. Поэтому юноша ответил:

— Любезная дева, не гневайтесь, если я вам скажу откровенно: невесту сватать — не лошадей менять, здесь надо хорошенько подумать. Дайте мне несколько дней на размышление, а потом и сговоримся окончательно.

— Я не прочь, — ответила девушка. — Думай и советуйся со своим сердцем хоть несколько недель.

А чтобы, размышляя о женитьбе, юноша не соскучился, девушка водила его в своем роскошном доме с одного места на другое и показывала свои богатые кладовые и сундуки, думая этим прельстить его. Однако все это было создано силой колдовства. С помощью Соломона перстня девушка могла каждый день создавать любые дворцы и сокровища, какие только хотела. Но все они были недолговечны, сотканы из ветра и должны были когда-нибудь снова превратиться в ветер, исчезнуть без следа. А юноша и не подозревал этого; он считал, что все эти богатства, созданные лишь для обмана глаз, существуют на самом деле.

Однажды дева провела его в тайную комнатушку, где на серебряном столе стояла золотая шкатулка. Указав на нее, дева сказала:

— Здесь хранится мое самое ценное сокровище, равного которому не найти на всем свете. Это дорогой золотой перстень. Когда ты будешь ко мне свататься, я подарю его тебе как обручальное кольцо, и ты станешь самым счастливым человеком. Но чтобы навеки скрепить наш союз, ты должен в обмен на перстень дать мне три капли крови из мизинца левой руки.

При этих словах холодная дрожь охватила юношу; он вспомнил, что вместе с кровью продал бы свою душу. Однако он был достаточно хитер, чтобы не обнаружить перед девушкой своих опасений и не противоречить ей. Он спросил лишь, как бы между прочим, что же это за перстень.

Девушка ответила:

— Ни единому человеку не удалось еще изведать всю силу перстня, потому что никто до сих пор не сумел истолковать тайные знаки, кото-

рые на нем начертаны. Мне известно значение лишь некоторых надписей, а я уже могу совершать чудеса, которые никому другому не под силу. Если я надену перстень на мизинец левой руки, я смогу подняться в воздух, как птица, и полететь куда захочу. Надену я его на безымянный палец левой руки — сделаюсь невидимой; я сама буду видеть себя и все вокруг, но меня никто не сможет видеть. Надену перстень на средний палец левой руки — и ни холодное оружие, ни вода, ни огонь не смогут причинить мне вреда. Если надену перстень на указательный палец левой руки, я смогу при его помощи создать все что захочу — в одно мгновение построить дом или создать любую другую вещь. Когда я надеваю перстень на большой палец правой руки, кулак мой приобретает огромную силу и может сокрушать скалы и каменные стены. Помимо этого на перстне есть и другие тайные письмена, которых, как я уже говорила, никто еще не смог разгадать. Однако можно предположить, что тайн сокрыто в нем еще немало. В древние времена перстень этот принадлежал царю Соломону, мудрейшему из правителей, в царствование короткого на земле жили самые мудрые мужи; но по нынешний день так и осталось неведомым — человеческими руками создан этот перстень или божественной силой. Некоторые люди говорят, будто мудрому царю этот перстень даровал ангел.

Когда юноша выслушал рассказ девушки, его первой мыслью было: вот бы какой-нибудь хитростью завладеть перстнем! Поэтому он притворился, будто не верит ее словам. Он надеялся, что девушка вынет чудесный перстень из шкатулки и станет его показывать и тогда можно будет завладеть им. Но высказать свое желание он не посмел. Он уживался вокруг девушки, притворяясь ласковым, а в сердце таил обман и думал лишь о том, как бы захватить перстень.

Наконец девушка вытащила из кармана ключик от золотой шкатулки и хотела было отомкнуть замочек, но вдруг передумала, спрятала ключик на прежнее место и сказала:

— Это мы еще успеем сделать!

Через несколько дней снова зашла речь о чудесном перстне. Юноша сказал:

— Все, что вы рассказывали мне о волшебной силе перстня, мне кажется невозможным.

Тогда девушка открыла шкатулку и вынула перстень, сверкавший в ее руке, как яркое солнце. Надев его ради забавы на средний палец левой руки, она велела юноше ударить ее ножом, куда ему вздумается. Тот стал испуганно возражать, но так как дева настаивала на своем, то ему пришлось уступить. Сначала шутя, а потом всерьез пытался юноша задеть ее ножом, но между ними как будто выросла невидимая желез-

ная стена: острое ножа никак не могло коснуться девушки, которая, смеясь, неподвижно стояла перед своим спутником.

Затем девушка надела перстень на безымянный палец и мгновенно скрылась с глаз. Это произошло так быстро, что юноша никак не мог сообразить, куда она могла спрятаться. Вскоре девушка снова очутилась перед ним: она стояла на прежнем месте и смеялась, держа перстень в руке.

— Позвольте мне попробовать, — попросил юноша, — смогу ли я тоже проделывать подобные чудеса с вашим перстнем.

Девушка, не подозревая никакого обмана или хитрости, передала ему перстень. Юноша сделал вид, что не умеет им пользоваться, и спросил:

— На какой палец его надеть, чтобы стать неуязвимым для холодного оружия?

Девушка ответила с улыбкой:

— На средний палец левой руки!

Она взяла нож и попробовала уколоть своего спутника, но не смогла нанести ему ни малейшей царапины. Тогда юноша сам схватил нож и попробовал ранить себя, но и для него это оказалось невозможным.

Затем он попросил девушку показать, как при помощи перстня можно дробить камни и скалы. Девушка повела его во двор, где лежал валун высотой не менее сажени.

— Надень перстень на большой палец правой руки, — сказала она, — и ударь кулаком по камню, тогда ты убедишься, какая сила таится в твоей руке.

Юноша проделал это и с изумлением увидел, как под ударом его кулака огромный камень разлетелся на тысячу кусков.

«Глуп будет тот, кто выпустит счастье из рук, потом его уже не поймать!» — подумал юноша. Продолжая разговаривать с девушкой и дивиться силе перстня, он как будто невзначай надел его на безымянный палец левой руки.

Девушка воскликнула:

— Теперь ты будешь для меня невидим, пока не снимешь перстень с пальца!

Но юноша и не собирался это делать; он быстро отошел на несколько шагов, надел перстень на мизинец левой руки и взвился в воздух, как птица. Увидев его высоко в небе, дева подумала, что он продолжает в шутку испытывать силу перстня, и принялась звать:

— Вернись! Теперь ты убедился, что я говорила правду!

Но тот и не думал возвращаться. Девушка наконец поняла, что обманута, и принялась горько жаловаться на свою беду.

Юноша летел не останавливаясь, пока через несколько дней не прибыл к знаменитому мудрецу, у которого научился языку птиц. Радость мудреца была безгранична, когда он узнал, что путешествие юноши завершилось успехом. Он немедленно принялся за изучение тайнописи на перстне, что заняло целых семь недель. После этого он научил своего молодого друга, как поступить, чтобы уничтожить северного дракона.

— Вели отлить себе чугунного коня с четырьмя колесами под ногами, чтобы его можно было передвигать, подталкивая сзади. Сам садись на него и возьми в руку двухсаженную пику, которую ты сможешь поднять только тогда, когда наденешь волшебный перстень на большой палец правой руки. Толщиною пика должна быть не менее ствола средней березки, и оба конца ее — одинаково заострены. К середине пики надо прикрепить две десятисаженные железные цепи, которые могли бы удержать дракона. Как только дракон прикусит железную пику так, что заостренные концы проткнут ему нижнюю и верхнюю челюсти, ты должен мгновенно соскочить с коня, выбежать из пасти чудовища и железными сваями так глубоко загнать концы цепей в землю, чтобы их никакой силой нельзя было вырвать. Через три-четыре дня чудовище настолько ослабеет, что ты сможешь к нему приблизиться. Тогда надень Соломонов перстень на большой палец правой руки и добей зверя. Но когда будешь подходить к дракону, не забудь надеть перстень на безымянный палец левой руки, чтобы остаться для зверя невидимым, иначе он может убить тебя своим длинным хвостом. Когда покончишь с делом, смотри не потеряй перстень и следи, чтобы его не украли хитростью.

Юноша поблагодарил мудреца за наставление и обещал потом заплатить ему за труды, но тот сказал:

— Изучая тайные письма на перстне, я постиг столько новых знаний, что не нуждаюсь ни в каких других сокровищах.

На этом они расстались, и юноша поспешил домой. Это теперь для него не составляло труда, потому что он мог лететь, как птица, куда хотел.

Через две недели юноша прибыл домой и услышал в народе толки о том, что страшный северный дракон уже близко; люди боялись, что он со дня на день может перейти границу страны. Король приказал повсюду объявить, что человеку, уничтожившему чудовище, он отдаст часть королевства да сверх того еще и свою дочь в жены.

Несколько дней спустя юноша предстал перед королем и заявил,

что надеется убить страшного зверя, если только король велит изготовить все нужные для этого орудия. Король с радостью обещал снабдить смельчака всем, что тому понадобится.

Немедленно были созваны со всей округи опытные мастера. Они должны были прежде всего отлить чугунного коня, затем сделать огромную пику и, наконец, выковать железные цепи, звенья которых были бы толщиной в два дюйма. Но когда все было готово, оказалось, что чугунный конь невероятно тяжел: сто человек не могли сдвинуть его с места. Юноше ничего не оставалось, как при помощи чудесного перстня толкать коня самому.

Северный дракон был уже верстах в пяти от границы и мог покрыть это расстояние в два прыжка. Юноша начал раздумывать, как ему одному справиться со своей задачей. Он ведь должен был подталкивать сзади чугунного коня, а значит, не мог сесть на него верхом, как велел мудрец. Но тут дельный совет дал ему ворон:

— Садись на чугунного коня, — сказал он, — и отталкивайся пикой от земли так, как ты отталкивался бы веслом, отчаливая в лодке от берега.

Юноша послушался совета и убедился, что передвигаться таким образом вполне возможно.

Страшный зверь уже издали широко раскрыл пасть, готовясь схватить добычу. Еще несколько саженей — и человек вместе с чугунным конем окажется в его страшных челюстях! Юноша дрожал от ужаса, ледяной холод сжимал его сердце. Но он не дал страху затуманить его рассудок, а продолжал изо всех сил подталкивать железного коня вперед, пока вместе с железной пикой, которую держал отвесно в руке, не очутился в пасти дракона. Тут он соскочил с коня и, прежде чем страшный зверь сомкнул челюсти, с молниеносной быстротой выскользнул у него из пасти.

Ужасный рев, разнесшийся на много верст вокруг, возвестил о том, что северный дракон прикусил пику. Оглянувшись, юноша увидел, что у зверя пасть закрыта, а острый конец пики торчит на аршин из его верхней челюсти. Из этого можно было понять, что другой конец пронзил нижнюю челюсть и воткнулся в землю. А чугунного коня зверь раздробил зубами, когда сжимал пасть. Юноша быстро принялся крепить цепи к двухсаженным железным сваям, заранее вбитым в землю.

Три дня и три ночи боролся зверь со смертью: извиваясь, он с такой силой бил по земле хвостом, что на десять верст вокруг земля дрожала. Когда дракон перестал шевелить хвостом, юноша с помощью перстня схватил огромный камень, который не могли бы сдвинуть с

места и двадцать человек, и стал бить им зверя по голове, пока тот не испустил дух.

Когда разнеслась весть о гибели чудовища, ликование и радость охватили всю страну. Победителя встречали в столице с такими почестями и так торжественно, словно он сам был королем. А старому королю вовсе не понадобилось принуждать и уговаривать свою дочь, она и сама рада была выйти замуж за отважного юношу, который один достиг большего, чем все другие смельчаки вместе с многочисленным войском.

Через несколько дней начались пышные свадебные празднества, которые длились целый месяц. На свадьбу прибыли все соседние короли, чтобы отблагодарить храбреца, избавившего мир от страшного врага.

Но за свадебными празднествами и ликованием все забыли о том, что труп исполинского зверя остался незарытым. Вскоре он начал разлагаться и распространял такое зловоние, что никто не решался к нему приблизиться. Тлетворный запах породил болезни, унесшие в могилу много людей. Королевский зять решил отправиться за советом к восточному мудрецу. Сделать это при помощи перстня было нетрудно, так как юноша мог полететь туда на крыльях.

Но, как гласит пословица, зла долго не утаишь, а краденое добро впрок не идет. Вскоре королевскому зятю пришлось в этом убедиться. Дева ада ни днем ни ночью не находила себе покоя, пока не напала на след перстня. Путем колдовства она узнала, что королевский зять собирается в образе птицы лететь к мудрецу. Превратившись в орла, дева кружилась под облаками, пока не увидела юношу, обернувшегося птицей; она тотчас же узнала его по перстню, висевшему на ленте на шее у птицы. Орел упал птице на спину, и в тот миг, когда его когти впились ей в тело, он клювом сорвал перстень с ее шеи; человек, превратившийся в птицу, не успел себя защитить. Орел опустился со своей добычей на землю, и оба снова предстали друг перед другом в человеческом облике.

— Теперь ты в моих руках, о злодей! — воскликнула дева. — Я приняла тебя как любимого, нежно заботилась о тебе, а ты оказался обманщиком и вором! Разве такой платы я заслужила? Ты выманил у меня мое ценнейшее сокровище и надеялся, что, женившись на королевне, будешь жить счастливо. Но дело обернулось по-другому. Теперь ты в моей власти и тебе придется отвечать за все твои злодеяния.

— Простите, простите меня! — взмолился королевский зять. — Я сознаю, что глубоко виноват перед вами, и раскаиваюсь от всей души.

Дева ответила:

— Твои мольбы и раскаяние слишком запоздали и теперь тебе не помогут. Я не имею права простить тебя, мне самой было бы стыдно, и я стала бы посмешищем для людей. Ты вдвойне виновен передо мной: ты пренебрег моей любовью и украл мой перстень. За это ты должен быть наказан.

Сказав это, дева надела перстень на большой палец правой руки, подняла королевского зятя, точно пучок пакли, и понесла его. На этот раз они пришли не в роскошный дом, а в каменную пещеру, на стенах которой висели железные цепи. Дева схватила цепи, заковала в них руки и ноги юноши, чтобы он никуда не мог отсюда уйти, и сказала гневно:

— Здесь ты будешь томиться до конца своей жизни. Я прикажу давать тебе каждый день лишь столько пищи, чтобы ты не умер от голода, а всякую надежду на спасение забудь.

С этими словами дева ада покинула его.

Для короля и его дочери настали горестные дни. Проходила неделя за неделей, а зять не возвращался и никаких вестей о себе не присылал. Королевна часто видела во сне, что ее супруг подвергается жестоким пыткам. Она упросила отца созвать мудрецов со всех концов страны и узнать у них, где находится ее пропавший муж и как его спасти. Но мудрецы могли только сказать, что муж ее жив и терпит страшные мучения. Указать же, где именно он находится и как его спасти, никто не мог.

Наконец привели к королю знаменитого финского мудреца: он объявил, что королевский зять томится в восточной стране и над ним властвует не человек, а более могущественное существо. Тогда король направил своих посланцев на розыски пропавшего зятя. Те попали, к счастью, как раз к тому старому мудрецу, который истолковал загадочные надписи на Соломоновом перстне и поэтому стал обладателем тайных знаний, неведомых другим. Мудрец сказал:

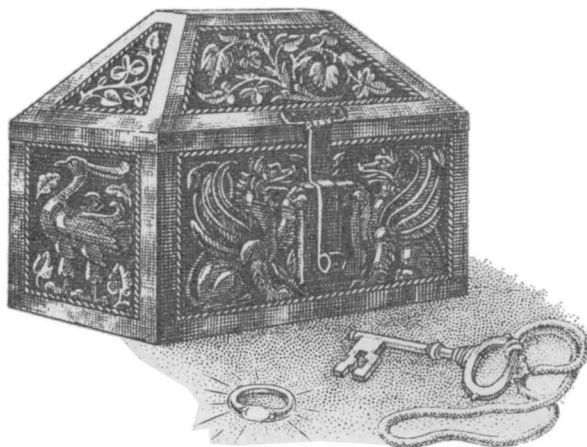
— Королевский зять томится в плену у волшебных сил; без моей помощи вы не сможете его освободить, мне придется пойти вместе с вами.

Они отправились в путь и, следуя за птицами, летевшими впереди, через несколько дней пришли к пещере, где зять короля уже около семи лет страдал в заточении. Он с первого же взгляда узнал мудреца, но мудрец не узнал его — так сильно был истощен узник. Мудрец освободил его от оков, отвез в свой дом, лечил и кормил его, пока тот не окреп настолько, что смог отправиться домой.

Освобожденный пленник прибыл в столицу как раз в тот день, когда старый король скончался, поэтому прибывшего сразу возвели в коро-

левский сан. После долгих мучений для него снова настали дни радости, и он прожил счастливо до конца своих дней.

Но чудесный перстень так и остался у девы ада, и его с тех пор никто никогда не видел.

НАКАЗАННАЯ ЖАДНОСТЬ

уж и жена отправились рано поутру на сенокос. Проработали они почти до полудня, потом жена сказала мужу:

— Пойди на речку и налови раков или рыбки, чего придется, чтобы нам не есть один хлеб.

Муж, хоть и устал изрядно, перечить жене все же не осмелился: он, как это иногда бывает, плясал под ее дудку.

Придя на речку, он из первой же норки вытащил рака величиной с добрую рукавицу.

«Вот удача! — подумал мужик. — Такого большого рака я никогда в жизни не видел».

Но в тот же миг на мужичка напал страх. Он услышал, что рак говорит ему человеческим языком:

— Дорогой братец, отпусти меня! Сегодня жарко, я вздремнул в своей норке и не слышал, как ты подошел. Ты и ухватил меня за клешни. Мне больше ста лет, мясо у меня жесткое, точно волчье, и навряд ли придется тебе по вкусу. Какая же тебе польза от моей смерти? А кроме того, я — человек, превращенный в рака злой колдовской силой!

Мужичок удивился и ответил:

— Дорогой братец рак! Не сердись, если я твоей просьбы не исполню. Я тебя охотно отпустил бы, не будь у меня такой свирепой жены. Она же заест меня, если я вернусь с пустыми руками да к тому же еще признаю, что поймал большого рака и выпустил из рук такую добычу.

— Ну, — молвил рак, — об этом ты мог бы жене и не говорить. Мужичок почесал у себя за ухом и робко произнес:

— Если бы ты, братец, знал, какая хитрая у меня жена и как ловко

она умеет выпытать у меня любую тайну, ты бы так не говорил. О чем лаской не дознается, то выведает силой, так что мне от нее ничего не утаить.

На это рак ответил с улыбкой:

— Я вижу, дорогой земляк, что ты пляшешь под дудку жены, как и многие другие, и мне тебя от души жаль. Но тебе от моего сочувствия толку мало; а вот если ты меня отпустишь, я сделаю тебе такой подарок, который поможет утихомирить твою злую жену. Я хоть и мал по сравнению с тобой, а куда сильнее тебя.

Мужичок постоял немножко, подумал и наконец ответил:

— Ну что ж, если ты в силах сделать так, чтобы мы с женой не поссорились, я сейчас же отпущу тебя на свободу.

Рак спросил:

— Какую рыбу твоя жена больше всего любит?

Мужичок ответил:

— Я и сам не знаю, но мне кажется, беды не будет, если я хоть какой-нибудь свежей рыбы принесу, а не вернусь с пустыми руками.

Рак велел ему положить на землю шапку и затем крикнул:

— Шапка, рыбой наполняйся!

И — о чудо! — в тот же миг шапка была доверху наполнена рыбой.

— По этому пустячку ты можешь судить о моей силе, — произнес рак. — Таким же образом ты сможешь теперь каждый день наполнять свою шапку. Если же тебе еще что-нибудь понадобится, позови меня на помощь. Стоит тебе только выйти на берег реки и крикнуть:

Рак, из норки выйди, братец,
Выйди, черный человек!

— и я тотчас же явлюсь. Но я хочу тебя предупредить: если ты разумный человек, не говори жене о том, что сегодня с тобой случилось, ибо это может принести тебе больше вреда, чем пользы.

Мужичок пообещал скрывать свою тайну от жены, пока это будет возможно, поблагодарил рака и за свежую рыбу, и за обещание впредь помогать ему, выпустил рака в воду и веселым шагом, с легким сердцем отправился к жене.

Женушка приветливо заулыбалась, когда муж принес полную шапку свежей рыбы. Она сейчас же почистила ее, посолила и поставила в котелке на огонь. Давно уже муж не слышал от жены таких нежных слов, как в этот день.

— Видишь, мое золотце, как тебе везет, если ты меня слушаешь-ся, — говорила она.

Так прожили они целую неделю в мире и согласии, точно в первые дни после свадьбы. Муж каждый день приносил с речки полную шапку рыбы, и оба охотно ее ели.

— Ну куда это годится! Неужели ты не можешь принести мне к обеду чего-нибудь получше, чем эта дохлая рыба! Она мне уже так надоела, что и смотреть на нее противно.

Муж спросил, чего ей хотелось бы вместо рыбы. Жена на это ответила:

— Похлебка из свежего мяса и хороший кусок свинины — вот что мне пришлось бы по вкусу.

Муж пообещал на следующий день достать ей все, чего она хочет, но на душе у него было беспокойно: он сомневался, сможет ли рак выполнить и это требование жены.

На другой день с восходом солнца он отправился к реке и крикнул:

Рак, из норки выйди, братец.
Выйди, черный человек!

В тот же миг рак протянул свои клешни на берег и спросил:

— Что тебе нужно, братец?

Мужичок ответил:

— Мне-то ничего не требуется, а вот жене свежая рыба надоела, ей хочется другой еды.

Рак улыбнулся и спросил, каких же кушаний хочет жена, и, узнав, чего она требует, сказал:

— Ступай домой, а утром постучи мизинцем по столу, приговаривая: «Свежей мясной похлебки и свинины к обеду!» Так делай каждый день, и твое желание каждый раз будет исполняться. Но, прошу тебя, не превращайся в раба своей вздорной жены, не то потом будешь жалеть, да поздно будет.

На другой день мужичок выполнил все, чему научил его рак, и к обеду на столе появились требуемые кушанья. И снова в доме наступили такие же мирные дни, как и в то время, когда муж приносил свежую рыбу. Жена была кроткой как голубка и старалась во всем угодить мужу.

Однако не прошло и недели, как жenuшка за обедом опять сморщила нос и сказала:

— Ну что это за жизнь! Разве можно изо дня в день есть мясную похлебку и свинину! Я, по крайней мере, не могу, меня уже тошнит от этой еды.

Муж робко спросил:

— Скажи мне, женушка, чего тебе хочется?

Жена ответила:

— Жареного гуся и сладкого пирога!

Мужичка дрожь пробирала от страха, когда он шел к реке: он боялся рассердить рака своими частыми просьбами. Но и приказа жены бедняга не осмеливался послушаться, иначе ему было несдобровать. Долго ходил он по берегу взад и вперед и наконец крикнул боязливо:

Рак, из норки выйди, братец,
Выйди, черный человек!

В тот же миг рак высунул свои черные клешни на берег и спросил:

— Чего тебе надо, братец?

Мужичок ответил:

— Мне-то ничего не требуется, но жене больше не нравится свежая мясная похлебка и свинина, ей хочется другой еды.

Рак спросил, чего жене нужно, и, выслушав ответ, сказал:

— Ступай домой, желание твоей жены исполнится. Тебе для этого ничего не нужно делать.

На другой день, когда время подошло к обеду, мужичок стал с тревогой поглядывать на стол — сбудется ли то, что обещал ему рак? И чем выше поднималось солнце, тем меньше оставалось у мужичка надежды, так как стол все еще стоял пустой. Но вот чудо! Точно в полдень на столе появился и жареный гусь, и сладкий пирог.

Жена была бесконечно счастлива. «Миленький» и «золотце» так и сыпались у нее с языка, словно в первые дни после свадьбы. Вечером перед сном она обнимала и уговаривала мужа до тех пор, пока он не рассказал ей о своем чудесном помощнике.

— О чем же нам теперь горевать, — сказала жена, — раз у тебя есть такой помощник? Теперь мы заживем совсем по-другому. Мне давно уже опротивело мое крестьянское тряпье, я хочу иметь богатое платье, как у знатной барыни. Ступай, достань мне господские наряды.

Мужичок пытался было возражать: он не знает, мол, сможет ли рак выполнить подобное требование. Но жена и не думала отказываться от своей прихоти, она каждый день бранила и попрекала мужа, пока наконец не заставила его подчиниться. И так как ему дома не было покоя ни днем ни ночью, то он однажды утром пошел к реке с такой мыслью: «Если рак не сможет выполнить мою просьбу, я тут же утоплюсь».

Походив в нерешительности взад и вперед по берегу, он набрался наконец духу и крикнул боязливо:

Рак, из норки выйди, братец,
Выйди, черный человек!

В тот же миг рак высунул свои черные клешни на берег и спросил:
— Чего тебе надо, братец?

Мужичок ответил:

— Мне-то ничего не нужно, но вот у жены моей прихотям нет конца. Каждый день на столе у нас жареный гусь и сладкий пирог, а она все еще недовольна своей жизнью.

— Чего же она еще хочет? — спросил рак.

Мужичок ответил:

— Вместо своего тряпья она хочет получить господские наряды.

Рак улыбнулся и произнес:

— Ступай домой, желание твоей жены исполнится.

Мужичок поблагодарил рака за доброе обещание и отправился домой, радуясь в душе, что все обошлось так благополучно. У ворот его встретила роскошно одетая женщина, в которой он сперва даже не узнал свою жену, — такой важной барыней она стала.

Теперь они были совсем счастливы; каждый день у них на столе появлялся жареный гусь и пирог, а у жены были пышные господские наряды.

Но как-то вечером, к концу недели, жена сказала мужу:

— Я хорошенько все обдумала и нахожу, что так дальше жить нельзя. Роскошная господская одежда, жареный гусь и пироги никак не подходят к нашей крестьянской лачуге. Рак должен раздобыть нам поместье, где я могла бы жить как настоящая барыня.

Муж всячески отговаривался, боясь, что подобное требование рассердит рака. Но жена стояла на своем и мучила мужа до тех пор, пока он не сдался.

С тяжелым сердцем, печальной поступью пошел муж утром к реке. Дорогой он не раз останавливался и размышлял, как бы ему избавиться от неприятного дела, но так ничего и не придумал. Пришлось все же идти с просьбой к всеильному помощнику. На берегу мужичок крикнул:

Рак, из норки выйди, братец,
Выйди, черный человек!

В тот же миг рак высунул свои черные клешни на берег и спросил:

— Чего тебе надо, братец?

Мужичок ответил:

— Мне-то самому ничего не нужно, но вот жене моей уже мало

господских нарядов и вкусной еды, она мучит меня каждый день нещадно и требует, чтобы я опять просил твоей помощи.

Рак спросил, чего жене еще захотелось. Мужичок ответил, что она желает получить поместье и стать барыней, и в конце концов признался, что рассказал жене о своем чудесном помощнике.

— Ох ты, несчастный! — воскликнул рак. — Не видать тебе больше ни счастья, ни покоя! Прихотям твоей жены конца не будет, пока вы не потеряете и те блага, что имели до сих пор. Но на этот раз можешь идти домой — желание твоей жены исполнится.

Возвращаясь с реки, мужичок подумал, что заблудился; лачуги своей он не нашел, и вся окружающая местность показалась ему незнакомой. Перед ним стоял великолепный господский дом, окруженный красивым садом. А пока мужичок в раздумье топтался на месте, не зная, как быть, к нему подошла важная барыня в шелковом платье. Только по голосу он узнал в ней свою законную жену. Она ласково обняла его за шею и воскликнула:

— Теперь мои желания исполнились! Благодарю тебя и твоего помощника — рака!

Муж не помнил себя от радости. Теперь у него была любящая жена. О еде им не приходилось заботиться, так как повара каждый день готовили им все, чего бы барыня ни пожелала. Лучшей жизни и представить себе нельзя было.

Но жадная женщина все не могла успокоиться: через несколько недель она снова принялась мучить мужа, требуя, чтобы он с помощью всесильного рака сделал ее королевой. Муж отговаривался как мог, но ничто не помогало. Жена не переставая твердила ему, что непременно хочет стать королевой, и мужичок ни днем ни ночью не знал покоя. Он и охал, и ахал, и почесывал затылок, но так ничего и не придумал. И пришлось ему волей-неволей снова просить помощи у рака.

Ни жив ни мертв, пришел он к реке. Он несколько раз раскрывал рот, чтобы позвать своего помощника, но язык у него не поворачивался и слова застревали в горле. В конце концов мужичок заикаясь произнес:

Рак, из норки выйди, братец,
Выйди, черный человек!

В тот же миг рак высунул свои черные клешни из воды и спросил:

— Чего тебе надо, братец?

Мужичок робко ответил:

— Я-то сам ничего не хочу, но вот жене моей надоело быть барыней-помещицей.

— Кем же она теперь хочет быть?

Мужичок ответил:

— Моя жена хочет стать королевой.

— Ого! — воскликнул рак. — Но так как я у тебя в долгу, то я и на этот раз исполню желание твоей жены. Ступай домой, все будет сделано.

И действительно, придя домой, мужичок увидел, что жена его стала королевой. Работники, слуги, девушки окружали ее целыми толпами и выполняли приказания новой повелительницы. «Слава богу! — подумал мужичок. — Теперь-то наконец жена оставит меня в покое. Самое большое желание ее исполнено. Вокруг нее так много челяди, что она, пожалуй, и не заметит, если я отойду в сторону и отдохну от своих тяжелых трудов».

Больше двух месяцев тешилась жена своим королевским званием и не приставала к мужу с новыми прихотями. Но вот однажды она велела позвать его к себе и сказала:

— Мне не нравится больше быть королевой. Я хочу возвыситься еще больше. Ты и твой рак должны мне помочь.

Муж спросил:

— Чего ж ты еще хочешь, если уж и королевского звания тебе мало?

Жена ответила:

— Я хочу стать самим богом!

Муж так испугался, что сперва не мог и слова вымолвить. Потом он стал упрашивать жену одуматься, а когда это не помогло, сказал твердо:

— Делай что хочешь, но с такой просьбой я к раку не пойду!

— Ты, оборванец! — гневно крикнула жена. — Как ты смеешь перчить мне, твоей законной жене, да к тому же еще королеве? Немедленно выполняй мое приказание, не то я велю казнить тебя!

Мужичок подумал: «Все мы смертны, так не все ли равно, кто со мной покончит — злая жена или всесильный рак? Пойду, выполню ее приказ».

Он смело направился к реке. Но чем ближе к берегу, тем медленнее становился его шаг. Наконец, набравшись храбрости, он крикнул:

Рак, из норки выйди, братец,
Выйди, черный человек!

Но вокруг все было тихо, ни рака, ни какого-либо другого живого существа не было видно. Мужичок крикнул еще раз — опять ничего. Наконец он крикнул в третий раз. Тогда рак медленно высунул сначала одну, потом вторую клешню на берег и спросил:

— Чего тебе от меня надо?

Мужичок ответил:

— Мне самому ничего не надо, но жена моя, хоть и стала королевой, опять не дает мне покоя.

— Что же она еще хочет? — спросил рак.

— Она хочет стать самим богом.

Тогда рак крикнул гневно:

— В свиной хлев вас обоих! Жена твоя полоумная, а ты еще хуже, потому что пляшешь под ее дудку.

Мужичок почувствовал, что земля содрогается у него под ногами. Он широко раскрыл глаза, но ни реки, ни рака перед ним не было. Невдалеке стояла убогая лачужка. Подойдя к ней, мужичок увидел, что это свиной хлев и что жена его, в жалких лохмотьях, лежит в углу на грязной соломе.

Здесь и пришлось им доживать свои дни, вспоминая старую мудрую поговорку, которая гласит: «Большим куском подавишься».

НАЙДЕНЫШ

о дороге в церковь воскресным утром крестьянка нашла в лесу ребенка лет двух от роду. Мальчик жалобно плакал от голода и ничего не мог рассказать о том, как он очутился в лесу. Судя по его тонкой одежде, ребенок был господского рода.

Женщина взяла его на руки, отнесла домой, накормила, а потом опять направилась в церковь, надеясь узнать, откуда мог попасть в лес этот мальчик. Но хотя во всех окрестных церквях было объявлено о найденныше, ни в это воскресенье, ни позже за ним никто не явился. Тогда женщина и ее муж решили оставить ребенка у себя; мальчик казался очень смысленным, и хозяева надеялись, что если он, даст бог, будет жив и здоров, то вырастет им на радость. В семье, правда, было уже шестеро детей — четыре сына и две дочери, так что найденныш оказался седьмым едоком, но бог благословил хозяев и пашней, и стадом, пищи и одежды хватало на всех, и семья ни в чем не терпела недостатка.

Шли годы, найденныш стал уже взрослым юношей. Однажды он сказал своим приемным родителям:

— Благодарю вас за вашу доброту и щедрость, но теперь пришло мне время вас покинуть и отправиться странствовать по белому свету. Быть может, мне посчастливится найти такую работу, которая даст мне заработок больший, чем требуют мои скромные нужды; тогда я уплачу вам за то, что вы вырастили меня. Но за вашу любовь и ласку мне, конечно, никогда не расплатиться.

Юноша простился со всеми, взял котомку с припасами и отправился в дорогу.

Несколько дней шел он, держа путь на юг, и наконец достиг густого леса. Здесь до его слуха донесся тяжкий стон. Внимательно прислушавшись, путник направился в ту сторону, откуда неслись стоны. На земле под кустом он увидел раненого старика; все лицо у него было в крови,

мох и трава вокруг тоже были залиты кровью. Глаза старика были закрыты, и только тяжелое дыхание и стоны говорили о том, что в теле его еще теплится жизнь.

Юноша побежал поискать воды, нашел поблизости ручеек с чистой студеной водой, наполнил ею свою шляпу и вернулся к старику. Раненый сделал несколько жадных глотков, закашлялся и начал как будто приходить в себя, но потом снова без сознания упал на руки юноши. Тот поднял старика, отнес к роднику и поливал голову раненого водой, пока не привел его в чувство. Затем юноша перевязал ему голову своим шейным платком, смыл кровь с его лица, головы и одежды, сделал из мха мягкое ложе и уложил старика.

Старик тотчас же заснул и, измученный ранами, проспал почти полдня. Путник сидел возле спящего и веткой отгонял от него мух. Наконец старик приоткрыл один глаз, ласково взглянул на юношу и проговорил:

— Благодарю тебя от всего сердца за твое доброе дело. Я пока остаюсь твоим должником, потому что разбойники ограбили меня дочиста и я беден как церковная мышь. В будущем, однако, если мы еще когда-нибудь встретимся, я надеюсь вознаградить тебя за твою доброту. Твое путешествие, может быть, затянется и тебе не хватит еды, поэтому прошу тебя, возьми мою коробочку с салакой — единственное, что разбойники мне оставили.

Юноша стал было отказываться от подарка старика, говоря, что тому его запасы и самому могут пригодиться. Однако в конце концов ему пришлось уступить: он заметил, что его возражения обижают старика.

Старик сунул коробочку юноше в мешок и сказал:

— Мне до дому совсем недалеко, а вот у молодого путника впереди еще несчитанные версты.

Когда старик стал удаляться, юноша подивился скорости его движений: чем дальше он отходил, тем легче становился его шаг, и он, точно летящая птица, скрылся из глаз через несколько мгновений.

Юноша провел в лесу больше чем полдня, поэтому решил наверстать упущенное время и прошагал еще добрый кусок пути, прежде чем остановиться на отдых. Когда он сел и принялся за еду, ему показалось, что коврига, лежавшая у него в мешке, как будто выросла, да к тому же хлеб стал свежее. В подаренной стариком коробочке он нашел соленую салаку, которая показалась ему очень вкусной. На другое утро, собираясь завтракать, он увидел в коробочке масло и свинину.

— Спасибо доброму человеку за чудесную коробочку! — воскликнул юноша. — Теперь мне не о чем заботиться в пути!

Однажды он присел у дороги отдохнуть. Вдруг через луг к нему бросилась маленькая рыжая собачка. Она лизала ему руки и, виляя хвостом, хватала его за полу кафтана, словно звала путника подняться и пойти за ней. Поглядев несколько минут на странные проделки собачки, юноша встал. Собака радостно забегала вокруг него, потом вцепилась зубами в его кафтан и стала тащить юношу за собой. Тот понял немую просьбу собаки и пошел вслед за ней через луг к лесу, который виднелся в полуверсте от дороги. По временам собачка останавливалась и смотрела, следует ли путник за нею.

В лесу юноша увидел женщину, которая была толстыми веревками привязана к стволу сосны, так что и шевельнуться не могла. На ней не было никакой одежды, кроме сорочки из тонкого полотна. Юноша быстро отвязал женщину, и она рассказала, что разбойники ограбили ее, а потом привязали к дереву.

— Я не могу достать тебе женское платье, — сказал молодой путник, — но возьми мой кафтан, им ты сможешь прикрыться, пока мы не доберемся до какого-нибудь жилья и не попросим у людей лучшей одежды.

Девушка, поблагодарив, закуталась в кафтан и последовала за юношей. Рыжая собачка бежала впереди, словно указывая дорогу. К вечеру они добрались до развалин старого замка, где и решили заночевать: другого пристанища поблизости найти не удалось. Они увидели здесь еще одного путника, остановившегося на отдых под полуразрушенными стенами.

Юноша развязал свой мешок, пригласил и остальных поужинать вместе с ним, и все трое наелись досыта. После ужина незнакомец рассказал, что он — опытный кузнечный подмастерье и направляется в королевскую столицу, где сейчас большой спрос на кузнецов и работа хорошо оплачивается. Девушка же оказалась дочерью знатного помещика. Она ехала в гости к своей тетке, но по дороге на нее напали разбойники, ограбили ее, привязали к дереву и, захватив карету и лошадей, скрылись.

Затем путники стали держать совет, как им раздобыть для девушки женское платье, чтобы она могла показаться людям на глаза. Но денег у друзей не было ни копейки, и они опасались, что даром им никто одежды не даст. Ложась спать, юноша заметил, что рыжая собачка пропала, и спросил девушку, не знает ли она, куда делась собачка. Девушка широко раскрыла глаза от удивления и ответила:

— Я не видела твоей собачки с тех пор, как мы сюда пришли.

Тут удивился и юноша. Он рассказал, как собака привела его в лес.

— Я думал, что это твоя собачонка и что она позвала меня к тебе на помощь, — добавил он.

На другое утро путники отправились доставать одежду для девушки, но после полудня вернулись с пустыми руками. Спать они улеглись с тяжелым сердцем, огорченные своей неудачей. Ночью девушке приснился хороший сон: ей явился какой-то маленький старичок и обещал, что она получит платье и деньги, если только у спутников ее хватит смелости приняться за трудное дело, — под старыми развалинами якобы имеются подземелья, а в них скрыты огромные богатства. Но чтобы завладеть ими, надо выдержать тяжелую борьбу с хранителями клада.

Утром девушка рассказала спутникам свой сон. Он так отчетливо стоял у нее перед глазами, что, даже проснувшись, она все еще как будто видела доброго старичка. Мужчины тотчас же отправились разыскивать подземелья и вскоре их нашли. Но здесь было так темно, что без огня и шагу нельзя было ступить. К счастью, они нашли в песке и осыпавшейся штукатурке обрубок смолистого бревна, нащепали лучин и, освещая себе путь, пошли дальше.

Долго продвигались смельчаки по узкому проходу, пока не натолкнулись на запертую железную дверь; как они ее ни толкали и ни трясли, она не открывалась. Уныло побрели друзья обратно и, вернувшись, поведали девушке о своей неудаче. Подмастерье рассказал, что даже под мощными ударами его молота дверь не дрогнула и стояла нерушимо, как каменная стена.

Когда они втроем сидели за обедом, к ним подошел маленький старичок и попросил поесть. Его просьбу исполнили с большим радением. Насытившись, старичок молвил:

— Мне нужно сказать девушке кое-что, чего остальные не должны слышать.

Девушка сразу же узнала в госте того старика, который явился ей во сне, поэтому нисколько не побоялась отойти вместе с ним от своих спутников.

Они нашли среди развалин уединенное место, и тут старичок сказал:

— Вам не удастся открыть железную дверь, пока вы не убьете трех серых жаб и их кровью не начертите на дверях три креста. Когда дверь откроется, твои спутники должны во что бы то ни стало одолеть хранителей клада. Борьба с ними будет нелегка, зато и награда неисчислима. Больше я ничего не имею права тебе сказать.

Вернувшись, девушка рассказала своим спутникам обо всем, что услышала от старика. Мужчины тотчас же пошли, по наставлению старичка, ловить жаб, которых здесь, в сырых погребах, водилось немало. Поиски продолжались недолго, вскоре три жабы были пойманы. Под-

мастерье кузнеца захватил свой тяжелый молот, юноша взял крепкую дубинку, и они, вооруженные для предстоящей схватки, вторично пустились на поиски клада.

Как только железную дверь окропили жабьей кровью, она сама распахнулась, и люди без всякого труда проникли в погреб, который при свете лучин показался им величиной с добрую церковь. В тот же миг большая черная собака набросилась на смельчаков, пытаясь схватить их за ноги. Но подмастерье оказался проворнее собаки: он своим тяжелым молотом так ударил ее по голове, что второго удара уже не потребовалось.

Вскоре показалась вторая черная собака. Эта была гораздо больше первой, у нее было две головы и четыре глаза. Одним ударом кузнец сшиб у нее одну голову, но собака и с одной головой продолжала яростно набрасываться на людей. Юноша изломал свою дубину о голову собаки, но та нисколько не пострадала. Тут кузнец изо всей силы обрушил на собаку свой молот, и она замертво упала наземь.

Вдруг показалась третья, еще более крупная черная собака, у которой было три головы и шесть глаз. Кузнец сшиб у нее одну голову, а потом и вторую. Собака с диким воем бросилась бежать и вскоре скрылась.

Сразу же, как только собака исчезла, в подземелье стало так светло, словно зажглись десятки свечей, хотя ни свечей, ни ламп нигде не было видно.

Люди с удивлением стали оглядываться по сторонам. В эту минуту из задней стены появилась молодая женщина, прекраснее самого красивого цветка. На ней было белое шелковое платье, а на шее — золотая цепочка толщиной в палец. Она приветливо протянула пришельцам руку и сказала:

— Благодарю вас от всего сердца за то, что вы освободили меня от колдовских чар, которыми меня опутала злая ведьма.

Затем появилась другая, такая же красивая женщина, она также поблагодарила мужчин и прибавила:

— А теперь добудьте сокровища, которые хранятся в подземельях ведьмы.

Мужчины попросили указать им дорогу и пошли добывать спрятанные богатства. А их спутницы обнялись и заплакали от счастья. Затем девушки рассказали, что они — дочери могущественного короля; злая мачеха, стремившаяся получить богатое наследство для своих детей, путем колдовства заточила девушек в это подземелье и превратила их в собак, обреченных сторожить скрытые здесь сокровища; младшая королевна была превращена в двухголового пса, а старшая — в одно-

голового. Нити колдовства были завязаны так, что королевны могли снова стать людьми только тогда, когда какой-либо обыкновенный, смертный человек убьет собак. А в кладовых, говорили девушки, золота и серебра целые горы, и охраняет его медведь, которому злыми чарами придана необычайная сила.

У мужчин хватило смелости пойти и на это тяжелое испытание. Посоветовавшись, они решили, что в тот миг, когда юноша будет бить медведя дубиной по глазам, кузнец подберется к зверю сзади и ударит его молотом по голове. Однако эта борьба оказалась более трудной, чем они предполагали: прошло более часа, прежде чем им удалось одолеть противника. Оба храбреца были исцарапаны в кровь.

В то мгновение, когда медведь был наконец сражен, раздался такой страшный грохот, будто расколосась земля. Задняя стена рухнула, и мужчины увидели сундуки, наполненные золотом и серебром, а рядом с сундуками — груды брошей и серебряных ожерелий, которых хватило бы на добрый воз. Из-за сундуков показался юноша в роскошных одеждах и поблагодарил своих избавителей за спасение. Он тоже оказался королевичем, которого колдунья обратила в медведя и заставила охранять ее драгоценности.

— Благодаренье богу, приведшему вас сюда! — воскликнул королевич. — Старая колдунья, превратившаяся в собаку о трех головах, нам больше не страшна, потому что в двух головах, сбитых вами, была вся ее колдовская сила. Теперь разделим между собой ее богатства, нам всем их хватит с избытком.

Королевны дали помещицье дочери все, что ей нужно было из одежды; затем они принялись делить добытые драгоценности, и продолжалось это больше недели.

Когда раздел был закончен, к ним снова явился маленький старичок. Он порадовался их удаче и сказал:

— Теперь я могу поведать вам все тайны, до сего дня пребывавшие скрытыми. Ты, — обратился он к нашему юноше, — как и эти трое королевских детей, — также королевский сын. Злые люди украли тебя у родителей, потому что ты был единственным ребенком и похитители надеялись после смерти старого короля захватить власть в стране. С того дня, как ты появился на свет, я охранял тебя. Когда ты жил в крестьянской семье, я постоянно следил, чтобы с тобой ничего плохого не случилось; хотя ты меня и не видел, но я днем и ночью был с тобой. А когда ты отправился странствовать, я захотел проверить, доброе ли у тебя сердце, и превратился в израненного старика. Ты пришел мне на помощь; тогда я дал тебе чудесную коробочку с салакой. Потом, превратившись в собачку, я привел тебя к ограбленной женщине и,

наконец, к этим развалинам, где тебе суждено было найти свое счастье. Сейчас каждому из вас остается только последовать велению сердца и избрать себе супругу; сокровищ вы себе добыли вдоволь.

Тут королевич, освобожденный от злых чар, избрал себе в жены одну из королевен, королевич, выросший в крестьянской семье, — вторую, а дочь богатого помещика отдала руку и сердце храброму кузнецу.

Королевич-найденыш отослал половину своих сокровищ приемным родителям, и те сразу так разбогатели, что смогли оставить большое наследство и детям своим, и внукам.

ВОЛШЕБНОЕ ЯИЧКО

ил в глухом лесу бедняк со своей женой. Бог даровал ему восемь человек детей, старшие из них уже сами зарабатывали себе на хлеб у чужих людей. Не очень-то обрадовались родители, когда у них на старости лет родился еще и девятый ребенок, но все же должны были принять мальчика как дар божий и крестить его, как полагается добрым христианам.

Но тут случилось так, что никто не захотел быть крестным ребенка. Каждый опасался: «Если родители умрут, останется дитя на моем попечении».

Тогда отец решил: «Возьму-ка я ребенка на руки, пойду в воскресенье в церковь и скажу пастору, что никак не могу найти крестного. Пусть делает что хочет — пусть крестит ребенка или оставляет некрещеным, на моей душе греха не будет».

Недалеко от дома бедняк увидел нищего, сидевшего у дороги. Нищий попросил у него милостыни. Бедняк сказал:

— Мне, братец, нечего тебе подать. Есть, правда, у меня в кармане несколько копеек, да их придется отдать за крещение ребенка. Но если хочешь сделать доброе дело, будь крестным отцом моему ребенку. А потом пойдем ко мне домой и отведаем, чего там хозяйка наготовила на крестины.

Нищего никогда еще никто не звал в крестные, поэтому он с радостью согласился.

Когда они подходили к церкви, у дверей ее остановилась роскошная карета, запряженная четверней. Из кареты вышла молодая женщина. Увидев ее, бедняк подумал: «А ну-ка, попытаю счастья в последний раз». Он с почтительным поклоном приблизился к женщине и сказал:

— Высокочтимая барышня! Возьмите на себя такой труд, будьте крестной матерью моему ребенку!

Женщина обещала исполнить его просьбу. И когда после проповеди ребенка понесли крестить, пастор и все прихожане были очень удивлены, увидев, что крестными оказались нищий-побирушка и знатная дама.

Ребенка назвали Пяртелем. Богатая крестная заплатила за крестины и кроме того подарила своему крестнику три рубля, что очень обрадовало отца.

Нищий отправился вместе с ним справлять крестины. Вечером перед уходом нищий вытащил из кармана маленькую коробочку, завернутую в тряпицу, передал ее матери ребенка и сказал:

— Мой подарок крестнику, правда, невелик, но вы им не гнушайтесь. Быть может, он когда-нибудь принесет вашему сыночку счастье. У меня была тетка, мудрая знахарка, она могла силой волшебства сделать многое. Перед смертью она дала мне вот это птичье яйцо в коробочке и сказала: «Если с тобой в будущем случится что-нибудь такое, чего ты и ждать не мог, отдай это яичко другому человеку; если оно достанется тому, кому предназначено, то принесет ему счастье. Но пусть он бережет его как зеницу ока, потому что счастье человеческое хрупко, его легко разбить!» И вот я уже дожил до шестидесяти лет, а со мной еще никогда не случалось такого, как сегодня утром: меня позвали в крестные отцы! Тут я и подумал сразу: «Подарю яичко своему крестнику».

Маленький Пяртель рос здоровым и румяным, родителям на радость. Когда ему исполнилось десять лет, его отдали в пастушки к богатому хозяину. Хозяева были довольны смиренным и тихим мальчиком, который никогда их не сердил. Когда он уходил из дому, мать сунула ему в карман коробочку с яичком и велела хранить подарок крестного как зеницу ока. Пяртель так и делал.

На выгоне росла большая липа, а под нею лежал валун. Это место очень полюбилось мальчику; летом не проходило дня, чтобы он не посидел здесь на камне под липой. Тут же он съедал кусочек хлеба, который ему по утрам давали с собой, а из маленького родника, протекавшего неподалеку, утолял жажду. С другими подпасками, любившими побегать и пошалить, Пяртель не дружил.

А люди дивились тому, что нигде в окрестностях не было такой сочной травы, как между камнем и родничком. Каждый день стадо маленького Пяртеля паслось на этой лужайке, а на другое утро трава здесь опять стояла такая, точно это был некошенный луг, а не выгон.

Если Пяртелю случалось в жаркий день вздремнуть на камне, он всегда видел чудесные сны; даже проснувшись, он еще слышал приятные звуки волынки, пение и с открытыми глазами продолжал видеть

сон. Камень под липой стал ему дорог, как друг. По вечерам мальчик расставался с ним неохотно, а утром с радостью возвращался к любимому месту.

Когда Пяртелю исполнилось пятнадцать лет, пришлось ему уйти из пастушков. Хозяин нанял его батраком, но никогда не заставлял делать тяжелую работу, которая была бы мальчику не под силу. По воскресным дням и в теплые летние вечера, когда деревенские парни и девушки шумно веселились, Пяртель не шел к ним, а, погруженный в свои думы, уходил на выгон, под старую липу, и оставался там иной раз до полуночи.

В один из воскресных вечеров он снова сидел на камне, играя на губной гармонике. Вдруг из-под камня выползла молочно-белая змея, подняла голову, будто прислушиваясь к музыке, и поглядела на Пяртеля острыми глазками, сверкавшими как огненные искры. Потом это повторялось часто, и Пяртель, как только выдавалась свободная минута, спешил к камню, чтобы снова увидеть красивую белую змею. А змея так к нему привыкла, что не раз обвивалась вокруг ног мальчика.

Пяртель стал уже взрослым юношей. Родители его умерли, а братья и сестры жили далеко, виделись с братом редко да и мало что знали друг о друге. Дороже братьев и сестер стала для юноши белая змея. Днем он постоянно думал о ней, а ночью почти всегда видел ее во сне. Поэтому зимой, когда выпал снег и землю сковал мороз, он сильно скучал. Когда же весеннее солнце растопило сугробы и отогрело землю, Пяртель поспешил к своей липе, хотя на ветвях ее не было еще ни одного листочка.

И — о радость! — как только он принялся изливать свою тоску игрой на гармонике, белая змея выползла из-под камня и стала играть у его ног. Но Пяртелю показалось, будто по ее щекам скатились слезы, и это его опечалило.

Теперь он стал ходить к камню, не пропуская ни одного вечера, и змея становилась все смелее и доверчивее, иногда позволяла даже себя погладить. Но чуть только Пяртель попытался ее поймать, как она быстро выскользнула у него из рук и скрылась под камнем.

В канун Иванова дня, когда все деревенские от мала до велика отправились к кострам, Пяртель не посмел отстать от других, хотя сердце и влекло его в совсем другую сторону. Однако в самый разгар гулянья, когда кругом пели, плясали и веселились, он потихоньку отделился от остальных и быстрым шагом направился к липе; это было единственное место, где его сердце могло найти покой.

Приближаясь к липе, он заметил, как возле камня вспыхнул яркий огонек. Это его поразило: он знал, что в этот час людей там быть не

могло. Но когда он подошел к дереву, огонек потух, и ни золы, ни угольков нигде не осталось. Он опустился на камень и стал, как обычно, играть на губной гармонике.

Вдруг из-под камня опять блеснул яркий свет — это светились глаза белой змеи. Змея выползла, стала играть у ног Пяртеля, позволила себя погладить и все время пристально смотрела ему в глаза, точно хотела что-то сказать.

Незадолго до полуночи змея ускользнула в свою норку, под камень, и больше не явилась на звук Пяртелевой гармоники. Но когда он, спрятав гармонiku в карман, собрался уйти, листья липы странно зашелестели на ветру и шелест их зазвучал в ушах юноши как человеческий голос. Пяртелю показалось, будто он слышит слова:

Не разбей яичко счастья,
У него хрупка скорлупка!
Горе твердо и жестоко.
Торопись настичь счастье!

Тут на Пяртеля напала страшная тоска, сердце у него словно разрывалось. О чем он тосковал, он и сам не знал. Крупные слезы полились у него из глаз, и он вздохнул: «Чем поможет горемыке волшебное яичко! Нет ему счастья на земле! Я уже с детства чувствую, что мне с другими людьми не по себе: они меня не понимают, и я их не могу понять. То, что их радует, меня печалит. А что может мне принести радость, я и сам не знаю, — тем более другие. Моими крестными были богатство и нищета, поэтому, наверное, мне никогда и не стать таким, как все остальные люди».

Вдруг вокруг него вспыхнул такой ослепительный свет, точно старую липу и камень озарило яркое солнце. Пяртель зажмурился и несколько минут не мог открыть глаз, потом стал понемножку приподнимать веки, пока глаза не привыкли к свету. Рядом с ним на камне стояла женщина необычайной красоты, в белоснежном платье, словно ангел, сошедший с небес. Из уст ее послышался голос, звучащий прекраснее соловьиного пения.

Она говорила:

— Милый юноша, не бойся, выслушай мольбу несчастной девушки! Я обречена томиться в неволе, и если ты надо мной не сжалишься, у меня не останется никакой надежды на спасение. О, милый юноша, пожалей меня, не отталкивай! Я — дочь могущественного восточного короля, обладаю неисчислимыми сокровищами, но богатство не может меня спасти: я силой колдовства превращена в змею и живу здесь под камнем уже несколько сотен лет, не старея. И хотя я никогда ни одному живому существу не причинила зла, все бегут прочь, как только зави-

дят меня. Только ты один позволил мне приблизиться к себе, я могла играть у твоих ног, и твоя рука не раз ласково гладила меня. Поэтому в сердце моем родилась надежда, что ты мог бы стать моим избавителем. Твое сердце чисто, как сердце ребенка, в нем нет ни лжи, ни обмана. Кроме того, в твоих руках все, что нужно для моего спасения, твоими крестными были знатная женщина и нищий, и на крестины тебе подарили яичко счастья. Только один раз в двадцать пять лет, в канун Иванова дня, я могу на один лишь час появиться на земле в облике человека. И если юноша с непорочной душой, обладающий теми необычайными дарами, о которых я говорила, примет к сердцу мою мольбу, я смогу освободиться из своего долгого заточения. Освободи же меня, избавь от томительного плена, молю тебя именем ангелов небесных!

С этими словами девушка упала перед Пяртелем на колени, обняла его ноги и горько зарыдала.

Пяrtleль был глубоко тронут, услышав и увидев все это. Он попросил девушку подняться и рассказать ему, как можно было бы ее освободить.

— Я готов броситься в огонь и воду, — говорил он, — если это принесет тебе освобождение! И будь у меня хоть десять жизней — я все их отдал бы ради твоего спасения! Какая-то неизъяснимая тоска не дает мне покоя, но чего я жажду, я и сам не знаю.

Девушка сказала:

— Приходи сюда завтра на закате солнца. И когда я снова явлюсь тебе в обличье белой змеи, обовьюсь вокруг твоего стана, как пояс, и три раза тебя поцелую, — не пугайся и не дрожи от страха, иначе мне придется еще много веков оставаться пленницей злых чар.

Сказав это, девушка скрылась, а в шелесте липы юноше опять послышались слова:

Не разбей яичко счастья,
У него хрупка скорлупка!
Горе твердо и жестоко.
Торопись настичь счастье!

Пяrtleль, придя домой, лег спать только перед рассветом, но странные сны, то светлые, то страшные, не дали ему отдохнуть. Он с криком вскочил с постели, так как ему почудилось, будто белая змея обвиняется вокруг него и не дает дышать.

Юноша не придавал значения зловещим снам и был по-прежнему готов освободить королеву от колдовских чар, пусть даже ценой своей жизни. И все же, час от часу, чем ниже солнце клонилось к закату, тем тяжелее становилось у Пяrtleля на сердце. В назначенное время он

пришел к камню, сел под липой и со вздохом поднял глаза к небу. Он молил ниспослать ему смелости и силы, чтобы он смог сдержать дрожь, когда змея обовьется вокруг него и будет его целовать. Вдруг он вспомнил о своем яичке счастья. Он вытащил коробочку из кармана, размотал тряпочку и взял в руку яичко, оказавшееся не больше яйца лесной малиновки. Но в тот же миг белоснежная змея выскользнула из-под камня, обвилась вокруг него и подняла голову, чтобы его поцеловать. Тут юноша — он и сам не знал, как это случилось, — сунул яичко счастья змее в пасть. Сердце у него, правда, замерло, но он не задрожал, когда змея его трижды поцеловала. Блеснул ослепительный свет, будто молния ударила в камень, и от тяжкого грохота содрогнулась вся земля. Пяrtleль упал замертво и не видел, что с ним и вокруг него происходило. А в это страшное мгновение разорвались колдовские путы и королева избавилась от томительной долгой неволи.

Когда Пяrtleль очнулся от тяжелого забытья, оказалось, что он лежит на мягких шелковых подушках в роскошно убранной стеклянной комнате небесно-голубого цвета. Прекрасная девушка стояла на коленях у его кровати и гладила его щеки. Увидев, что Пяrtleль открыл глаза, девушка воскликнула:

— Благодаренье отцу небесному, услышавшему мои мольбы! И тысячу раз благодарю тебя, милый юноша, — ты избавил меня от вечных мучений! Возьми себе в награду мое королевство, этот роскошный дворец со всеми сокровищами и, если хочешь, возьми и меня в жены. Отныне ты будешь жить здесь счастливо, как и подобает обладателю яичка счастья. Доныне ты жил так, как твой крестный отец, но теперь будешь жить еще богаче, чем твоя крестная мать.

Никто не в силах был бы описать радость Пяrtleля. Без следа исчезла непонятная тоска, которая не давала ему покоя и гнала его к камню под липой. Он прожил до конца своих дней, словно удалившись от мира, вкушая полное счастье с любимой супругой.

А в деревне и в крестьянской усадьбе, где он раньше работал и где его любили за кроткий нрав, люди были сильно встревожены его исчезновением. Они все вместе пошли его разыскивать и прежде всего направились к липе: каждый знал, что Пяrtleль чаще всего бывает здесь, да и накануне вечером видели, как он пошел сюда. Но велико было изумление людей, когда они не нашли здесь ни юноши, ни липы, ни камня, а ручеек, протекавший поблизости, оказался высохшим; так их больше никогда никто и не видел.

НЕРАЗМЕННЫЙ РУБЛЬ

зажиточного крестьянина было три сына. Двое старших были людьми толковыми и искусными в любой работе, третий же, младший, уже с детских лет слыл придурковатым: ни с каким делом он не мог как следует справиться. Перед смертью отец дал сыновьям такое наставление:

— Дни мои, как я чувствую, клонятся к закату, и когда я отойду в иной мир, вы, старшие мои сыновья, разделите

между собой поровну все имущество; если желаете, разделите пополам и землю. А если только один из вас захочет здесь хозяйничать, пусть выплатит другому половину стоимости нашей земли. Ты же, Пезтер, мой младший сынок, не годишься ни в хозяева, ни в работники, поэтому надо тебе отправляться искать счастья по белу свету. Твоя крестная мать подарила тебе в день крестин старую рублевую монету. Она назвала эту монету неразменным рублем и велела отдать ее тебе, когда ты будешь покидать родительский дом. Крестная сказала так: «Пока у моего крестника будет в кармане эта заветная монета, он не будет знать никаких забот — счастлиwickа не может коснуться ни горе, ни нужда». Возьми же себе в наследство подарок крестной и постарайся прожить с его помощью.

На другой день отец скончался. Сыновья закрыли ему глаза и похоронили его. Старшие братья еще не были женаты, поэтому остались вместе хозяйничать в отцовском доме. Младшему же брату они дали сумку с едой, которой хватило бы на неделю, и сказали:

— Иди, ищи себе счастья!

Пезтер, посвистывая, вышел из ворот и направился на восток, думая при этом: «Солнышко, всходя по утрам, будет указывать мне, куда идти, так что с пути я не сойбьюсь».

Пока в сумке были припасы, юноша беззаботно шагал по дороге, распевая песни и насвистывая и все больше удаляясь от родного дома. Через несколько дней он, поев, увидел, что сумка его пуста. Но так как он был сыт, то несколько этим не огорчился. На другое утро, проснувшись, он потянулся к мешку, но там было так же пусто, как у парня в животе. Уныло прошагав несколько верст, он присел отдохнуть и стал раздумывать, как бы раздобыть еды. Правда, рубль лежал у него в кармане нетронутый, но как это могло помочь здесь, в безлюдном месте, где не у кого было купить хлеба. Путник растянулся на траве и положил голову на камень, надеясь, что, может быть, во сне его осенит удачная мысль.

Проснувшись, он увидел, что рядом с ним сидит незнакомый старик с длинной белой бородой и с одним глазом. Этот единственный глаз сверкал у него посередине лба, над носом, а там, где у людей находятся глаза, у старика торчали две большие бородавки, похожие на рожки барана. Три черные собаки, одна больше другой, лежали у его ног.

Старик пристально посмотрел своим единственным глазом на Пезтера и спросил:

— Земляк, не хочешь ли купить у меня собак? Я тебе продам их дешево.

— Мне и самому есть нечего, — ответил Пезтер, — чем же я буду кормить собак?

Старик, улыбнувшись, промолвил:

— Ну, это пусть тебя не тревожит. Мои собаки у тебя есть не попросят, они еще и тебя прокормят.

— Так это охотничьи собаки? — спросил Пезтер. — Они ловят в лесу всякую дичь и несут хозяину?

— Нет, мои собаки лучше любых охотничьих, — ответил старик. — А если ты не хочешь покупать кота в мешке, я сейчас покажу тебе, какую пользу они приносят своему хозяину.

Он прикоснулся пальцем к голове меньшей из собак и крикнул:

— Беги-неси-есть!

Собака вскочила, помчалась с быстротой ветра и мгновенно скрылась из глаз. Не прошло и получаса, как она вернулась с корзинкой в зубах. Велика была радость Пезтера, когда он увидел, что корзинка наполнена самой вкусной едой: здесь была свинина, свежая рыба, колбаса и лепешки. Парень наелся до отвала.

Старик промолвил:

— Все, что у тебя останется из еды, ты должен отдать собакам: корзинку надо очистить так, чтобы в ней ни крошки не осталось.

Пеэтеру было жаль бросать кушанья собакам, но он не посмел послушаться старика, который помог ему утолить голод.

— Эту маленькую собаку я, пожалуй, купил бы, — сказал Пеэтер нерешительно, — будь у меня побольше денег. Но кроме одной рублевой монеты, у меня за душой ничего нет. Если ты согласен продать собаку за эту цену, тогда ударим по рукам!

Старик согласился, но сказал:

— Этих собак нельзя продавать поодиночке в разные руки, не то случится беда и с хозяевами собак, и с ними самими. Но раз у тебя нет больше денег, я за этот рубль готов продать тебе меньшую собаку, а в придачу подарю тебе и остальных. Думаю, ты будешь доволен покупкой. Как ты уже слышал, первую собаку зовут «Беги-неси-есть», среднюю — «Растерзай», а самую большую — «Ломай-железо». Если с тобой неожиданно что случится и понадобится помощь собак, кликни именно ту, которая тебе будет нужна, и твое желание исполнится. Эта, что поменьше, будет каждый день тебя кормить, а две другие защитят от врагов.

И старик крикнул собакам:

— Вот ваш новый хозяин!

Собаки завиляли хвостами и стали лизать Пеэтеру руку, словно хотели показать, что поняли приказ.

Прощаясь, старик прикоснулся ко лбу Пеэтера пальцем, и юноша точно молния пронизала насквозь. В тот же миг старик исчез: растаял ли он в воздухе или рассыпался в прах, этого Пеэтер не мог бы объяснить. Пеэтер сказал про себя: «До этого дня я жил словно в густом тумане, а теперь вышел на яркий свет!» Собаки зорко глядели ему в глаза и виляли хвостами, словно хотели сказать: да, ты прав!

Юноша еще долго думал об удивительном происшествии, потом встал и двинулся дальше. Вечером, случайно сунув руку в карман, Пеэтер нашел там свою рублевую монету. Он никак не мог понять, как она туда попала: он ясно помнил, что отдал рубль старику в уплату за собаку и тот у него на глазах опустил монету себе в карман. Как же она могла вернуться обратно?

Вечером «Беги-неси-есть» по его приказу притащила полную корзину еды, так что хватило с избытком и хозяину и собакам; то же самое произошло и на следующее утро. Но удивительная история с рублевой монетой не выходила у Пеэтера из головы, и он решил сегодня же сделать еще одну пробу. У повстречавшегося ему крестьянина он обменял свой кафтан на лучший и отдал мужичку в придачу свой рубль. Пройдя версту, он опять нашел монету у себя в кармане!

Теперь Пеэтер понял, каким свойством обладал неразменный рубль:

отданный при покупке, он всегда возвращался к своему хозяину. Пезтер стал каждый день покупать себе одежду и другие необходимые вещи или же просто разные пустяки, как делают богатые люди, но подарок крестной всегда оставался у него в кармане. Каким образом рубль из чужих рук возвращался к нему, Пезтер не знал. Он думал с радостью: «Я могу, если захочу, обойти весь свет — нигде у меня не будет недостатка ни в пище, ни в деньгах».

Скитаясь с места на место, Пезтер попал однажды в дремучий лес. Почуввав что-то недоброе, собаки подняли морды и так поглядели на хозяина, точно хотели сказать: здесь дело неладно, будь осторожен! Пезтер все же пошел дальше. Он видел, что собаки становятся все беспокойнее, но ничего особенного вокруг не замечал.

Вдруг до него издали донесся грохот колес, будто тяжелый воз медленно катился по булыжнику. Грохот все приближался, и наконец из-за деревьев показалась карета с четверкой вороных коней. Можно было подумать, что в ней везут покойника: карета была покрыта черным и кучер одет во все черное. У лошадей головы и уши были опущены, как будто и лошади чувствовали скорбь.

Заглянув через окошко в карету, Пезтер увидел красивую молодую женщину в черном платье. Она горько плакала, утирая слезы тонким белым платочком.

Пезтер спросил кучера, что все это значит, но ответа не получил. Тогда Пезтер крикнул грозно:

— Негодяй! Останови лошадей и отвечай! Не то я сам открою тебе рот, чтоб ты научился разговаривать с людьми!

Кучер поглядел на Пезтера и его больших собак и решил, что тут шутки плохи. Остановив лошадей, он стал рассказывать. В этом лесу, говорил он, живет страшный зверь — наполовину медведь, наполовину птица; чудовище одинаково хорошо умеет и бегать по земле, и летать по воздуху. Оно пожирает по всему королевству людей и животных и давно уничтожило бы все живое в стране, если бы ему каждый год не приносили в жертву невинную девушку, которую зверь в одно мгновение проглатывает целиком. Ежегодно по приказу короля со всей страны собираются шестнадцатилетние девушки и жребий решает, кто из них будет принесен в жертву. В этом году роковой жребий пал на единственную дочь короля, которую теперь и везут чудовищу на съедение. И хотя король и все его подданные глубоко скорбят об этом, тут ничем не можешь: в жертву должна быть принесена именно та девушка, на которую пал жребий, кто бы она ни была — богачка или нищая, знатного рода или низкого звания.

Тяжело стало на сердце у Пезтера, когда он услышал рассказ кучера

и увидел, как убита горем несчастная королева. Он тут же решил проводить девушку в ее последний путь. Карета медленно двинулась дальше, а Пеэтер со своими собаками пошел за ней следом.

Когда они достигли подножия высокой горы, окруженной лесом, кучер остановил лошадей и попросил королеву выйти из кареты: здесь была граница, отделявшая жизнь от смерти. Без единого слова, точно овечка, вышла королева из кареты и стала подниматься на гору. Пеэтер хотел последовать за ней, но кучер закричал:

— Эй, земляк, брось дурачиться! Хоть ты и погибнешь здесь так же, как и девушка, но делу этим не поможешь!

На это Пеэтер возразил:

— Это дело мое, тебя оно не касается! — и твердым шагом направился вслед за девушкой. Королева сквозь слезы с благодарностью взглянула на него, а черные собаки одобрительно завилияли хвостами, словно хотели сказать: вот это смелый поступок!

Не успели они подняться и на одну треть высоты горы, как раздался шум и гром, словно приближалась сильная гроза. С вершины горы бежал по склону вниз ужасный зверь с туловищем медведя, но по размерам больше самой крупной лошади; вместо шерсти его тело покрывала чешуя, на голове было два кривых рога, а на спине два длинных крыла. Из пасти страшного зверя торчали огромные зубы в пол-аршина длиною, похожие на кабаньи клыки, на лапах — длинные острые когти. Не добежав до королевы нескольких десятков шагов, страшный хищник высунул длинный язык, собираясь, как змея, ужалить девушку, прежде чем ее проглотить.

Но в то же мгновение Пеэтер смело крикнул:

— «Растерзай»!

Услышав человеческий голос, чудовище яростно сверкнуло глазами, а из пасти его повалил пар, точно в бане, когда на горячие камни плеснут водой. Но черная собака, выполняя приказ хозяина, с быстротой молнии набросилась на зверя и вступила с ним в борьбу. Ловко увернувшись от страшных когтей и клыков хищника, собака скользнула между его ног, впилась зубами ему в брюхо и терзала его до тех пор, пока не вывалились внутренности, а клыки собаки не вонзились в самое сердце чудовища. Зверь грохнулся наземь, так что гора задрожала, и вскоре испустил дух. Собака же, несмотря на то, что была раз в десять меньше зверя, съела его целиком, со шкурой и костями, так что осталась только пара рогов да четыре длинных клыка, которые Пеэтер подобрал и сунул в свой мешок.

После этого он поспешил на помощь королеве, которая от испуга лишилась чувств. Пеэтер принес в своей шляпе воды из родника и до

тех пор смачивал лоб и щеки девушки, пока та не пришла в себя. Как ней произошло. Но увидев, что страшный зверь исчез и ей больше не будто очнувшись от сна, девушка сначала не могла припомнить, что с грозит смертельная опасность, она упала на колени перед своим избавителем и со слезами радости на глазах благодарила его.

Затем королевна попросила юношу сесть с ней в карету и отправиться к ее отцу, чтобы получить заслуженную награду, по-королевски щедрую. Но Пезтер поблагодарил за ласковое приглашение и ответил:

— Я еще молод и неопытен, поэтому сейчас не осмеливаюсь предстать пред королевские очи. Я хочу постранствовать, поглядеть на белый свет, а через три года, если буду жив и здоров, вернусь опять сюда.

Так они и расстались. Королевна села в карету и поехала обратно во дворец, Пезтер же продолжал свой путь в далекие чужие края.

Между тем кучеру пришла на ум недобрая мысль. Услышав, о чем говорила королевна с Пезтером, он решил выдать себя за ее спасителя и получить богатую награду. Когда они въехали в густой лес, где близ дороги за крутым обрывом зияла глубокая пропасть, кучер остановил лошадей, слез с козел и сказал королевской дочери:

— Ваш избавитель ушел своей дорогой, вряд ли он когда-нибудь вернется и станет требовать от вас и вашего отца награды за труд. Я считаю, что вы должны выдать эту награду мне: ведь это я надоумил парня помочь вам, иначе он и не пошел бы за вами следом. Когда мы прибудем домой, скажите вашему отцу, что это я спас вас и убил адского зверя. Тогда награда будет выплачена мне.

Но королевская дочь ответила:

— Это была бы явная ложь! Будет тяжкой несправедливостью, если человек, заслуживший награду, лишится ее и вознаграждение дадут тому, кто ничего не сделал. Боже меня спаси от такого греха!

Кучер нахмурился и крикнул злобно:

— Ну что же, будь по-вашему! Но живой вы из моих рук не уйдете. Готовьтесь к смерти!

Королевна упала перед ним на колени и стала умолять о пощаде. Но каменное сердце злодея не смягчилось. Он сказал грубо:

— Выбирайте одно из двух — что вы сочтете лучшим: либо вы скажете отцу, что это я убил чудовище, либо, если вы не хотите лгать, я сброшу вас в пропасть и там ваш язык навсегда онемеет! А дома скажу, что страшилище вас проглотило, как и многих других девушек, и с делом будет покончено.

Королевна увидела, что у нее не останется никакой надежды на спасение, если она будет противиться злодею, и обещала солгать отцу,

как кучер ее научил. Он еще и заставил ее подтвердить клятвой, что она выдаст ложь за правду и ни одной живой душе ни единым словом не обмолвится о том, что здесь сегодня произошло.

Отупев от отчаяния и страха, королевна подчинилась воле негодяя. Но чем ближе подъезжала она к дому, тем тяжелее становилось у нее на сердце. И все же она не смогла нарушить клятву и вынуждена была назвать кучера своим избавителем.

Неописуемо велика была радость короля и всего народа, когда оплакиваемая ими девушка вернулась живая и невредимая и принесла весть о том, что чудовище уничтожено и никому больше не грозит опасность. Люди сбросили траурные одежды и нарядились в праздничное платье. Король со слезами обнимал свою дочь и долго от радости не мог вымолвить ни слова. Когда же язык снова стал ему повиноваться, он поблагодарил спасителя дочери, протянул ему руку и сказал:

— Честь и хвала тебе, отважный человек! Ты не только спас от смерти мое единственное дитя, но и избавил всю страну от злейшего врага. За это великое благодеяние я уплачу тебе награду, а кроме того, отдам тебе самое драгоценное мое сокровище: ты должен стать мужем моей дочери и моим зятем. Но так как моя дочь еще слишком молода, свадьбу мы сыграем только через год.

Кучера немедленно нарядили в богатое платье и назначили королевским придворным. Он стал жить в почете и роскоши и даже забыл о том времени, когда был простым слугой.

Королевна же страшно испугалась, когда узнала, что отец обещал ее отдать мнимому спасителю в награду. Она грустила и часто плакала втайне, когда никто не видел ее слез. Связанная тяжелой клятвой, она никому не могла рассказать правду о своем спасении, а тем более открыть то, что день и ночь мучило ее душу: что она не сможет выйти замуж за своего доброго избавителя.

Когда прошел год, она попросила у отца разрешения отложить свадьбу еще на год. Жених был недоволен, но так как король исполнил просьбу дочери, тот вынужден был согласиться. Но когда второй год подходил к концу и дочь опять явилась к королю с просьбой отложить свадьбу, король загорелся гневом.

— Ты — неблагодарное существо! — воскликнул он. — Почему ты не хочешь выйти замуж за храбреца, который спас тебя из пасти злого чудовища и избавил все мое королевство от тяжкого бича!

Дочь побледнела как смерть и упала к его ногам. Она смогла только сказать:

— О, как я жалею, что чудовище два года назад меня не проглотило!

Эти слова, полные горькой жалобы, пронзили сердце отца, как раскаленные стрелы. Он поднял дочь, посадил ее к себе на колени и сказал:

— Дорогое дитя, я исполняю твою просьбу в последний раз. Но через год никакие силы не избавят тебя от замужества, потому что я своим королевским словом обещал тебя в супруги твоему спасителю.

Дочь поблагодарила отца за новую милость. Она все еще надеялась, что милый юноша, который вырвал ее из когтей смерти, выполнит свое обещание возвратиться через три года.

Но и третий год подошел к концу куда скорее, чем она ожидала и надеялась, а о приезде юноши ничего не было слышно. Королевна знала, что просить отца о новой отсрочке нельзя, поэтому с тревогой смотрела на приготовления к свадьбе, плакала втихомолку и просила помощи у бога.

В ночь перед свадьбой ей приснился одноглазый старик с седой бородой. Он утешал ее и говорил:

— Будь мужественной, не бойся ничего! Несправедливость не укроется от очей высшего существа, даже если людям она останется неизвестной.

Проснувшись, королевна почувствовала в своей душе новую силу и надежду.

И вот случилось так, что в тот самый день, когда в королевском дворце праздновали свадьбу и весь город ликовал, в городские ворота вошел какой-то неизвестный юноша с тремя черными собаками. Он спросил, почему народ так радуется и веселится, и ему ответили, что сегодня королевская дочь выходит замуж за того смельчака, который три года назад вырвал ее из пасти страшного зверя.

Пришелец спросил:

— Скажите мне, где же этот человек?

— Где же ему быть, как не в королевском дворце? — ответили юноше. — Ведь жених всегда сидит рядом с невестой.

Тогда юноша крикнул гневно:

— Пустите меня к королю, я докажу ему, что он выдает свою дочь за бессовестного обманщика! Пустите меня к королю!

Стража, стоявшая у королевского дворца, сочла его безумным. Юношу схватили, заковали в кандалы по рукам и по ногам и бросили в тюремную башню с железной дверью, чтобы помешанный не омрачал праздничного веселья.

Пеэтер понял, что взялся за дело необдуманно, и стал раскаиваться в своей горячности. Ведь пока он будет томиться в заточении, королевна станет женой другого. Тут он услышал за стеной царпанье и

собачий визг. «Мои верные собаки, — подумал он, — стараются обратиться ко мне. Не удастся ли мне с их помощью спастись?»

К счастью, ему пришло в голову позвать третью собаку. И в то же мгновение, как он крикнул: «Ломай-железо!» — самая большая его собака уперлась лапами в решетку окна и железные прутья развалились, как сухой хворост. Собака прыгнула к Пезтеру, перекусила цепи на его ногах и руках, словно это были нити из пакли, и выскочила в окно. а Пезтер — следом за ней.

Спасшись из темницы, он стал думать, что же предпринять дальше, чтобы королевская дочь не досталась обманщику. Почувствовав голод, он крикнул первой собаке: «Беги-неси-есть!» Собака умчалась с быстротой ветра и вскоре вернулась с корзинкой в зубах. Кушанья, наполнявшие корзинку, были покрыты тонким белым платочком, а в уголке платочка завязан золотой перстенок. На перстне Пезтер увидел имя королевны, и это вселило в него новую надежду.

А с платочком и перстнем дело было так. Король пировал со своими знатными гостями за праздничным столом; справа от короля сидела его дочь, а слева — жених, бывший кучер, которому предстояло стать зятем короля. Вдруг вбегают черная собака с пустой корзиной в зубах, устремляется прямо к королевне, смотрит просящими глазами на девушку и лижет ей руку, словно хочет сказать: положите мне что-нибудь в корзинку!

У королевны руки задрожали от радости: она тотчас же узнала эту красивую собаку, принадлежащую ее избавителю. Королевна взяла со стола мяса и рыбы, несколько кусков сладкого пирожного и уложила все это в корзину. Кроме того, сняла с пальца обручальное кольцо, завязала его в уголок платка и покрыла этим платочком корзину.

Собака тотчас же убежала. Королевна шепнула отцу несколько слов на ухо, после чего король встал, взял дочь за руку и удалился с ней в другую комнату. Немного погодя туда пригласили пастора.

Король спросил пастора, обязан ли человек сдержать клятву, которую он дал под угрозой смерти, чтобы спастись от руки убийцы? Пастор ответил:

— Клятва, которую человек дал против своей воли, повинувшись насилью, не имеет никакой цены перед лицом закона божеского и человеческого. Такая клятва ровно ничего не значит.

Тогда королевна открыла свою тайну и рассказала все, что с ней произошло в лесу три года назад. Король тут же приказал слугам отправиться по следам собаки, найти ее хозяина и привести его во дворец.

Вскоре человек этот был разыскан и вместе с тремя собаками при-

веден к королю. Королева сразу же узнала в нем своего спасителя, бросилась ему на шею и воскликнула:

— Сегодня вы еще раз спасаете меня от злого зверя! Тысячу раз благодарю вас за это благодеяние!

Затем король вернулся с дочерью к гостям, а Пеэтеру велел подождать в другой комнате, пока его не пригласят.

За столом король спросил: какого наказания заслуживает человек, который утаивает отважный поступок другого и присваивает себе награду, заслуженную другим?

Бывший кучер подумал: «А ну-ка, покажу, какой я мудрый судья!» И ответил на вопрос короля:

— Самое справедливое наказание такому преступнику — привязать ему на шею мельничный жернов и утопить злодея в морской пучине!

— Очень хорошо, именно такой приговор и должен быть ему вынесен! — ответил король и приказал позвать незнакомого юношу.

Увидев Пеэтера с его тремя черными собаками, кучер побледнел как стена, упал перед королем на колени и стал умолять о пощаде.

— Ты, низкий человек, — сказал король, — сам изрек себе приговор и должен понести такое наказание, о каком ты сейчас говорил. Но чтобы из-за тебя не омрачалось наше празднество, ты будешь сидеть в темнице, пока не кончатся свадебные торжества.

Кучера немедленно увели, заковали и цепи и заточили в темницу.

Пеэтер вынул из мешка доказательства своего подвига — рога и клыки страшного чудовища, и радостные крики вырвались из уст гостей. Король усадил Пеэтера рядом с собой в кресло, где раньше сидел кучер, и приказал в тот же вечер обвенчать молодую пару.

Через четыре недели, когда празднества закончились, кучер понес заслуженное наказание, к которому он сам себя приговорил.

Однажды, явившись к королю, Пеэтер стал говорить о том, что хотя ему, простому крестьянину, и посчастливилось неожиданно достигнуть высокого положения, но у него остались дома еще двое братьев; Пеэтер попросил у короля позволения взять их к себе, чтобы не только ему одному пользоваться богатством и роскошью, но чтобы и его братьям жилось легче. Король согласился и тотчас же послал гонца за старшими братьями своего зятя.

В тот день, когда старшие братья прибыли и Пеэтер их ласково встретил, самая большая черная собака заговорила человеческим языком:

— Теперь, — сказала она, — наша служба кончилась. Мы были обязаны оставаться у тебя до тех пор, пока не увидим, вспомнишь ли ты теперь, живя счастливо, о своих родных братьях. Слава богу! Ты, как и подобает человеку благородному, во всем исполнил свой долг!

И собаки вдруг превратились в лебедей, а те расправили могучие крылья и улетели. Куда — этого до сих пор никто сказать не может.

Пеэтер, как зять короля, жил в почете и роскоши и помогал своим братьям, которые со временем стали зажиточными людьми. Неразменный рубль он подарил на крестины первенцу своего старшего брата, сказав при этом:

— Когда мальчик вырастет и задумает покинуть отчий дом, дайте ему с собой в дорогу этот подарок. Он поможет юноше найти свое счастье, как помог когда-то и мне.

ХРАБРЫЙ ГУМЕНЩИК

ил-был на свете гуменщик*, такой храбрый, что подобного ему не сыскать было на всем свете. Даже старый холостяк, говорят, однажды похвалил его, сказав, что еще не встречал такого смельчака. По вечерам, когда молотильщики, кончив работу, уходили и гуменщик оставался в овине один, старик частенько заглядывал к нему. Они коротали время за приятной беседой, и им никогда не бывало скучно.

Старый холостяк думал, что гуменщик его не узнает и принимает за простого мужика. Однако гуменщик отлично знал, с кем имеет дело. Об этом он гостю не говорил, но втайне подумывал, как бы подшутить над нечистым или же извлечь из него выгоду для себя.

Однажды вечером старик стал жаловаться на свою холостяцкую долю: нет, мол, никого, кто бы ему заштопал дыру в чулке или рукавице. На это гуменщик сказал:

— Что же ты, братец, никого себе не посватаешь?

— Да я пробовал уже, и не раз, — ответил старик, — но беда в том, что девушки не хотят идти за меня. Чем они моложе и красивее, тем злее меня высмеивают.

Тогда гуменщик посоветовал ему свататься к старым девам или вдовушкам — те более кроткого нрава и не так разборчивы.

Через несколько недель старый холостяк высватал себе какую-то девицу в летах. Однако вскоре явился к гуменщику и снова принялся жаловаться на свою беду: молодуха, мол, попалась презлющая, изводит его, нет ему покоя ни днем ни ночью.

— Какой же ты мужчина, — засмеялся гуменщик, — если пляшешь под дудку жены! Раз уже взял себе жену, надо ее прибрать к рукам хорошенько.

* Гуменщиком, или овинщиком, называли на помещичьих мызах работника, который топил овин и сушил обмолоченный хлеб. (Прим. перев.)

Старик ответил на это:

— Не могу я с ней справиться. Ну ее совсем, ноги моей больше не будет в ее доме.

Гуменщик всячески старался его утешить и советовал еще раз попытаться счастья. Однако старик сказал, что с него и одной пробы достаточно и что он больше не намерен подставлять свою шею под ярмо.

Примерно через год, осенью, когда началась молотья, старый знакомый снова явился к гуменщику. Тот сразу же заметил, что у старика что-то есть на душе, но не стал его расспрашивать, а решил подождать, пока тот сам не заговорит.

И в самом деле, старик вскоре принялся рассказывать о своих злоключениях. Летом он познакомился с молодой вдовушкой, она показалась ему кроткой как голубь, поэтому у него снова явилась мысль о сватовстве. Он и женился на голубке, а теперь оказывается — он взял к себе в дом ястреба, который так и норовит выклевать ему глаза; старик благодарил судьбу, что вырвался из его когтей.

Гуменщик сказал:

— Я вижу, из тебя женатый человек никогда не получится: душа у тебя заячья, не умеешь ты жену в руки взять.

Старику пришлось с этим согласиться. Они еще немного потолковали о сватовстве и женитьбе, потом старик сказал:

— Раз ты и впрямь такой смельчак, что сумел бы и злую ведьму превратить в кроткую овечку, я посоветую тебе взяться за одно дельце; если оно тебе удастся, ты за свою храбрость получишь куда большую награду, чем укрощая свирепых ведьм. Ты видел на горе развалины старого замка? Там с давних времен скрыт огромный клад; его никогда не касалась рука человеческая, потому что не нашлось еще такого храбреца.

Гуменщик произнес со смехом:

— Ну, если для этого дела ничего, кроме храбрости, не нужно, то я могу считать, что сокровища уже у меня в кармане.

Тогда старик научил гуменщика, как ему в следующий четверг вечером, в полнолуние, пойти к развалинам и завладеть кладом. Затем старик добавил:

— Смотри только не поддавайся страху: если сердце у тебя замрет или хоть самая малая жилочка задрожит от страха, ты не только сокровище потеряешь, но можешь и жизни лишиться. Так уже было со многими, кто хотел там попытаться счастья. Если не веришь мне, зайди на любой хутор, пусть тебе люди расскажут, что они слышали про разва-

лины замка или же видели своими глазами. Повторяю еще раз: коли тебе жизнь дорога и ты хочешь добыть клад — берегись, не поддавайся страху!

В четверг гуменщик с утра отправился в путь-дорогу. Хотя он и не испытывал ни малейшего страха, но все же завернул в деревенскую корчму, надеясь, что там встретит людей, которые ему расскажут о старых развалинах. Он спросил корчмаря — что это за старые стены видны там на горе и не слышно ли в народе рассказов о том, кто их воздвиг и кто потом разрушил.

Тут старый крестьянин, который слышал вопрос гуменщика, рассказал вот что:

— Идет в народе молва, будто жил там несколько веков назад богатый-пребогатый помещик, и держал он под своей властью обширные волости и множество крестьян. Правил барин палкой да розгами, жестоко истязал людей и их потом и кровью накопил несметные богатства. Золото и серебро целыми возами свозили отовсюду в замок, а там прятали добро в глубокие подвалы, чтоб его не коснулась рука вора или разбойника.

Как умер жестокий богач — так никто никогда и не узнал. Однажды утром слуги увидели, что постель его стоит пустая, на полу блестят три капли крови, а в изголовье постели сидит большая черная кошка, которой никто ни до этого, ни после никогда не видел. Люди решили, что кошка была не кто иной, как сам сатана; он-то и задушил богача, а потом утащил его в ад держать ответ за несправедную жизнь.

Когда родичей старого барина известили о его смерти и они съехались получать наследство, то нигде не нашли ни одной копейки. Сначала в краже заподозрили слуг и предали их суду, но они и под пытками ни в чем не признались, потому что на душе их не было греха. Между тем люди стали по ночам слышать глубоко под землей звон золота. Дали об этом знать суду, и когда судьи сами убедились, что это правда, слуг выпустили из тюрьмы. Но хотя потом люди еще не раз слышали по ночам звон золота и многие отправлялись искать клад, — так ничего и не нашли и никто из смельчаков обратно не вернулся: их, наверное, утаскивала та же нечистая сила, которая прикончила хозяина клада. Все понимали, что тут дело неладно, никто не хотел селиться в замке, стены и крыша его разрушались от дождя и ветра, и в конце концов от них ничего не осталось, кроме этих старых развалин. Ночью ни единая душа не осмеливается туда и близко подойти, не то что искать там древний клад.

Так говорил старый крестьянин. Выслушав его рассказ, гуменщик сказал как будто в шутку:

— А мне хотелось бы попытаться счастья! Кто согласен пойти туда со мной сегодня ночью?

Мужички перекрестились и ответили в один голос, что им жизнь дороже всех сокровищ мира, которых нельзя добыть, не погубив свою душу. Они стали уговаривать смельчака, чтобы он оставил эту пустую затею, не продавал свою жизнь нечистому. Однако гуменщик не слушал ни просьб, ни предостережений; он решил отправиться на поиски клада один. Вечером он взял у корчмаря связку лучин, чтобы освещать себе путь, и попросил указать ему, как поближе пройти к развалинам.

Один из крестьян, посмелее других, проводил его немного с зажженным фонарем, но не доходя более чем полверсты до развалин повернул обратно, оставив гуменщика одного на дороге. Небо затянуло тучами, стало так темно, что гуменщику пришлось двигаться чуть ли не ощупью. Жутко завывал ветер, кричала сова, но ничто не могло устроить храбреца.

Дойдя до развалин, где стены немного защищали от ветра и можно было высечь огонь, гуменщик зажег лучину и стал осматриваться, нет ли где двери или отверстия, которые вели бы в подземелье. После долгих поисков он заметил наконец у основания стены отверстие. Гуменщик воткнул горящую лучину в расщелину стены, разгреб камни и осыпавшуюся штукатурку и пролез в дыру.

Пройдя несколько шагов, он наткнулся на каменную лестницу. Проход расширился здесь настолько, что уже можно было шагать во весь рост. Со связкой лучин на плечах и с горящей лучиной в руке, спускался гуменщик по лестнице все ниже, пока не дошел до железной двери, которая оказалась незапертой. Он распахнул тяжелые створки и только хотел было переступить порог, как вдруг из дверей выскочила большая черная кошка с горящими глазами и понеслась вверх по лестнице. Гуменщик подумал: «Она-то, наверное, и задушила владельца замка». Он вошел, прикрыл за собой дверь, сбросил связку лучин на пол и стал осматриваться.

Комната была большая, просторная, и во всех четырех стенах ее были двери. Гуменщик насчитал их целых двенадцать и стал раздумывать, через какую из них выйти, чтобы продолжать свои поиски. «Семерка, говорят, счастливое число», — подумал он и, отсчитав от входной двери седьмую, попробовал ее открыть. Дверь оказалась на запоре и не поддавалась. Но когда он изо всех сил налег на нее, ржавый засов не выдержал и дверь распахнулась настежь.

Теперь гуменщик очутился в комнате поменьше. У одной стены стоял длинный стол и скамья, у другой стены печь с очагом. На полу лежало несколько поленьев. Гуменщик развел огонь в очаге и при его свете

увидел на печке котелок и миску с мукой; тут же он нашел солонку, а в ней немного соли.

— Смотри-ка! — воскликнул гуменщик. — Здесь и припасы, оказывается, есть. Вода в моей фляге найдется, сварю-ка я себе мучную похлебку.

Он поставил котелок на огонь, налил в него воды, насыпал муки, посолил и стал помешивать щепочкой. Когда похлебка сварилась, он вылил ее в миску и поставил на стол. Огонь в очаге так хорошо освещал комнату, что не надо было и лучину зажигать. Храбрый гуменщик уселся за стол, взял ложку и принялся есть горячую похлебку.

Вдруг, случайно подняв глаза, он увидел, что на печке сидит черная кошка с горящими глазами. Гуменщик никак не мог понять, как животное попало в комнату: он собственными глазами видел, как кошка понеслась вверх по лестнице. Тут снаружи кто-то ударил в дверь три раза с такой силой, что стены и пол задрожали. Но гуменщик и на этот раз не струсил и громко крикнул:

— Если ты живой человек, входи!

Двери тотчас же широко распахнулись, а черная кошка спрыгнула с печи и выскочила из комнаты; из глаз и изо рта ее сыпались огненные искры.

Когда кошка скрылась, в комнату вошли четверо рослых мужчин. На них были длинные белые балахоны, а на головах огненно-красные шапки, которые так сверкали, что в комнате сразу стало светло как днем. Мужчины несли на плечах носилки, а на них стоял гроб. Но и это зрелище не испугало гуменщика. Мужчины молча опустили гроб на пол, затем один за другим вышли и закрыли за собой дверь. Кошка с мяуканьем стала царапаться в дверь, пытаясь попасть в комнату, но гуменщик, не обращая на это внимания, спокойно продолжал есть горячую похлебку.

Насытившись, он встал из-за стола, подошел к гробу, поднял крышку и увидел маленького старичка с длинной белой бородой. Гуменщик поднял его и усадил перед очагом, чтобы он согрелся у огня. Вскоре старичок очнулся и зашевелил руками и ногами.

Не испытывая ни малейшего страха, гуменщик взял миску с похлебкой и принялся кормить старичка с ложки. Но тот не вытерпел, схватил миску обеими руками и мигом выпил всю похлебку. Потом он сказал гуменщику:

— Спасибо тебе, сынок, ты сжалился надо мной, несчастным, отогрел и накормил меня, изнуренного голодом и холодом! За твою доброту я награжу тебя по-царски, чтобы ты до конца жизни своей меня не забыл. За печкой ты найдешь смоляной факел, зажги его и иди

за мной. Но прежде запири хорошенько двери, не то сюда проберется кошка и перегрызет тебе горло. Потом мы ее усмирим, чтобы она никому больше не могла причинить вреда.

С этими словами он приподнял на полу четырехугольную каменную плиту шириной с полсажени, которая, как крышка, закрывала вход в подземелье. Старик начал спускаться по лестнице, а гуменщик, с горящим факелом в руке, храбро следовал за ним, пока они не пришли в страшную, глубокую пещеру.

В этой огромной пещере, сводчатой, точно погреб, гуменщик увидел кучу золотых и серебряных монет, вышиной с добрый стог сена. Старик вынул из стенного шкафа связку восковых свечей, три бутылки виноградного вина, копченый свиной окорок, ковригу хлеба и сказал гуменщику:

— Даю тебе три дня срока: ты должен посчитать деньги в этой куче и разделить ее точно на две равные части, чтобы при этом не осталось ни одной лишней монеты. А пока ты будешь делить деньги, я прилягу у стены и посплю. Но смотри, чтобы не было ни малейшей ошибки, не то я тебя задушю!

Гуменщик немедленно принялся за работу, а старик прилег у стены. Чтобы не допустить ошибки, гуменщик при разделе брал каждый раз по две одинаковые монеты — талеры, рубли, червонцы или серебряную мелочь — и клал одну налево, другую направо. Когда его силы истощались, он отхлебывал вина из бутылки и съедал несколько кусков хлеба с мясом, потом снова принимался за работу.

Он проработал всю ночь напролет и весь следующий день и к вечеру закончил раздел. Однако одна мелкая серебряная монета оказалась лишней. Что делать? Храбрый гуменщик, не задумываясь, вытащил из кармана ножик, наставил лезвие на середину монеты, ударил камнем по ножу и рассек монету на две части. Одну половинку он положил на правую кучу, а другую — на левую, разбудил старика и позвал его поглядеть на свою работу.

Увидев на обеих кучах половинки рассеченной монеты, старик с радостным криком бросился на шею гуменщику, погладил его по лицу и наконец проговорил:

— Тысячу раз благодарю тебя, храбрый человек! Ты освободил меня из долгого, томительного заточения. Я был обречен стеречь здесь свои богатства долгие века, ибо до сих пор не находилось смелого и догадливого человека, который разделит бы деньги пополам без остатка. Поэтому я, повинувшись своему заклятью, был вынужден душить неудачников насмерть одного за другим. А так как ни один из них отсюда не вернулся, то в последние двести лет никто больше и не отваживался

спускаться в подземелье, хоть я звенел монетами каждую ночь. И вот, когда я уже потерял всякую надежду и готовился к вечному заточению, явился ты, мой избавитель. Тысячу раз благодарю тебя за твое благодеяние!

Одну кучу денег ты можешь взять себе за труды, а вторую раздай нищим, в искупление моих тяжких грехов: в те времена, когда я жил на земле и копил свои богатства, я был человеком жестоким и несправедливым. Еще одну работу ты должен выполнить, и мне, и тебе самому на пользу: когда будешь отсюда выходить и тебе на лестнице попадет большая черная кошка, поймай ее и повесь. У меня есть для нее такая петля, из которой ей не вырваться.

Сказав это, он вытащил из-за пазухи веревочку, не толще шнура для постолов, скрученную из тонкой золотой проволоочки, отдал ее гуменщику и исчез, словно сквозь землю провалился. В тот же миг раздался такой страшный гром, как будто земля под ногами гуменщика расколосась и рассыпалась в прах. Свеча потухла, воцарилась крошечная тьма.

Но все это не испугало храбреца. Он ощупью выбрался за дверь, наткнулся на лестницу, поднялся наверх и попал в ту комнату, где варил себе похлебку. Огонь в очаге давно погас, но под золой гуменщик нашел несколько тлеющих угольков и разжег огонь. Гроб все еще стоял на носилках, но вместо старика в нем спала большая черная кошка. Гуменщик схватил ее за голову, накинул ей на шею петлю из золотой веревочки, вздернул кошку на крепкий железный крюк, торчавший в стене, а сам лег на пол и уснул.

Утром он выбрался из-под развалин и направился в корчму, где останавливался перед тем, как идти в замок. Велико было изумление и радость корчмаря, когда он увидел своего гостя живым и невредимым.

Гуменщик сказал ему:

— Раздобудь мне за любую цену два десятка четвертных мешков и найми лошадей, на которых я мог бы вывезти свое добро.

Корчмарь понял, что храбрец не зря ходил в старые развалины, и поспешил выполнить его приказ.

Узнав в народе, какими волостями владел в старину хозяин замка, гуменщик разделил между этими волостями треть денег, предназначенных для бедняков, две трети отдал судьям, чтобы те раздали нуждающимся, а сам отправился со своими сокровищами в далекие края, где его никто не знал. Там, говорят, и по сей день потомки его живут в богатстве и благословляют своего храброго прадеда, раздобывшего клад.

КОРОЛЕВИЧ – ПАСТУШОНОК

давние времена жил на свете добрый король. Он правил своими подданными так милостиво и справедливо, что не было во всем королевстве человека, который не благословлял бы его и не желал ему долгой жизни.

Король уже несколько лет жил в счастливом супружестве, но у него не было детей. Велика была поэтому радость короля и его подданных, когда

королева родила сына. Однако материнское сердце не долго радовалось этому счастью: через три дня после рождения ребенка глаза королевы закрылись навеки, сын ее остался сиротой, а муж — вдовцом.

Король глубоко скорбел по умершей супруге, вместе с ним горевали и его подданные, и нигде не увидеть было веселого лица. Правда, через три года король, по настоянию подданных, женился на другой, но на этот раз выбор его оказался далеко не таким удачным; он похоронил кроткую голубку, а взамен ему достался хищный ястреб, как это, впрочем, нередко случается с вдовцами.

Молодая королева была злая, бессердечная женщина, от нее ни король, ни его подданные добра не видели. Сына короля от первой жены мачеха терпеть не могла: она боялась, как бы власть в королевстве не перешла когда-нибудь к ее пасынку, которого подданные, в память его покойной матери, очень любили.

И задумала коварная королева убрать мальчика куда-нибудь подальше, да так, чтобы король никогда не мог его разыскать; погубить ребенка она все же не решалась.

В этом недобром деле она за деньги нашла себе помощницу — какую-то бессовестную старуху. Однажды ночью ребенка передали этой злодейке и приказали тайно переправить его на дальнюю окраину

страны, а там отдать на воспитание в семью бедняка. По дороге старуха сорвала с ребенка нарядную одежду и завернула его в жалкие лохмотья, чтобы никто не заметил обмана. Старуха поклялась королеве, что ни единой душой не скажет, куда она отправила королевича.

Боясь преследования, злодейка не решалась показываться на дорогах в дневное время, поэтому блуждала довольно долго, пока не нашла надежное место, где можно было спрятать королевское дитя. Похищенного королевича отдали на воспитание в дальнюю лесную усадьбу, куда редко заглядывали чужие люди, и заплатили хозяину сто рублей за труд.

К счастью, королевич попал к хорошим людям, которые заботились о нем, как о родном сыне. Смысленный ребенок нередко забавлял их, особенно когда называл себя королевичем. Правда, получив столь щедрую плату за его воспитание, хозяева поняли, что мальчик, возможно, незаконный сын знатного отца или матери; но все же обитатели лесного хутора в мыслях своих никогда так далеко не заходили, чтобы счесть правдой все, чем дитя по глупости своей хвалилось.

Каждый может себе представить, какой переполох поднялся утром в королевском дворце! Оказалось, что королевич ночью украден, да так ловко, что никто этого не заметил и ни малейших следов вора не осталось. Король несколько дней горько оплакивал пропавшего сына, который напоминал ему покойную жену и которого он горячо любил, тем более, что со второй женой не был счастлив. Мальчика долго искали повсюду, обещали большую награду тому, кто подаст о нем хоть какую-нибудь весточку, но все было напрасно — королевич точно растаял, и никаких следов его найти не удалось. Никто не мог объяснить это загадочное происшествие, многие считали, что мальчик унесен злым духом или похищен путем колдовства. В заброшенную лесную усадьбу, где находился ребенок, ни один из королевских посланцев не забрел, да и вести о том, что король разыскивает сына, туда тоже не попадали.

В то время, когда дома королевича оплакивали как умершего, он рос под сенью леса здоровым и резвым ребенком. Когда мальчик подрос и смог уже помогать по хозяйству, он во всяком деле показывал такой удивительный ум, что его приемным родителям часто приходилось признавать: иной раз и впрямь яйцо курицу учит.

Так прожил он в лесу более десяти лет. Но однажды в сердце его проснулась тоска, его потянуло к людям. Мальчик стал просить приемных родителей отпустить его на заработки.

— У меня хватит ума и силы, — говорил он, — чтобы самому себя прокормить. А здесь, в глуши, мне уж очень скучно.

Его приемные родители сперва и слышать об этом не хотели, но в конце концов им все же пришлось уступить. Хозяин сам взялся прово-

дить мальчика и поискать для него подходящей работы. В одной из деревень он нашел зажиточного крестьянина, которому требовался пастушок. Так как мальчик и сам был не прочь взяться за такую работу, то они быстро столковались. Мальчик был отдан на год, но ему выговорили право в любое время отказаться от работы и вернуться к приемным родителям; хозяин, если не будет доволен подпаском, тоже может его отпустить до срока, известив об этом приемных родителей.

Деревня, в которую попал королевич, находилась близ большой дороги; здесь каждый день проходило и проезжало много народу — и простого люда, и знатных господ. Королевич-пастушок часто сидел у дороги, вступал в беседу с прохожими и благодаря этому узнавал многое, о чем прежде не имел и понятия.

Однажды какой-то старик с длинной белой бородой, проходя мимо, увидел королевича; тот, сидя на камне, наигрывал на губной гармонике. Его скотина мирно паслась возле него. Старик долго глядел на мальчика и его стадо, потом подошел поближе и сказал:

— Мне кажется, ты родился не пастухом.

— Может быть, это и верно. Знаю только одно: я рожден, чтобы повелевать, и здесь впервые учусь этому искусству. Если у меня с четвероногими дело пойдет на лад, в будущем попытаю счастья и с двуногими.

Старик изумленно покачал головой и пошел дальше.

Как-то раз по дороге проезжала роскошная карета с кучером на козлах и лакеем на запятках. В карете сидела нарядная женщина с двумя детьми. Пастушок как раз держал в руках туесок с только что собранной земляникой. Важная барыня заметила это, и ей захотелось ягод. Приказав кучеру остановить лошадей, она повелительно крикнула из окна кареты:

— Эй, сопляк, неси ягоды сюда, я дам тебе пару грошей!

Королевич-пастушок сделал вид, будто не слышит или не понимает, что приказание относится к нему. Барыне пришлось окликнуть его снова, потом в третий раз, но и это не помогло. Тогда она крикнула лакею, стоявшему на запятках:

— Ступай прочисти уши этому сопляку, чтобы он услышал мое приказание!

Лакей бросился выполнять приказ. Но не успел он добежать до пастушка, как тот вскочил с камня, схватил крепкую дубинку и крикнул слуге:

— Ни шагу дальше, не то я размозжу тебе голову!

Лакей возвратился к карете и рассказал барыне, как обернулось дело. Та вскричала гневно:

— Негодяй! Испугался какого-то мальчишки! Иди, силой отними у него корзинку с ягодами. Я ему покажу, кто я такая! Еще и родителей его велю наказать за то, что вырастили такого грубияна.

— Ого! — воскликнул пастушок, выслушав приказание. — Пока я жив, никому не позволю силой отнять то, что принадлежит мне по праву! Пусть попробует кто-нибудь взять эти ягоды, я измолочу его в прах!

Сказав это, мальчик поплевал себе на ладонь и так завертел дубинкой над головой, что только ветер засвистел.

У лакея пропала всякая охота связываться с пастушком. Барыня же уехала разгневанная, пригрозив, что не оставит это оскорбление безнаказанным.

Другие пастушки, которые слышали и видели все это, вечером рассказали о происшедшем своим хозяевам. Те испугались, как бы им тоже не пришлось худо, если знатная барыня пожалуется на мальчика в суд за его дерзость и дело начнут расследовать.

Хозяин пастушка-королевича сильно рассердился и стал его бранить.

— Я за тебя отвечать не желаю, — сказал он. — Заварил кашу, сам ее и расхлебывай.

Пастушок ответил:

— С этим я справлюсь, это дело мое. У меня у самого есть голова на плечах, сумею за себя постоять, если нужно будет; вас не стану просить отвечать за меня. Пусть бы эта барыня попросила вежливо, я отдал бы ей землянику. Но как она смела бранить меня сопляком?

Барыня, приехав в королевскую столицу, тотчас же отправилась к судье жаловаться на бесстыжего подпаска. Вскоре началось расследование и было велено доставить мальчика вместе с его хозяином в суд.

Когда судейские стражники явились в деревню, чтобы выполнить приказ, королевич сказал:

— Мой хозяин тут ни при чем. За то, что я сделал, отвечаю я один.

Пастушку хотели связать руки за спиной и повести его в суд как узника, но он вытащил из кармана острый нож, отскочил на несколько шагов назад, приставил нож к груди и крикнул:

— Пока я жив, я себя связать не дам! Не успеете вы подойти, как я воткну себе нож в сердце! Мой труп можете вязать и делать с ним все, что хотите. Но пока во мне теплится хоть искорка жизни, никто не смеет прикоснуться ко мне веревкой или кандалами. В суд я отправлюсь беспрекословно и объясню, из-за чего вышел спор, но вести меня как заключенного я не позволю.

Решимость пастушка так испугала судейских посланцев, что те не посмели даже приблизиться к нему: они боялись, что мальчик выполнит

свою угрозу и они окажутся виноваты. А так как пастушок обещал добровольно последовать за ними, то им пришлось согласиться.

В пути стражники с каждым днем все больше дивились, как умен и сообразителен их узник; в любом деле он умел рассудить лучше, чем то было под силу их собственному разуму.

Однако еще больше изумились сами судьи, выслушав мальчика; он так им все объяснил с начала до конца, что они вынуждены были признать его правым и освободить от обвинений. Да и король, когда узнал от барыни о решении суда и по ее просьбе велел судьям рассказать ему самому, как было дело, — тоже согласился с судом и освободил мальчика от всякого наказания.

Знатная барыня до того разозлилась, что чуть не лопнула. Она фыркала, как разъяренная кошка, и возмущалась тем, что не она, а простой деревенский мальчишка был признан правым. Она пожаловалась королеве, которая, как барыне было известно, обращалась с подданными гораздо более сурово, чем король.

— Мой супруг, — сказала королева, — старый колпак, а все его судьи — бараны! Жаль, что вы пошли со своей жалобой в суд, а не ко мне. Я бы, разумеется, разобрала вашу просьбу совсем иначе и признала вас правой. Теперь, когда дело уже прошло через суд и утверждено королем, я не могу открыто тут что-либо изменить. Однако нам следует подумать, как бы тайком наказать мальчишку.

Тут жалобщица вспомнила, что в ее волости на одном из хуторов есть очень злая хозяйка, у которой ни один батрак ужиться не может: сам хозяин, говорят, признавался, что у них в доме хуже, чем в пекле. Если отдать туда наглого мальчишку в пастухи, это будет ему такое тяжкое наказание, какого и суд не присудит.

— Я немедля устрою все так, как вы желаете, — сказала королева. Она приказала позвать одного из своих верных слуг и научила его, как взяться за дело. Знай она, что пастушок — не кто иной, как изгнанный королевич, она, наверное, наперекор королю и судьям тотчас же велела бы казнить мальчика.

Как только хозяйину пастушка передали приказ королевы, он тотчас же прогнал мальчика из своей усадьбы, да еще благодарил судьбу, что так легко отделался. Слуга королевы сам отвел мальчика на хутор, где тот должен был работать. Злая хозяйка вскрикнула от радости, узнав, что пастушка ей прислала сама королева, да еще и разрешила поступать с ним так, как самой хозяйке заблагорассудится: мальчишка-де страшно упрям и его добрым словом не проймешь. Злая старуха еще не знала, какой крепкий жерновок ей попался, и собиралась молоть на нем по-старому.

Но эта чертова кочерга в образе женщины вскоре убедилась, что орешек ей не по зубам. Мальчик был очень упорен и своих прав не уступал ни на пядь. Стоило хозяйке зря попрекнуть его и сказать недоброе слово, как в ответ сыпалось десять; стоило ей поднять руку на мальчика, как тот хватал камень, полено или что попадалось под руку и кричал:

— Не подходи, не то я расшибу тебе череп и измолочу тебя в кашу!

Таких речей старуха никогда еще не слышала, тем более от батрака. А хозяин только посмеивался втихомолку, слыша их ссору, и не спешил жене на помощь, понимая, что мальчик прав.

Хозяйка пыталась укротить пастушка голодом и не давала ему есть. Но пастушок самовольно запасался хлебом, а на выгоне доил коров, поэтому от голода не страдал. Хозяйка никак не могла совладать с пастушком и тем яростнее вымещала свою злобу на мужа и остальных домочадцах.

Несколько недель смотрел мальчик, как хозяйка мучит людей, потом стал думать, как бы отплатить ей за все ее злодеяния, да так, чтобы раз навсегда избавить мир от этой волчицы. Готовясь выполнить свой замысел, он поймал дюжину волков, запер их в пещеру и давал им каждый день по одной корове, чтобы звери не издохли с голоду. Хозяйка пришла в неопишемую ярость, когда пастушок стал пригонять по вечерам одной коровой меньше, чем выгонял утром на пастбище. У пастушка же был один ответ:

— Звери загрызли.

Хозяйка кричала, как помешанная, и угрожала бросить самого мальчика на съедение зверям, а он со смехом отвечал:

— Твое лютое сердце им больше придется по вкусу!

Потом пастушок на трое суток оставил зверей без еды, а на третью ночь, когда хозяева спали, выгнал всю скотину из хлева, перегнал туда свою дюжину волков и крепко-накрепко запер дверь, чтобы звери не убежали. Покончив с этим, он наострил лыжи да и был таков: ходить за стадом ему давно надоело. К тому же, он теперь чувствовал в себе такую силу, что готов был взяться и за более трудную работу.

Ох, боже мой, что тут было, когда хозяйка утром пошла в хлев выпустить скотину и подоить коров! Свирепые голодные волки разом набросились на нее, растерзали и проглотили вместе с одеждой. Ничего от нее не осталось, кроме языка и сердца: те даже для зверей оказались слишком ядовитыми.

Ни хозяин, ни работники несколько не горевали, а, напротив, благодарили судьбу, что избавились от злой ведьмы.

Несколько лет королевич бродил по белому свету, пробовал заняться

то одной, то другой работой, но нигде подолгу не останавливался; воспоминания детства, точно сны наяву, стояли у него перед глазами, все время напоминая: ты рожден для более высоких дел.

Во время своих скитаний он иногда встречался с тем стариком, который видел его еще мальчиком-пастушонком.

Когда королевичу исполнилось восемнадцать лет, он поступил на службу к садовнику, чтобы научиться садоводству. Но тут произошло неожиданное событие, благодаря которому жизнь юноши вскоре переменялась.

Коварная старуха, которая по приказу королевы похитила ребенка и отдала на воспитание в лесную усадьбу, на смертном одре призналась пастору в своем злодеянии; ее грешная душа не могла найти покоя, пока преступление оставалось нераскрытым. Она назвала хутор, куда передала ребенка, но ничего не знала о том, жив он или умер.

Король, услышав об этом, никому ничего не сказал, а велел тотчас же седлать коней и поскакал с тремя верными слугами на поиски сына. Когда они через несколько дней прибыли в лесную усадьбу, хозяин и хозяйка подтвердили, что столько-то лет назад им привезли на воспитание мальчика и уплатили за труды сто рублей. Они тогда сразу подумали, что это, наверное, ребенок знатных родителей, но им и в голову не пришло, что он королевского рода; когда мальчик называл себя королевским сыном, они считали это шуткой.

Хозяин лесного хутора взялся проводить короля в ту деревню, куда он отдал мальчика в пастухи по желанию самого парнишки, скучавшего в глухой усадьбе. Но как огорчился хозяин и каково было отчаяние короля, когда они там юноши не нашли и не смогли даже узнать толком, где его искать дальше!

Крестьяне могли только рассказать, что по жалобе какой-то знатной барыни мальчик был предан суду, но затем оправдан и отпущен на свободу; однако после этого явился слуга королевы и отвел мальчика на работу в другую волость. Король поспешил дальше, разыскал усадьбу, где его сын прожил недолго и откуда бежал. Но оказалось, что с тех пор никто ничего о юноше не слышал. Где теперь искать пропавшего? Кто укажет, куда направить поиски?

Король был убит горем: едва напав на след, он опять его потерял. Вдруг перед ним предстал старик, который несколько раз встречался с королевичем, и рассказал: на своем жизненном пути он время от времени сталкивался с юношей — в первый раз видел его пастушком, а позже — на разных других работах, поэтому и сейчас надеется разыскать следы пропавшего. Король обещал пришельцу большую награду, если тот поможет найти сына, приказал одному из слуг сойти с лошади и

уступить ее старику, чтобы быстрее двигаться вперед. Но старик возразил с улыбкой:

— Столько верст, сколько ваши лошади смогут пробежать, я смогу и пешком пройти: за свой век я ногами больше земли отмерил, чем любая лошадь.

Через неделю они напали на след королевича и наконец разыскали его в богатом поместье, где он, как мы уже говорили, обучался садоводству. Король был безгранично счастлив, найдя сына, которого уже несколько лет оплакивал как умершего. Он со слезами радости обнял юношу, прижал к своей груди и поцеловал. Но тут ему пришлось услышать от сына весть, которая омрачила радость встречи и опечалила королевское сердце новой заботой. У садовника была дочь, цветущая молодая девушка. Она была прекрасней всех роз и лилий роскошного сада и вместе с тем кротка и невинна, как ангел небесный. Этой девушке королевич отдал свое сердце. Он откровенно сказал отцу, что никакой знатной невесты ему не надо, что он хочет жениться только на дочери садовника и готов скорее отказаться от королевства, чем расстаться с любимой.

— Поедем домой, — сказал король, — там все и решим окончательно.

Тогда королевич попросил у отца дорогой золотой перстень, при всех надел его девушке на палец и произнес:

— Этим колечком я обручаюсь с тобой! Рано ли, поздно ли, я непременно приеду к тебе свататься и увезу тебя в свой дом.

Но король возразил:

— Нет, так не годится! Тут нужно сделать иначе.

Он снял у девушки с пальца перстень и рассек его мечом на две части; одну половину отдал сыну, другую дочери садовника и сказал:

— Если вы богом созданы друг для друга, то наступит день, когда половинки этого перстня сплавятся сами собой так крепко и плотно, что не останется и следа там, где прошел меч. А пока, до поры до времени, пусть каждый из вас хранит свою половинку перстня.

Королева чуть не задохнулась от злости, когда ее пасынок, которого она считала так надежно упрятым, вдруг возвратился и теперь по закону должен был стать наследником престола: от второй жены у короля было только две дочери.

Через несколько лет старый король закрыл глаза навеки и сын его стал королем. Хотя мачеха причинила ему немало зла, он не захотел платить ей тем же, предоставив возмездие суду божьему.

У королевы теперь не осталось никакой надежды на то, что одна из ее дочерей когда-нибудь будет править королевством. Поэтому она за-

G. Reindoff 1948

думала женить молодого короля на одной из своих родственниц, девушке королевского рода. Но молодой король отказался, молвив:

— Не хочу! Мой выбор уже давно сделан!

Когда вдовствующая королева узнала, что пасынок ее собирается жениться на простой девушке, она уговорила верховных советников государства, чтобы те единодушно воспротивились этому. Но король твердо стоял на своем. После долгих споров он отдал приказ:

— Устройте большое празднество и пригласите на него королевских дочерей и прочих знатных девиц — всех, кого вы только разыщете. И если среди них я найду девушку, которая превзойдет мою избранницу красотой и кротостью нрава, то я женюсь на ней. Если же такой не найдется, то девушка, которую я избрал ранее, станет моей женой.

В королевском дворце был устроен пышный праздник. Он должен был длиться две недели, чтобы у королевича было достаточно времени посмотреть, не найдется ли среди собравшихся девушки более прекрасной, чем его избранница. Приглашены были все соседние королевы с их дочерьми. Девушки знали, для чего их приглашают, и каждая надеялась, что именно на нее падет счастливый жребий.

Празднество уже подходило к концу, а король все еще не нашел девицы, которая бы ему понравилась. Утром в последний день празднества верховные советники явились к королю и сказали ему так, как их подучила старая королева: если сегодня к вечеру король на объявит, на ком он намерен жениться, то народ поднимет мятеж, ибо все подданные желают, чтобы король наконец избрал себе супругу.

На это король ответил:

— Я исполню желание моих подданных и сегодня вечером объявлю о своем решении.

Он тайно послал своего верного слугу за дочерью садовника, велел привезти ее во дворец и здесь спрятать до наступления вечера.

И вот вечером, когда королевский дворец сиял огнями и все знатные девушки, одетые в свои самые пышные наряды, ожидали мгновения, когда им улыбнется счастье, на пир явился король с какой-то молодой женщиной. Лицо ее было закрыто платком, так что едва виднелся лишь кончик носа. Гостям прежде всего бросилось в глаза, что девушка была одета в простое белое платье из тонкого полотна, без всяких украшений, в то время как все остальные девушки были наряжены в шелка и бархат.

Кое-кто усмехнулся, кое-кто сердито сморщил нос, но король сделал вид, что не замечает этого, снял с девушки платок, подошел к старой королеве и произнес:

— Вот моя избранница, которая и будет моей супругой. Прошу всех собравшихся пожаловать к нам на свадьбу.

Тут старая королева воскликнула злобно:

— Чего же можно ждать от человека, который вырос на выгоне! Если вы собираетесь туда вернуться, возьмите с собой и свою батрачку. Свиной кормить она, наверное, умеет, но в супруги королю не годится! Этакая деревенщина опозорила бы королевское звание!

Эти слова разгневали молодого короля. Он ответил твердо:

— Я король и могу поступать так, как захочу. Себе на беду напомнили вы мне о годах, когда я был пастушком: тем самым вы напомнили мне, кто отдал меня в пастухи. Но ни один разумный человек не станет покупать кота в мешке, поэтому я сейчас, до свадьбы, докажу всем, что мне не найти лучше супруги, чем эта девушка, кроткая и чистая, как ангел небесный.

Сказав это, он вышел и вскоре вернулся с тем стариком, который видел его когда-то пастушком, а впоследствии помог королю разыскать сына. Старик этот был знаменитый финский мудрец, знавший всевозможные тайные науки. Король сказал мудрецу:

— Дорогой мудрец! Покажите нам при помощи ваших тайных знаний внутренний облик собравшихся здесь девушек, чтобы мы увидели, которая из них достойна стать моей супругой.

Мудрец взял бутылку вина, пошептал над нею и попросил, чтобы все девушки собрались на середину комнаты. Затем он вылил на голову каждой по несколько капель волшебного вина, и все они стоя погрузились в сон.

И — о чудо! Через несколько минут все девушки преобразились! Ни одна из них не сохранила человеческого образ, все приняли облик лесных зверей или домашних животных: одни превратились в змей, волков, медведей, ворон, свиной, кошек; другие — в ястребов и других хищных птиц. Но среди этих диких существ рос красивый розовый куст, усыпанный цветами, и на ветвях его сидели два голубя. Это была дочь садовника, избранная королем в супруги.

Король сказал:

— Теперь мы видим, какова суть каждой из девушек, и я не дам себя обмануть блестящей оболочкой!

Старая королева была разъярена, но что она могла поделать теперь, когда все так ясно увидели истину собственными глазами!

Затем мудрец стал окуривать девиц волшебной травой, пока они не проснулись и не приняли свой прежний вид. Король взял за руку свою любимую, появившуюся из розового куста, и спросил, где половинка перстня. Девушка подала ему половинку кольца, которую хранила на

грудь, а король вынул из кармана другую и положил их вместе на ладонь. И тут обе половинки мгновенно спаялись, так что не осталось ни малейшего следа на том месте, где прошло лезвие меча.

— Воля моего покойного отца теперь выполнена! — сказал король и в тот же вечер обвенчался с дочерью садовника.

Он пригласил всех на свадьбу. Но когда знатные девушки узнали, какие чудеса с ними произошли во время их сна, они со стыдом разъехались по домам. А подданные короля ликовали, услышав, что их новая королева так же чиста душой, как и прекрасна.

Когда кончились свадебные празднества, король велел созвать всех верховных судей страны и спросил их, какого наказания заслуживает преступник, который тайно через своих подручных похитил королевского сына и отдал его в крестьянскую семью, где тот вырос и стал пастухом.

Все судьи в один голос ответили:

— Такой преступник заслуживает петли!

Король сказал:

— Пусть будет так! Велите привести сюда вдовствующую королеву.

Старую королеву вызвали в судебный зал и объявили ей, что по решению суда она должна быть казнена через повешение. Услышав это, злая женщина побелела как стена, бросилась перед королем на колени и стала умолять о пощаде.

Король сказал:

— Я дарую вам жизнь. Никогда я не заставил бы вас предстать перед судом, если бы вы не стали при людях бранить меня и припоминать то, что мне пришлось вытерпеть из-за вашего же злодеяния. Но в моем королевстве вам нет больше места. Вы должны сейчас же собрать свое имущество и еще до заката солнца покинуть мою столицу. Слуги будут вас сопровождать до границы государства. И берегитесь когда-либо переступить границу моей страны: каждый мой подданный имеет право убить вас, как бешеную собаку. Ваши дочери, дети моего покойного отца, могут остаться здесь, так как души их не запятнаны теми преступлениями, какие совершили вы.

Когда старая королева была изгнана, молодой король приказал выстроить близ столицы два прекрасных дома. Один из них он подарил родителям своей супруги, а второй — хозяину лесной усадьбы, который, живя в бедности, с любовью вырастил королевича. А король, выросший в пастухах, и его рожденная в низшем сословии супруга жили счастливо до конца дней и правили своими подданными по-отечески милостиво.

ТИЙДУ-МУЗЫКАНТ

ил-был когда-то бедный крестьянин, которого бог благословил детьми щедрее, чем хлебом. Сыновья и дочери росли родителям на радость и один за другим уходили в люди, зарабатывать себе на кусок хлеба. Только один сын не радовал родительского сердца. Был ли он от рождения умом обижен, по другой ли какой причине стал придурковат, или попросту был лентяй — этого никто сказать не мог.

Но что он лежебока и ни к какому делу не пригоден, об этом в один голос говорили и родители его, и все соседи. Не помогало тут ни доброе слово, ни розги: чем больше паренек подрастал, тем больше росла и его лень. Он только и делал, что отлеживал себе бока — зимой за печкой, а летом под кустом. Иногда он, чтобы убить время, насвистывал на ивовой дудочке, да так, что любо было слушать.

Однажды сидел он под кустом и играл на своей дудочке, пересвистываясь с птицами. Какой-то старик, проходивший по дороге, подошел к нему и спросил приветливо:

— Скажи мне, сынок, какому ремеслу ты думаешь учиться?

Мальчик ответил:

— Ни о какой работе я и думать не хочу, а хочу стать богатым, чтобы мне не было нужды работать и никто не мог мною помыкать.

Старик сказал с улыбкой:

— Мысль твоя, может быть, и не дурна, но я одного не могу понять — как же ты сможешь разбогатеть, если ничем не хочешь заняться? Под лежащий камень и вода не течет. Кто хочет нажить себе денег и всякого добра, тот должен двигаться, работать, а не то . . .

Тут мальчик прервал его:

— Стоит ли об этом говорить! Такие речи я уже сто раз слышал, они мне как с гуся вода. Все равно работника из меня никогда не получится.

Старик ответил ласково:

— Создатель наградил тебя таким природным даром, что ты легко мог бы и прокормиться, и заработать денег, если бы стал музыкантом. Достань себе хорошую волынку, играй на ней так же искусно, как и на этой ивовой дудочке, и всюду, где люди веселятся, ты добудешь себе и хлеба и денег.

— Но где мне достать волынку? — спросил мальчик.

Старик ответил:

— Заработай денег и купи! Сперва играй на своей дудочке или на листочках, в этом ты уже мастер. Я думаю, мы с тобой еще встретимся, тогда и посмотрим, пошли ли тебе впрок мои советы и наставления.

Тийду — так звали мальчика — задумался над словами старика, и чем больше он думал, тем больше убеждался, что тот прав. Мальчик решил последовать его совету и отправиться искать счастья. Никому не сказав ни слова, он однажды утром ушел из дому и больше не вернулся. Родители не были огорчены его уходом, отец даже благодарил судьбу, что избавился от ленивого сына. Старик надеялся, что жизнь на чужбине повытрясет из Тийду лень, а нужда заставит его стать человеком.

Несколько недель бродил Тийду по деревням и поместьям, и везде его принимали радушно и охотно слушали его игру на дудочке. Музыканта кормили, а иногда и давали ему несколько копеек в придачу. Копейки эти мальчик бережно откладывал, пока не собрал их столько, что смог купить себе волынку.

Теперь дела его пошли в гору, ибо не было другого музыканта, чья игра так веселила бы сердце. При звуках его волынки ноги сами пускались в пляс. Тийду был желанным гостем на всех свадьбах, толоках и гуляньях.

Через несколько лет он стал таким знаменитым музыкантом, что за ним иногда ездили, точно за каким-нибудь знахарем, за много верст и с почетом перевозили его с места на место.

Однажды он играл на толоке в одном из имений, куда съехалось много окрестных помещиков посмотреть, как народ веселится. Люди в один голос твердили, что никогда не видели и не слышали более искусного музыканта. Помещики один за другим приглашали Тийду к себе, он веселил господ игрой, а те сытно кормили его, а сверх того давали деньги и подарки. Один богатый помещик велел одеть его с ног до головы во все новое, другой подарил ему красивую новую волынку с медными трубками. Барышни украшали его шляпу шелковыми лентами, а барыни вязали ему пестрые рукавички.

Всякий на его месте был бы доволен такой жизнью, но Тийду стремился разбогатеть, и эта мысль не давала ему покоя; она словно кнутом

гнала его все дальше и дальше. Чем больше он убеждался, что одна лишь игра на волынке не даст ему такого богатства, о каком он мечтает, тем сильнее день ото дня становилась его алчность.

Ни днем ни ночью не выходили у него из головы сказания о богатствах земли Кунгла, передававшиеся в народе из уст в уста. «Только бы попасть туда, — думал Тийду, — там я нашел бы дорогу к богатству». Часто бродил он по берегу в надежде найти какой-нибудь корабль, который отвез бы его за море.

Наконец он попал в город Нарву, где в гавани как раз стояли чужеземные торговые суда. Один из кораблей, как говорили, должен был через несколько дней отплыть в страну Кунгла. Тийду разыскал шкипера и попросил взять его с собой. Шкипер согласился, но потребовал такую плату, которая показалась скуповатому музыканту слишком высокой. Тийду попытался прельстить команду своей игрой, надеясь, что тогда переезд обойдется ему подешевле. Ему посчастливилось найти молодого матроса, который обещал тайком взять его на корабль без ведома шкипера. В ночь перед отплытием корабля матрос провел Тийду на судно и спрятал его в темном углу, за бочками. Матрос принес ему туда и еду, и питье, чтобы парень не умер с голоду в своем тайнике. На следующую ночь, когда корабль уже несся под парусами в открытом море, приятель Тийду-музыканта стоял один на вахте. Он вывел Тийду на палубу, обвязал ему вокруг тела конец крепкой веревки, другой конец прикрепил к корме корабля и сказал:

— Я спущу тебя на веревке в море. Когда к тебе поспешат на помощь, быстро перережь веревку, которую я тебе обвязал вокруг туловища, и солги, будто плывешь за кораблем от самой гавани.

Тийду, хоть ему и было страшновато, надеялся при помощи веревки продержаться на воде, так как был хорошим пловцом. Как только Тийду был спущен за борт, его приятель разбудил остальных матросов и позвал их подивиться на человекоподобное существо, плывущее за кораблем. Матросы поглядели на чудо, разинув рот, потом разбудили шкипера и позвали его на палубу. Шкипер перекрестился три раза и спросил пловца:

— Скажи мне правду, кто ты — дух или смертный человек?

Пловец ответил:

— Я несчастный простой смертный, и силы мои иссякают. Если вы не жжалитесь надо мной, я погибну.

Шкипер приказал бросить в море канат, чтобы вытащить пловца на борт. Ухватившись за канат, Тийду перерезал веревку, которой был обвязан, и попросил поднять его на корабль. Шкипер спросил:

— Скажи, откуда ты и как сюда попал?

Тийду ответил:

— Как только вы вышли из гавани, я поплыл вслед за вами. А когда сил не хватало, я плыл, держась за руль. Так я надеялся попасть к берегам земли Кунгла, потому что не мог заплатить за проезд столько, сколько вы потребовали.

Смелость юноши удивила шкипера и тронула его сердце. Он произнес добродушно:

— Благодарю отца небесного, чудом сохранившего тебе жизнь. Я перевезу тебя в землю Кунгла без всякой платы.

Затем шкипер велел дать Тийду сухую одежду и отвести его вниз, чтобы он мог отдохнуть после тяжелых испытаний. А Тийду и его приятель радовались, что их хитрая проделка так хорошо удалась.

На другой день все моряки глядели на Тийду как на какое-то чудо. Он совершил, по их мнению, подвиг, казавшийся всем невероятным. Во время плавания его прекрасная игра доставляла морякам много радости, а шкипер утверждал, что никогда еще не слышал такой приятной музыки.

Через несколько дней корабль достиг берегов земли Кунгла, и здесь в народе с быстротой ветра распространились рассказы матросов о том, какого чудо-музыканта, плившего за кораблем целые сутки, они выловили в море. Разумеется, Тийду и его приятель не стали опровергать эти толки, чтобы не попасть впросак. Благодаря этой молве у Тийду в чужом краю появилось немало друзей; каждому хотелось услышать от самого пловца рассказ о его приключении. И музыканту волей-неволей приходилось врать направо и налево. Ему многие предлагали работу, но он отказывался, боясь, что кто-нибудь захочет воочию убедиться, какой он искусный пловец, и тогда его ложь выйдет наружу. Тийду решил немедленно отправиться в королевскую столицу, где его никто не знал и ничего о его приключении не слышал. Там он надеялся найти такую службу, которая помогла бы ему быстро разбогатеть.

Через несколько дней он прибыл в столицу, и тут его глазам открылось столько роскоши, красоты и богатства, что у юноши голова закружилась. Пары глаз не хватало, чтобы всему надивиться, тут надо бы иметь две дюжины глаз! Чем больше смотрел Тийду на эту роскошь, тем горше досадовал на свою бедность. Но еще обиднее казалось ему то, что богатые и знатные люди не обращают на него внимания, отталкивают его с дороги как последнего оборванца, словно он и права не имеет тоже греться под божьим солнышком. Волынку свою он не осмеливался даже вынуть из-за пазухи. «Кто из этих богачей станет слушать мою музыку?» — думал он.

Много дней бродил он по улицам города в поисках работы, но все

не попадалось такой, которая позволила бы ему за короткое время разбогатеть. Наконец, когда его надежда уже совсем было опустила крылья, ему посчастливилось найти службу в доме богатого купца, где требовался поваренок. Здесь Тийду мог убедиться, насколько богата земля Кунгла; богатство ее было действительно так велико, что никто не мог бы его представить себе, не увидев собственными глазами.

Вся домашняя утварь, которая в нашей стране изготавливается из железа, меди, олова, дерева или глины, здесь была из чистого золота и серебра. Пищу варили в серебряных котлах, пироги пекли на серебряных противнях, и все это подавалось на стол в золотых чашах и на золотых блюдах. Даже свиней кормили не из деревянных корыт, а из серебряных лоханок. Каждый понимает, что Тийду ни в чем не нуждался и, служа поваренком, жил не хуже барина. Но его душа, полная алчности, не находила себе покоя. Его вечно мучила одна мысль: «Что мне толку от роскоши, которую я вижу перед собой, если все это добро — не мое? Служа поваренком, я никогда не стану богат». А между тем Тийду в месяц получал жалованья больше, чем в наших краях зарабатывают за год; откладывая эти деньги, он за несколько лет мог бы стать зажиточным человеком.

Так он проработал поваренком несколько лет и скопил порядочно денег, но алчность росла в нем день ото дня и порождала скупость: он даже на одежду не хотел тратиться, разве только по приказанию хозяина, который не терпел в доме оборванцев. Однажды хозяин справлял крестины и ради такого праздника велел на свой счет сшить слугам новое красивое платье, которое и поднес им в подарок.

В следующее воскресенье после пиршества Тийду нарядился в новую одежду и пошел в загородный сад, где горожане летом проводили время. Долго бродил Тийду среди толпы, где он никого не знал и сам был для всех чужим. Вдруг он неожиданно заметил человека, который показался музыканту знакомым, хотя он и не помнил, где раньше встречал его. Не успел Тийду яснее это припомнить, как человек исчез в густой толпе. Тийду ходил еще долго, осматриваясь вокруг, — не встретится ли снова тот же старик, но все поиски были напрасны. Только под вечер он снова увидел его сидящим под ветвистой липой на дерновой скамье.

Тийду не знал, что делать, — подойти ближе или обождать, пока тот сам не заметит его и не подаст какой-либо знак. Тийду кашлянул раза два, но незнакомец, погруженный в глубокое раздумье, не обратил на это внимания и продолжал смотреть в землю.

«Попробую подойти и прервать его размышления, — подумал Тийду, — тогда видно будет, знаем мы друг друга или нет». Приближаясь к нему потихоньку, шаг за шагом, Тийду пытливо разглядывал незна-

комца. Вдруг тот поднял глаза и, казалось, тотчас же узнал Тийду. Он встал со скамьи, пошел юноше навстречу и, здороваясь, протянул ему руку.

— А где же твоя волынка? — спросил он.

Теперь только Тийду понял: перед ним тот самый старик, который тогда на родине, когда Тийду был еще мальчишкой, советовал ему стать музыкантом. Выбравшись из толпы, он ушел со стариком в более тихое место и здесь рассказал ему о всех событиях своей жизни, начиная с их первой встречи и по нынешний день. Старик хмурился, покачивал головой и, когда Тийду кончил свой рассказ, произнес:

— Глупцом ты был, глупцом и остался! Какая блажь пришла тебе в голову, что ты решил забросить музыку и наняться в повара? Музыкой ты здесь за один день заработаешь больше, чем на кухне за полгода! Беги сейчас же домой, носи свою волынку и начинай играть, тогда увидишь своими глазами, что я прав.

Тийду пытался было противиться: он опасался насмешек нарядной толпы и думал, что за долгие годы забыл все свои песни. Однако старик не уступал и до тех пор убеждал Тийду, пока тот не отправился домой за волынкой. Старик сидел под липой, пока Тийду не вернулся, затем промолвил:

— Садись со мной рядом на скамью и играй! Увидишь, как народ начнет вокруг нас собираться.

Тийду начал играть, хотя и неохотно, повинувшись приказу. И ему показалось, будто в его волынку вселилась новая душа, — такого прекрасного звука, какой звенел в ее трубках сейчас, он никогда до сегодняшнего дня не слышал. Вскоре народ валом повалил к липе послушать приятную музыку. И чем больше собиралось народу, тем красивее звучала волынка. Когда люди наслушались прекрасных песен, старик снял шляпу и стал обходить толпу, собирая награду музыканту. В шляпу со всех сторон посыпались талеры, полуталеры и серебряная мелочь, а порой попадался и сверкающий золотой. Чтобы отблагодарить слушателей за щедрость, Тийду, прежде чем отправиться домой, сыграл несколько веселых плясовых мотивов. Пробираясь сквозь густую толпу, он слышал возгласы:

— Милый музыкант, приходи и в следующее воскресенье повеселить нас!

Подойдя к городским воротам, старик сказал:

— Ну, как ты думаешь, разве поиграть часа два на волынке не было приятнее и выгоднее, чем работать на кухне? Я второй раз указываю тебе путь, и если ты не дурак, сразу хватай быка за рога, чтобы счастье снова не ускользнуло у тебя из рук! Я не могу больше оставаться здесь и помогать тебе советом, поэтому крепко запомни мои слова и поступай,

как я тебе велю. Каждое воскресенье после обеда приходи со своей волынкой под липу, где мы с тобой сидели, и принимайся играть для развлечения горожан. Купи себе глубокую шляпу и ставь ее на землю у своих ног, чтобы люди могли бросать в нее деньги. Когда тебя будут приглашать играть на каком-нибудь празднестве, никогда сам не называй плату, а говори, что будешь доволен любым вознаграждением. Таким путем ты у богачей заработаешь больше, чем сам осмелился бы запросить. Если же случится, что какой-нибудь скряга и даст тебе мало, — этот ущерб с лихвой покроют щедрые люди, зато никто не посмеет тебя обвинить в жадности. Больше всего остерегайся алчности! Может быть, мы когда-нибудь еще случайно встретимся, тогда я узнаю, как ты выполнил мои наставления. А теперь прощай!

На этом они расстались.

Велика была радость Тийду-музыканта, когда он дома сосчитал деньги и убедился, что игра на волынке за несколько часов дала ему больше, чем поварская служба за полгода. Он очень жалел, что потратил столько времени зря, и хотел немедленно бросить службу; но это ему так быстро не удалось, так как нужно было сперва найти себе замену. Через несколько дней он нашел другого поваренка и покинул дом купца.

Тийду велел сшить себе красивую яркую одежду, надел пояс с серебряной пряжкой и в ближайшее же воскресенье отправился под липу играть на волынке. Народу собралось еще больше, чем в первый раз, так как слух об искусном волынщике разнесся по всему городу и каждому хотелось послушать его игру. Вечером, посчитав деньги, музыкант увидел, что заработал в два раза больше, чем в первое воскресенье. Такая же богатая выручка доставалась ему теперь почти каждую неделю, так что осенью Тийду смог нанять себе жилье в самом богатом трактире.

В зимние вечера, когда горожане собирались в трактире, искусного волынщика нередко просили поиграть для развлечения гостей и щедро ему платили, причем плату он получал двойную — от хозяина трактира и от посетителей. Трактирщик, видя, что музыкант каждый вечер привлекает в его дом много гостей, дал ему бесплатно жилье и стол. К весне Тийду велел сделать для своей волынки серебряные трубы, которые позолотил снаружи и изнутри, так что теперь они ярко сверкали на солнце и при свечах.

Летом горожане снова начали устраивать за городом гулянья, и музыкант с каждым воскресеньем увеличивал свое богатство.

Как-то раз поглядеть на народное гулянье явился сам король, и до него еще издали донеслись приятные звуки музыки. Он велел привести музыканта к себе и подарил ему за искусную игру полный кошелек золо-

тых. После этого знатные люди один за другим стали приглашать музыканта на дом, чтобы послушать его игру. Тийду, в точности выполняя наставления старика, никогда сам не называл плату, а довольствовался тем, что ему давали. И все же каждый раз он получал гораздо больше, чем сам осмелился бы попросить.

Прожив несколько лет в стране Кунгла, Тийду разбогател и задумал вернуться на родину, купить себе поместье и бросить игру на волынке. Подарки короля и других знатных господ приумножили его богатства. Таким образом предсказание старика сбылось. Теперь Тийду не было нужды прятаться в углу на чужом корабле, он мог, как богатый человек, для себя одного нанять корабль, который доставил бы его на родину вместе со всем добром. По обычаю страны Кунгла, он уже раньше накопил себе много золотых и серебряных вещей; теперь их уложили в сундуки и погрузили на корабль, а другие сундуки наполнили монетами. Наконец и сам владелец этих сокровищ перебрался на корабль, и судно покинуло гавань.

Попутный ветер быстро вынес корабль в открытое море. Насколько хватал глаз, вокруг ничего не было видно, кроме неба и воды. К ночи ветер переменился, судно стало относить к югу, а через несколько часов разыгралась настоящая буря. Шкипер не мог уже управлять кораблем, и полновластными хозяевами судна стали ветер и волны. Два дня и две ночи носился корабль по волнам, наконец налетел на подводную скалу и стал тонуть. На воду спустили шлюпки, чтобы люди могли спастись из когтей смерти. Но разве лодки могли противостоять ярости бури? Вскоре огромная волна опрокинула лодку, в которой сидел Тийду с тремя моряками, и люди очутились в холодных объятиях моря.

К счастью, недалеко от Тийду плыла длинная деревянная скамья, он хватился за нее обеими руками и с ее помощью держался на воде, пока хватило силы. Когда ветер стих и погода прояснилась, Тийду увидел берег, до которого, казалось, было не особенно далеко. Собрав последние силы, Тийду поплыл туда, но вскоре убедился, что до берега гораздо дальше, чем ему казалось. Вряд ли у него хватило бы сил добраться до земли, но тут помог ветер, гнавший волны в сторону берега. Волны и вынесли его на сушу.

Измученный, еле живой от усталости, выбрался Тийду на прибрежные скалы и вскоре заснул. Долго ли он спал, Тийду и сам не мог бы сказать. Ему лишь запомнилось, как смутный сон, что к нему подходил знакомый старик и несколько раз давал ему глотнуть из своей фляги; после этого Тийду почувствовал прилив свежих сил и такую бодрость, будто в него заново вдохнули жизнь.

Проснувшись наконец, он увидел, что он один на обомшелой скале, и

понял, что старик ему только приснился. Но сон так подкрепил его силы, что он легко смог встать и направиться на поиски людей.

Идя вдоль берега, Тийду внимательно приглядывался, нет ли где тропинки или следов, которые могли бы его привести к человеческому жилью. Но куда бы он ни глянул, нигде не видно было никаких следов. Мох, песок и трава лежали нетронутыми, точно тут никогда не ступала нога человека или зверя. Что делать, на что решиться?

Ничего не придумав, Тийду пошел куда глаза глядят, надеясь, что ему посчастливится найти дорогу к людям. Пройдя с полверсты, он увидел красивый, пышный лиственный лес, но деревья все были незнакомые, ни одного из них он не знал. И здесь не было никаких следов людей или животных. Чем дальше он углублялся в лес, тем гуще становились заросли, тем труднее было продвигаться вперед.

Наконец Тийду выбился из сил и присел отдохнуть. На сердце у него стало тяжело, им овладели печаль и раскаяние. Он впервые подумал о том, что совершил тяжкий проступок: убежал из дому без разрешения и даже без ведома родителей, покинул своих и скитался, как бродяга, с места на место.

— Если меня здесь растерзают дикие звери, — говорил он, горько плача, — я буду наказан по заслугам. Мне не жаль моих сокровищ, канувших на дно морское, — как нажито, так и потеряно! Жаль только, что со мной нет волынки, которая помогла бы мне успокоить душу и развеять тоску!

Продвигаясь дальше, Тийду увидел дерево со знакомой ему листвой. Большие румяные яблоки сияли среди зелени так соблазнительно, что он решил их отведать. Быстро направился он к яблоне, и — вот удача! — оказалось, что более вкусных плодов он никогда в жизни не пробовал. Тийду наелся досыта и лег под деревом отдохнуть. «Если в этом лесу таких яблонь много, — подумал он, — мне тогда нечего бояться голода». Проснувшись, он съел еще несколько яблок, насовал их сколько мог в карманы и за пазуху и пошел дальше.

В густом лесу идти было трудно, местами приходилось пробираться сквозь чащу, и до сумерек Тийду не удалось выйти на открытое место или найти какую-нибудь тропинку. Он растянулся на траве и уснул, как на мягкой перине. Утром он позавтракал яблоками и с новыми силами двинулся дальше. Вскоре он вышел на полянку, лежавшую, как островок, среди дремучего леса. Здесь струился маленький ручеек с холодной, прозрачной водой.

Подойдя к ручью, Тийду случайно увидел в воде свое отражение и в испуге отпрянул на несколько шагов назад, дрожа, как осиновый лист. Но и любой храбрец испугался бы, случись с ним такая беда, как с Тийду-

музыкантом: он увидел, что нос у него — как борода у индюка, чуть не до пояса! Он ощупал себя рукой и убедился, что отражение его не обмануло.

Что теперь делать? В таком виде он не мог показаться людям — его могли убить, приняв за какого-нибудь дикого зверя. И то ли со страха нос показался ему так велик, то ли он и в самом деле беспрестанно вытягивался, но Тийду не мог теперь и шагу сделать, боясь споткнуться о собственный нос. Он опустил на землю и стал горько жаловаться на свою беду:

— Ох, только бы сюда никто не пришел! Только бы мне никому не попасться на глаза! Я скорее умру с голоду, чем с таким безобразным носом покажусь людям.

Если бы Тийду знал, что находится на острове, где нет ни единой живой души, он, может быть, и утешился бы. Но чем сильнее он горевал, тем больше распухал его нос и синел все ярче, как у рассерженного индюка.

Тут он увидел на кустах крупные орехи и решил их отведать, чтобы развлечься и успокоиться. Он нарвал полную горсть, раскусил орех и нашел под скорлупой очень сладкое ядро. Съев еще несколько орехов, он с удивлением заметил, что его безобразно длинный нос стал уменьшаться. Несколько минут спустя Тийду, взглянув на свое отражение в воде, увидел, что нос у него снова на месте и точно такой величины, как был всегда.

Печаль его сменилась радостью, и, словно принесенная ветром, у него появилась мысль: надо дознаться причины этого удивительного происшествия — почему нос его сперва вытянулся, а потом сократился? «Может быть, тут виноваты красивые яблоки?» — спросил он себя. Вытащив из кармана яблоко, он начал его есть. И как только первый кусочек яблока был проглочен, Тийду, глянув в воду, увидел ясно, как кончик его носа стал вытягиваться. Шутки ради он съел все яблоко — и нос вырос длиною в целую пядь. Затем взял два-три орешка, разжевал их ядрышки, проглотил, и — вот чудеса! — нос его стал уменьшаться, пока не достиг прежних размеров.

Теперь Тийду стало понятно, почему его нос вытягивался, а потом опять уменьшался. «Я считал это приключение бедой, — подумал он, — а оно может для меня и счастьем обернуться, если мне удастся снова попасть к людям». Он набил себе карманы орехами и поспешно направился по своим следам обратно к яблоне. Никаких других следов здесь не было, поэтому он легко нашел ее. Ободрав кору с нескольких молодых деревьев, Тийду сплел корзинку и наполнил ее яблоками. Но так как уже близилась ночь, то путник дальше не пошел, а заночевал тут же.

И снова приснился ему удивительный сон: будто знакомый старик поит его из своей фляги и советует ему пойти по старым следам обратно к берегу, где он непременно найдет людей. Под конец старик проговорил:

— За то, что ты не пожалел об утонувших богатствах, а горевал только о своей волынке, я подарю тебе на память новую.

Утром Тийду припомнил свой сон; но кто смог бы описать радость, которая овладела им, когда на земле, рядом с корзинкой, он увидел обещанный подарок! Тийду схватил волынку и на радостях так заиграл, что весь лес зазвенел ему в ответ. Наигравшись всласть, он зашагал обратно той же дорогой, направляясь к морю.

Время уже перевалило за полдень, когда Тийду достиг берега и увидел стоявший невдалеке корабль, на котором матросы что-то исправляли. Моряки очень удивились, заметив на берегу человека: они считали остров необитаемым. Шкипер приказал спустить шлюпку и отправил на берег двух матросов. Тийду рассказал им, как погиб его корабль и как он сам по милости божьей чудом спасся от верной смерти. Шкипер обещал отвезти его без всякой платы обратно в страну Кунгла, куда корабль как раз и направлялся. Во время плавания Тийду развлекал шкипера и матросов прекрасной игрой на волынке. Через несколько дней, когда судно достигло берегов земли Кунгла, музыкант со слезами на глазах поблагодарил шкипера, выручившего его из беды, и обещал честно расплатиться за услугу, как только наступят для него лучшие времена.

Через несколько дней он прибыл в королевскую столицу, в первый же вечер вышел играть на волынке и заработал столько денег, что смог заказать себе другую, необычную одежду. Затем положил в корзинку несколько румяных яблок и пошел к воротам королевского дворца, надеясь там выгодно продать свой товар. И верно — вскоре появился один из королевских слуг, купил красивые яблоки, заплатил за них больше, чем Тийду запросил, и велел торговцу прийти и на следующий день. Однако Тийду помчался прочь от дворца, точно у него пятки горели. Он и не думал возвращаться со своим товаром, так как прекрасно знал, что от его яблок у людей начнут вытягиваться носы. В тот же день он заказал себе другое платье и купил длинную черную бороду, которую и приклеил к подбородку. Этим он настолько изменил свой облик, что даже близкий знакомый не мог бы его узнать. В какой-то харчевне на дальней окраине города Тийду нанял себе жилье и назвался чужеземным знахарем, умеющим излечивать от всех болезней.

На другой день весь город был взволнован несчастьем, случившимся во дворце: король, королева и их дети, поев яблок, купленных вчера у

незнакомого торговца, внезапно заболели. Чем они больны, никто не говорил. Во дворец созвали врачей, лекарей и знахарей со всего города, но ни один из них не смог помочь королевской семье, потому что никто еще не встречался с подобной болезнью. Позже пошел слух, будто это какая-то странная болезнь носа.

Тогда врачи и знахари собрались вместе и посоветовались между собой; кое-кто из них предложил отрезать непослушные носы. Но король и его семья не пожелали терпеть боль, которую причинило бы такое лечение.

Тут до короля дошел слух, что в харчевне на окраине города живет приезжий знахарь, умеющий излечивать все болезни. Король послал туда свою карету с четверкой лошадей и велел привезти знахаря во дворец. Тийду чуть ли не полночи потратил на то, чтобы придать себе другой облик; это ему удалось, и теперь в нем никто не мог бы узнать прежнего музыканта и торговца яблоками. Говорил он таким ломаным языком, что его речей никто не понял бы, если бы он не пояснял их различными знаками.

Прибыв в королевский дворец, он осмотрел больных необычной болезнью, назвал ее «индюшиной хворью» и пообещал излечить недуг без помощи ножа. У короля и королевы носы выросли уже длиной в локоть и все еще продолжали расти. Тийду-музыкант принес в коробочке мелко истолченный орех, дал каждому больному щепотку этого лекарства, велел держать больных в темной комнате и дать им хорошенько пропотеть в перинах, чтобы выгнать болезнь из тела. Когда больных через несколько часов вынесли на свет, у всех оказались их прежние обычные носы.

Король так обрадовался, что готов был отдать полкоролевства искусному знахарю, излечившему его самого и его семью от ужасной болезни. Но Тийду-музыкант после несчастья, случившегося с ним на море, избавился от своей прежней жадности. Он попросил лишь столько денег, сколько нужно было, чтобы купить поместье; там он собирался мирно прожить до конца своих дней.

Но король все же заплатил ему в три раза больше. Тийду поспешил в гавань и сел на корабль, чтобы отправиться на родину. Перед отплытием он отклеил свою фальшивую бороду, сбросил причудливую одежду и надел обычную. Шкиперу, который вывез его с необитаемого острова, он уплатил за проезд.

Прибыв к родным берегам, он немедленно отправился в свою родную деревню. Оказалось, что отец его, два брата и три сестры еще живы, а мать и трое других братьев уже сошли в могилу. Тийду не давал о себе знать родным, пока не купил поместье. После этого он устроил роскош-

ный пир, на который пригласил всех родственников. За столом он открылся им, сказав:

— Я Тийду, ваш ленивый сын и брат. Ни к какому делу я не был пригоден, родителям приносил одни лишь огорчения и, в довершение всего, тайком убежал из дому. Но судьба была ко мне милостива больше, чем я того заслуживал, поэтому я и возвратился к вам богатым человеком. Теперь я прошу вас всех переселиться в мою волость, а отец до конца дней своих будет жить в моем доме.

Через несколько лет Тийду женился на кроткой девушке, у которой только и было приданого, что милое личико да доброе сердце. Когда закончился свадебный пир и молодые удалились в свои покои, Тийду увидел там несколько больших сундуков и ящиков, а в них — все свои богатства, когда-то затонувшие в море. В одном из ящиков он нашел листок бумаги, на котором было написано следующее: «Доброму сыну, который заботится о своих родных, даже пучина морская возвращает потерянные им сокровища».

Но кто был тот всеильный старик, который направил музыканта по верному пути, спас его от гибели и излечил от жадности, — Тийду так никогда и не узнал.

Жив ли сейчас кто-либо из потомков Тийду-музыканта, я не знаю; но если они где-нибудь и есть, то это, наверное, такие важные бары, что от них крестьянской курной избой и овином уже и не пахнет.

ДОБРЫЙ ДРОВОСЕК

ошел однажды мужичок в лес по дрова. Выбрал он березку и хотел было ее срубить, но береза, завидев топор, заговорила жалобно:

— Не руби меня! Я еще так молода, у меня много детей, они будут плакать, если я умру.

Мужичок внял ее мольбе, оставил березу и направился к дубу. Увидев топор, дуб стал жалобно просить:

— Дай мне еще пожить на свете, я так молод и полон сил, а желуди мои еще не созрели и не годны на семя. Если все мои плоды погибнут, как же будущие поколения людей смогут вырастить дубовые леса?

Мужичок согласился с ним и подошел к ясеню. Увидев топор, яшень стал умолять:

— Не руби меня! Я еще молод и вчера только высватал себе невесту. Что с ней, бедняжкой, станется, если ты меня срубишь?

Мужичок исполнил и его просьбу и пошел к клену, чтобы его срубить. Но клен взмолился:

— Не губи меня! Дети мои еще малы и беспомощны. Что с ними будет, если ты меня срубишь?

Мужичок внял его мольбам и пошел к ольхе, хотел ее срубить. Увидев топор, ольха заговорила жалобно:

— Позволь мне еще пожить на свете! Я сейчас как раз в полном соку и должна питать множество маленьких существ. Что же с ними будет, если ты меня срубишь?

Мужичок послушался и ее и подошел к осине, чтобы ее срубить, но осина принялась жалостно умолять его:

— Не руби меня! Создатель сотворил меня, чтобы я шелестела листьями на ветру и по ночам пугала лиходеев, замысливших недоброе дело. Что будет с людьми и миром, если ты меня погубишь?

Мужичок выполнил ее просьбу и пошел к черемухе. Но черемуха, увидев топор, стала жалостно просить:

— Пощади меня! Я как раз в цвету и должна дать приют соловью, который весной поет среди моих ветвей. Где люди смогут послушать прекрасное пение, если ты меня срубишь и соловьи улетят из наших краев?

Мужичок согласился с ней и пошел к рябине, чтобы ее срубить. Но рябина взмолилась:

— Не руби меня! Цветы, которые ты видишь на мне, превратятся в гроздь ягод. А осенью и зимою этими ягодами питаются птицы. Что станет с бедняжками, если ты меня срубишь?

Мужичок внял ее мольбе и подумал: «Видно, с лиственными деревьями мне делать нечего. Пойду-ка я к хвойным, попытаю счастья».

Он подошел к ели и хотел ее срубить. Но ель, завидев топор, стала жалобно просить:

— Не губи меня! Я еще молода и крепка, мне надо растить свое потомство, зимою и летом зеленеть людям на радость. Где они найдут себе приют, если ты меня срубишь?

Мужичок подошел к сосне и хотел ее срубить. Но сосна взмолилась:

— Пощади меня! Я еще молода, крепка и, подобно ели, вечно зелена. Жаль будет, если ты меня срубишь.

Мужичок подошел к можжевельнику, чтобы его срубить, а можжевельник стал его умолять:

— Не надо меня рубить! Из всех лесных деревьев я — самая большая ценность, я всем полезен, ибо излечиваю от девяноста девяти болезней. Что станет с людьми и животными, если ты меня срубишь?

Тогда мужичок присел на кочку и задумался: «Вот чудеса! Каждое дерево говорит на своем языке и находит такие жалостные слова, что духу не хватает топор поднять. Что мне делать, если нигде не сыщешь дерева, которое молча позволило бы себя срубить? Сердце мое не может устоять перед их мольбой. Не будь у меня жены, я, пожалуй, вернулся бы домой с пустыми руками».

Тут из чащи вышел старик с длинной седой бородой, в рубашке из бересты и кафтане из еловой коры. Старик спросил:

— Что ты, братец, сидишь тут на кочке, пригорюнившись? Обидел тебя кто-нибудь, что ли?

Мужичок ответил:

— Как же мне не горевать? Взял я утром топор, пошел в лес, хотел нарубить дров и отвезти домой. Но что за чудо! — весь лес словно ожил, у каждого дерева свой разум, свой язык, каждое дерево находит жалостное слово, чтобы отстоять себя. А у меня духу не хватает их не слушать. Будь что будет, а живые деревья я рубить не стану!

Старик ласково взглянул на него и произнес:

— Спасибо тебе, землячок, что ты не остался глух к мольбам моих детей. В награду за твою доброту я позабочусь о том, чтобы ты никогда ни в чем не нуждался. Ты не пролил крови моих детей, и это принесет тебе счастье: не только в дровах, но и ни в чем другом ты не будешь терпеть нужды, тебе надо будет только вслух высказать свое желание. Но смотри, чтобы желания твои не были чрезмерными. Уговори также жену и детей, чтобы они ничего невыполнимого не желали, не то вместо счастья придет беда. Вот, возьми этот золотой прутик и береги его, как свою душу.

С этими словами старик дал мужику золотой прутик длиной в две пяди и толщиной с вязальную спицу, потом прибавил:

— Если захочешь построить дом или выполнить какую-нибудь другую работу, походи к муравейнику и трижды взмахни над ним этим прутом, но осторожно, чтобы не ударить по нему и не причинить вреда маленьким существам. При этом прикажи муравьям выполнить работу, какая тебе нужна, и на другой день все будет готово. Захочется тебе есть — прикажи кухонному котлу приготовить кушанье, какое тебе требуется. Если же придет охота поесть сладкого, покажи этот прутик пчелам и вели им приниматься за дело. Они принесут тебе столько меда, что ты со своими домашними и съесть его не сможешь. Захочется тебе попить сока лесных деревьев — прикажи березе и клену, они немедленно выполнят твою волю. Оляха даст тебе молоко, а можжевельник исцелит от болезней, стоит тебе только приказать. Котел будет каждый день варить тебе рыбу и мясо, и тебе не нужно будет убивать живые существа. Если тебе понадобится полотно, шелк или шерсть для одежды, позови пауков, и они соткут тебе ткань, какую ты прикажешь. Ты ни в чем не будешь нуждаться, все будет у тебя в изобилии, в награду за то, что ты пощадил моих детей. Я — Лесной отец, которого создатель поставил повелителем над всеми деревьями.

Затем старик попрощался с мужичком и тотчас же скрылся.

Но у мужика была злая-презлая жена. Она встретила его на дворе и, увидев, что муж возвращается из лесу с пустыми руками, еще издали начала браниться.

— Где же твои дрова? — кричала она.

Муж спокойно ответил:

— Растут себе в лесу, как и росли.

Тут жена крикнула злобно:

— Эх, пусть бы все березовые ветки сами в розги связались да и выдубили твою ленивую шкуру!

Тогда муж незаметно взмахнул волшебным прутиком и тихо, чтобы жена не слышала, проговорил:

— Пусть розги на твоей спине попляшут!

И вдруг жена как завопит:

— Ай-ай-ай! Ой, как больно! Ай, как больно! Ох, пощадите, пощадите!

Она кричала, прыгала и извивалась, хватаясь то за один бок, то за другой, словно на нее градом сыпались удары. Когда муж решил, что жена достаточно наказана, он отдал волшебному прутику нужный приказ.

Так он убедился, что за чудесную вещь повелитель лесов подарил ему: волшебный прутик, сверх всего прочего, мог пригодиться и для того, чтобы наказывать злую жену.

У мужика стояла на дворе полуразвалившаяся клеть, и он захотел в тот же день проверить, как муравьи справятся с постройкой. Он подошел к муравейнику, трижды взмахнул над ним золотым прутиком и произнес:

— Постройте у меня на дворе новый амбар!

Проснувшись утром, он увидел, что приказание его выполнено.

Не было теперь на свете человека счастливее нашего доброго дровосека. О еде ему и его семье не приходилось больше заботиться. Чего бы душа ни пожелала, что бы ни приказал золотой прутик — все это котел сам стряпал и сам подавал на стол, так что людям оставалось только есть эти кушанья. Пауки ткали им различные ткани, кроты пахали землю, а муравьи засеивали ее. Осенью они же и убирали урожай, так что человеческих рук нигде и не нужно было. А если у злой жены иногда развязывался язычок и она принималась бранить мужа, то сама же от этого и страдала — золотой прутик каждый раз ее больно наказывал. Тут, пожалуй, иной муж вздохнет с завистью: «Вот бы мне такой чудесный прутик!»

Обладатель золотого прутика жил счастливо до конца своих дней, потому что никогда не высказывал желаний, казавшихся ему невыполнимыми. Перед смертью он оставил волшебный прутик в наследство своим детям и наказал им, так же, как и ему самому наказывал Лесной отец, осмотрительно пользоваться этой чудесной вещью и не высказывать неразумных желаний. Дети во всем следовали наставлениям отца и прожили свой век счастливо, как и он.

Но вот случилось так, что уже в третьем поколении золотой прутик достался человеку, который нарушил запрет своих родителей, высказывал много вздорных желаний и тем зря утруждал волшебный прутик. Сперва большой беды в этом не было, так как от совсем неосуществимых желаний человек этот все-таки воздерживался. Но вскоре ненасыт-

ному этого показалось мало, и он принялся испытывать могущество прутика всякими невыполнимыми требованиями. Так, он однажды приказал пруту стащить солнце с небес, чтобы оно погрело ему спину. Прутик, правда, повиновался, но так как солнце на землю спуститься не может, то создатель обрушил на безумца пылающие солнечные лучи, и он сгорел дотла вместе со своим домом. На том месте, где стояли строения, не осталось никаких следов. И даже если волшебный прут не расплавился в огне, все равно никто не может указать место, где его искать, и путей к нему.

В народе говорят также, что солнечные лучи, упавшие на землю в тот злополучный день, так испугали лесные деревья, что те онемели, и с тех пор люди не слышали от них ни единого слова.

ЗАКОЛДОВАННОЕ РУЖЬЕ

ил-был на свете умелый и удачливый охотник; когда бы он ни пошел в лес, летом или зимой, каждый раз возвращался с богатой добычей. Бывало чуть подвернется ему под выстрел птица или зверь — считай, что они уже у охотника в мешке: никогда не случалось ему палить в белый свет, заряд попадал без промаха в намеченную дичь.

Но вот как-то вдруг — кто с ним сыграл такую злую шутку, неведомо, — пропало его охотничье счастье. Птицы и четвероногие держались от него далеко, а если и удавалось стрелку подобраться к ним на выстрел, заряд все равно шел на ветер. Охотник, правда, тотчас же понял, что с его ружьем дело неладно; уж он его и промывал, и чистил, и зарывал на три дня под дверной порог, через который переступали женщины, — ничто не помогало.

Больше недели бродил он по лесу, исходил его вдоль и поперек, каждый день палил без толку, а в сумке по-прежнему было пусто — ни хвоста, ни рога, ни пера, ни шерсти.

Возвращаясь как-то вечером из лесу, зашел он в корчму, чтобы глотком вина залить свою досаду, но и в вине не нашел утехи. Набив трубку и закулив, охотник уселся за стол и задымил своей носогрежкой. Случайно подняв глаза, он увидел незнакомого человека, сидевшего в углу, в самом конце стола. Ни трубки в зубах, ни пивной кружки у этого гостя не было. Он рисовал мелом какие-то черточки на столе, подсчитывал их, стирал, затем принимался чертить новые, словно решал бог весть какую мудреную задачу.

Так прошло порядочно времени. Охотник велел себе подать штоф пива, изредка отхлебывал из него, чтобы промочить горло, но не произносил ни слова, занятый своими мыслями так же, как незнакомец — своими черточками. Наконец корчмарь вышел из-за прилавка и промолвил:

— Землячки, если вам от меня больше ничего не требуется и вы не

собираетесь тут ночевать, то отправляйтесь по домам! Я хочу запереть дверь и лечь спать.

Охотник ответил:

— Дай мне, братец, набить трубку и закурить, и я пойду.

Закурив трубку, он взял в углу свое ружье, попрощался и вышел. Вслед за ним вышел и молчаливый незнакомец. При свете луны охотник увидел, что человек этот высокого роста, много выше его самого, и слегка прихрамывает на одну ногу. Видя, что незнакомец не отстает от него, охотник остановился и спросил:

— Не по дороге ли нам?

Незнакомец ответил:

— Может быть! Путь мой лежит туда, куда ведут чьи-нибудь следы, безразлично — налево или направо.

Охотник сказал на это:

— Я иду домой.

— Мне все равно, — произнес незнакомец, усмехнувшись, — я проложу тебя немного, потому что мой дом там, куда мне случится попасть.

Охотник спросил, что за черточки его спутник весь вечер писал на столе, а потом подсчитывал. Незнакомец ответил:

— Я считал свои сегодняшние дела и увидел, что одного не хватает. Поэтому надо мне поторапливаться, чтобы до полуночи еще одну рыбку поймать.

— Вы, значит, рыбак? — спросил охотник.

Незнакомец ответил:

— Как случится — бываю и рыболовом, и птицеловом, смотря по тому, что от меня потребуют. Мне вечно приходится ради других людей сапоги трепать. Но скажи мне, земляк, чем ты так огорчен, что ни вино, ни пиво не пришлись тебе по вкусу?

Охотник стал рассказывать о своей беде: ружье его, мол, словно заколдовано, а звери и птицы не подпускают его к себе на выстрел. Если какая-нибудь дичь и оказывается поблизости, все равно заряд не попадает в цель.

Выслушав охотника, незнакомец произнес:

— Видно, тот, кто испортил твоё ружье, — большой хитрец, и против него все твои старания напрасны. Тебе остается одно — просить помощи у старого хозяина, только он и может тебе помочь.

Охотник спросил:

— Кто же этот старый хозяин и где он живет? Я о таком ничего не слышал.

— Кто он и где живет? — повторил незнакомец. — Этого я тебе сказать не могу, но научу тебя, как и где с ним встретиться, чтобы пожало-

ваться на свою беду. Послезавтра, в четверг вечером, как раз наступает полнолуние. Выйди в полночь на перекресток дорог, свистни три раза и жди, пока он не появится. Ружье захвати с собой. Сейчас ты своим ружьем ни одного зверя убить не можешь, хоть и уткнешь ему дуло в самый бок. Потехи ради я стану в пяти шагах от тебя, а ты заряди ружье крупной пулей и стреляй в меня — в голову, в сердце, в живот — словом, куда хочешь. Никакого вреда ты мне причинить не сможешь.

— А вдруг я тебя пораню? — спросил охотник.

— Ну, тогда это будет моя вина, — ответил незнакомец, — и тебе отвечать не придется. Только пометь пулю, чтобы потом ее узнать.

Охотник зарядил ружье — взял волчью пулю, зубами сделал на ней отметку и, высыпав заряд пороха, всадил крепкий пыж из промасленной тряпки. При этом он подумал: «Убить человека для забавы — большой грех. Но я все же его подстрелю, чтобы отучить от подобных шуток; я загоню ему пулю в левую ляжку — он все равно уже на левую ногу хромает». Охотник прицелился своему спутнику в бедро, на пядь выше колена, так, чтобы пуля прошла, на задев кости.

Незнакомец стоял не шевелясь в пяти шагах от него. Ружье с треском выстрелило, а человек смеясь подошел к охотнику и сказал:

— На, возьми свою пулю! — и подал ему пулю. Тот сразу же по отметке узнал ее, незнакомец же был цел и невредим, и даже одежда его не пострадала.

— А ну тебя к лешему, вместе с моим ружьем! — сердито вскричал охотник. — И ты, и ружье, видно, заколдованы, либо сам черт в вас вселился.

Незнакомец ответил со смехом:

— Я же говорил тебе, что твое ружье сейчас ни единому живому существу не может причинить вреда. Тут нужно более мудреное лечение, чем твое. Ступай, как я тебя учил, послезавтра вечером на перекресток и проси помощи у старого хозяина.

Разговаривая, они вышли на дорогу, ведущую к деревне, и здесь расстались, не попрощавшись: охотник направился по дороге в деревню, а незнакомец свернул в сторону. Охотник уходя слышал, как незнакомец пробормотал про себя:

— Теперь мой сегодняшний счет сходится!

В четверг вечером охотник, как ему было велено, отправился на перекресток искать свою пропавшую удачу. Хоть сердце у него и замирало от страха, он все же свистнул три раза и стал ждать, что будет дальше. Вдруг с севера до него донесся шум, будто надвигалась грозовая туча, три раза молнией вспыхнул яркий свет, и перед охотником предстал маленький старичок с рыжей бородой. Как он сюда попал —

прилетел ли на крыльях ветра или появился из-под земли, — охотник сказать не мог, так как не видел его приближения.

Старичок спросил:

— Ты зачем меня вызвал? Что тебе нужно?

Охотник рассказал ему все с начала до конца: о том, что ружье его, видно, заколдовано, что ни к зверю, ни к птице он подобраться не может, а если дичь и оказывается близко, все равно заряд идет на ветер.

Старик молвил в ответ:

— Если хочешь, чтобы я тебе вернул охотничье счастье, нам надо сперва сговориться — до каких пор я должен тебе служить.

Охотник ответил:

— До конца моей жизни.

— Ладно, — сказал старик, — охотничье счастье я тебе верну, но смотри, чтоб оно тебе не вскружило голову.

Старичок сунул руку в свою суму, вытащил горсть березовых почек, дал их охотнику и промолвил:

— Дома сшей маленький мешочек и ссыпь в него эти почки. Когда будешь ходить на охоту, клади мешочек в карман или за пазуху. Зверья и птицы сможешь добывать сколько захочешь, но дичь в лесу переводиться никогда не будет: что ты сегодня застрелишь, завтра опять окажется на месте. Но смотри не убивай из своего ружья самую крупную птицу или животное, которые идут впереди стада или стаи как вожаки, не то лишишься своего счастья, а вместе с ним и жизни. А теперь дай мне три капли своей крови, чтобы скрепить сделку.

Услышав это, охотник испугался. Он стоял в нерешительности, не зная, что делать. Старичок, словно угадав его мысли, сказал:

— Делай как знаешь, тебя никто не принуждает, договор у нас добровольный. Хочешь по-прежнему возвращаться с охоты с пустыми руками — не давай своей крови; но если желаешь охотничьим промыслом нажить богатство, ты должен скрепить нашу сделку тремя каплями крови.

Охотник вытащил из своей шляпы иглу, которой дома шил постолы, кольнул себя в безымянный палец левой руки и выжал три капли крови. Старичок собрал кровь на кусочек бересты, а бересту спрятал в карман. Затем он три раза дунул в дуло ружья и весело сказал:

— Ну, теперь все в полном порядке, ружье твое свободно от колдовства и будет стрелять без промаха. Я подарю тебе еще в придачу такую пулю, что сможешь ею отплатить колдуну, испортившему твое ружье. Выстрели ею в воздух и скажи при этом, в какую часть тела пуля должна поразить твоего врага. И пуля попадет в цель, хоть за десятки верст.

Охотник взял пулю, поблагодарил и хотел было, прощаясь, сказать: «Ну, с богом!» — но старичок зажал ему рот рукой и велел молчать. В тот же миг он исчез тем же чудесным образом, как и появился.

Охотник зашагал домой. Он решил на другой же день отправиться в лес попытать счастья и проверить, не обманул ли его старик. «Если обещание его сбудется, — думал охотник, — значит, мне повезло. Жаль только, что я дал в залог три капли крови; но, быть может, со временем удастся изменить наш уговор или же хитростью вырваться из силков».

Придя домой, он как был, в одежде, бросился в постель, чтобы поспать часа два-три, а рано утром пойти в лес попробовать, помогло ли его ружью диковинное лечение. Но спал он беспокойно: как только веки его опускались, ему чудились стаи птиц и зверей, с шумом проносившиеся мимо, и он просыпался.

На рассвете он вскочил с постели, зарядил ружье, сунул в карман мешочек с волшебными почками, перекинул через плечо охотничью сумку и хотел уходить, даже не поев. Только в дверях он вспомнил, что надо чего-нибудь перекусить, чтобы обмануть птиц*.

В лесу ему навстречу вылетела стая тетеревов; впереди летел большой матерый самец. Охотник не тронул его, а прицелился в середину стаи. Прогремел выстрел и — шесть тетеревов упали на землю к его ногам.

— Спасибо, старый хозяин! — воскликнул охотник. — Я вижу, ты сдержал свое слово, выполнил обещание!

Тут он вспомнил о пуле, которую получил в придачу, чтобы наказать колдуна, испортившего его ружье. «Отплачу-ка злодею по заслугам, — подумал он, — пусть знает, что с моим ружьем шутки плохи».

Охотник зарядил ружье порохом, вложил пулю и выстрелил в воздух, проговорив:

— Прострели колдуну оба колена!

Довольный сегодняшней охотой, он захватил убитых птиц и направился домой.

Когда он вышел на открытое поле, перед самым его носом взлетела стая куропаток с очень крупной птицей впереди. Охотник подумал: «Жаль, что ружье не заряжено, можно бы еще раз попытать счастья». Птицы как будто поняли его мысль и, отлетев шагов на двести, снова опустились на землю. Охотник зарядил ружье и двинулся за ними. Стая опять взлетела, охотник пропустил вожака, выстрелил в середину стаи и — гляди-ка! — дюжина куропаток упала на землю.

— Ого! — вскричал охотник. — Если так дело пойдет и дальше, пеш-

* По старинному эстонскому поверью, не следует выходить из дому, не повеши: того, кто натоцак услышит крик перелетных птиц, ожидает несчастье. (*Прим. перев.*)

ком ходить в лес не придется, надо будет телегой выезжать за добычей.

И правда, с тех пор охотник каждую неделю вывозил в город на рынок целый воз дичи, а птицы в лесу не убавлялось; охотнику казалось даже, что чем больше он истребляет птиц и зверей, тем больше их становится в лесу.

Но от такой беззаботной жизни и легкого труда, больше похожего на забаву, охотник совсем избаловался, а вместе с тем и пристрастился к вину. Целыми днями болтался он в корчме и вечером редко возвращался домой трезвым. Во хмелю он не раз хвастался своей сделкой со старым хозяином, и в народе пошла молва о том, что охотник продал душу нечистому.

Однажды в ясную лунную ночь охотник возвращался из корчмы с заряженным ружьем за плечами. В поле он увидел стаю лисиц. Вожак их бежал впереди; это был красивый и крупный зверь, и охотник с пьяной головы совсем забыл, что по уговору ему запрещено убивать самое большое животное. Он быстро вскинул ружье, прицелился в большую лисицу и спустил курок. В тот же миг упал мертвым не зверь, а сам охотник.

На другое утро крестьяне нашли его тело в поле, примерно в версте от деревни, и увидели, что пуля попала ему в сердце. Ружье лежало в нескольких шагах от него, дулом в другую сторону, поэтому ясно было, что человек не сам застрелился.

Соседи отнесли его домой и принялись сколачивать гроб. Перед ними то и дело появлялась большая черная кошка, которую до того никто не видел. Покойник лежал на столе под белой простыней. Когда гроб был готов и в него собирались положить тело, мужичкам опять пришлось натерпеться страху: сняв простыню, они увидели, что мертвец исчез, а на его месте лежит соломенное чучело. Вместе с мертвецом пропала и большая черная кошка, в образе которой, несомненно, являлся сам нечистый.

Потом люди узнали, что у старого знахаря, который жил близ деревни и долгое время лежал больным, отнялись ноги от самых колен, так что он мог ходить только на костылях. Как видно, ноги у него были прострелены той пулей, которую охотник послал в колдуна, испортившего его ружье.

Из этой истории каждый видит, что дать нечистому своей крови — значит продать ему душу. Черту только дай палец — он тебя и всего заберет вместе с твоей рукой.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В рождении эстонской национальной литературы, так же как в процессе возникновения литератур других народов, огромную роль играло народное творчество — песни, сказки, мифы. Эстонский народ, на протяжении долгих веков томившийся в кабале у иноземных захватчиков, мог выражать свои чувства, мысли и чаяния только в этих традиционных формах; хотя книги на эстонском языке выпускались уже начиная с XVI века, дело их издания находилось в руках порабитителей народа и служило их целям. Об эстонской национальной литературе можно говорить только с того времени, когда началось издание произведений народной поэзии.

Таких творений, послуживших краеугольным камнем в развитии эстонской национальной литературы, имеется, как известно, два: это составленный Ф. Р. Крейцвальдом на основе героических народных преданий эпос «Калевипоэг» (1857—1861) и переработанные этим же автором «Старинные эстонские народные сказки» (1866).

Как эпос «Калевипоэг», так и собрание «Эстонских сказок» Крейцвальда появились в условиях острого кризиса феодально-крепостнического строя и зарождения капитализма в Эстонии. Хотя крепостное право формально было отменено в 1816 году в Эстляндии и в 1819 году в Лифляндии, многие пережитки крепостничества фактически сохранялись еще на протяжении полувека. Шла ожесточенная классовая борьба, находившая свое выражение в крестьянских волнениях и восстаниях.

Реакционная политика помещиков и царских властей препятствовала не только экономическому, но и культурному развитию страны. Помещики и их идеологи пытались представить полукрепостнический строй как вечный и наилучший, а эстонских крестьян как «неполноценных» уже в силу своей «расовой ограниченности»; эстонцы — утверждали они — не способны создать свою национальную культуру, а должны неизбежно ассимилироваться с немцами.

Против этого реакционного, по существу расистского учения выступали представители эстонской демократической культуры, прежде всего врачи Ф. Р. Фельман и Ф. Р. Крейцвальд, а потом, начиная с 1870-х годов, учителя и публицисты К. Р. Якобсон, М. Веске и другие. Они были крепкими узлами связаны с народом, верили в его творческие силы, высоко ценили народную поэзию, видели в ней основу национальной культуры. И здесь первостепенное значение имели названные выше произведения Фридриха Рейнгольда Крейцвальда (1803—1882), выдающегося просветителя-демократа, основоположника эстонской национальной литературы.

Чтобы понять, насколько велико значение Крейцвальда в истории эстонской культуры, необходимо знать условия и обстановку, в какой протекала его деятельность. Крейцвальд сам вышел из среды эстонского крестьянства, жестоко эксплуатируемого помещиками, политически бесправного, жившего в нужде и темноте. Он был одним из немногих эстонцев, первыми получивших высшее образование; глубоко любя свой народ, он посвятил всю свою жизнь служению его интересам, его просвещению. Свои произведения Крейцвальд писал в условиях, когда не существовало даже сформировавшегося эстонского литературного языка, в условиях, когда малейшее проявление

свободной мысли преследовалось цензурой. И несмотря на это, Крейцвальд сумел во многих областях культурной жизни того времени сказать свое, новое слово, создать произведения, вошедшие в золотой фонд эстонской литературы.

Ф. Р. Крейцвальд родился 26 декабря 1803 года в Вирумаа, на мызе Йыэпере, в семье крепостного мызного сапожника. Семья была бедная, и юный Крейцвальд не имел возможности систематически учиться. Все же любознательный мальчик уже в раннем возрасте дома научился читать и писать, так как родители его оба были грамотными.

Вообще же в то время грамотность была среди крестьян явлением редким. Получить школьное образование было очень трудно, отсутствовали и отвечающие запросам народа книги для чтения. Зато широко было распространено устное народное творчество — народные песни, сказки, предания, меткие пословицы и поговорки.

Искусные рассказчики были для мызных барщинников желанными гостями. Их увлекательные старинные сказания и легенды помогали коротать длинные, скучные осенние и зимние вечера, будили мысль людей, обремененных тяжелым и однообразным трудом, являлись для них почти единственной духовной пищей и развлечением.

Здесь, в мызной риге или прядильне, и познакомился впервые юный Крейцвальд с богатствами народной поэзии. Сидя у горячей печи и поправляя лучину в светце, напряженно прислушивался будущий писатель к тому, что пели и рассказывали барщинники и «души»*. Здесь мальчик слышал сказки о хитрых гуменщиках, глупых пасторах, о сиротах и хозяйских дочках, о жернове, который сам мелет муку, о королевне, спящей на вершине стеклянной горы, слышал и предания о Калевипозге и его подвигах. И хотя он далеко не все мог запомнить или, как он сам писал, «не умел различить — что на стебельке сказки растет как стручок, а что — как самое зернышко», — все же впечатления, полученные юным Крейцвальдом в этот период, сыграли большую роль в формировании будущего писателя.

Именно здесь, в тесном общении с мызными барщинниками, Крейцвальд узнал, как тяжела доля крестьянского люда, и научился любить и ценить его устное поэтическое творчество. С горестью наблюдал он крестьянскую нищету и голод, бесправное положение барщинника и батрака, слышал рассказы о произволе судей — гагенрихтеров, о жадности пасторов, собственными глазами видел бессердечие и жестокость помещиков, бесчеловечное обращение их с крестьянами. Все это порождало в душе юноши возмущение против угнетателей, которое с годами росло все больше.

У рассказчиков и певцов Крейцвальд заимствует гибкий, выразительный и богатый язык. Яркие пословицы и поговорки, в которых отражена вековая народная житейская мудрость и народный склад мысли, учат его скупой, сжатой и образной речи. Красивые сказки, с их причудливой фабулой, развивают воображение юноши. Он замечает также, что в сказках ясно отображены думы и чаяния народа, тесно связанные с его жизнью и бытом, его суждения, взгляды, стремления.

Устное поэтическое творчество, в котором проявляется стихийно материалистическое мышление народа, его протест против эксплуатации и угнетения, стало первым и главным идеологическим фактором в формировании мировоззрения Крейцвальда.

Способному и энергичному юноше пришлось из-за бедности его родителей испытать на пути к образованию немало трудностей. Он вынужден оставить уездное училище, не окончив его. Только в 1820 году удается ему закончить училище в Таллине, а через некоторое время сдать экзамены на звание учителя начальной школы.

* «Душами» называли батрачек, которых крестьянин должен был посылать отрабатывать барщину на мызе.

Чтобы добыть средства к существованию и продолжать учение, Крейцвальд работает школьным, а затем домашним учителем в Таллине и Петербурге, готовясь в то же время к окончанию гимназии. В 1826 году его зачисляют студентом медицинского факультета Тартуского университета.

Произошло для того времени необычайное событие — сын бывшего крепостного был принят в университет. Крейцвальд на себе испытал все трудности, которые приходилось преодолевать бедному крестьянскому сыну на пути к образованию. Он пишет в одном из писем, относящихся к 1862 году: «Я отлично знаю все те пути, что сковывают шаг эстонского юноши, пока ему удастся с деревенских полей попасть в среду людей образованных».

Тартуский университет являлся одним из центров науки и высшего образования в России того времени. Несмотря на старания помещиков и клерикалов, стремившихся превратить университет в оплот реакции, здесь продолжала развиваться передовая научная и общественная мысль.

Крейцвальд встретил в университете нескольких студентов-эстонцев. Здесь зародилась его дружба с Ф. Р. Фельманом (1798—1850), будущим выдающимся эстонским ученым и фольклористом, с которым Крейцвальда связывали общие интересы и стремления. Именно Фельман задумал составить на основе народных сказаний эпос «Калевипозг» и начал собирать для него материалы; после смерти Фельмана его замысел осуществил Крейцвальд.

Наряду с изучением медицины Крейцвальд слушал в университете лекции по эстетике и истории литературы и сам пробовал свои силы в поэзии. Летом, во время каникул, он приезжал в родные места и собирал народные песни и сказки.

Изучение естественных наук, несомненно, способствовало развитию рационалистического мировоззрения Крейцвальда.

После окончания университета Крейцвальд с 1833 по 1877 год работал городским врачом в Выру. Живя в отдаленном от центров маленьком городе, он тем не менее поддерживал тесную связь с наиболее видными деятелями демократического направления в национальном движении, возникшем в Эстонии в 60-х годах, принимал участие в их мероприятиях и своей разносторонней деятельностью помогал развитию прогрессивных элементов эстонской национальной культуры. Крейцвальд состоял также в переписке с рядом известных русских, финских и западноевропейских ученых.

Своему любимому делу, литературному творчеству, Крейцвальд, перегруженный работой и постоянно испытывавший материальные затруднения, мог посвящать лишь часы своего краткого досуга. Он не раз жаловался друзьям, что забота о хлебе насущном постоянно преследует его с детских лет и подрезает крылья всем его лучшим стремлениям. «Всей своей писательской работой... я обязан часам, которые урывал у ночного отдыха», — писал Крейцвальд в 1865 году.

И все же именно Крейцвальд оставил более обширное литературное наследство, чем кто-либо другой из эстонских писателей прошлого века.

Умер Ф. Р. Крейцвальд 25 августа 1882 года в Тарту.

*

Литературно-публицистическая деятельность Крейцвальда относится к периоду с начала тридцатых до конца семидесятых годов XIX века.

В. И. Ленин характеризовал просветителей 40-х—60-х годов как людей, которые воодушевлены горячей враждой к крепостному праву и всем его порождениям в

экономической, социальной и юридической области. Для них было характерно отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьянства, «искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние, и искреннее желание содействовать этому». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 519).

Эта ленинская характеристика в полной мере применима к Крейцвальду как выдающемуся эстонскому просветителю-демократу.

Крейцвальд был непримиримым врагом средневековых привилегий прибалтийских баронов. Он не сомневался в неизбежной гибели существующего строя, которая наступит тем скорее, чем больше «будут пытаться затыкать дыры в этой стене рыхлыми средневековыми камнями». Крейцвальд стоял на той точке зрения, что только представители, выбранные крестьянами из своей среды, могут отстаивать их права и интересы в суде и других учреждениях.

Уже в своих первых публичных выступлениях Крейцвальд смело встает на защиту интересов крестьян. Хотя в печати на эстонском языке официально запрещалось что-либо писать о положении крестьян, Крейцвальд стремился использовать каждую возможность, чтобы возвысить свой голос в защиту угнетенного крестьянства, выступая на немецком языке. Прибалтийские бароны ненавидели Крейцвальда и даже угрожали ему высылкой.

Борясь против экономического, политического и национального гнета прибалтийских баронов, Крейцвальд резко выступал и против их идеологического оплота — лютеранской церкви. Религию, проповедуемую пасторами, Крейцвальд называл «средством духовного оболванивания народа», она, по его мнению, является «самым опасным врагом человеческого общества, который препятствует всякому естественному прогрессу». Он называл пасторов «шайкой дармоедов в черных хламидах» и доказывал, что главная их цель — держать народ в темноте. В письме к художнику И. Кёлеру он писал: «Попы и проповедники в молельнях стремятся к тому, чтобы превратить человека в скотину, чтобы: эстонский народ, словно заведенная ими машина, работал только для их выгоды, создавал бы для них изобилие благ...»

Крейцвальд всю жизнь упорно боролся за высвобождение народа из-под влияния пасторов. Этой цели служило все его литературно-публицистическое творчество, которое должно было явиться противовесом литературной стряпне пасторов и кистеров, их попыткам внушить народу слепое преклонение перед авторитетами, приниженность, покорность существующим порядкам.

В своих выступлениях в печати Крейцвальд требует освобождения школы из-под опеки церкви, требует заменить зазубривание библейских текстов изучением естественных наук. «Если хотят ввести что-то новое, надо прежде всего просветить народ тогда владычеству духовенства над ним скоро придет конец», — утверждал Крейцвальд и посвятил все свои силы созданию литературы, которая служила бы просвещению народа, расширяла его кругозор.

Путем статей, выходивших в приложениях к календарям и в других изданиях («Муравей», I — 1843, II — 1861; «Мир и кое-что из того, что в нем находится», 1848—1849 и др.), Крейцвальд распространял в народе необходимые крестьянству сельскохозяйственные и другие элементарные научные знания. На основе своего многолетнего врачебного опыта он написал и издал популярный медицинский справочник «Домашний врач» (1879). Крейцвальд перерабатывает применительно к эстонским условиям сатирические народные книги «Рейнеке-Лис» (1850) и «Простаки» (1857), направленные против феодалов-помещиков и духовенства. В условиях того времени

эти произведения Крейцвальда, широко распространяемые в народе, имели большое просветительное значение.

Понимая, что наиболее необходимо народу для его культурного развития, Крейцвальд боролся за единый литературный эстонский язык и новое, народное правописание, против старого, немецкого правописания, которое не отвечало фонетике эстонского языка. Большая заслуга Крейцвальда состоит в том, что путем многочисленных полемических статей он сумел эту борьбу за единый язык и новое правописание сделать популярной среди широких народных масс и показать ее связь со всем антикрепостническим движением.

В числе наиболее значительных художественных произведений Крейцвальда необходимо отметить «Песни Вирусского певца» (1865) и посвященные отображению крестьянской жизни, публиковавшиеся в календарях повести (1865—1873), в которых затрагивались различные актуальные для того времени общественные проблемы. В поэме «Война» (1854), написанной в форме народного поэтического сказа, Крейцвальд повествует о доблести русских и эстонских солдат, сражавшихся во время Крымской войны.

С борьбой против крепостничества связана также деятельность Крейцвальда по собиранию и публикации творений народной поэзии. Крейцвальда, как и Фельмана, следует считать инициатором использования богатств народного творчества для создания эстонской национальной литературы. Крейцвальд видел в народной поэзии мощное орудие идеологической борьбы, средство мобилизации сил народа на борьбу против пережитков крепостничества, против национального гнета. При помощи народной поэзии он старался пробудить в народе уверенность в своих силах, показать, что эстонцам в их старинных преданиях и песнях «дано столько же духовных богатств, сколько и другим народам... и эти богатства покрывают их крестьянское житье прямо-таки чистым золотом».

Путем своей фольклористской работы Крейцвальд опровергал утверждения прибалтийских баронов и их приспешников, которые пытались доказать, будто эстонцы неспособны к развитию и созданию собственной культуры. Народное поэтическое творчество ярко свидетельствовало о богатых возможностях, заложенных в народе, и по своему художественному уровню могло равняться с творчеством любого другого народа.

Чтобы поднять в народе дух борьбы, уверенность в своих силах, показать ему его собственное героическое прошлое, обилие его духовных сокровищ, Крейцвальд приступает к осуществлению замысла, разработанного еще вместе с Фельманом: к составлению народного эпоса «Калевипоэг».

В течение десяти с лишним лет (1850—1861) Крейцвальд творчески перерабатывает записанные им народные предания, сказки и песни и соединяет их в единое художественное целое — величественную эпическую поэму. «Калевипоэг» явился высшим достижением его творчества; в нем воплощена идея борьбы за освобождение народа от всякого гнета и порабощения, отображены исторические события в Эстонии в XIII веке. Немецкие рыцари, до появления «Калевипоэга» прославлявшиеся как «носители культуры», показаны как злейшие враги эстонского народа. Калевипоэг предстает в эпосе как подлинный народный герой, в котором сочетаются лучшие черты самоотверженного труженика и отважного борца. В нем воплощено трудолюбие, мужество и упорство, стремление к просвещению, к знаниям. Эпос заканчивается вдохновенными

строками, в которых звучит горячая вера в силы народа, предсказывается его освобождение и грядущие счастливые времена.

В 1862 году вышло народное издание «Калевипоэга», которое оказало огромное влияние на массы, пробуждая их национальное самосознание. «Калевипоэг» имел поистине неограниченное значение для развития эстонской демократической культуры — литературы, искусства, общественной мысли. Отражая в сжатой, обобщающей форме жизнь, чаяния и стремления народа, эпос будил мысль, зажигал сердца, звал к единству в борьбе против угнетателей.

Тем же целям — пробуждению и просвещению народа — служили собранные и переработанные Крейцвальдом «Старинные эстонские народные сказки».

«Сказки», как и «Калевипоэг», являются плодом долгого творческого труда. Для того чтобы их напечатать, Крейцвальду приходилось преодолевать большие трудности: Крейцвальд закладывал основы эстонской национальной литературы в условиях, когда вся печать фактически находилась в распоряжении немецких помещиков и их подручных, а те старались всячески препятствовать возникновению литературы, служащей интересам народа.

«... А сколько их у нас в последнее время было уничтожено, с одной стороны — из-за ложного мнения, будто эти сказки недостойны внимания образованных людей, и, с другой стороны, из-за столь же вздорных суждений, исходящих от умов ограниченных, которые называют старинные сказания греховными». Так Крейцвальд в предисловии к «Старинным эстонским народным сказкам» разоблачает их главных врагов: это — жеманное «высшее общество», охаивавшее все народное, это — ханжествующие «братья» из религиозных общин, пасторы и кистеры, не признававшие иной литературы, кроме церковной. Врагом народной сказки была и царская цензура, наложившая запрет на многие из них.

Необходимо подчеркнуть, что Крейцвальд опубликовывал народные сказки не как материал для научных исследований, а как книги для чтения, для того, чтобы обогатить и украсить жизнь народа, поддержать его в жизненной борьбе, вернуть ему обремененными в законченную художественную форму самим же народом созданные поэтические творения.

Взяв на себя роль народного рассказчика, Крейцвальд выполнил ее превосходно. Его живая фантазия и глубокое знание народного творчества позволяли ему соединять различные мотивы, взятые из старинных сказок, с мотивами, заимствованными из литературных источников, и создавать иногда совершенно новые сказки. Соединяя в единое новое целое эпизоды из различных источников, Крейцвальд следовал общей тенденции развития сказочного творчества — так поступают и многие талантливые народные сказочники. Таким же образом поступали и его предшественники в других странах Европы, например, Ш. Перро во Франции, И. К. А. Музеус, Л. Тик в Германии, М. Д. Чулков, В. А. Левшин, а затем А. С. Пушкин, П. П. Ершов в России. Даже братья Гримм слагали свои «Детские и семейные сказки» из многих записанных вариантов и перерабатывали их, хотя и менее глубоко, чем Крейцвальд, Тик и другие романтики. И братья Гримм, и Пушкин, и Крейцвальд знали, что фабула сказок обычно международна и что сказка становится национальной именно благодаря ее переработке в народном духе, придающую ей локального колорита.

«Эстонские сказки» Крейцвальда дают мало материала для изучения «странствующих» международных сказочных мотивов по сравнительному историко-географическому методу. Но как художественные произведения, созданные на народно-поэтической основе, они стали краеугольным камнем эстонской национальной литературы.

Наиболее ранним изданием, свидетельствующим о пробуждении интереса к эстонской народной поэзии, является известное собрание И. Г. Гердера («Volkslieder», 1778—1779), где опубликовано и несколько эстонских народных песен. Некоторые эстонские исторические предания появились в печати уже в 1764 году.

Первые записи эстонских народных сказок были опубликованы в первых десятилетиях XIX века (Шлегель, Розенпляртер, Кнюпфер), большей частью (19 сказок и 5 преданий) в журнале Розенпляртера «Veitträge» (1814—1818 гг.). Но лишь в 1840-х годах, под влиянием знаменитых «Эстонских мифов» Ф. Р. Фельмана, возникает новый романтический интерес к эстонским сказкам. Х. Нейс публикует некоторые из них на немецком языке в журнале «Das Inland». Изложены они были довольно кратко и сухо, и именно это вызвало у Крейцвальда стремление издать эстонские сказки «в их подлинной красе».

Первая сказка Крейцвальда — «Благодарный королевич» — появилась в печати в 1850 году. С этого года, собственно, и начинается работа Крейцвальда над эстонскими сказками. Способствовали этому также восхищенные отзывы, которыми друзья встретили его первенца.

Но и эта сказка появилась на немецком языке. Только после ее выхода в свет Крейцвальда начинает занимать мысль о систематической публикации сказок на эстонском языке. Осенью 1854 года в эстонском календаре появляется сказка «Ссора гномов». В 1857 году у Крейцвальда закончено уже полдюжины сказок, а вскоре число их доходит до двадцати. Но для эстонского сборника сказок еще долго не находилось издателя.

В 1860 году друзья Крейцвальда А. Шифнер, Х. Нейс и Ф. Руссов наконец как будто находят выход: типография Линдфорса в Таллине готова издать сказки Крейцвальда маленькими выпусками (вместе с народными песнями). Для этого Крейцвальд посылает в Таллин рукопись 25 сказок. Но уже начало этого собрания застряло в цензуре: вычеркнуты были сказки, где народ насмехается над алчностью пасторов, и ряд песен, рисующих положение крестьян при крепостнических порядках. В результате в первом выпуске (1860) появились только две сказки и три песни. Наиболее примечательным в этом первом выпуске было предисловие автора, где он подчеркивает поэтическую и педагогическую ценность и огромное национальное значение народной сказки и народной поэзии вообще, как «драгоценного наследия предков», «красы и славы эстонского народа».

Однако этим выпуском издание сказок в Таллине и закончилось. Типография перешла в руки нового хозяина, и часть рукописи Крейцвальда была потеряна. Четырех сказок автор даже не смог больше восстановить, так как у него не сохранилось черновых записей.

Следующие выпуски — второй и третий — вышли в Тарту (1864, 1865); они содержали 9 сказок. Расходились выпуски медленно, из-за этого новый издатель также отказался продолжать их публикацию.

Но сказки Крейцвальда уже вызвали интерес и за пределами Эстонии. В опубликованной академиком Шифнером в «Бюллетене Петербургской Академии наук» сказке «Как сирота нашел свое счастье» были обнаружены некоторые параллели с татарской и германской мифологией, так же как и в «Громовой волынке», которой заинтересовался даже Якоб Гримм. Друзья Крейцвальда начали искать для его сказок нового издателя, и на этот раз более успешно.

Так как в Гельсингфорсском университете нужны были эстонские тексты для сту-

дентов-филологов, то Финское литературное общество дало свое согласие на издание сказок и даже попросило Крейцвальда пополнить свой сборник новыми сказками. Вследствие этого объем его увеличился почти в полтора раза. Первая часть рукописи была послана в Гельсингфорс в начале 1865 года. Но Крейцвальд в течение почти двух лет все еще писал и посылал новые материалы. Предисловие и последняя сказка поступили в типографию лишь осенью 1866 года. Книга вышла из печати в конце того же года тиражом всего в 500 экземпляров.

История создания и выхода в свет «Эстонских сказок» очень напоминает генезис «Калевипоэга». Оба эти произведения являются плодом почти двадцатилетнего труда, оба они вышли лишь после долгой борьбы их автора с множеством трудностей, оба смогли увидеть свет лишь в Финляндии при помощи петербургских и финских ученых.

*

Сказки Крейцвальда можно разделить на несколько групп.

Сказки первой группы наиболее близки к общему международному типу, действие их происходит в семьях королей или в совершенно фантастических сферах. В настоящем издании эта группа представлена такими сказками, как «Легконогая принцесса», «Спящая королева» и «Неразменный рубль». Несколько больше внесено эстонского колорита в ряд других сказок, где международный сюжет также сохранился, но действие происходит в крестьянской среде («Лопи и Лапи», «Ссора гномов», «Золушк.», «Благодарный королевич», «Мачеха»). С эстонскими народными поверьями больше связаны сказки, основанные на преданиях, например «Заколдованное ружье».

Несколько более изменены по сравнению с их народным первоисточником сказки второй группы. В них при обработке появились новые действующие лица и отчасти новые мотивы, однако основной народный сюжет отчетливо различим и может быть определен по системе Аарне-Томпсона. В эту группу входят: «Сказка о Быстроногом, Ловкуроком и Зоркоглазом», «Хитроумный», «Храбрый гуменщик», «Громовая волынка» и «Добрый дровосек».

К третьей группе можно отнести сказки, которые сильно переработаны. Основной тип здесь еще поддается определению, но привнесенных мотивов так много, что сказку можно считать уже почти индивидуальной. В эту группу входят сказки «Златопряжи», «Сироткин жернов», «Чурбан и Береста», «Хитрый Антс» и др.

И, наконец, в четвертую группу можно включить сказки, составленные Крейцвальдом произвольно. Конечно, и в них различимы некоторые народные или литературные мотивы, однако определить в них конкретный фольклорный тип почти невозможно. В эту группу входят сказки «Двенадцать сестер», «Как сирота нашел свое счастье», «Король Туманной горы», «Мудрый советчик», «В подземном царстве», «Северный дракон», «Найденыш», «Волшебное яичко», «Земляничка», «Тийду-музыкант». Художественная ценность сказок этой группы различна, в большинстве они скомпилированы из стереотипных мотивов; так, в основу некоторых из них положены сюжеты западноевропейских волшебных сказок. Но здесь же мы встречаем и ряд очень эмоциональных литературных сказок Крейцвальда («Волшебное яичко», «Северный дракон», «Тийду-музыкант»).

В итоге можно сказать, что в двух третях сказок Крейцвальда можно определить служащие их основой фольклорные типы, а одна треть составлена автором более или менее произвольно. Это касается только сюжетных мотивов; литературная же форма во всех случаях целиком принадлежит Крейцвальду.

Крейцвальд обращался с фольклорным материалом так свободно, разумеется, не

с целью фальсификации, а лишь потому, что своей главной задачей он ставил отображение жизни и психологии эстонского народа при помощи фольклора. Он хотел вернуть народу его творения, воссозданные на более высоком художественном уровне, в форме национальной литературы. Поэтому он считал своей прямой обязанностью не только соединять разные варианты одного сказочного сюжета, но иногда и дополнять сюжет подходящими мотивами из других сказок, излагать все по возможности подробно и выразительно, так, как это сделал бы идеальный рассказчик из народа. Во всех составленных им сказках Крейцвальд неизменно стремился сохранить их народный характер и не превратил их в произведения, где преобладает индивидуальное творчество автора, как например, в сказках Музеуса или Тика.

Характерная особенность сказок Крейцвальда по сравнению с народными — это их более значительный объем. Каждая сказка занимает в среднем около десяти страниц. Это объясняется не только соединением разных сюжетов и мотивов, но и более полным и подробным описанием событий и персонажей, более частым применением диалога и т. д. Именно такой амплифицирующей переработкой Крейцвальд значительно повысил художественные достоинства сказок.

Преобладающее большинство сказок в собрании Крейцвальда относится к группе волшебных сказок. К типу легендарных можно отнести только одну сказку («Лопи и Лапи»), но и в ней роль христианского бога или святого исполняет всесильная фея. Вообще можно сказать, что Крейцвальд как рационалист избегает персонажей из христианской мифологии. Из так называемых новеллистических сюжетов он воспользовался только тремя, из группы сказок о глупом черте — шестью, из группы сатирических — пятью сюжетами. Сказок о животных у Крейцвальда вообще нет. Из всех известных в народе сказочных сюжетов (по Аарне) Крейцвальд использовал только 5—7 процентов, а из группы волшебных сказок примерно одну четверть. Отчасти этот выбор ограничили и внешние условия: Крейцвальд знал, что цензура, вычеркнувшая даже сказку «Хитрый Антс», никогда не пропустила бы более острых сатирических сказок.

Более полно представлены в «Эстонских сказках» народные предания. Они легли в основу ряда сказок, например, «В подземном царстве», «Заколдованное ружье», элементы их содержатся и в сказках «Двенадцать сестер», «Как сирота нашел свое счастье», «Король Туманной горы», «Чурбан и Береста».

Народные сказки, как известно, во многом отражают реальную народную жизнь, быт. Но прежде всего в этих произведениях народной поэзии находит выражение идеология народа, его думы и чаяния. Сказки рассказывались прежде всего для того, чтобы хоть в воображении увидеть осуществленными свои мечты, хотя бы на миг почувствовать себя счастливым, сильным, богатым — хозяином имения, женихом королевской дочери или царем. В этом сказочном, идеальном мире сбываются надежды слабых и угнетенных, воплощаются их мечты о социальной справедливости. Их представитель — сирота или младший сын, даже дурачок — в награду за свою правдивость и доброту неизменно оказывается победителем, к нему приходит богатство и счастье, а злые и алчные несут наказание.

Эта народная идеология сохранилась и в сказках Крейцвальда, и не только сохранилась, но и проявляется еще ярче и отчетливее, чем в народной традиции, становится более ясной, активной и боевой. Конечно, и в сказках Крейцвальда герой борется обычно за свое личное счастье и награждается богатством, любовью прин-

цессы. Но при этом он всегда обладает высокими моральными качествами, и именно поэтому волшебное счастье ему улыбается. Это счастье он делит со своими родными и с теми, кто ему помогал. Крейцвальд не осуждает личное богатство как таковое. Но у Крейцвальда богатые и могущественные почти всегда алчны и несправедливы и только идеальный герой остается справедливым и добрым даже тогда, когда становится королем. Таким образом, и этот идеал — отражение реальных надежд и чаяний народа.

Со своей стороны Крейцвальд выдвинул несколько идеальных героев, которые борются за счастье других, выступают не только против дракона, чтобы спасти принцессу, но и против жестокого господина и даже против самого короля; они согласны скорее умереть, чем терпеть унижение («Королевич-пастушонок»). Ясно, что Крейцвальд призывает к такой же отваге и свободолюбию и своих читателей. «Королевский сын» в его сказках как бы символизирует идеального представителя народа.

Стремление избавиться от рабства или от злых колдовских чар — мотив, общий для многих сказок; в нем звучит всегда жившая в народных массах любовь к свободе.

Боевой характер сказок особенно проявляется в изображении отрицательных персонажей и явлений. И здесь у Крейцвальда подчеркивается социальная несправедливость. Показано не только то, как злая мачеха притесняет сироту или богатый бедного, как обычно в народной сказке, но и очень конкретно изображены произвол богатого крестьянина по отношению к пастуху или служанке, жадность пастора, обирающего прихожан, жестокость помещика к своим подчиненным. Все это в сказках Крейцвальда строго осуждается и карается.

Здесь особенно ярко проявляется идейная цель Крейцвальда как просветителя-демократа. Это борьба за гуманизм в самом широком смысле, за право на счастье для всех людей, даже самых обездоленных, ибо как раз у них может быть чуткая душа и доброе сердце, делающие их достойными «королевских» почестей.

Крейцвальд не только переработал свои сказки в социальном плане, не только придал им боевую направленность, но и во многих случаях усилил в них романтический элемент. В сказках Крейцвальда имеется ряд героев и героинь, которых характеризует напряженная жизнь чувств, страстные, хотя и пассивные грезы о счастье, мистическая любовь к неземной красоте (к луне или фее); иногда эти герои даже гибнут, стремясь к несбыточной мечте. Романтические элементы иногда отдаляют сказки Крейцвальда от народных сказок, однако этот романтизм нигде не имеет того реакционного характера, который наблюдается, например, у Тика.

В целом «Эстонские сказки», так же как и эпос «Калевипоэг», — произведения прогрессивного романтизма. Оба эти творения, имеющие в своей основе народную поэзию, показывали, что народ — это королевич в неволе, которому надо вернуть его королевские права.

Как уже отмечалось, Крейцвальд считал своей самой важной задачей передать в своих сказках не только народные чаяния, но и по возможности конкретно изобразить народную жизнь и местную среду. Это ему удалось, хотя не везде в одинаковой степени. Некоторые сказки, где действуют традиционные сказочные персонажи, довольно далеки от эстонской жизни. Однако большинство сказок изобилует местными особенностями, насыщено колоритом эстонского народного быта. В таких сказках главным героем является крестьянин или крестьянка, и даже королевские дети, по существу, очень близки к крестьянам. Подробно изображена только крестьянская среда, тогда как королевский двор и городская жизнь показаны стереотипно и поверхностно. Краткие сведения о природе отвечают эстонской или, во всяком случае, север-

ной действительности. Интереснее даны описания необыкновенной, сказочной среды, отличающиеся эмоциональностью и романтическим характером.

Ярче всего изображены отрицательные стороны социальной жизни феодальной эстонской деревни. Так, описывается тяжелая работа девушек на ручной мельнице, труд деревенских прях, различные полевые и домашние работы батраков, горькая участь сирот и пастухов, работающих у жадного хозяина, и т. д.

Во многих сказках изображается крестьянский быт, дается описание бедной лачуги бобыля, деревенской корчмы и т. д. Некоторые сказки связаны с определенными местностями Эстонии. Таким образом даже фантастические приключения как бы становятся ближе к реальной жизни и местной обстановке.

Ярким примером этого служит одна из самых длинных и сложных по сюжету сказок, помещенных в настоящем сборнике, — «Благодарный королевич»; в ней наряду с элементами фантастики есть много и реалистических бытовых мотивов, начиная уже с характерной сцены найма батрака. Последующее описание подземного мира также полно таких реалистических бытовых картин и эпизодов.

Часто встречается в сказках ярко написанный образ злой, сварливой женщины, которая мучает и бьет падчерицу или подневольных людей. Эта злая женщина иногда настолько досаждала всем, что ее насильственной смерти радуется даже ее муж («Королевич-пастушонок»). Персонажи такого типа всегда имеют народный характер, и при их изображении язык Крейцвальда изобилует народными выражениями. Когда же в сказках изображаются злые королевы, то даже своей речью они напоминают реальных прибалтийских помещиц. Местный колорит имеют также образы жестокого помещика, жадного пастора, скупого кулака и т. д.

В сказке «Чурбан и Береста» остро сатирически показан жадный хозяин, который скупится досыта кормить своих батраков и батрачек. Черт добывает ему таких работников, которые никогда не требуют ни еды, ни питья, ни платы, трудятся без устали с утра до вечера и умножают хозяйское добро. Ненасытная алчность не остается безнаказанной. Когда срок договора истекает, сатана душит хозяина насмерть, а богатства, нажитые недобрым путем, оказываются призрачными.

Из положительных образов наиболее индивидуализированным является тип юноши (часто это пастух или музыкант), который увлечен своими мечтами о счастье, любви и красоте. Здесь можно отметить даже некоторые внесенные Крейцвальдом автобиографические черты — отголоски воспоминаний о его собственной юности, а также литературные влияния. Это первый образ романтического героя в эстонской литературе.

Вообще можно сказать, что в сказках Крейцвальда местных и реалистических деталей и образов гораздо больше, чем в традиционной народной сказке, и разработаны они ярче и рельефнее. Чувствуется, что целью переработки сказок было не только доставить читателю развлечение, но и отобразить реальную жизнь эстонского крестьянина. Даже стереотипные сказочные образы переработаны применительно к эстонской среде и дополнены другими, которые можно назвать типично эстонскими образами (пастухи, батрачки, богатые хозяева и хозяйки, помещики и их слуги, бобыли, гуменщики и т. д.).

По своей композиции сказки Крейцвальда близки к народным. Сказка построена по следующей схеме: в начале скромный и ничем не выделяющийся герой проходит через большие трудности, затем с помощью какой-нибудь волшебной силы приобретает счастье. Конец сказки большей частью всегда счастливый; противники и трудности, а также силы героя преувеличены; действие драматическое, но развитие его простое; действующих лиц мало. Всюду применяются приемы повторения мотивов, ярких

контрастов и т. д. Другими словами, почти всюду выполнены требования так называемых эпических законов А. Олрика.

Только группа сказок, написанных самим Крейцвальдом на основе народных преданий и верований, по своей композиции отличается от волшебных: они короче, приключений в них меньше, эмоциональных (а иногда и психологических) элементов больше и некоторые из этих сказок имеют трагический конец (напр. «Тийду-музыкант» и «Заколдованное ружье»).

Стиль сказок Крейцвальда иногда называли ненародным и даже германическим. С таким утверждением нельзя согласиться. Язык «Эстонских сказок», правда, изобилует формами, которые с точки зрения нынешней грамматики эстонского языка могут считаться неверными, замечаются также некоторые германизмы в синтаксисе. Однако стиль, в собственном смысле слова, у Крейцвальда богатый, яркий и в общих чертах народный. Этому особенно способствует обилие пословиц и поговорок, народных сравнений, метафор.

•

«Старинные эстонские народные сказки» — произведение, для своего времени имевшее огромное общественное значение. Оно учило народ ценить богатства своего поэтического творчества. Не менее существенными были для Крейцвальда и воспитательные и просветительные цели, достигаемые этим сборником. «Если старинные сказки, почерпнутые из уст эстонского народа и собранные в настоящей книге, предлагаются для чтения детям и молодежи, то делается это, во-первых, для того, чтобы наследие отцов стало ведомо людям нашего поколения, а во-вторых, чтобы чтение их, в свою очередь, подготовило путь для пробуждения души и ума к восприятию более серьезных знаний», — с таким пожеланием посылает Крейцвальд свой сборник в народные массы.

Крейцвальд хорошо понимал, какую роль играют сказки в развитии духовной жизни ребенка. «Ребенок, который с малых лет слушал старинные сказки и умел их пересказать другим детям, развил свои умственные способности, он сможет усвоить и то, чему будет его обучать школьный учитель, и сохранить эти знания, насколько позволят ему границы его ума», — пишет Крейцвальд в предисловии к сборнику. Разумеется, круг читателей сказок не ограничивался лишь детьми. Сказка, будучи обобщением жизненного опыта трудового люда, художественным отображением его мечтаний и надежд, увлекала и взрослых, оказывала и на них свое воспитательное воздействие.

Крейцвальд не смог включить в сборник все сказки, какие ему хотелось бы в нем поместить. Чтобы уберечь книгу от нападков клерикалов и избежать затруднений с цензурой, он вынужден был пожертвовать несколькими широко распространенными в народе реалистическими бытовыми сказками, в которых острое сатиры слишком уж откровенно направлено против помещиков и пасторов. Но зато он постарался в волшебных сказках, включенных в книгу, как можно яснее подчеркнуть и углубить их социальный смысл.

Существенной чертой сказок является их морально-воспитательная направленность. Читатель находит в них много мудрых мыслей, этическое оценку различных явлений жизни, данную путем увлекательных сказочных картин и образов. Здесь высоко оцениваются положительные человеческие качества — трудолюбие, настойчивость, решительность, предприимчивость, смелость, честность, щедрость, любовь к свободе, стремление к знаниям, к мудрости. Носитель этих качеств, сказочный герой,

борется против злых, темных сил, помогает слабым, своими подвигами приносит людям пользу и сам достигает славы и счастья. Злоба, жадность, лицемерие, зависть, жажда власти здесь всегда караются. В сказках отражен самобытный педагогический талант народа. Мораль здесь органически вытекает из поступков и поведения героя, из самого хода событий и поэтому становится особенно убедительной.

Как уже указывалось выше, «Калевипоэг» в поэзии, а «Эстонские сказки» — в художественной прозе заложили основы прогрессивного романтизма в эстонской национальной литературе. Если говорить о силе общественного воздействия, то «Калевипоэг» стоит на первом месте уже потому, что в «Эстонских сказках» отсутствует такой национальный герой, как Калевипоэг, воплощающий мощь и волю, историю и будущее своего народа. Но «Эстонские сказки» являются шагом вперед в том смысле, что в них разоблачается социальное неравенство также и в эстонской деревне. В чисто литературном отношении новым в них является применение выразительных средств реалистического стиля, подготовившее путь к критическому реализму конца XIX века.

•

«Эстонские сказки» стали одним из самых популярных произведений Крейцвальда и всей эстонской литературы: ими зачитывались все, и молодые и старые. Уже первое издание сказок разошлось за несколько лет, за ним последовало второе издание в 1875 и третье в 1901 году. В связи со столетием со дня рождения Крейцвальда, в 1903 году, один из корреспондентов газеты «Уус аэг» («Новое время») писал: «Я был еще маленьким мальчиком, когда мой отец, который был хорошо знаком с городским книготорговцем, однажды привез домой «Старинные эстонские народные сказки». Ох, милые, как же их читали! Старый дядюшка, по вечерам занимавшийся резьбой по дереву, бросал свою работу, у отца в зубах гасла трубка, материна прялка жужжала все тише и тише, пока совсем не умолкала. Но так как женщина не смеет тратить время попусту, то мать говорила: палец, мол, болит, прясть никак нельзя. Однако главное тут были сказки Крейцвальда... Скоро книжка эта стала ходить по рукам в деревне, а потом обошла весь приход; когда она, бедняжка, к нам вернулась, то была прямо как ощипанная курица... Короче говоря, ее зачитали до дыр. Счастливая книга!» Сказки Крейцвальда быстро распространились в народе; они имели большое значение для сохранения народной традиции сказочного творчества.

В буржуазной Эстонии «Эстонские сказки» были изданы только один раз, в 1924 году, да и то не полностью. Но интерес народа к «Эстонским сказкам» не ослабевал, и когда в 1951 году вышло новое издание с иллюстрациями Г. Рейндорфа, его большой тираж разошелся в несколько месяцев; такое же, дополненное издание вышло в 1953 году, полное издание — 43 сказки и 18 преданий — в 1967 и 1978 году.

Что же касается отдельных самых популярных, лучших сказок Крейцвальда, таких, как «Сироткин жернов» и ряд других, то они уже давно включены в школьные хрестоматии и распространились в сотнях тысяч экземпляров. Они стали широким достоянием народа и снова вошли в устный оборот. Они много раз записывались снова, и теперь иногда трудно точно установить, какие черты в них традиционные и какие взяты у Крейцвальда. Нет сомнения в том, что «Эстонские сказки» имели большое значение для идейного и морального развития народа.

«Эстонские сказки» оказали большое влияние и на эстонскую литературу. На их сюжеты Л. Койдула написала две баллады — «Король Туманной горы» и «Девушка из Нарвы» — первые произведения этого жанра в эстонской литературе. Я. Кырв по примеру Крейцвальда создал целый сборник таких же романтических переработанных

сказок (1881). Баллада Я. Тамма «Дешевые рабы» (по сказке «Чурбан и Береста») написана уже в духе критического реализма. На высоком художественном уровне созданы баллады Марие Ундер (1929). Эстонская советская поэтесса Дебора Вааранди, поэтически воплотив тему послевоенного восстановления Таллина, написала балладу «Старик из Юлемисте и юный градостроитель» (1947). Ю. Кангиласки по мотивам сказки «Сироткин жернов» создал пьесу для кукольного театра (1953) и т. д.

О влиянии «Эстонских сказок» в области изобразительного искусства можно судить прежде всего по иллюстрациям к ним. Иллюстрации А. Роозилехта (1920, 1924) отличаются излишней стилизацией, зато некоторые работы Г. Рейндорфа можно назвать классическими. В музыке самым крупным произведением на темы «Эстонских сказок» является балет Э. Каппа «Златопряжи» (1956).

Наконец, надо подчеркнуть, что после выхода в свет сказок Крейцвальда оживилась деятельность других эстонских фольклористов. За сборником Крейцвальда вскоре последовали и другие издания (Ю. Кундер, Я. Кырв, М. И. Эйзен, Я. Йыгеввер, О. Каллас), которые в фольклористическом отношении отличаются гораздо большей точностью, хотя и не имеют такой художественной ценности, как «Эстонские сказки» Крейцвальда.

Полный немецкий перевод всех «Эстонских сказок» был издан в 1869—1881 годах (переводчик Ф. Лёве). Некоторые сказки были напечатаны в русских, финских и французских газетах и журналах. Многие из «Эстонских сказок» вышли на английском языке в переводе У. Ф. Кирби (1895), Ф. Олькотта (1928) и Э. Мутт (1930). Сказка «Наказанная жадность» («Всесильный рак и ненасытная жена») в 1889 году дошла даже до детей Латинской Америки. Она была переведена на испанский язык, по версии французского публициста и ученого Э. Лабуле, вождем кубинского освободительного движения Хосе Марти. Ознакомившись с немецким переводом сказки «Спящая красавица», латышский поэт Я. Райнис написал символическую драму «Золотой конь» (1909).

Но лишь в условиях советского строя «Эстонские сказки» Крейцвальда получили самое широкое распространение. В 1953 году на русском языке был издан сборник, в который вошло две трети «Эстонских сказок». Те же сказки вскоре были переведены на латышский и литовский языки.

Настоящий сборник является третьим изданием «Старинных эстонских народных сказок» на русском языке.

«Эстонские сказки» Крейцвальда — не только одна из первых, но и одна из популярнейших книг эстонской классической литературы; она сохранила свою ценность и в наши дни. Ее близкое народу содержание и художественные достоинства служат залогом того, что это произведение будет любимо еще многими поколениями читателей.

А. АННИСТ
Х. НИЙТ

КОММЕНТАРИИ

1. ЗЛАТОПРЯХИ (АТ 301 А, 403). Стр. 7.

Сказка эта представляет собой осуществленную Крейцвальдом свободную компиляцию. Отправной точкой послужила, по всей вероятности, сказка о трех похищенных девушках (тип Аарне-Томпсона 301 А). Но у Крейцвальда их похитителем является не черт, как в фольклоре, а ведьма, местом пребывания — не преисподняя или подземное царство, а дремучий лес. Многие мотивы Крейцвальд почерпнул из сказки «Белая и черная невеста» (АТ 403). Как там, так и здесь увезенную девушку бросают в ручей, она превращается в кувшинку, но потом снова приобретает облик человека.

Хозяйке девушек, старой ведьме, присущи черты прибалтийской помещицы. Тяжелый труд трех златопрях напоминает барщинную повинность крестьянок, выполняющих свой «урок» для имения. В сказке воплощена мечта закабленного народа об уничтожении эксплуататоров. Как художественное произведение, «Златопряхи» — одна из лучших сказок Крейцвальда.

2. СКАЗКА О БЫСТРОНОГОМ, ЛОВКОРУКОМ И ЗОРКОГЛАЗОМ (АТ 513 А). Стр. 19.

Сказка довольно близка по сюжету к народной сказке «Чудесные помощники» (АТ 513 А). Здесь использованы также некоторые мотивы из сказки о глупом черте (АТ 1060), о жар-птице (АТ 550) и др. Все эти мотивы слиты в одно художественное целое.

3. СИРОТКИН ЖЕРНОВ (АТ 565, 480). Стр. 35.

В своих главных чертах эта сказка перекликается с народной сказкой о чудесной мельнице (АТ 565; ср. Аарне-Андреев 715 и Афанасьев № 188), которая появляется из потустороннего мира и может молоть соль, деньги, кашу — все, что захочет хозяин. По Крейцвальду, мельница ничего не производит, а только перемалывает зерно и тем облегчает работу сироты. Когда же злая хозяйка хочет открыть сундук, в котором работает мельница, оттуда вырывается пламя и сжигает хозяйку, подобно тому, как это происходит в сказке «Пряхи у колодца» (АТ 480). Сказка «Сироткин жернов», хотя и переработана Крейцвальдом, имеет вполне народный характер как по идейному содержанию, так и по форме, и снова изустно распространяется в народе.

4. ДВЕНАДЦАТЬ СЕСТЕР (Двенадцать дочерей). Стр. 38.

Начало взято из народной сказки «Смерть в кумовьях» (АТ 332), остальное, по всей вероятности, разработано самим Крейцвальдом под влиянием западноевропейских сказок о добрых и могущественных феях; при этом использованы и некоторые эстонские предания. В сюжете сказки национального мало, но ее обработка и идейное содержание соответствуют народному духу.

5. КАК СИРОТА НАШЕЛ СВОЕ СЧАСТЬЕ. Стр. 43.

Сказка, как можно полагать, была создана под влиянием статьи академика А. Шифнера о героических преданиях минусинских татар («Ала Картага»), где рассказывается о семи страшных собаках, которые, освободившись от цепей, могут уничтожить весь мир. Читая эту статью, Крейцвальд припомнил, что и он в юности слышал в народе сказания о живущих на краю света страшных собаках или людях с собачьими головами, которых стережет войско, чтобы они не уничтожили все живое. На основе этих преданий Крейцвальд и составил эту сказку. Ее главный герой — мальчик-сирота, которому помогает «седой старик», стереотипный образ в эстонских народных сказках и преданиях. Эпизоды, рисующие работу сироты у жестокой хозяйки, разработаны Крейцвальдом реалистично.

6. ЧУРБАН И БЕРЕСТА (АТ 1180). Стр. 49.

Основой этой сказки послужили народные предания о скупцах, которые ради наживы продают душу черту, и об искусственно созданных подобиях людей — работниках, которые приносят своему хозяину всякое имущество или же трудятся на него (АТ 1180, 1174 и др.). Крейцвальд обработал эти мотивы более реалистично и представил этих «роботов» как символ нетребовательных и покорных рабов, о каких мечтают жадные хозяева.

7. КОРОЛЬ ТУМАННОЙ ГОРЫ. Стр. 52.

Эту сказку Крейцвальд создал, используя народные предания о леших и о счастливых жителях подземного царства; некоторые ее мотивы заимствованы из сказки Л. Тика «Эльфы». Социальная критика здесь не столь остра, как в некоторых других сказках автора, но романтическая тоска о потустороннем крае счастья выражена особенно ярко. Недаром именно эта сказка вдохновляла эстонскую поэтессу Л. Койдула и других романтиков.

8. ЛЕГКОНОГАЯ ПРИНЦЕССА (АТ 513 А). Стр. 57.

Основой этой сказки также послужила народная сказка о чудесных помощниках, сюжету которой она соответствует в гораздо большей мере, чем «Сказка о Быстроногом, Ловкуроком и Зоркоглазом». Вообще эта сказка очень близка к народным как по сюжету и идейному содержанию, так и по форме изложения, в ней много народных поговорок и юмора.

9. ЛОПИ И ЛАПИ (АТ 750 А). Стр. 70.

Сказка восходит к народной сказке-легенде о трех желаниях (АТ 750 А), в которой бичуется алчность и глупость людей. Как видно, Крейцвальд использовал здесь не эстонские народные варианты этой сказки, а редакцию И. П. Гебеля («Drei Wünsche») в его книге «Schatzkästlein». Но это касается только сюжета. Вся обработка сказки носит вполне народный эстонский характер и показывает, как мастерски Крейцвальд умел использовать народный склад речи.

10. ЗЕМЛЯНИЧКА (Крестница девушек, обитавших под камнем). Стр. 73.

Происхождение этой сказки неясно. По-видимому, Крейцвальд сложил ее под влиянием западноевропейских сказок о добрых феях. Здесь встречаются также некоторые народные мотивы.

11. ХИТРОУМНЫЙ (АТ 301 А, 531, 851). Стр. 82.

Сказка довольно близко совпадает по сюжету со сказкой о трех похищенных принцессах («О трех царствах», АТ 301 А). Но так как образы таких принцесс использованы уже в «Златопряхах», то здесь девушки представлены дочерьми хозяина подземелья. Видимо, Крейцвальд сам присоединил сюда мотив о том, как героя оклеветали его товарищи (из АТ 531), а также различные другие мотивы.

12. ЗОЛУШКА (АТ 510 А). Стр. 93.

По сюжету сказка совпадает с одноименной международной сказкой и ее эстонской редакцией. Но некоторые детали показывают, что на переработку, произведенную Крейцвальдом, оказала влияние и редакция Перро в его известном собрании французских сказок (напр., мотив всемогущей феи и осуществляемых ею волшебных превращений). В стиле заметны некоторые сентиментально-литературные элементы, но в целом сказка, особенно ее начало, рассказана очень живо и занимательно.

13. ГРОВОВАЯ ВОЛЫНКА (АТ 1148 Б). Стр. 101.

Эта сказка в общих чертах традиционна и международна (черт крадет у бога грома его громовой инструмент); ее мифический сюжет встречается уже в V веке н. э. в эллинистическом эпосе «Дионисиака» Нонна; позже она распространилась во многих странах Европы. Крейцвальду эта сказка стала известна по записи И. Лагоса, но он ее немного переделал, придав ей более острую социальную направленность.

14. ССОРА ГНОМОВ (АТ 518). Стр. 107.

Народной основой здесь послужила древняя международная сказка о чертях, спорящих из-за чудесных предметов (АТ 518), которую Крейцвальд использовал уже в эпосе «Калевипозг» (песнь X). Здесь он ее немного переделал, наделив человека, который носит «шапку-невидимку» («шапку Гадеса»), способностью узнавать даже мысли других людей. Тем самым он придал сказке социальную окраску, критикуя в ней лицемерие высшего общества.

15. ХИТРЫЙ АНТС (Человечки из-под виселицы). (АТ 326, 1000, 1567). Стр. 111.

Герой сказки, «хитрый Антс», в эстонских сказках соответствует хитрому Уленшпигелю из фольклора Центральной Европы; но обычно Антс надувает Ванапагана, «глупого черта». Крейцвальд превратил Антса в слугу прибалтийского пастора, чтобы подвергнуть критике алчность «церковных помещиков». Далее сюда присоединены некоторые мотивы из сказки о «бесстрашном» (АТ 326) — парне, который играет в карты с мертвецами, спит под виселицей и т. д. Вплетен сюда и мотив о благодарном мертвце, который указывает человеку место, где захоронен клад, и ряд других мотивов из народных преданий и шуток (напр., АТ 1567).

Сказка эта особенно замечательна своей социальной направленностью, недаром цензор в 1860 году запретил публиковать ее.

16. СПЯЩАЯ КОРОЛЕВНА (Как королева семь лет проспала) (АТ 530). Стр. 118.

Сюжет этой сказки соответствует международному сюжету о царевне на стеклянной горе (у Афанасьева — «Сивка-Бурка», АТ 530). Крейцвальд, записав эту сказку по памяти, внес только небольшие изменения; так, например, королева в его сказке спит семь лет (это из сказки «Волшебное зеркальце» — АТ 709), герой сам относит свое кольцо королю и т. д.

На первый взгляд кажется странным, что и здесь у Крейцвальда главный герой — украденный сын чужеземного короля. Но Крейцвальд понимал образ королевича как символ того, что и среди народа есть «царственные», то есть высоко одаренные личности.

17. БЛАГОДАРНЫЙ КОРОЛЕВИЧ (АТ 313 А). Стр. 126.

Соответствующая этой сказке Крейцвальда народная сказка «Чудесное бегство» — одна из самых популярных в эстонском фольклоре. Крейцвальд ее дополнил и очень детально разработал, усилив ее локальный колорит и углубив идейную направленность: хозяин подземелья напоминает прибалтийского помещика или деревенского богатея.

18. МАЧЕХА (АТ 403 С). Стр. 143.

Здесь также (правда, несколько иначе, чем в «Златопряхах») Крейцвальд следует народной сказке о «белой и черной невесте»; добавлен мотив борьбы за жизнь падчерицы.

19. В ПОДЗЕМНОМ ЦАРСТВЕ. Стр. 149.

Эта сказка разработана на основе преданий о подземных жителях, которые иногда преподносят человеку богатые подарки (АТ 1848 А, Sage 27). Но в эстонских народных сказаниях не говорится, что эти подземные обитатели (гномы) — также искусные кузнецы. Этот мотив возник под влиянием германской мифологии. Образ Ильмаринена заимствован из карело-финской поэзии, хотя там он никогда не является подземным кузнецом.

20. МУДРЫЙ СОВЕТЧИК (Мудрый человек в кармане). Стр. 155.

Здесь Крейцвальд соединил мотивы из сказки об освобожденном духе (ср. «Лампа Аладдина» из «1001 ночи»), о чудесных дарах и др. (АТ 561, 563). Возможно, что он присоединил сюда по памяти и некоторые элементы из восточных сказок В. Гауфа. Сказка написана живо и занимательно, но национальных черт в ней мало.

21. СЕВЕРНЫЙ ДРАКОН. Стр. 168.

Сказка создана Крейцвальдом довольно свободно из разных сказочных мотивов. Образ дракона («лягушки») взят из сказки «Победитель дракона» (Персей; АТ 300). Некоторые элементы навеяны и восточной мифологией (сказками В. Гауфа?). В целом эта сказка одна из самых фантастических и занимательных в сборнике.

22. НАКАЗАННАЯ ЖАДНОСТЬ (Всесильный рак и ненасытная жена) (АТ 555).

Стр. 182.

Здесь Крейцвальд довольно подробно пересказал международную сказку о рыбаке и рыбке. Приблизительно в таком же виде она, вероятно, была известна и в эстонском народе, хотя гораздо больше была распространена другая редакция, которую Крейцвальд использовал в «Добром дровосеке». Особенно живыми красками нарисовал Крейцвальд образ вздорной и жадной жены.

23. НАЙДЕНЫШ. Стр. 190.

Эта сказка также представляет собой весьма свободную компиляцию различных мотивов; основой послужила сказка о бесстрашном юноше, но использованы также

сказки о подземных сокровищах, о чудесных предметах и др. (АТ 326, 562 Б). Из-за этого сказка в ее настоящем виде производит впечатление немного пестрой и лишенной национальной окраски.

24. ВОЛШЕБНОЕ ЯИЧКО (Яичко счастья). Стр. 197.

Здесь из народной сказки («Смерть в кумовьях» — АТ 332) взят только начальный мотив, а из других сказок — образ девушки, превращенной в змею (АТ 433 Б), и некоторые второстепенные мотивы. В общем же это очень поэтичная сказка, в которой нашли отражение романтические чаяния самого Крейцвальда.

25. НЕРАЗМЕННЫЙ РУБЛЬ (Счастливые рубль) (АТ 300). Стр. 203.

Здесь Крейцвальд почти точно использовал народный сюжет о победителе дракона (АТ 300). Только начало сказки Крейцвальд дополнил мотивами из других сказок (АТ 530), а в конце подчеркнул, что герой, обретая счастье, не забыл своих братьев.

26. ХРАБРЫЙ ГУМЕНЩИК (АТ 326). Стр. 214.

В этой сказке в третий раз использован сюжет «бесстрашного», но теперь это сделано в связи с образом хитрого гуменщика, о котором, как и о глупом черте, в Эстонии существует много преданий. Благодаря этому сказка получила локальный колорит, хотя в фабуле здесь мало нового.

27. КОРОЛЕВИЧ-ПАСТУШОНОК (Как королевич вырос в пастушках) (АТ 920, 921). Стр. 221.

Сказку, по-видимому, сложил сам Крейцвальд, используя мотивы из сказок «Сын Соломона и сын кузнеца» (АТ 920) и «Умные речи» (921). По идейному содержанию это одно из самых сильных произведений Крейцвальда, где он подчеркивает «королевское» свободолюбие и демократичность пастуха. При этом использованы и некоторые литературные мотивы.

28. ТИЙДУ-МУЗЫКАНТ. Стр. 233.

Первая половина сказки сложена, по-видимому, самим Крейцвальдом, придавшим ей почти новеллистический характер. Во второй половине использован сюжет о Фортунатусе (АТ 566), а также предание о музыканте, который терпит кораблекрушение и которому помогает святой Николай (ср. былинку о Садко).

29. ДОБРЫЙ ДРОВОСЕК (АТ 555, Sage 75). Стр. 246.

Здесь использована вторая, восточноевропейская редакция сказки о рыбаке и рыбке, которая в эстонском фольклоре очень популярна. Крейцвальд в своей переработке подчеркнул заботливое и бережное отношение народа к природе.

30. ЗАКОЛДОВАННОЕ РУЖЬЕ (Пропавшая охотничья удача) (Sage 102). Стр. 251.

Здесь использовано эстонское (и международное) предание о заколдованном ружье, которое всегда стреляет точно в цель при условии, что охотник не будет метить в вожака (хозяина) стаи зверей или птиц.

А. АННИСТ

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Перевод М. Кулишовой	5
Златопряжи. Перевод Е. Поздняковой	7
Сказка о Быстроногом, Ловкоруком и Зоркоглазом. Перевод Е. Поздняковой	19
Сироткин жернов. Перевод Е. Поздняковой	35
Двенадцать сестер. Перевод Е. Поздняковой	38
Как сирота нашел свое счастье. Перевод Е. Поздняковой	43
Чурбан и Береста. Перевод Е. Поздняковой	49
Король Туманной горы. Перевод М. Кулишовой	52
Легконогая принцесса. Перевод Е. Поздняковой	57
Лопи и Лапи. Перевод Е. Поздняковой	70
Земляничка. Перевод Е. Поздняковой	73
Хитроумный. Перевод Е. Поздняковой	82
Золушка. Перевод Е. Поздняковой	93
Громовая волынка. Перевод Н. Крамер	101
Ссора гномов. Перевод Е. Поздняковой	107
Хитрый Антс. Перевод Н. Крамер	111
Спящая королева. Перевод В. Раммо	118
Благодарный королевич. Перевод В. Раммо	126
Мачеха. Перевод В. Раммо	143
В подземном царстве. Перевод В. Раммо	149
Мудрый советчик. Перевод В. Раммо	155
Северный дракон. Перевод В. Раммо	168
Наказанная жадность. Перевод В. Раммо	182
Найденыш. Перевод В. Раммо	190
Волшебное яичко. Перевод В. Раммо	197
Неразменный рубль. Перевод В. Раммо	203
Храбрый гуменщик. Перевод В. Раммо	214
Королевич-пастушонок. Перевод В. Раммо	221
Гийду-музыкант. Перевод В. Раммо	233
Добрый дровосек. Перевод В. Раммо	246
Заколдованное ружье. Перевод В. Раммо	251
А. Аннист, Х. Нийт. Послесловие. Перевод М. Кулишовой	257
А. Аннист. Комментарии	271

Стихи в тексте перевел Вал. Рушкис.

Крейцвальд Ф. Р.

К 79 Старинные эстонские народные сказки. — Таллин:
Ээсти раамат, 1980. — 280 с., 10 илл.

«Старинные эстонские народные сказки», собранные и обработанные Ф. Р. Крейцвальдом (1803—1882), выдающимся эстонским просветителем-демократом, основоположником эстонской национальной литературы, раскрывает яркую картину богатства и красочности устного народного творчества.

Основная тема большинства сказок — борьба за лучшее будущее. В них отражены мечты народа о том, чтобы облегчить свой труд, набраться богатых сил, сбросить цепи насилия и угнетения, добиться свободы и счастья.

70305—041

К М 901[16]—80

TL—2—80

4702700100

84.3 Э

Фридрих Рейнгольд Крейцвальд
СТАРИННЫЕ ЭСТОНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Оформление: Г. Рейндорф

На русском языке

Таллин, изд-во «Ээсти раамат»

Редактор В. Постнова

Художественный редактор

М. Ваннас-Орупыльд

Технический редактор Х. Круустез

Корректор Л. Савицкая

ИБ № 298

Сдано в набор 03. 03. 77. Подписано в печать 10. 12. 79. Формат бум. 70×100/16. Бумага глубокой печати. Гарнитура: журнальная рубленая. Печ. л. 17,5. Усл. печ. л. 22,57. Уч.-изд. л. 18,28. Тираж 30 000. Заказ № 242. Цена 2 р. 20 к. Издательство «Ээсти раамат», 200090, Таллин, Пярнуское шоссе, 10. Типография «Октоober», 200109, Таллин, ул. Крейцвальда, 24. Переплет тип. им. Х. Хейдеманна, 202400, Тарту, ул. Юликооли, 17/19.

❁ СТАРИННЫЕ ЭСТОНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ ❁

СТАРИННЫЕ ЭСТОНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

